

СОДЕРЖАНИЕ

4 CONTENTS

ПЕДАГОГИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

- 7 *И.А. Шаршов* Полилатеральный подход к проблемам профессионального воспитания и студенческого самоуправления в вузе
- 13 *Л.Н. Макарова, И.А. Шаршов, А.В. Королева* Критическое мышление и познавательные стили студентов
- 21 *М.А. Болгова, Е.А. Ветрова* Формирование позитивной социальной направленности студенческой молодежи в рамках модернизации высшего образования

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

- 27 *Ю.П. Прокудин, Т.Е. Милосердова* Критерии, показатели и уровни готовности заместителя директора по учебно-воспитательной работе школы к инновационной деятельности
- 35 *О.Ю. Акулов* Учет внешних факторов при формировании профессиональной мобильности военного специалиста

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 39 *Н.А. Коваль, О.Ю. Еникова* Психологическое содержание самовосприятия личности дошкольника
- 46 *А.А. Долгушина* Специфика субъектного взаимодействия в процессе формирования основ музыкальной культуры современного дошкольника
- 51 *С.В. Панин* Динамика развития профессиональной компетентности личности помощника депутата регионального законодательного органа в ходе формирующего эксперимента
- 62 *В.В. Миронов, П.Н. Приходько, А.А. Тихончук* Самостоятельная физическая тренировка – важная составляющая здорового образа жизни летного состава дальней авиации
- 67 *Н.А. Коваль, Е.А. Гриднев* Психологические детерминанты преодоления когнитивного диссонанса в адаптации военнослужащих в гражданской среде

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

- 73 *В.Д. Мамонтов* Новая политическая экономия С. Сисмонди как проект общества социального благоденствия
- 79 *В.В. Смагина,
Н.В. Стрекалов* Формирование подходов в стратегическом развитии экономики новых субъектов Российской Федерации на примере Крымского федерального округа
- 83 *С.В. Мальтисова* Факторы формирования мотивации к непрерывному образованию в современной России
- 89 *М.А. Болгова,
Е.А. Ветрова* Имидж, бренд и позиционирование образовательной организации высшего образования в условиях модернизации системы высшего образования

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

- 94 *А.Д. Бобрышев,
В.И. Ирадионов,
С.П. Юхачев* Почему инвестиции не идут в промышленность?
- 106 *Лино Маркес Коимбра
Дос Сантос* Концептуальные основы управления эффективностью предпринимательской деятельности
- 113 *В.А. Русановский,
В.А. Марков* Фактор урбанизации в пространственных моделях экономического роста: оценка и особенности в Российской Федерации
- 125 *Е.А. Ветрова,
С.А. Пырков,
С.Л. Разумовский* Развитие социальной инфраструктуры в муниципальных районах региона (на примере Самарской области)
- 134 *Б.И. Герасимов,
Е.Б. Герасимова,
С.А. Колмыков,
Ю.Ю. Лукашина,
А.Ю. Сизикин* Методы самооценки результативности интегрированной гибкой системы менеджмента качества предприятия

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

- 138 *В.М. Лобеева* Социальная философия Б.Н. Чичерина: концептуально-системный характер
- 144 *В.Д. Орлова* Осмысление исторической наукой пространственного фактора формирования городской культуры в России во второй половине XIX – начале XX в.
- 156 *Р.В. Суворин* Влияние погодных условий на состояние помещичьих хозяйств Тамбовской губернии в середине XIX в. (по материалам записок Лебединского общества сельского хозяйства)
- 162 *О.Е. Сафонова* Благотворительные объединения в сфере образования Рязанской губернии в конце XIX – начале XX в.

СВЯЗЬ ВРЕМЕН: ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

- 172 *Махир Хамед Джасим
Мохаммед Аль-Нура* Либеральные и консервативные проекты решения ирландского вопроса в 1880-х гг.
- 177 *Д.И. Rogov* Британская пропаганда и Адриатический вопрос в 1917–1918 гг.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

182 *О.Ю. Осмухина*

РЕЦЕНЗИЯ НА ИЗДАНИЕ: Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. Выпуск 2: к 130-летию со дня рождения Е.И. Замятина. По материалам международного конгресса литературоведов 1–4 октября 2014 г.: в 2 кн. Книга первая / отв. ред. и сост. Л.В. Полякова. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 536 с. Книга вторая / сост. Н.Н. Комлик. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2014. 471 с.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

АННОТАЦИЯ ЖУРНАЛА

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР доктор экономических наук, профессор В.М. Юрьев.
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА: д. эконом. н., д. психол. н., проф. И.В. Грошев (зам. гл. редактора), д. филос. н., проф. И.В. Налетова (научный редактор серии), И.В. Ильина (отв. секретарь), д. эконом. н., проф. В.И. Абдукаримов, д. ист. н., проф. А.Г. Айрапетов, д. эконом. н., проф. Н.Г. Багаутдинова (г. Казань), доктор истории, проф. Тьерри Гробуа (Люксембург), д. эконом. н., проф. Г.П. Журавлева (г. Москва), д. пед. н., проф. И.Ф. Исаев (г. Белгород), д. ист. н., проф. В.В. Канищев, д. ист. н., проф. С.Г. Кашенко (г. Санкт-Петербург), д. пед. н., проф. Р.М. Куличенко, д. эконом. н., проф. Л.В. Лысяк (г. Днепропетровск, Украина), д. пед. н., проф. Л.Н. Макарова, д. эконом. наук, проф. В.Д. Мамонтов, д. ист. н., проф. Ю.А. Мизис, д. ист. н., проф. С.А. Нефедов (г. Екатеринбург), д. пед. н., проф. А.Г. Пашков (г. Курск), д. пед. н., проф. Л.С. Подымова (г. Москва), д. ист. н., проф. В.В. Романов, д. эконом. н., проф. О.А. Степичева, д. пед. н., проф. П.В. Сысоев, д. ист. н., проф. А.С. Туманова (г. Москва), д. эконом. н., проф. Е.В. Харченко (г. Курск), доктор наук, проф. Хок Стивен Л. (г. Три-Ситис, США), д. пед. н., проф. И.А. Шаршов.

Адрес редакции: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.

Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440. Факс (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru. Интернет: <http://vestnik.tsutmb.ru/rus/>; <http://vestnik.tsutmb.ru/eng/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-50435 от 3 июля 2012 г.

Подписной индекс 83371 в каталоге агентства «Роспечать».

Редакторы: А.В. Олесик, Т.Н. Савушкина, М.И. Филатова.

Редактор английских текстов Е.А. Финаева.

Компьютерное макетирование Т.Ю. Молчанова.

Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов, 2015. – Вып. 7 (147). – 192 с. – ISSN 1810-0201.

Подписано в печать 24.04.2015. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 23,28. Тираж 1000 экз. Заказ № 1265. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. 392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

© ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2015

© Журнал «Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки», 2015.

При перепечатке, а также при цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за содержание публикаций несет автор.

The journal is on the official list of scientific periodicals in the Russian Federation and recommended by High Attestation Commission for publication principal scientific researches of dissertations

CONTENTS

PEDAGOGY OF HIGHER SCHOOL

- 7 *I.A. Sharshov* Polyateral approach to the problems of professional education and student's self-government in higher educational institute
- 13 *L.N. Makarova, I.A. Sharshov, A.V. Koroleva* Critical thinking and cognitive styles of students
- 21 *M.A. Bolgova, E.A. Vetrova* The formation of a positive social orientation of students in the framework of the modernization of higher education

EXPERIENCE OF ORGANIZATION OF MODERN EDUCATION

- 27 *Y.P. Prokudin, T.E. Miloserdova* The criteria, indices and levels of readiness of the deputy director on teaching and educational work of school to innovational activity
- 35 *O.Y. Akulov* The accounting of external factors when forming professional mobility of the military expert

PROBLEMS OF YOUTH'S SOCIALIZATION IN MODERN WORLD

- 39 *N.A. Koval, O.Y. Enikova* Psychological content of self-perception of personality of child preschool children
- 46 *A.A. Dolgushina* Specifics of subjective interaction in the process of formation of basis of musical culture of modern child preschool age
- 51 *S.V. Panin* Dynamics of development of professional competence of the assistant to the delegate of regional legislature during the forming experiment
- 62 *V.V. Mironov, P.N. Prikhodko, A.A. Tikhonchuk* Independent physical training – an important component of healthy lifestyle of air crew of long-range aviation
- 67 *N.A. Koval, E.A. Gridnev* Psychological determinants of overcoming cognitive dissonance in adaptation of the military to civic sphere

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF MODERN ECONOMICS

- 73 *V.D. Mamontov* New political economy of S. Sismondi as a project of society of social welfare
- 79 *V.V. Smagina, N.V. Strekalov* Formation of strategic approaches in the development of the new economy of the Russian Federation at the example of the Crimean Federal District
- 83 *S.V. Maltisova* Factors that generate motivation for continuous education in modern Russia
- 89 *M.A. Bolgova, E.A. Vetrova* Image, brand and positioning educational organization of higher education in the conditions of modernization of higher education system

APPLIED ASPECTS OF ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

- 94 *A.D. Bobryshev, V.I. Iradionov, S.P. Yukhachev* Why is not the industry invested?
- 106 *Lino Marques Coimbra Dos Santos* Conceptual bases of management of efficiency of business activities
- 113 *V.A. Rusanovskiy, V.A. Markov* Factor of urbanization in spatial models of their economic growth: estimate and peculiarities in Russian Federation
- 125 *E.A. Vetrova, S.A. Pyrkov, S.L. Razumovskiy* The development of social infrastructure in the municipal districts of the region (at the example of Samara region)
- 134 *B.I. Gerasimov, E.B. Gerasimova, S.A. Kolmykov, Y.Y. Lukashina, A.Y. Sizikin* Productivity self-assessment methods of the integrated flexible quality management system of the enterprise

SOCIAL HISTORY OF RUSSIA

- 138 *V.M. Lobeeva* Social philosophy by B.N. Chicherin: conceptual and systemic nature
- 144 *V.D. Orlova* Understanding of space factor of formation of urban culture in Russia in the second half of XIX – the beginning of XX century by historical science
- 156 *R.V. Suvorin* The impact of weather conditions on the state of landlord economy of the Tambov province in the middle of XIX century (on materials of notes of Lebedyansky agricultural society)
- 162 *O.E. Safonova* The charity associations in education sector of the Ryazan province in the end XIX – the beginning XX centuries

LINK OF TIME: HISTORY OF SOCIETIES AND CIVILIZATIONS

- 172 *Mahir Hamed Jasim Mohammed Al-noora* Liberal and conservative projects of decision of Irish question in 1880-s
- 177 *D.I. Rogov* British propaganda and Adriatic Question in 1917–1918

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

- 182 *O.Y. Osmukhina* The review on the issue: The studies of literature at the modern stage: Theory. History of Literature. Creative Identities. Issue 2. To the 130 anniversary of E.I. Zamyatin. On the materials of international congress of the literary critics 1–4 October 2014: in 2 volumes. Volume 1 / executive editor and compiler L.V. Polyakova. Tambov: Publisher's House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2014. 536 pages. Volume 2 / compiler N.N. Komlik. Yelets: Yelets State University named after I.A. Bunin, 2014. 471 pages

RULES FOR THE AUTHORS

SUMMARY

Founder: Federal State Budget Educational Institution of High Professional Education
“Tambov State University named after G.R. Derzhavin” (392000, Tambov, 33 Internatsionalnaya street)

EDITOR-IN-CHIEF: V.M. Yuryev, Doctor of Economics, Professor.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL: Doctor of Economics, Doctor of Psychology, Professor I.V. Groshev (Deputy Editor-in-chief), Doctor of Philosophy, Professor I.V. Nalyotova (Series Managing Editor), I.V. Ilyina (Executive Editor), Doctor of Economics, Professor V.I. Abdukarimov, Doctor of History, Professor A.G. Airapetov, Doctor of Economics, Professor N.G. Bagautdinova (Kazan), Professor Thierry Grosbois (Luxembourg), Doctor of Economics, Professor G.P. Zhuravleva (Moscow), Doctor of Pedagogy, Professor I.F. Isayev (Belgorod), Doctor of History, Professor V.V. Kanishev, Doctor of History, Professor S.G. Kashenko (Saint-Petersburg), Doctor of Pedagogy, Professor R.M. Kulichenko, Doctor of Economics, Professor L.V. Lyusyak (Dnepropetrovsk, Ukraine), Doctor of Pedagogy, Professor L.N. Makarova, Doctor of Economics, Professor V.D. Mamontov, Doctor of History, Professor Y.A. Mizis, Doctor of History, Professor S.A. Nefedov (Ekaterinburg), Doctor of Pedagogy, Professor A.G. Pashkov (Kursk), Doctor of Pedagogy, Professor L.S. Podyumova (Moscow), Doctor of History, Professor V.V. Romanov, Doctor of Economics, Professor O.A. Stepicheva, Doctor of Pedagogy, Professor P.V. Sysoev, Doctor of History, Professor A.S. Tumanova (Moscow), Doctor of History, Doctor of Economics, Professor E.V. Kharchenko (Kursk), Doctor of Sciences, Professor Hoch Steven L. (Tri-Cities, USA), Doctor of Pedagogy, Professor I.A. Sharshov.

Editors address: 33 Internatsionalnaya street, Tambov, 392000, Russia.

Tel. number: (4752)-72-34-34 extension 0440. Fax: (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru. Интернет: <http://vestnik.tsutmb.ru/rus/>; <http://vestnik.tsutmb.ru/eng/>

The journal is registered by Federal service for supervision in communication, information technologies and mass communications sphere (Roskomnadzor). Certificate of registration of mass information mean ПИ № ФС77-50435 from 3 July, 2012.

Subscription index in the catalogue of the Rospechat agency is 83371.

Editors: A.V. Olesik, T.N. Savushkina, M.I. Filatova.

English texts editor E.A. Finaeva.

Computer layout T.Y. Molchanova.

Tambov University Review. Series: Humanities. – Tambov, 2015. – Issue. 7 (147). – 192 p. – ISSN 1810-0201.

Подписано в печать 24.04.2015. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 23,28. Тираж 1000 экз. Заказ № 1265. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

© FSBEI of HPE “Tambov State University named after G.R. Derzhavin”, 2015

© The journal “Tambov University Review. Series: Humanities”, 2015.

All rights of reproduction in any form reserved.

The author is responsible for the contents of publications.

ПЕДАГОГИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

УДК 374

ПОЛИЛАТЕРАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМАМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ И СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ВУЗЕ¹

© Игорь Алексеевич ШАРШОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор педагогических наук,
профессор, начальник управления методологического
обеспечения основной деятельности, e-mail: silans@mail.ru

Обоснованы ведущие принципы полилатерального подхода как теоретико-методологической основы исследования сущности профессионального воспитания молодежи и студенческого самоуправления в вузе: множественной поляризации, интегральной дополнителности, созидания нового качества, структурной целостности, системной многомерности, многовариантной детерминации и развития, оптимальной равнодействующей. Полилатеральный подход к исследуемым понятиям обоснован на всех уровнях методологического знания: философском, общенаучном, конкретно-научном и технологическом. Рассмотрены непротиворечивые взаимодействия полилатерального подхода и ключевых методологических подходов: диалектики в философии; системного и синергетического подходов на общенаучном уровне; педагогической антропологии, личностно-деятельностного, полисубъектного (диалогического), культурологического, акмеологического, контекстного, индивидуально-творческого, амбивалентного подходов на конкретно-научном уровне, черты полилатерального подхода как комплекса взаимодополняющих теоретических и эмпирических методов на технологическом уровне методологии. Доказано, что полилатеральный подход к исследованию профессионального воспитания и студенческого самоуправления в высшей школе, имея основания на всех уровнях методологии, непротиворечиво включается в существующую систему научного знания и определяет методологические основы исследуемых понятий с использованием существующих подходов в единстве их позитивных возможностей.

Ключевые слова: полилатеральный подход; методологические принципы; профессиональное воспитание; студенческое самоуправление.

Повышение качества и конкурентоспособности современного высшего образования в России требует повышения внимания к внутреннему потенциалу студенческой молодежи, предполагая создание образовательной среды, способствующей повышению активности и развитию механизмов студенческого самоуправления как действенного фактора профессионального воспитания молодежи. Однако подобный процесс переориентации педагогической системы высшей школы на идеи студенческого самоуправления создает существенные трудности теоретико-методологического осмысления педагогических и психологических понятий, меняющих

свое значение в соответствии с новыми ценностями образования.

В частности, при рассмотрении понятий «профессиональное воспитание» и «студенческое самоуправление», которые представляют собой сложные качественные единицы анализа, на наш взгляд, недостаточно только одной методологической концептуальной конструкции.

А.Н. Поддьяков считает, что основным требованием к любому подходу или методу исследования в любой области является его способность актуализировать, выделять именно изучаемое свойство и одновременно игнорировать, нейтрализовывать или даже активно подавлять эффект всех остальных свойств, не являющихся предметом изучения. Таким образом, любой из существую-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-36-01032a1.

ших подходов, выступая единственной методологической основой исследования, имеет свои преимущества, но и принципиально непреодолимые ограничения. Актуализируя необходимость создания «системной методологии современных педагогических исследований», Н.В. Бордовская подчеркивает, что при определении исследователями методологических ориентиров в процессе научного поиска непродуктивно для развития науки не только выбирать «единственно верный» подход, но и ориентироваться на несколько подходов, если они не связаны единой системой, логикой [1].

Педагогическим исследованиям нередко свойственно абсолютизировать только одну из характеристик того или иного процесса, что не только не соответствует реальности, но и обедняет педагогическую действительность и возможности ее изучения и развития. Действительно, современное психолого-педагогическое знание характеризуется поликонцептуальностью, причем не только по форме, но и по содержанию, что органически предполагает взаимодополняемость педагогических течений и концепций [2]. В частности, аналитико-синтетическое изучение исходных понятий подтвердило необходимость многостороннего подхода к построению интегральной модели профессиональной воспитанности личности в контексте студенческого самоуправления в вузе: обычной «борьбы» противоположностей оказалось недостаточно, необходима реализация полипарадигмальной тенденции (Н.В. Бордовская) в развитии педагогической науки и практики. Это обстоятельство заставило нас предложить *полилатеральный подход* (от гр. poly – много, многие + лат. lateris – грань, сторона: многогранный, многосторонний) в качестве специальной методологии исследования, определяющий совокупность принципов построения концепции исследования, призванных наиболее полно раскрыть, охарактеризовать и реализовать исследуемое понятие [3].

Полилатеральный подход, уточняя общую методологию исследования в соответствии со спецификой изучаемых понятий, использует позитивные элементы ключевых методологических подходов и позволяет получить новые факты и обобщения, связанные с решением поставленной проблемы. Он

предлагает рассматривать понятия объемно, с различных (зачастую противоположных) позиций во взаимодействии всех точек зрения. Сформулируем принципы полилатерального подхода, задающие способы получения фундаментального знания, отражая специфику изучаемых явлений:

- принцип *множественной поляризации*: при моделировании и изучении педагогических явлений, в частности, профессионального воспитания и студенческого самоуправления, поляризация мнений – наиболее удобный способ всесторонней характеристики изучаемых феноменов. Создание целой сети дуальных позиций способствует возникновению «воронки противоречий», в которой особенно эффективно работает диалектический закон единства и борьбы противоположностей для полярных пар точек зрения;

- принцип *интегральной дополненности*: при поляризации позиций крайне важен механизм интеграции различных сторон, их взаимопроникновения и взаимодополнения, постоянное определение смысла изучаемых понятий через каждый из возможных полюсов-мнений, нейтрализация отрицательных моментов одних точек зрения с помощью позитивных идей дуальных позиций, с одной стороны, и взаимное усиление положительных моментов, с другой стороны. Данный принцип призван объединять противоположности в единое целое, преодолевая неизбежные ограничения каждого подхода в отдельности;

- принцип *созидания нового качества* предусматривает в результате изучения различных граней процессов профессионального воспитания и студенческого самоуправления появления нового, качественного видения проблемы, не сводимого к изначальным точкам зрения;

- принцип *структурной целостности*: построение и изучение сетевой карты каждого понятия, рассмотрение их в единстве иерархической структуры, в целостном взаимодействии составляющих элементов, которые сами являются сложными подсистемами;

- принцип *системной многомерности*: основой многомерности процессов профессионального воспитания и студенческого самоуправления является как многомерность личностных свойств и профессиональных качеств в ходе профессионального воспита-

ния, так и многомерность ситуаций проявления активности студентов в процессе студенческого самоуправления: способов проявления, особенностей профессиональной или учебно-профессиональной деятельности, общения, субъект-субъектных взаимодействий, особенностей самоуправления;

– принцип *многовариантной детерминации и развития*: многовариантность и возможность выбора заменяют собой жесткие причинно-следственные отношения, изменение саморазвивающейся системы обеспечивается диалектикой альтернативных возможностей, что позволяет реализовать на практике индивидуальные бифуркационные траектории профессионального воспитания и различные стратегии студенческого самоуправления;

– принцип *оптимальной равнодействующей* связан с созданием иерархической структуры личностных свойств и способностей, выделением ведущего направления дальнейшего профессионального воспитания, наиболее эффективной стратегии студенческого самоуправления в данной точке поля саморазвития системы.

При построении методологической базы исследования проблемы профессионального воспитания и студенческого самоуправления реализация данных принципов означает, что различные методологические подходы к изучению данных процессов могут полноценно взаимодействовать, не только не противореча, но и взаимодополняя, расширяя друг друга, выделяя в качестве предмета исследования разные стороны рассматриваемых феноменов. Для того чтобы полилатеральный подход органично включился в методологическую структуру педагогической науки, он должен иметь обоснование на всех уровнях методологического знания: *философском, общенаучном, конкретно-научном и технологическом* (Э.Г. Юдин – И.В. Блауберг). Мы подразумеваем под этим непротиворечивое его взаимодействие с существующими подходами и определение специфики реализации при изучении понятий «профессиональное воспитание» и «студенческое самоуправление».

Примечательно, что практически во всех философских учениях, выступающих *философской методологической базой* наук о человеке, имеются черты полилатерального

подхода. Ярче всего они проявляются в *диалектике*, особенно в *античной*: «Есть такое состояние между противоположными натяжениями, внутри которого может появиться явление, само не являющееся выводимым членом или элементом какой-либо непрерывной причинной связи» [4, с. 38]. Важно здесь то, что полилатеральный подход не только рассматривает явление с противоположных позиций, сглаживая несоответствия и выделяя из них позитивное и полезное, но и способен на «сотворение» принципиально новой позиции, невыводимой напрямую из имеющихся: «...есть явления, которые не могут быть в принципе выводимым членом или конечным звеном непрерывной цепи обусловливания. Они возникают в воронке, окруженной натяжениями противоречий (выделено мной. – И. Ш.). Внутри – вспыхнет или не вспыхнет. А если вспыхнет – тогда целостно» [4, с. 39]. Постепенно философия приходит к пониманию, что мы живем в плюралистическом, многогранном мире.

Системный подход, отражая всеобщую связь и взаимообусловленность явлений и процессов на *общенаучном* уровне методологии, выступает, тем самым, основой для разработки полилатерального подхода. Он способствует выявлению интегративных, инвариантных системных свойств и качественных характеристик, которых нет у составляющих систему элементов (холистский принцип). При этом поведение систем столь разнообразно и специфично, что возникает вопрос о невозможности их исчерпывающих характеристик в рамках какой-либо одной формальной теории (В.В. Василькова). Р. Флуд и М. Джексон предлагают сгруппировать различные системологические методы, в своего рода «систему системных методологий» и в зависимости от проблемной ситуации выбирать наиболее подходящие из них [5]. Полилатеральный подход в этой связи предлагает не выбирать один, даже наиболее подходящий в данной ситуации подход, а рассматривать понятия объемно, с различных (зачастую противоположных) позиций во взаимодействии всех точек зрения.

Синергетический подход, дополняя системный, акцентирует внимание на генезисе, механизмах и динамике развития (самоорганизующихся сложных систем различной природы. Процессы про-

фессионального воспитания и студенческого самоуправления являются саморазвивающимися системами, поэтому подчиняются закономерностям и принципам синергетики. Примечательно, что само понятие «синергетика» образовалось от греческого «совместное действие», «сотрудничество», поэтому ее можно рассматривать как теорию совместного действия, что не противоречит полилатеральному подходу [6]. Бифуркационные механизмы синергетики, также как и полилатеральный подход, обеспечивают тенденцию к изменению развивающейся системы: первые – благодаря диалектике возможного выбора из двух или более альтернатив, второй – благодаря синтезу альтернативных возможностей. Это две стороны одной и той же медали. Подобное взаимодействие позволяет преодолеть ограниченность системного подхода, изучающего целостность, но не уделяющего должного внимания уникально-творческому.

Многие подходы *конкретно-научного* уровня методологии также непротиворечиво взаимодействуют с полилатеральным подходом.

Для *педагогической антропологии* характерен тот же дуализм, что и для философской, но уже ярко проявляется идея полилатеральности, заключающаяся в многостороннем, системном использовании данных всех наук о человеке. Особое значение для нас в *личностно-деятельностном подходе* имеет акцент на уникальности личности, саморазвитии ее задатков и творческих способностей, создании для этого соответствующих педагогических условий, организации профессионально-значимой деятельности как основы, средства и важного условия профессионального воспитания личности, что, несомненно, актуализирует закономерности полилатерального взаимодействия личности и деятельности [7].

Полисубъектный (диалогический) подход имеет не только созвучие названия: на основе его идей можно утверждать, что условием эффективного самоуправления является конструктивный диалог, контакт с другими людьми. Тем самым процесс студенческого самоуправления будет эффективнее в условиях взаимодействия студентов и преподавателей, что требует постоянного соотношения своих целей с соответствующими целями других субъектов образовательного

процесса [8]. При этом эффективность студенческого самоуправления будет прямо пропорциональна уровню профессионального воспитания как самих студентов, так и преподавателей, которые, будучи непосредственно включенными в реальное профессиональное пространство, способствуют становлению и развитию полифункциональной образовательной среды, предоставляя студентам особые средства для регулирования межсубъектных взаимодействий [9]. Это актуализирует взаимодействие полилатерального и **культурологического подходов**.

Для осмысления сущности процесса профессионального воспитания студента как субъекта учебно-профессиональной деятельности в вузе нам важны идеи *акмеологического и контекстного подходов* [10; 11]. В этом случае мы рассматриваем субъекта образовательного процесса в вузе не как идеальный образ, а как постоянное движение к нему через соотношение реальных качеств профессионального воспитания личности с оптимальной моделью студенческого самоуправления с учетом профессиональных требований преподавателей и особенностей будущей профессии студентов [12].

На основе *индивидуально-творческого подхода* представляется возможным и целесообразным разрабатывать и осуществлять индивидуальные программы профессионального воспитания студентов (что позволяет реализовать более гибкие модели студенческого самоуправления, приобретающие для студентов личностно-значимый характер). Данный подход во взаимодействии с синергетическим является методологической основой разработки индивидуальных бифуркационных траекторий профессионального воспитания и построения стратегий студенческого самоуправления [13].

Особое значение при изучении педагогических понятий и явлений имеют *полярно противоположные* точки зрения: «крайности сходятся», различные по содержанию теории и методы оказываются в чем-то едины и взаимопроникающи, с разных сторон обогащая исследуемое понятие. Один из аспектов применения идеи полилатеральности, а именно: поляризация точек зрения на предмет исследования – в общих чертах совпадает с содержанием *амбивалентного подхода*. В нашей терминологии его можно назвать

билатеральным (от лат. bi... – дву(х)...), но подчеркнем, что названия семантически не идентичны: мы подразумеваем не тот факт, что рассматриваются только две противоположные позиции, а то, что точка зрения на сложный объект исследования, как правило, *поляризуется*, вплоть до антитез, причем в отсутствие дуальных позиций (противоположных, но дополняющих друг друга) это полезно делать искусственно. Однако очень часто в научных исследованиях снятие противоположности полюсов осуществляется посредством абсолютизации истинности одного из них при нивелировке другого (так называемая инверсия), что приводит к потере *положительных* идей противоположной концепции и невозможности их синтеза [14]. Билатеральный подход объединяет и примиряет противоположности (превращая их в противоречия), изменяя оппозиции, зачастую открывая новые, неожиданные грани понятия, несводимые к полярным точкам зрения. В результате, для полноценного описания и определения многогранного понятия анализируются несколько пар дуальных точек зрения, причем каждая аргументированная позиция имеет долю истины. Полилатеральный подход призван объединить эти доли в единое целое.

На четвертом уровне методологии – *технологическом* – полилатеральный подход проявляет себя следующим образом: методика исследования представляет собой *комплекс взаимодополняющих* теоретических и эмпирических методов, которые подчинены рассмотренным выше методологическим принципам и в сочетании способны с наибольшей достоверностью изучить и охарактеризовать такие многогранные и многофункциональные объекты, какими являются процессы профессионального воспитания и студенческого самоуправления в вузе.

Таким образом, **полилатеральный подход** представляет собой совокупность принципов и вытекающих из них организационно-педагогических способов деятельности, позволяющих рассматривать изучаемые понятия как открытую и саморазвивающуюся систему с взаимодополняющих дуальных позиций, определять диалектику альтернативных возможностей изменения системы, изучать различные грани процесса, формировать целостное понятие в единстве его це-

рархической структуры и динамики функционального взаимодействия, определять многомерность и вариативность ситуаций проявления студенческого самоуправления, выявлять ведущее направление профессионального воспитания, наиболее эффективное для субъектов в данной точке поля саморазвития системы [15].

Тем самым, полилатеральный подход к исследованию профессионального воспитания и студенческого самоуправления в высшей школе, имея основания на всех уровнях методологии, непротиворечиво включается в существующую систему научного знания и определяет методологические основы данных понятий с использованием существующих подходов в единстве их позитивных возможностей.

1. *Бордовская Н.В.* Системная методология современных педагогических исследований // Педагогика. 2005. № 5. С. 21-29.
2. *Макарова Л.Н.* Преподаватель высшей школы: индивидуальность, стиль, деятельность. Москва; Тамбов, 2000. Ч. 1.
3. *Шаршов И.А.* Профессионально-творческое саморазвитие субъектов образовательного процесса в вузе: дис. ... д-ра пед. наук. Белгород, 2005.
4. *Мамардашвили М.К.* Лекции по античной философии. М., 1999.
5. *Flood R.L., Jackson M.C.* Creative Problem Solving. Total Systems Intervention. Chichester, 1991.
6. *Хакен Г.* Синергетика. М., 1980.
7. *Зимняя И.А.* Личностно-деятельностный подход как основа организации образовательного процесса // Общая стратегия воспитания в образовательной системе России. М., 2001. С. 244-252.
8. *Шаршов И.А.* Ведущие педагогические противоречия взаимодействия преподавателей и студентов вуза в контексте качества современного высшего образования // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 4 (96). С. 13-18.
9. *Исаев И.Ф.* Теория и практика формирования профессионально-педагогической культуры преподавателя высшей школы. Москва; Белгород, 1993.
10. *Деркач А.А.* Акмеологические основы развития профессионала. Москва; Воронеж, 2004.
11. *Вербицкий А.А.* Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М., 1991.

12. *Копытова Н.Е., Макарова Л.Н., Шаршов И.А.* Компетентностно-ориентированное повышение квалификации преподавателей вуза // Высшее образование сегодня. 2011. № 1. С. 41-44.
13. *Макарова Л.Н., Шаршов И.А.* Обоснование алгоритмических способов построения индивидуальных траекторий развития критического мышления преподавателя и студента // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 11 (127). С. 108-115.
14. *Новикова Л.И.* Воспитание как педагогическая категория // Педагогика. 2000. № 6. С. 28-35.
15. *Шаршов И.А.* Профессионально-творческое саморазвитие: методология, теория, практика. Москва; Тамбов, 2005.
1. *Bordovskaya N.V.* Sistemnaya metodologiya sovremennykh pedagogicheskikh issledovaniy // Pedagogika. 2005. № 5. S. 21-29.
2. *Makarova L.N.* Prepodavatel' vysshey shkoly: individual'nost', stil', deyatel'nost'. Moskva; Tambov, 2000. Ch. 1.
3. *Sharshov I.A.* Professional'no-tvorcheskoe samorazvitie sub"ektov obrazovatel'nogo protsessa v vuze: dis. ... d-ra ped. nauk. Belgorod, 2005.
4. *Mamardashvili M.K.* Lektsii po antichnoy filosofii. M., 1999.
5. *Flood R.L., Jackson M.C.* Creative Problem Solving. Total Systems Intervention. Chichester, 1991.
6. *Khaken G.* Sinergetika. M., 1980.
7. *Zimnyaya I.A.* Lichnostno-deyatel'nostnyy podkhod kak osnova organizatsii obrazovatel'nogo protsessa // Obshchaya strategiya vospitaniya v obrazovatel'noy sisteme Rossii. M., 2001. S. 244-252.
8. *Sharshov I.A.* Vedushchie pedagogicheskie protivorechiya vzaimodeystviya prepodavateley i studentov vuza v kontekste kachestva sovremennogo vysshego obrazovaniya // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2011. Vyp. 4 (96). S. 13-18.
9. *Isaev I.F.* Teoriya i praktika formirovaniya professional'no-pedagogicheskoy kul'tury prepodavatelya vysshey shkoly. Moskva; Belgorod, 1993.
10. *Derkach A.A.* Akmeologicheskie osnovy razvitiya professionala. Moskva; Voronezh, 2004.
11. *Verbitskiy A.A.* Aktivnoe obuchenie v vysshey shkole: kontekstnyy podkhod. M., 1991.
12. *Kopytova N.E., Makarova L.N., Sharshov I.A.* Kompetentnostno-orientirovannoe povyshenie kvalifikatsii prepodavateley vuza // Vysshee obrazovanie segodnya. 2011. № 1. S. 41-44.
13. *Makarova L.N., Sharshov I.A.* Obosnovanie algoritmicheskikh sposobov postroeniya individual'nykh traektoriy razvitiya kriticheskogo myshleniya prepodavatelya i studenta // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2013. Vyp. 11 (127). S. 108-115.
14. *Novikova L.I.* Vospitanie kak pedagogicheskaya kategoriya // Pedagogika. 2000. № 6. S. 28-35.
15. *Sharshov I.A.* Professional'no-tvorcheskoe samorazvitie: metodologiya, teoriya, praktika. Moskva; Tambov, 2005.

Поступила в редакцию 10.04.2015 г.

UDC 374

POLYLATERAL APPROACH TO THE PROBLEMS OF PROFESSIONAL EDUCATION AND STUDENT'S SELF-GOVERNMENT IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTE

Igor Alekseevich SHARSHOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Methodological Securing of Fundamental Activity Department, e-mail: silans@mail.ru

Leading principles of polylateral approach as of theoretical and methodological basis of research of essence of professional education of the youth and student's self-government in higher educational institute: multiple polarization, integral subsidiarity, creation of new quality, structural integrity, system of multidimensionality, multi-variant determination and development, optimal resultant are founded. Polylateral approach to the studied concepts is founded at all levels of methodological knowledge: philosophic, general scientific, concrete-scientific and technological. consistent interactions of polylateral approach and key methodological approaches: dialectics in philosophy; system and synergic approaches at general scientific level; pedagogical anthropology; personally active; polysubjective (dialogic); culturological; acmeologic; context; individual creative; ambivalent approaches at concrete scientific level, features of polylateral approach as a complex of complementary theoretical and empiric methods at technological level of methodology. It was proved, that polylateral approach to the research of professional education and student's self-government in higher educational institute having the basis of scientific knowledge at all levels of methodology, consistently included in the existing system of scientific knowledge and defines methodological basements of the studied concepts with the use of the existing approaches in the unity of their positive possibilities.

Key words: polylateral approach; methodological principles; professional education; student's self-government.

УДК 378.14

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ СТИЛИ СТУДЕНТОВ¹

© Людмила Николаевна МАКАРОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры общей педагогики и психологии, e-mail: mako20@inbox.ru

© Игорь Алексеевич ШАРШОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор педагогических наук,
профессор, начальник управления методологического обеспечения
основной деятельности, e-mail: silans@mail.ru

© Анна Валерьевна КОРОЛЕВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры общей педагогики и психологии,
e-mail: anna-valerevna@yandex.ru

Раскрыта взаимосвязь между индивидуальным стилем познавательной деятельности студента и его влиянием на развитие критического мышления. Обосновано, что игнорирование преподавателем влияния познавательных стилей обучающихся на процесс учебно-профессиональной деятельности существенно снижает качество подготовки студентов, не позволяет им эффективно задействовать свои интеллектуальные ресурсы. Выявлено, что развитие критического мышления студентов зависит от индивидуальной траектории формирования характеристик данного вида мышления. Но степень развития рассмотренных характеристик тесно связана с индивидуальным познавательным стилем конкретной личности – как студент кодирует получаемую информацию, как ее перерабатывает, и какой стиль постановки проблемы является у него доминирующим. Проанализированы особенности кодирования информации студентами левополушарного и правополушарного типа, раскрыта специфика стилей переработки информации в контексте развития критического мышления. Рассмотрены негативные последствия абсолютного предпочтения какого-либо одного стиля мышления (в т. ч. и гипертрофированно-критического). Обосновано, что преподавателю вуза для расширения совокупности средств и способов эффективного развития критического мышления студентов необходимо в образовательном процессе осуществлять организацию взаимодополнения дуальных качеств и способностей, лежащих в основе индивидуальных познавательных стилей учащихся.

Ключевые слова: критическое мышление; индивидуальный познавательный стиль; студент; преподаватель; когнитивный стиль; межполушарная асимметрия мозга; визуальный; аудиальный и кинестический опыт.

В современной высшей школе наблюдается повышенный интерес к развитию индивидуальности преподавателя и студента, что обусловлено сменой образовательных парадигм, фиксирующих переход от массово-репродуктивных форм и методов преподавания к индивидуально-творческим; подготовкой будущих специалистов с прочно сформированными потребностями в профессиональном самообразовании, способных к творческому саморазвитию и эффективной самореализации в избранной профессии.

В настоящее время на первый план выходит признание важнейшей роли в образо-

вании активно действующей личности преподавателя и студента с ярко выраженной Индивидуальностью, с ее правом на выбор и ответственностью: за исходное начало берется не педагогическая система вуза как целое, в ее статическом состоянии, а человек (преподаватель и студент) с его неповторимостью как постоянный источник стихийности, неупорядоченности и в то же время – источник развития [1].

Повышению качества обучения современных студентов способствует учет преподавателем в процессе обучения индивидуальных когнитивно-стилевых особенностей познавательной сферы обучающихся. Индивидуально-своеобразные способы изучения

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект 13-36-01024.

реальности представляют собой познавательный стиль конкретной личности, который является процессуальной характеристикой интеллектуальной деятельности.

Индивидуальные познавательные стили студента проявляются в том, как он воспринимает, понимает и объясняет происходящее, как и какие решения он принимает в сложных ситуациях неопределенности, а также в его познавательном отношении к окружающему миру. Игнорирование влияния познавательных стилей обучающихся на процесс и результат учебно-профессиональной деятельности существенно снижает качество подготовки студентов, не позволяет им максимально эффективно задействовать свои интеллектуальные ресурсы.

К сожалению, в настоящее время преподаватели вуза практически не используют в своей профессиональной деятельности современные психологические методики, позволяющие выявить познавательные стили студентов и, соответственно, не могут помочь студентам осознать свои когнитивные предпочтения в изучении конкретных предметов, расширить свой стилевой «репертуар» за счет осознанного обращения к тем стилям, которые редко используются студентом, но в определенных учебно-профессиональных ситуациях будут способствовать более эффективному выполнению поставленного задания.

Кроме этого следует учитывать и тот факт, что несоответствие индивидуальных познавательных стилей студентов и индивидуальных стилей педагогической деятельности преподавателей вуза может порождать у студентов эмоциональный дискомфорт в общении с педагогом, непонимание изучаемого материала, фрустрацию и тревожность, неуверенность в своих решениях.

Мы исходим из того утверждения, что познавательные стили обучающихся являются факторами, опосредующими процесс взаимодействия студентов с образовательной средой и регулирующие ход и результат учебной деятельности. Когнитивно-стилевые характеристики учебной деятельности студентов определяются индивидуально-своеобразными способами постановки проблемы, кодирования и переработки информации, восприятия, анализа, структурирования, категоризации, оценивания учебного материала.

В связи с этими положениями для выявления взаимосвязи между индивидуальными познавательными стилями студентов и критическим мышлением мы будем опираться на исследования М.А. Холодной [2], которая доказала, что познавательный стиль может конкретизироваться:

- в стилях кодирования информации (словесно-речевой, визуально-пространственный, предметно-практический и чувственно-эмоциональный);
- в стилях переработки информации (способы ее восприятия, анализа, категоризации, оценивания и т. д.);
- в стилях постановки проблем (адаптивный, эвристический, исследовательский, инновационный, смыслопорождающий).

При этом мы не будем касаться эпистемологических стилей, в которых отражаются индивидуально-своеобразные способы познавательного отношения студента к происходящему, проявляющиеся в особенностях индивидуальной «картины мира», т. к. они имеют опосредованное отношение к вопросу соотношения критического мышления и индивидуального познавательного стиля студента.

Развитие критического мышления студентов связано с индивидуальной траекторией формирования характеристик данного вида мышления, подробно рассмотренных и проанализированных нами ранее: особенности интеллекта, коммуникабельность, эрудированность, креативность; организованность, целенаправленность, рефлексивность, саморегуляция; аналитичность, логичность, рациональность, абстрактность мышления [3]. Но степень развития рассмотренных характеристик тесно связана с индивидуальным познавательным стилем конкретной личности – как студент кодирует получаемую информацию, как ее перерабатывает, и какой стиль постановки проблемы является у него доминирующим.

Впервые вопрос о существовании индивидуальных различий в способах кодирования информации поставил И.П. Павлов в рамках своего учения о двух сигнальных системах коры головного мозга [4]. Первая сигнальная система осуществляет анализ и синтез непосредственных внешних и внутренних воздействий с опорой на чувственные впечатления (перцептивные и сенсорные

сигналы). Вторая сигнальная система обеспечивает ориентацию в среде с опорой на различные формы речевой деятельности (словесные сигналы). При этом ученый особо подчеркивал, что эти системы должны взаимодействовать, т. е. фактически он описал два базовых способа кодирования поступающей информации – образный (чувственно-наглядный) и словесно-речевой.

На предпочтительный выбор познавательного стиля влияет межполушарная асимметрия мозга. Из нейропсихологии известно, что два полушария человеческого мозга работают по-разному: левое полушарие отвечает за логические и лингвистические стороны умственных операций, а правое полушарие – за их образность, целостность и эмоциональность. Такая функциональная асимметрия человеческого организма проявляется в разных формах поведения, при этом те или иные поведенческие реакции могут строиться по правому или левому типу.

Следовательно, и человеческое сознание использует два механизма мышления: один из них позволяет работать с абстрактными цепочками символов, с текстами и т. п. (этот механизм мышления обычно называют левополушарным, символическим, алгебраическим или логическим); второй механизм мышления обеспечивает работу с чувственными образами и представлениями об этих образах (его называют правополушарным, образным, геометрическим или интуитивным).

Кроме того, проведенные нейропсихологические исследования показывают, что мозг человека обладает уникальной способностью «видеть» объект одновременно в целом и по частям, в одно и то же время расчленив и собрать его; т. е. он способен одновременно анализировать и синтезировать поступающую информацию, оперировать целым и частью [5; 6]. Анализ и синтез – это два очень важных, постоянно взаимодействующих мыслительных процесса в обучении, совместное развитие которых требует соответствующего подкрепления посредством адекватных приемов и методов обучения. Кроме этого следует учитывать, что процессы сознания и подсознания в мозге обучаемого протекают одновременно.

Когда студент кодирует получаемую информацию (от преподавателя или найденную самостоятельно), он опирается либо на визу-

альный опыт (зрительно и с помощью мысленных образов), либо аудиальный опыт (посредством слуха), либо кинестетический опыт (через осязание, обоняние и другие чувственные впечатления). Поэтому для студента-визуала типичная познавательная позиция – смотреть, представлять, наблюдать; для студента-аудиала – слушать, говорить, обсуждать; для студента-кинестетика – действовать, чувствовать, ощущать.

По мнению Д. Брунера, мера интегрированности разных способов кодирования информации характеризует уровень интеллектуального развития субъекта. Согласно одному из базовых положений нейропедагогики, человек понимает и запоминает лучше тогда, когда знания и умения «запечатлеваются» в системе визуально-пространственной памяти, которая устроена таким образом, что вся информация, как в библиотеке, хранится строго «по каталогу и контексту». В этом случае удобно не только «складировать» ее, но и быстро находить и воспроизводить.

Подчеркнем, что профессиональная память не добывает нового знания, а лишь организует и реконструирует уже добытое. Если она и создает новое знание, то не посредством взаимодействия с объектами профессиональной деятельности, а из реорганизации отвечающих им представлений.

Смысловая память, присущая в большей степени интеллектуальной личности, выделяется на основе взаимосвязи памяти с мышлением и заключается в том, что информация подвергается активной мыслительной обработке, логическому анализу и синтезу, установлению взаимосвязей, обобщению и т. п. Смысловая память непосредственно связана с пониманием – лучше запоминается то, что понимается, она относится к преднамеренным мыслительным процессам: субъект сознательно ставит цель, задачу на запоминание, обеспечивая волевую регуляцию процессов памяти.

Частным случаем является механическая память на более низкой стадии логического осмысления материала или при полном отсутствии понимания информации. Некоторые психологи полагают, что механическая память обязана своим возникновением школе и широко распространенным репродуктивным методам обучения.

Образная память определяется связью памяти с восприятием и воображением и обычно разделяется на отдельные виды, в зависимости от типа анализатора: на зрительную, слуховую, вкусовую, осязательную и обонятельную память. На наш взгляд, более удачной характеристикой памяти является не источник информации (поскольку и для смысловой памяти источниками выступают те же 5 чувств человека), а объект памяти. Если смысловая память имеет дело с понятиями, словами, то образная, понятно, оперирует образами. При этом образная память зачастую имеет произвольный характер, вызывая возникновение неожиданных ассоциаций; именно ей присуща эмоциональность, а известно, что это является дополнительным мощным фактором запоминания.

Для эффективного развития критического мышления необходимо пользоваться всеми видами памяти в совокупности, осуществляя их взаимодополнение, которое способствует соединению разобщенных элементов человеческого опыта в некоторую субъективную целостность. Следовательно, для эффективного развития критического мышления студента левополушарного типа необходимо активно использовать в учебном процессе образную визуализацию учебной информации [7].

А.В. Вербицкий считает, что процесс визуализации представляет собой свертывание мыслительных содержаний в наглядный образ; будучи воспринятым, образ может быть развернут и служить опорой адекватных мыслительных и практических действий. Процесс разворачивания мыслеобраза и «вынесение» его из внутреннего плана во внешний план представляет собой проекцию психического образа. «Проекция встроена в процессы взаимодействия субъекта и объектов материального мира, она опирается на механизмы мышления, охватывает различные уровни отражения и отображения, проявляется в различных формах учебной деятельности» [8, с. 24].

Современные студенты, как правило, оперируют не столько логическими вербальными конструкциями, сколько ассоциативными комплексами образов, т. е. их мышление в значительной степени визуализировано и схематично. Экономя свое внимание, они более восприимчивы к «упакованной инфор-

мации» – к такой форме изложения, где в минимальное количество знаков заключен максимальный объем смысла. Фактически речь идет о схемах разного вида, которые требуют минимум внимания, но несут много информации.

Графическая форма схем позволяет не только мобилизовать визуальное восприятие, но и наглядно продемонстрировать причинно-следственные и смысловые связи, что крайне важно для эффективного развития критического мышления студентов. Необычность и разнообразие форм используемых схем не притупляет внимание, а, напротив, способствуют фиксации в памяти изучаемого материала. Такой способ систематизации и визуального отображения учебной информации основывается на выявлении существенных связей между элементами знания и аналитико-синтетической деятельности при переводе вербальной информации в невербальную (образную), синтезировании целостной системы элементов знаний.

Следует особо подчеркнуть, что одним из достоинств предлагаемых схем является возможность привлечения к их конструированию и декодированию студентов с разными стилями переработки учебной информации: вербально-логическим («левополушарный тип») и зрительно-пространственным («правополушарный тип»).

Стили переработки получаемой информации (способы ее восприятия, анализа, категоризации, оценивания и т. д.) связаны с рядом психологических особенностей студентов. Субъект может выбрать любой способ обработки информации, но он выбирает (произвольно или произвольно) какой-то определенный способ восприятия и анализа происходящего. Причем этот способ в наибольшей мере соответствует его психологическим возможностям.

Студенты, являющиеся представителями *полезависимого стиля*, больше доверяют наглядным зрительным впечатлениям при оценке происходящего и с трудом преодолевают видимое поле при необходимости детализации и структурирования учебной ситуации. Представители *полнезависимого стиля* полагаются на внутренний опыт и легко отстраиваются от влияния поля, быстро и точно выделяя детали из целостной пространственной ситуации.

Студенты, отличающиеся *импульсивным стилем* переработки получаемой информации, быстро выдвигают гипотезы в ситуации альтернативного выбора, при этом они могут допускать много ошибочных решений. Для студентов с *рефлексивным стилем*, напротив, характерен более замедленный темп принятия решения в подобной ситуации, соответственно, они допускают мало ошибок при идентификации перцептивных объектов в силу их тщательного предварительного анализа.

В стилях переработки информации также учитывается *диапазон эквивалентности*, который может быть узким (*аналитичность, полюс «дифференциальность»*) или широким (*синтетичность, полюс «интегральность»*). Студенты аналитического стиля (узкий диапазон эквивалентности) склонны ориентироваться на различия объектов, обращая внимание главным образом на их детали и отличительные признаки. Для полюса «дифференциальность» характерна конкретность и фрагментарность восприятия действительности.

Студенты, у которых преобладает синтетический стиль, напротив, склонны ориентироваться на сходство объектов, классифицируя их с учетом некоторых обобщенных категориальных оснований. Полюс «интегральность» характеризуется восприятием окружающего мира как единого целого, более высоким уровнем абстрактности мышления.

Длительное время в практике обучения студентов отдавалось предпочтение развитию аналитичности, т. к. считалось, что при прочих равных условиях именно она обеспечивает более высокие результаты в учебно-профессиональной деятельности. Однако результаты ряда исследований показывают, что чрезмерное развитие аналитичности не всегда соответствует успешности и эффективности деятельности [9].

Нетолерантность – *толерантность к нереалистическому опыту* обнаруживает себя в ситуациях неопределенности и характеризует меру принятия впечатлений, не соответствующих или даже противоречащих имеющимся у студента представлениям, которые он расценивает как правильные и очевидные. Толерантные студенты оценивают приобретаемый опыт по фактическим характеристикам, тогда как нетолерантные студенты сопротивляются познавательному

опыту, в котором исходные данные противоречат их наличным знаниям. В этом случае речь явно идет о способности личности выходить за пределы имеющихся стереотипов, находясь в ситуации «когнитивного диссонанса».

Эффективность учебно-профессиональной деятельности студента зависит также от наличия у него готовности к решению неординарных профессионально-значимых проблем, возникающих в конкретных условиях. Умение увидеть возникающие кризисные моменты способствует прогнозированию развития событий. Умение определять причины возникающих опасностей и разрабатывать нетрадиционные решения в неожиданной, нестандартной ситуации основано на реализации как интеллектуального, так и творческого потенциала личности.

В своей теории интеллекта, разработанной на основе идей Ч. Спирмена и Л. Терстоуна, Р. Кеттелл ввел понятия конвергентного и дивергентного мышления, как составляющих интеллекта. Конвергентное мышление (конвергентные способности) – способности правильно и быстро находить единственно верное решение; основная составляющая психометрического интеллекта. Под дивергентным мышлением (способностями) понимался процесс выдвижения различных и в равной мере правильных идей относительно одного и того же объекта. Эти способности, по мнению Р. Кеттелла, являются основой творческого мышления. Однако в дальнейшем было показано, что они коррелируют и в ходе исследования их невозможно отделить, т. к. они сливаются в единый общий фактор «G» Ч. Спирмена.

По мнению С.И. Заир-Бек, «критическое мышление означает мышление оценочное, рефлексивное. Это открытое мышление, не принимающее догм, развивающееся путем наложения новой информации на жизненный личный опыт. Можно сказать, что критическое мышление – это отправная точка для развития творческого мышления, более того, и критическое и творческое мышление развиваются в синтезе, взаимообусловлено» [10, с. 46].

Важно, чтобы отмеченные интеллектуальные и творческие характеристики критического мышления рассматривались не изолированно, а образное воображение интегри-

ровалось с рационально-математическим с целью их полноценного взаимного развития. Это взаимодействие мобилизует воображение и интуицию, развивает наблюдательность, критическое отношение к изучаемому, умение обобщать, логику, точность, способность к моделированию, способности генерировать идеи, анализировать и отстаивать свое мнение, систематизировать знания, используя свободные ассоциации.

Оценивая стиль переработки информации по параметру *когнитивная простота – сложность*, следует отметить, что одни студенты понимают и интерпретируют происходящее в упрощенной форме на основе фиксации ограниченного набора сведений (полюс когнитивной простоты). Другие, напротив, склонны создавать многомерную модель реальности, выделяя в ней множество взаимосвязанных сторон (полюс когнитивной сложности). Эти особенности необходимо учитывать при развитии таких характеристик критического мышления студентов, как аналитичность, логичность, рациональность, абстрактность мышления, эрудированность, креативность.

Стили постановки проблем (стили мышления) представлены в работах А. Харрисона и Р. Брэмсона, выделивших пять интеллектуальных стилей в зависимости от того, какой тип проблем и какие способы их решения оказались предпочтительными для данного человека: синтетический, прагматический, идеалистический, аналитический и реалистический [11]. Мы признаем равноценность всех стилей мышления: у каждого из них есть сильные и слабые стороны, но они не могут дифференцироваться по ранжиру – от «худшего» к «лучшему». Каждый студент мыслит в пределах сложившегося у него стиля, обладающего механизмом самосохранения, благодаря которому любой успех закрепляет привычную стратегию, навыки и схемы мышления и подтверждает их ценность.

Но следует помнить об опасности, которая заключается в абсолютном предпочтении какого-либо одного стиля мышления (в т. ч. и гипертрофированно-критического): данная стратегия неизбежно влечет за собой игнорирование других стилей, что может привести к негативному отношению к студентам, которые мыслят иначе. Кроме этого, сильные стороны стиля мышления, присущего данно-

му студенту, могут стать помехой на пути решения им новых проблем, т. к. каждый стиль (и критический также) обладает положительными качествами и оказывается максимально эффективным лишь в определенных ситуациях.

Логические (левополушарный тип) и интуитивные (правополушарный тип) способности выступают непосредственно качествами, присущими студенту с определенным уровнем развития критического мышления, а также целями этого процесса, которые заключаются в умении личности решать актуальные профессиональные проблемы и задачи.

Логика, являясь высшим проявлением интеллектуального мышления, выступает в то же время точкой отсчета для интеллектуального развития на более высоком уровне профессионального самосовершенствования: «Словесно-логическое мышление не может быть «идеалом» мышления вообще, конечной точкой интеллектуального развития. Дальнейшее совершенствование мышления связывается... с расширением и конкретизацией сфер приложения усвоенных мыслительных норм и техник» (В.И. Слободчиков), т. е. с реализацией профессиональных знаний и умений на практике.

Например, определенный уровень логики необходим для формирования у студентов основ смысловой памяти, без нее невозможно математическое мышление и вербальные построения, а более высокая ступень логики способствует усилению математических способностей, увеличению степени абстракции, новому витку в развитии критического мышления.

Аналогично, интуиция трактуется и как скрытая в глубинах бессознательного первопричина творческого акта (А. Бергсон, Н.О. Лосский, З. Фрейд и др.), и как специфический механизм творческого процесса (что подразумевает возможность его развития и совершенствования), и как особая способность сознания, не сводимая к дискурсивному, логическому мышлению. Высокий уровень интуиции позволяет приобретать знание и делать выводы без последовательного рассуждения, в результате непосредственного понимания, «усмотрения». Профессиональная интуиция считается высшим проявлением компетентности специалиста, являясь специфическим творческим меха-

низмом выхода за границы сложившихся профессиональных стереотипов [12].

Логика и интуиция взаимодополняют друг друга в учебно-профессиональной деятельности студента. Логическое мышление развернуто во времени, имеет четко выраженные и осознаваемые человеком этапы; интуитивное же характеризуется быстротой протекания, неуловимостью и размытостью, минимальной осознанностью. Связующим звеном выступает чувство юмора. С одной стороны, оно – неперенный атрибут высококоразвитого интеллекта, как убедительно показано во многих современных исследованиях, с другой – имеет явные интуитивные черты, основываясь на тонких ассоциациях и аналогиях.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что преподавателю вуза важно в образовательном процессе осуществлять организацию взаимодополнения дуальных качеств и способностей, лежащих в основе индивидуальных познавательных стилей студентов, для расширения совокупности средств и способов эффективного развития их критического мышления.

1. Макарова Л.Н. Индивидуальный стиль педагогической деятельности и мышление преподавателя вуза: вопрос соотношения // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2014. № 1 (23). С. 14-22.
2. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. М., 2002.
3. Макарова Л.Н., Шаршов И.А. Обоснование алгоритмических способов построения индивидуальных траекторий развития критического мышления преподавателя и студента // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 11 (127). С. 108-115.
4. Павлов И.П. Полное собрание сочинений: в 5 т. М., 1951. Т. 3.
5. Москвин В.А., Москвина Н.В. Межполушарные асимметрии и индивидуальные различия человека. М., 2011.
6. Леутин В.П., Николаева Е.И. Функциональная асимметрия мозга: мифы и действительность. СПб., 2005.
7. Макарова Л.Н. Нейропедагогические условия развития критического мышления преподавателя и студента // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 9. С. 159-166.

8. Манько Н.Н. Когнитивная визуализация дидактических объектов в активизации учебной деятельности // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2009. № 2. С. 22-28.
9. Королева А.В. Взаимосвязь индивидуальных когнитивных стилей и критического мышления студентов гуманитарных специальностей // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 11. С. 235-241.
10. Загашев И.О., Заир-Бек С.И. Критическое мышление: технология развития. СПб., 2003.
11. Алексеев А.А., Громова Л.А. Поймите меня правильно, или книга о том, как найти свой стиль мышления, эффективно использовать интеллектуальные ресурсы и обрести взаимопонимание с людьми. СПб., 1993.
12. Шаршов И.А. Профессионально-творческое саморазвитие субъектов образовательного процесса в вузе: дис. ... д-ра пед. наук. Белгород, 2005.

1. Makarova L.N. Individual'nyy stil' pedagogicheskoy deyatel'nosti i myshlenie prepodavatelya vuza: vopros sootnosheniya // Psikhologo-pedagogicheskiy zhurnal Gaudeamus. 2014. № 1 (23). S. 14-22.
2. Kholodnaya M.A. Psikhologiya intellekta. Paradoksy issledovaniya. M., 2002.
3. Makarova L.N., Sharshov I.A. Obosnovanie algoritmicheskikh sposobov postroeniya individual'nykh traektoriy razvitiya kriticheskogo myshleniya prepodavatelya i studenta // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2013. Vyp. 11 (127). S. 108-115.
4. Pavlov I.P. Polnoe sobranie sochineniy: v 5 t. M., 1951. T. 3.
5. Moskvina V.A., Moskvina N.V. Mezhpolutsharnye asimmetrii i individual'nye razlichiya cheloveka. M., 2011.
6. Leutin V.P., Nikolaeva E.I. Funktsional'naya asimmetriya mozga: mify i deystvitel'nost'. SPb., 2005.
7. Makarova L.N. Neyropedagogicheskie usloviya razvitiya kriticheskogo myshleniya prepodavatelya i studenta // Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy. 2014. T. 9. № 9. S. 159-166.
8. Man'ko N.N. Kognitivnaya vizualizatsiya didakticheskikh ob"ektov v aktivizatsii uchebnoy deyatel'nosti // Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya. 2009. № 2. S. 22-28.
9. Koroleva A.V. Vzaimosvyaz' individual'nykh kognitivnykh stiley i kriticheskogo myshleniya studentov gumanitarnykh spetsial'nostey //

- Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy. 2014. T. 9. № 11. S. 235-241.
10. *Zagashev I.O., Zair-Bek S.I.* Kriticheskoe myshlenie: tekhnologiya razvitiya. SPb., 2003.
11. *Alekseev A.A., Gromova L.A.* Poymite menya pravil'no, ili kniga o tom, kak nayti svoj stil' myshleniya, effektivno ispol'zovat' intellektual'nye resursy i obresti vzaimoponimanie s lyud'mi. SPb., 1993.
12. *Sharshov I.A.* Professional'no-tvorcheskoe samorazvitie sub"ektov obrazovatel'nogo protsessa v vuze: dis. ... d-ra ped. nauk. Belgorod, 2005.

Поступила в редакцию 10.04.2015 г.

UDC 378.14

CRITICAL THINKING AND COGNITIVE STYLES OF STUDENTS

Lyudmila Nikolaevna MAKAROVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of General Pedagogy and Psychology Department, e-mail: mako20@inbox.ru
Igor Alekseevich SHARSHOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Methodological Securing of Fundamental Activity Department, e-mail: silans@mail.ru

Anna Valeryevna KOROLEVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of General Pedagogy and Psychology Department, e-mail: anna-valerevna@yandex.ru

Interconnection between individual style of cognitive activity of a student and its influence on development of critical thinking is revealed. It was founded, that the neglect by a teacher of influence of cognitive styles of students on the process of educational and professional activity significantly decreases the quality of preparation of students, does not let them efficiently use their intellectual resources. It was revealed, that the development of critical thinking of students depends on individual trajectory of forming the characteristics of this type of thinking. But the degree of development of the reviewed characteristics is closely connected with individual cognitive style of concrete personality – how the student codes the received information, how he converts it, and which style of stating the problem dominates. The peculiarities of coding of information by students of left cerebral hemisphere and right cerebral hemisphere are analyzed, the specific character of styles of converting of information in the context of development of critical thinking is revealed. Negative consequences of absolute preference of one of styles of thinking (including hypertrophied-critical) were reviewed. It was founded, that for the lecturer of higher educational institute for widening aggregate of means and ways of effective development of critical thinking of students is important in educational process to realize the organization of addition of each other of double-natured qualities and abilities, which lie in the basis of individual cognitive styles of the students.

Key words: critical thinking; individual cognitive style; student; teacher; cognitive style; asymmetry of cerebral hemisphere of brain; visual, audio and kinaesthetic experience.

УДК 378+37.035

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РАМКАХ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

© Мария Алексеевна БОЛГОВА

Российский государственный университет туризма и сервиса,
г. Москва, Российская Федерация, аспирант, кафедра «Экономика
и управление», e-mail: marybolgova@yandex.ru

© Екатерина Александровна ВЕТРОВА

Российский государственный университет туризма и сервиса,
г. Москва, Российская Федерация, кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Экономика и управление», e-mail: EAVetrova@yandex.ru

Рассмотрена проблема формирования позитивной социальной направленности студенческой молодежи в учебно-воспитательном процессе образовательного учреждения высшего образования. Показана актуальность этого процесса в условиях становления рыночной экономики и внедрения Болонского процесса, порождающего существенные изменения в организации, целях, задачах учебно-воспитательного процесса. В контексте социально-педагогического исследования представлена доминирующая роль студенческого коллектива в формировании позитивной направленности. Отмечена важность целенаправленного влияния воспитательной системы на формирование целостной, позитивно ориентированной личности. Существенным компонентом современной модели воспитания специалиста является становление человека творческого, ориентированного на социальные, гуманистические и общечеловеческие ценности, способного осуществлять самостоятельный выбор, работать в коллективе и руководить им, принимать эффективные решения в различных производственных и жизненных ситуациях. В ходе исследования было продемонстрировано, что при условии обеспечения эффективного сотрудничества руководства, преподавателей со студенческой молодежью и малыми группами студентов (академической группой, учебным курсом, факультетом, в т. ч. со студенческим самоуправлением, волонтерскими молодежными объединениями, малыми группами по интересам) формирование позитивной социальной направленности оптимизируется. Данная разветвленная и сложная иерархия малых групп определяет систему социально-педагогических воздействий, которые обеспечивают эффективность развития личности в направлении позитивной установки. Такая трактовка не исключает значимости целенаправленного воздействия штатных преподавателей учебного заведения (кураторов групп) на становление позитивной социальной направленности студенческой молодежи. Эффективность проведенной работы подтверждена лонгитюдным характером исследования.

Ключевые слова: социальная направленность; современная рыночная экономика; модернизация высшего образования; социальное воспитание; социализация; малая группа.

На пути становления рыночных отношений перед учебно-воспитательной системой высшего образования все более актуальной становится проблема воспитания квалифицированного специалиста и руководителя, социально компетентной личности с демократическим мировоззрением, личности, стремящейся к самообразованию, саморазвитию и являющейся конкурентоспособной на рынке труда. Среди компонентов, присущих современной модели воспитания специалиста, особое значение приобретает становление человека творческого, ориентированного на социальные, гуманистические и общечеловеческие ценности, способного осуществлять самостоятельный выбор, работать в коллективе и руководить им, принимать эф-

фективные решения в различных производственных и жизненных ситуациях.

Решению этих задач должна помочь высшая школа, которая осуществляет подготовку качественно нового поколения специалистов. На фоне названных конкретных изменений, требующих педагогического обеспечения, проблема позитивной социальной направленности приобретает наибольшую актуальность на всех уровнях: от студенческой академической группы до масштабов государства. Рост социальной роли человека, возможностей влияния на социум и одновременно зависимости от социума столь значительны, что возникает потребность в квалифицированных специалистах, социально-ориентированных, культурно развитых и ответственных гражданах с развитым чувством

собственного достоинства и коллективного сознания, с развитыми коммуникативными навыками. Это подтверждает неразрывность воспитания у студенческой молодежи глубокого осознания взаимосвязи между идеями личных прав и свобод человека и гражданина и гражданской ответственностью. Тем не менее, очевидно наличие противоречия между общественными потребностями по обеспечению прав и свобод, основными условиями их удовлетворения, состоянием социального сознания современного общества и моральными ценностями каждого человека. Данные противоречия объясняются длительным пренебрежением общечеловеческими ценностями, невниманием преподавателей к студентам как к личностям, распространением технократического мышления, чрезмерной и навязываемой его стандартизацией, неправомерным игнорированием коллективистского воспитания. Ситуация усугубляется недостаточным вниманием к воспитательной роли высшего учебного заведения [1].

Высшая школа осуществляет определяющее влияние на качество и средства реализации социальной политики. Это влияние отражается не только в обеспечении научно-го прогресса, но и в общекультурном развитии, становлении гражданских добродетелей, формировании высокой морали интеллектуальной элиты страны, ответственном отношении к общественным ценностям, росте личной творческой активности, активном участии в самоуправлении, деятельности общественных организаций, в т. ч. волонтерских [2].

В корне изменились цели и задачи воспитания студенческой молодежи, содержание, методы и условия социального становления личности. Эффективность студента во время обучения и по окончании обучения определяется системой компетентностей, которые он (студент) приобретает в стенах учебного заведения и во время внеаудиторной деятельности. В таких условиях особое значение приобретает формирование положительной направленности личности студентов как объективный социально-педагогический процесс. Позитивная направленность личности определяет ее стремление (мотивацию) к получению высокого уровня квалификации, который включает оптимальный уровень знаний, умений и навыков как спе-

циалиста (музыканта, инженера, металлурга, педагога), так и не менее высокий уровень компетентности коммуникативной и корпоративной. Будущий выпускник обязан не только отлично разбираться в базовых принципах своей профессии, но и быть социально компетентным – быть инженером-руководителем, организатором производства, владеющим основами создания и развития коллектива [3].

Формирование направленности личности – многоаспектный процесс, включающий в себя педагогические (воспитание и самовоспитание), социальные (объективные условия жизнедеятельности, социальная среда), психические (особенности психической организации, психического типа), социально-педагогические воздействия. Эти влияния определяют сущностные характеристики и динамику изменений во взглядах, ориентирах, поведении студентов, обеспечивая как непосредственное, так и опосредованное влияние на становление личности студента [4].

Следует отметить, что непосредственной средой, в которой происходит формирование позитивной социальной направленности студенческой молодежи во внеаудиторной деятельности, выступает сфера прямого общения студентов. В данном исследовании определяющим в формировании позитивной социальной направленности студентов во внеаудиторной деятельности признаны те малые социальные группы, в которых студент осуществляет социальные коммуникации. Такими малыми группами в контексте социально-педагогического исследования выступают академическая группа, учебный курс, факультет, студенческое самоуправление, волонтерские молодежные объединения, малые группы по интересам, а также само учебное заведение. Именно эта разветвленная и сложная иерархия малых групп определяет систему социально-педагогических воздействий, обеспечивающих эффективность развития личности в направлении позитивной направленности. Эта трактовка не исключает возможности и значимости целенаправленного воздействия сотрудников учебного заведения на становление позитивной социальной направленности студенческой молодежи [5].

Несмотря на масштабность проведенных исследований, актуальной остается проблема

оптимизации социального и педагогического опыта, теоретического обоснования и практической апробации новых воспитательных методик, направленных на формирование позитивных социальных ориентиров студенческой молодежи. Реализовать эту стратегическую задачу высшего образования возможно через активное включение личности в социально значимую деятельность.

Исследование показало, что в современной научной литературе нет однозначного определения термина «социальная направленность» (англ. “personal trend”). Многообразие существующих концептуальных подходов и направлений изучения обуславливают некоторые различия в основных определениях этого понятия. Более фундаментальной является характеристика с точки зрения отношения человека к системе и к обществу в контексте противоречий «альтруизм – эгоизм». В зависимости того, что в большей степени побуждает человека (мотивы личной заинтересованности – эгоизм, или мотивы, связанные с интересами других людей, – альтруизм), формируются и другие особенности его личности: интересы, черты характера, желания и переживания. Другой стороной, характеризующей социальную направленность личности, является ее отношение к проблемам соотношения коллектива и индивидуализма [6].

У каждого студента развит баланс интересов, который позволит отстаивать собственную позицию, учитывая интересы коллектива, мотивировать личность к положительной деятельности, направленной как на развитие собственной личности, так и поддержку общественных взаимодействий.

На наш взгляд, направленность личности можно определить как специфический компонент структуры внутреннего мира личности, ее «внутреннюю позицию» через выяснение таких составляющих, как роль индивида, социальный опыт и социальные условия. Именно из этого соотношения возникает и внутренняя позиция, т. е. та система потребностей и стремлений, которая, преломляя и опосредствуя воздействие среды, становится непосредственной движущей силой развития новых психических качеств [7].

Таким образом, направленность личности определяет целостность этой личности и обеспечивает устойчивость видения мира и

соответствующей деятельности в контексте преобразования социальной среды и одновременно адаптации к общественным законам.

Направленность – установка практического поведения. Сами поведенческие планы и программы, реализация целей жизнедеятельности и основных средств их достижения формируются на уровне социальных установок и ценностных ориентаций, требуют рационального согласования с коллективом и соответствующего планирования действий в определенной последовательности, т. е. предполагают формирование программы социального поведения [2].

Установка не является чисто субъективным фактором, она возникает в личности под влиянием определенных объективных условий, в первую очередь отвечает требованиям коллектива. При изменении объективных условий действие установки проявляется в том, что новые условия воспринимаются в свете предыдущего опыта и выступают своеобразной призмой, которая преломляет впасть новым условиям.

Таким образом, направленность личности трактуется как относительно устойчивое образование в мотивационной системе личности, которое определяет доминирующее отношение человека к себе (становление самостоятельности), а также к процессам и результатам собственной деятельности в социуме. Направленность характеризуется как специфическое целостно-личностное состояние человека, отвечающее как его потребностям, так и ситуации внешней социальной среды.

Социальная направленность предполагает особую концентрацию внимания к значимым для личности общественным символам, личностно детерминированным мотивам и соответствующим действиям, ориентированным на достижение определенной цели, которая имеет актуальное для данной личности значение. Тем самым социальная направленность определяет как восприятие личностью социальной ситуации, так и выбор соответствующего образа действий и поведения [8].

Важно отметить, что ценностные ориентации в значительной степени определяют направленность личности, поскольку они являются реальным отражением ее внутреннего мира, составной частью и базовой детерминантой ее формирования. Исходя из

того, что содержанием направленности является комплекс социально обусловленных отношений личности к действительности, можно сделать вывод, что ценностные ориентации занимают не только значимое место в становлении сознания, но и определяют поведение.

Социальную направленность личности можно рассматривать как систему сформированных в процессе воспитания и процедуре межличностного общения личностных ценностных ориентаций, жизненных установок и предпочтений. Такая система представляет собой не просто определенную сумму внеличных и неморальных знаний, а целостную систему представлений, понятий, идей, связанных с конкретными эмоциями и утверждениями в их сознании и поведении морально-ценностных ориентаций, связанных с воспитанием высокой культуры, разумных потребностей, всесторонним развитием личности. В зависимости от собственной ориентации на определенные духовные ценности человек выбирает и цели для своей деятельности в той или иной сфере общественных отношений. Социальное воспитание (воспитание в коллективе и через коллектив) немыслимо без передачи личности через воспитательную систему базовых моральных установок человеческого общества, базирующихся на осознании необходимости выполнения общеобязательных законов человеческого бытия. Такое понимание обеспечивает позитивность социальной направленности личности [9].

Проведенное исследование позволило применить теоретическую базу в практике учебных заведений. Организация студенческого самоуправления, проведение системных тренингов социальной направленности, диалоги со студентами по актуальным политическим, экономическим, социальным проблемам, участие в волонтерских акциях, направленных на обеспечение здорового образа жизни студентов, решение экологических и экономических проблем позволили в значительной мере оптимизировать позитивный характер социальной направленности студенческой молодежи. Исследование носило лонгитюдный характер. Экспериментальные группы наблюдались не только в процессе обучения, но и после его завершения с целью определения эффективности проведенного

педагогического взаимодействия со студентами. Проведенные исследования полностью подтвердили как адекватность теоретического обоснования, так и результативность предложенных практических технологий. Анализ процесса формирования позитивной социальной направленности студентов позволял оптимизировать учебно-воспитательный процесс и способствовать формированию будущего квалифицированного специалиста и управленца-руководителя [10–13].

В результате исследования была выявлена сущность социальной направленности личности как совокупность знаний и убеждений человека, которые обуславливают его деятельность. Направленность личности формируется в результате сложной системы постоянных взаимодействий: в социальном взаимодействии в малых группах и целостной взаимной концепции воздействия на них квалифицированных преподавателей и сотрудников высшего учебного заведения. Такая система саморазвития и воспитания определяет формулу социальной направленности, определяется как соотношение альтруизма, ориентированного на достижение личного успеха, и коллективизма во имя поддержания общественного понимания и порядка. Правильное понимание социальной направленности включает взаимовлияние и заимствование личностного для общественного. На наш взгляд, позитивный характер социальной направленности для студенческой молодежи непосредственно зависит от сложившейся атмосферы среди сотрудников высшего учебного заведения.

1. Болгова М.А., Авдеева А.Н. Развитие студенческого самоуправления на примере факультета управления и дизайна РГУТиС // Молодежная политика, воспитательная и патриотическая работа: практика XXI века: материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2013. С. 41-44.
2. Болгова М.А. Технологии социальной работы с молодежью // Молодежная политика, воспитательная и патриотическая работа: практика XXI века: материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2014. С. 28-30.
3. Болгова М.А. Человеческий потенциал проблемы трудовых ресурсов (на примере туризма и гостеприимства) // Актуальные про-

- блемы российского законодательства. 2015. № 9. С. 116-120.
4. *Дубицкий В.В.* Преподавателю нужно быть социологом? // Высшее образование в России. 2002. № 6. С. 134-137.
 5. *Банников С.А.* Стратегии решения конфликтных ситуаций в организации // Вестник Академии. 2008. № 3. С. 66-67.
 6. *Крюкова Е.М., Макеева Д.Р.* Роль экспертов в оценке и сертификации квалификаций персонала сферы сервиса // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2013. № 1. С. 9-14.
 7. *Болгова М.А.* Управление организационной культурой в образовательных организациях высшего образования (занятых в подготовке кадров для индустрии туризма и гостеприимства) // Актуальные проблемы российского законодательства. 2015. № 9. С. 4-8.
 8. *Гаврилов А.Ю., Титова Т.В.* Управление и самоуправление в образовательной деятельности // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2012. № 2. С. 64-71.
 9. *Дубицкий В.В.* О мотивации деятельности преподавателей вуза // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 119-123.
 10. *Крюкова Е.М.* Апробация методики использования индекса эффективности системы управления // Сервис в России и за рубежом. 2012. Т. 36. С. 91-107.
 11. *Новикова Н.Г., Мухоморова И.В.* Проблемы формирования и реализации государственной политики в сфере высшего профессионального образования и пути их решения // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2013. № 1. С. 62-66.
 12. *Новикова Н.Г., Мухоморова И.В.* Развитие высшего образования в условиях современной экономики // Сервис в России и за рубежом. 2014. Т. 8. № 9 (56). С. 81-88.
 13. *Федулин А.А.* Профессионализм – требование времени // Туризм: право и экономика. 2013. № 1. С. 12-13.
 1. *Bolgova M.A., Avdeeva A.N.* Razvitie studencheskogo samoupravleniya na primere fakul'teta upravleniya i dizayna RGUTiS // Molodezhnaya politika, vospitatel'naya i patrioticheskaya rabota: praktika XXI veka: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M., 2013. S. 41-44.
 2. *Bolgova M.A.* Tekhnologii sotsial'noy raboty s molodezh'yu // Molodezhnaya politika, vospitatel'naya i patrioticheskaya rabota: praktika XXI veka: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M., 2014. S. 28-30.
 3. *Bolgova M.A.* Chelovecheskiy potentsial problemy trudovykh resursov (na primere turizma i gostepriimstva) // Aktual'nye problemy rossiyskogo zakonodatel'stva. 2015. № 9. S. 116-120.
 4. *Dubitskiy V.V.* Prepodavatelyu nuzhno byt' sotsiologom? // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2002. № 6. S. 134-137.
 5. *Bannikov S.A.* Strategii resheniya konfliktnykh situatsiy v organizatsii // Vestnik Akademii. 2008. № 3. S. 66-67.
 6. *Kryukova E.M., Makeeva D.R.* Rol' ekspertov v otsenke i sertifikatsii kvalifikatsiy personala sfery servisa // Vestnik Assotsiatsii vuzov turizma i servisa. 2013. № 1. S. 9-14.
 7. *Bolgova M.A.* Upravlenie organizatsionnoy kul'turoy v obrazovatel'nykh organizatsiyakh vysshego obrazovaniya (zanyatykh v podgotovke kadrov dlya industrii turizma i gostepriimstva) // Aktual'nye problemy rossiyskogo zakonodatel'stva. 2015. № 9. S. 4-8.
 8. *Gavrilov A.Yu., Titova T.V.* Upravlenie i samoupravlenie v obrazovatel'noy deyatel'nosti // Vestnik Assotsiatsii vuzov turizma i servisa. 2012. № 2. S. 64-71.
 9. *Dubitskiy V.V.* O motivatsii deyatel'nosti prepodavateley vuzov // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2004. № 1. S. 119-123.
 10. *Kryukova E.M.* Aprobatsiya metodiki ispol'zovaniya indeksa effektivnosti sistemy upravleniya // Servis v Rossii i za rubezhom. 2012. T. 36. S. 91-107.
 11. *Novikova N.G., Mukhomorova I.V.* Problemy formirovaniya i realizatsii gosudarstvennoy politiki v sfere vysshego professional'nogo obrazovaniya i puti ikh resheniya // Vestnik Assotsiatsii vuzov turizma i servisa. 2013. № 1. S. 62-66.
 12. *Novikova N.G., Mukhomorova I.V.* Razvitie vysshego obrazovaniya v usloviyakh sovremennoy ekonomiki // Servis v Rossii i za rubezhom. 2014. T. 8. № 9 (56). S. 81-88.
 13. *Fedulin A.A.* Professionalizm – trebovanie vremeni // Turizm: pravo i ekonomika. 2013. № 1. S. 12-13.

Поступила в редакцию 2.04.2015 г.

UDC 378+37.035

THE FORMATION OF A POSITIVE SOCIAL ORIENTATION OF STUDENTS IN THE FRAMEWORK OF THE MODERNIZATION OF HIGHER EDUCATION

Mariya Alekseevna BOLGOVA, Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation, Post-graduate Student, "Economics and Management" Department, e-mail: marybolgova@yandex.ru

Ekaterina Aleksandrovna VETROVA, Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation, Candidate of Economics, Associate Professor of "Economics and Management" Department, e-mail: EAVetrova@yandex.ru

The problem of forming positive social orientation of students in the educational process of educational institutions of higher education is revealed. The urgency of this process in the conditions of market economy and the introduction of the Bologna process, which generates significant changes in the organization, goals, objectives of the educational process. In the context of socio-pedagogical research shows the dominant role in shaping the student body in a positive direction. The importance of the impact of the educational system focused on the formation of a coherent, positive oriented person. An essential component of a modern model of education professionals is becoming a creative person, based on social, humanistic and universal values that can make an independent choice to work in a team and lead them to make effective decisions in a variety of industrial and real-life situations. The study demonstrated that, if the effectiveness of cooperation management, teachers with students and small groups of students (academic groups, courses, faculty, including those with student government, volunteer youth associations, and small interest groups) the formation of a positive social focus is optimized. This extensive and complex hierarchy of small groups defines the system of social and pedagogical influences that ensure an efficient development of the individual towards positive attitudes. This interpretation does not preclude the possibility and importance of targeting staff "educators" of the institution (the curators of groups) on the formation of a positive social orientation of students. The efficiency of the work is confirmed by a longitudinal nature of the study.

Key words: social orientation; modern market economy; modernization of higher education; social education; socialization; small group.

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 373+371.11

КРИТЕРИИ, ПОКАЗАТЕЛИ И УРОВНИ ГОТОВНОСТИ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ДИРЕКТОРА ПО УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ ШКОЛЫ К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© Юрий Петрович ПРОКУДИН

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат педагогических наук, доцент,
профессор кафедры общей педагогики и психологии,
e-mail: prokudin68@mail.ru

© Татьяна Евгеньевна МИЛОСЕРДОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, методист, соискатель, кафедра общей
педагогики и психологии, e-mail: neznanova-tanya@mail.ru

Раскрывается актуальная проблема для современного этапа развития образования – повышение профессионального мастерства заместителя директора по учебно-воспитательной работе в области инновационных технологий. Прослеживается процесс разработки критериев, показателей и уровней его профессиональной готовности для работы в инновационном режиме. Обосновываются и анализируются выявленные критерии готовности заместителя директора по учебно-воспитательной работе к инновационной деятельности. Это: *мотивационный*, характеризующийся следующими показателями: конкретизацией целей инновационной деятельности; наличием высокого уровня восприимчивости к нововведениям; желанием участвовать в создании, реализации и распространении педагогических инноваций; *креативный*, включающий следующие показатели: открытость к инновациям, творческое воображение, критичность мышления; *операционно-технологический* и его показатели – осознание необходимости внедрения педагогических инноваций в собственной педагогической практике, информированность о новейших педагогических технологиях, знание новаторских методик работы, ориентированной на создание собственных творческих задач, методик и содержащей такой аспект, как настроенность на экспериментальную деятельность; *оценочно-результативный*, представленный следующими показателями: умением анализировать изменения условий профессиональной деятельности, оцениванием соотношений возможностей специалиста и внешних условий, анализированием ситуации; корректировкой программы собственного развития. В соответствии с критериями и показателями выделены уровни готовности к инновационной деятельности, каждый из которых представляет определенную степень сформированности инновационного потенциала заместителя директора по учебно-воспитательной работе.

Ключевые слова: заместитель директора по учебно-воспитательной работе; инновационная деятельность; критерий готовности; показатель; уровень сформированности; инновационная активность.

Реализация приоритетных национальных проектов в сфере образования ставит перед педагогическим сообществом задачу разработки критериев, показателей и уровней готовности педагогических кадров трудиться в условиях инновационного режима. По данным социологических исследований, более 90 % школ Российской Федерации охвачены в настоящее время поиском новых средств, методов и форм образовательной и воспита-

тельной деятельности. В общеобразовательных учреждениях сегодня осуществляется огромное количество разнообразных инновационных процессов. Решение о том, нужны ли изменения в педагогической системе, и если да, то в каких направлениях и какого объема, зависит от анализа ситуации, видения проблем учебного заведения и педагогического коллектива. Опрос руководителей школ показал, что большинство из них испы-

тывают затруднения с реализацией функций инновационной активности подчиненных (55 % опрошенных) и организации внедрения новшеств (54 %). Решение инновационных задач в настоящее время рассматривается как профессиональная обязанность педагога. Эта позиция отражена в Национальной доктрине образования Российской Федерации, где концепцией является идея «участия педагогических работников в научной исследовательской деятельности», «интеграции научных исследований с образовательным процессом». Внимание на инновации акцентировано и в «Требованиях к квалификации педагогических и руководящих работников при присвоении им квалификационных категорий», в «Рекомендациях по определению уровня квалификации педагогических и руководящих работников» и других документах. Изучение официальных требований к современному педагогическому работнику показало, что они должны быть готовы к обобщению, анализу и прогнозированию процесса развития личности и жизнедеятельности обучающихся, осуществлению комплексных преобразований в образовательной системе, преодолению ее противоречий. Педагогические работники должны быть способны решать комплекс исследовательских задач, связанных с различными сферами педагогического труда. Необходима им и готовность к профессионально-педагогической рефлексии, рассмотрению сложных объектов педагогической действительности как целостных явлений, согласованию целей преподавания своей учебной дисциплины с целями развития личности обучаемого, тенденциями функционирования учебного заведения на основе учета интегративных изменений в инструментарии педагогической деятельности [1]. Все вышеизложенное свидетельствует о том, что необходима разработка и обоснование критериев, показателей и уровней профессиональной готовности педагога, работающего в инновационном режиме.

Профессиональная готовность является закономерным результатом специальной подготовки, самоопределения, образования и самообразования, воспитания и самовоспитания. Это психическое, активно-действенное состояние личности, система интегрированных свойств. Такая готовность регулирует деятельность, обеспечивает ее эффектив-

ность. Одним из важных качеств педагога и условий успешности его как профессионала является готовность к инновационной деятельности [2].

По мнению ученых (К. Ангеловски, В.С. Лазарев, Т.Г. Новикова, В.А. Сластенин, С.Б. Смирнов, Т.В. Щербова и др.), для успешной реализации инновационной деятельности необходима специальная подготовка педагогического работника к данной деятельности. В условиях повышения квалификации подготовка педагога к инновационной деятельности понимается как взаимосвязанные, взаимодополняемые и взаимообусловленные процессы: овладение педагогом инновационной деятельностью с учетом субъективного опыта ее осуществления в образовательном учреждении и профессиональное развитие педагога, ориентированного на выполнение инновационной деятельности; результатом данной подготовки является готовность педагога к инновационной деятельности. В исследовании профессиональное развитие учителя рассматривается с позиций результативности его подготовки к инновационной деятельности.

Готовность к инновационной педагогической деятельности – особое личностное состояние, которое предусматривает наличие у педагога мотивационно-ценностного отношения к профессиональной деятельности, владение эффективными способами и средствами достижения педагогических целей, способности к творчеству и рефлексии. Готовность является основой активной общественной и профессионально-педагогической позиции субъекта, которая побуждает к инновационной деятельности и способствует ее производительности [2].

Под готовностью к инновационной деятельности В.С. Лазарев понимает совокупность качеств учителя, определяющих его направленность на развитие собственной педагогической деятельности и деятельности всего коллектива школы, а также его способности выявлять актуальные проблемы образования учеников, находить и реализовать эффективные способы их решения [3].

Под готовностью к нововведениям мы понимаем личностное проявление творческого стиля деятельности, в котором своеобразно сочетаются определенная личностная направленность знания и практические умения

реализовать новые способы и формы осуществления профессиональной деятельности. Таким образом, педагог-новатор – это автор новой педагогической системы, т. е. совокупности взаимосвязанности идей и соответствующих технологий. Только педагог-новатор может включиться в инновационную деятельность образовательного учреждения.

Готовность к инновационной деятельности является внутренней силой, которая формирует инновационную позицию педагога. По структуре это сложное интегративное образование, охватывающее разнообразные качества, свойства, знания, навыки личности. Как один из важных компонентов профессиональной готовности, она является предпосылкой эффективной деятельности педагога, максимальной реализации его возможностей, раскрытия творческого потенциала. Источники готовности к инновационной деятельности достигают проблематики личностного развития, профессиональной направленности, профессионального образования, воспитания и самовоспитания, профессионального самоопределения педагогов.

Готовность к инновационной деятельности напрямую зависит от инновационной компетентности педагога, работающего с новшествами. Инновационная компетентность заместителя директора по учебно-воспитательной работе – система мотивов, знаний, умений, навыков, личностных качеств педагога, обеспечивающая эффективность использования новых педагогических технологий в работе. Компонентами инновационной компетентности педагога является осведомленность об инновационных педагогических технологиях, надлежащее владение их содержанием и методикой, высокая культура использования инноваций в учебно-воспитательной работе, личная убежденность в необходимости применения инновационных педагогических технологий. В современных условиях инновационная деятельность заместителя директора по учебно-воспитательной работе должна соответствовать основным принципам.

1. Принцип интеграции образования. Предусматривает усиленное внимание к личности каждого ребенка как высшей социальной ценности общества, ориентацию на формирование гражданина с высокими ин-

теллектуальными, моральными, физическими качествами.

2. Принцип дифференциации и индивидуализации образования. Настраивает на обеспечение условий для полноценного проявления и развития способностей каждого воспитанника.

3. Принцип демократизации образования. Соблюдение его обязывает к созданию предпосылок для развития активности, инициативы, творчества учащихся и учителей, заинтересованной их взаимодействием, участия общественности в управлении образованием.

Реализация этих принципов требует перехода от нормативной к инновационной и творческой деятельности, что предусматривает изменение характера образовательной системы, содержания, методов, форм, технологий обучения и воспитания. Целью образования при таких условиях является свободное развитие индивидуальных способностей, мотивов, личностных ценностей разносторонней творческой личности [2].

По мнению В.А. Сластенина, готовность к инновационной деятельности – это целостный психологический феномен, представляющий единство когнитивного (знания инноваций, способов их применения и пр.), аффективного (положительное отношение к педагогическим инновациям, эмпатия, преобладание положительных эмоций в профессиональной деятельности и пр.) и конативного (деятельностного) компонентов.

Когнитивный компонент, в основе которого лежит профессионально-педагогическая компетентность, предполагает владение педагогическими знаниями по предмету, методике его преподавания, знания о содержании, сущности и специфике инноваций в педагогической деятельности. Аффективный компонент включает отношение к педагогической профессии, к детям, отношение и самооценка себя как будущего учителя, самооценка своих творческих способностей, уровень эмпатии. Конативный компонент имеет несколько подструктур: мотивационную (мотивы самоутверждения, самореализации, профессиональная направленность); операционально-технологическую (умение перерабатывать и интерпретировать образовательные проекты, проводить анализ собственных возможностей, формулировать цели,

этапы, подходы к применению новшества, прогнозировать результаты инновационной деятельности; осуществлять контроль и коррекцию введения новшества и др.). Основной характеристикой психологической готовности к инновациям в профессионально-педагогической деятельности является креативность, которая проявляется во всех структурных компонентах психологической готовности. Формирование психологической готовности к инновационной деятельности имеет глубокий социально-педагогический смысл, т. к. от ее решений зависит успех преобразований в системе образования, перспективы развития образовательных учреждений [4].

Теоретико-методологическими основами для разработки средств мониторинга в образовании и, в частности, критериев и параметров профессионального становления педагога, ориентированного на инновационную деятельность, являются работы А.Н. Майорова, С.Е. Шишова и В.А. Кальней. Анализ научных трудов по квалитметрии (М.М. Калейчик, В.Н. Фомин, И.А. Шаршов) позволил уточнить суть понятия «критерии» и «показатели». Под критерием (от греческого *kriterion* – средство для суждения) в энциклопедической литературе понимается признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо; мерило оценки. Критерий выражает наиболее общий сущностный признак, по которому происходит оценка явления, и включает совокупность показателей, раскрывающих определенный уровень какого-либо явления. Под критериями понимается качественная характеристика объекта мониторингового исследования, показатели определяются как средства качественной или количественной оценки критериев.

Критерии профессионального становления педагогического работника исходя из особенностей личностного и профессионального развития рассматривают в своих работах Г.М. Андреева, А.А. Бодалев, Л.Н. Макарова, А.К. Маркова, Л.М. Митина, Н.И. Шевандрин.

Опираясь на методику, разработанную В.А. Сластениным, мы выделили следующие критерии готовности заместителя директора по учебно-воспитательной работе к инновационной деятельности:

- мотивационный;

- креативный;
- операционно-технологический;
- оценочно-результативный.

Мотивационный критерий инновационной готовности заместителя директора по учебно-воспитательной работе характеризуется внутренним побуждением объекта к росту в своей деятельности, к высокой подготовленности к выполнению профессиональных задач, связанным с удовлетворением его потребностей, интересом к совершенствованию профессии, стремлением добиться успеха в профессиональной деятельности; пониманием значимости принимаемых профессиональных решений, совершаемых действий; побуждением активно участвовать в социальной жизни и т. д. Мотивационный критерий готовности к инновационной деятельности, на наш взгляд, является основным и системообразующим, поскольку от мотивации зависит активность личности, направленность ее дальнейшей деятельности. Успех в любом виде деятельности зависит от мотивационной установки. Индивиды с высоким уровнем мотивации больше работают и, как правило, достигают лучших результатов [5]. Мотивационный компонент готовности к инновационной деятельности является базой, на которой строятся основные профессиональные качества педагогического работника. Для эффективного самосовершенствования заместителя директора по учебно-воспитательной работе необходимо: создать необходимые мотивационные условия повседневной профессиональной деятельности, которые будут побуждать членов педагогического коллектива к самосовершенствованию и тем самым формировать готовность к инновационной педагогической деятельности; формировать у членов педагогического коллектива соответствующие потребности и мотивы. Система мотивов выполняет регулятивную функцию в процессе переподготовки заместителя директора по учебно-воспитательной работе к инновационной деятельности и способствует формированию стойкого стремления к профессиональному развитию и росту. Мотивационный критерий указывает на самореализацию личности как профессионала в инновационной деятельности, на уровень восприимчивости к нововведениям, на потребность в создании инновационных проектов как нового способа решения педагоги-

ческих проблем [6]. Продуктивность готовности к инновационной деятельности во многом зависит от силы и структуры профессиональной мотивации заместителя директора по учебно-воспитательной работе. «Удовлетворенность деятельностью тем выше, чем оптимальнее у педагога мотивационный комплекс: высокий вес внутренней и внешней положительной мотивации и низкий – внешней негативной» [7, с. 121].

Современный заместитель директора по учебно-воспитательной работе должен обладать готовностью к инновационной деятельности, которая включает в себя высокую мотивацию достижения, направленность на дело, высокую степень самоактуализации личности.

Таким образом, важный фактор, который обеспечивает успех в педагогической инновационной деятельности, – это мотивация. Инновационная деятельность педагогического работника общественно мотивирована, но она побуждается и личными внешними, и процессуально-содержательными мотивами, детерминирована множеством потребностей (от физиологических до потребности в самоактуализации).

Данный критерий определяется следующими показателями:

- сформированностью целей инновационной деятельности;
- наличием высокого уровня восприимчивости к нововведениям;
- желанием участвовать в создании, реализации и распространении педагогических инноваций.

Креативный критерий инновационной готовности. Педагогическая деятельность квалифицируется как творчество. В педагогическом творчестве присутствует субъективная новизна мыслей, позиций, оценок, возникающих в ходе учебного проектирования и реализуемых на практике. Большинство исследователей определяют творчество как системное явление, состоящее из совокупности взаимосвязанных компонентов: способностей, творческого процесса, индивидуального развития творческих способностей и качеств личности, обеспечивающих творческую деятельность.

Творческое мышление – это такое мышление, результатом которого является открытие принципиально нового или усовершенст-

вование способов решения задачи. Известный американский исследователь Дж. Гилфорд выделил четыре основных признака творческого мышления:

1) оригинальность, которая характеризует своеобразие творческого мышления, необычность подхода к проблеме, способность давать нестандартные ответы;

2) гибкость – способность к разнообразию ответов, к быстрому переключению; она определяется обычно степенью разнообразия ответов, возможностью найти как можно больше способов решения и применения или в способности изменить форму стимула так, чтобы увидеть в нем новые возможности;

3) интеграцию – способность одновременно учитывать несколько противоположных условий, посылок или принципов;

4) чувствительность – умение подметить едва заметные детали, сходство или различие в предмете, явлении, событии [8].

В качестве препятствий творческого мышления выступают:

- конформизм (стремление быть как все, боязнь выделиться, через внутреннюю цензуру человек отбраковывает все, что может вызвать неодобрение другими людьми);
- ригидность (стремление мышления идти проторенными путями, решать задачи привычными способами);
- излишне высокая мотивация (стремление найти ответ немедленно, использовать первое пришедшее в голову решение, не являющееся новаторским).

Творческое воображение – это процесс создания новых образов, т. е. образов таких объектов, которых вообще нет в действительности. Изобретательство, рационализаторство, разработка новых форм обучения и воспитания основываются на творческом воображении. В воображении различают субъективную и объективную новизну результата. Творческое воображение носит профессиональный характер и способствует развитию многих качеств индивида. Ценность личности определяется преобладающими в ней видами воображения: чем более активные и значимые, тем более зрелая личность. Следовательно, воображение – один из познавательных процессов, характеризующих определенный уровень развития сознания личности, ее творческого потенциала.

Опираясь на исследования педагогического творчества отечественных и зарубежных исследователей (С.О. Сысоева, В.И. Загвязинский, Я.А. Пономарев, Н.В. Кичук и др.), а также исследования творческого компонента готовности к инновационной деятельности И.Е. Пискаревой, выделяем следующие показатели креативного критерия:

- открытость к инновациям;
- творческое воображение;
- критичность мышления.

Операционно-технологический критерий инновационной готовности. Данный критерий включает в себя знания о сущности и специфике инноваций, их виды и признаки, сущность педагогических инновационных технологий и образовательных программ. Приобретенные знания не являются статичными, они проявляются в деятельности и не закрепляются без определенного уровня оперирования ими. Этот критерий характеризуется умением обрабатывать и анализировать новые данные; грамотным внедрением инновационных образовательных технологий в образовательный процесс; готовностью раз-

рабатывать и внедрять инновационные образовательные технологии для повышения качества обучения. Операционно-технологический критерий определяется следующими показателями:

- осознанием необходимости внедрения педагогических инноваций в собственной педагогической практике;
- информированностью о новейших педагогических технологиях, знаниях новаторских методик работы;
- ориентацией на создание собственных творческих задач, методик, настроенностью на экспериментальную деятельность.

Оценочно-результативный критерий инновационной готовности проявляется в таких процессах, как самооценка и оценивание деятельности другого индивида. Процесс рефлексии связан с мотивами инновационной деятельности и является очень важным в переподготовке специалиста, т. к. высокоразвитая личностная мотивация и рефлексия, которые соответствуют целям учебно-воспитательного процесса, обеспечивают успешную реализацию инновационных технологий,

Таблица 1

Критерии, показатели и формы диагностики готовности
к инновационной деятельности заместителя директора
по учебно-воспитательной работе образовательного учреждения

Критерии	Показатели	Формы диагностики
Мотивационный	– сформированность целей собственной инновационной деятельности; – наличие высокого уровня восприимчивости к нововведениям; – желание участвовать в создании, реализации и распространении педагогических инноваций	– «выявление направленности личности» (ориентационная анкета) (Б. Басс); – методика диагностики мотивационной сферы личности (Ж. Ньютона)
Креативный	– чувствительность к инновациям (открытость к инновациям); – творческое воображение и активность; – гибкость, критичность мышления	– методика «Карта интересов» (Е.А. Климов); – методика «Ориентация на художественно-эстетические ценности»
Операционно-технологический	– осознание необходимости внедрения педагогических инноваций в собственной педагогической практике; – информированность о новейших педагогических технологиях, знаниях новаторских методик работы; – ориентация на создание собственных творческих задач, методик, настроенность на экспериментальную деятельность	– методики диагностики профессиональной направленности личности (Дж. Голланд); – методика выявления и оценки профессионально важных качеств специалистов системы «человек – техника»
Оценочно-результативный	– умение анализировать изменения условий профессиональной деятельности; – умение оценивать соотношение возможностей специалиста и внешних условий, анализировать ситуацию; – умение корректировать программу собственного развития	– опросник профессиональной готовности (ОПГ); – Краткий тест творческого мышления (П. Торранс)

саморазвитие и самореализацию заместителя директора по учебно-воспитательной работе. Для выявления оценочно-результативного критерия мы предлагаем следующие показатели:

- умение анализировать изменения условий профессиональной деятельности;
- умение оценивать соотношение возможностей специалиста и внешних условий, анализировать ситуацию;
- умение корректировать программу собственного развития.

Исходя из вышеуказанных критериев и показателей выявления инновационного потенциала заместителя директора по учебно-воспитательной работе выделяем четыре уровня готовности к инновационной деятельности.

Интуитивный уровень сформированности готовности к инновационной педагогической деятельности. Педагогические работники, которых за особенностями их мышления и практической деятельности причисляют к этому уровню сформированности готовности, относятся к инновационной проблематики в качестве альтернативы традиционной практике. Основой такого отношения является эмоциональный и интуитивный настрой на восприятие нового потому, что оно новое, а не глубокие теоретические знания особенностей инновационной идеи или анализ педагогической практики, которая на этой идее базируется. Педагогическая рефлексия у них не сформирована.

Репродуктивный уровень сформированности готовности к инновационной педагогической деятельности. Эта категория педагогов хорошо знакома с теоретическими основами, содержанием, конкретными методиками педагогов-новаторов, нередко применяет элементы этих систем в собственной педагогической деятельности. Однако использование инноваций в их педагогической практике является неупорядоченным, ситуативным. Отдельные педагоги считают, что новые технологии могут быть применены только их авторами. Педагогическая рефлексия в них выражена недостаточно.

Исследовательский уровень сформированности готовности к инновационной педагогической деятельности. Педагогические работники, которых причисляют к этой группе, пытаются работать по-новому, во-

площадь в собственной деятельности известные технологии и методики учебно-воспитательной работы. Они охотно идут на эксперимент, не скрывают ни своих успехов, ни ошибок, открыты для публичного обсуждения, осмысления педагогических инноваций.

Креативный уровень сформированности готовности к инновационной педагогической деятельности. Педагогические работники, которые творчески относятся к инновационной деятельности, имеют широкие и содержательные знания о новых научных и новаторских подходах к обучению и воспитанию, владеют новейшими технологиями и создают собственные (табл. 1). Реализация творческого потенциала в инновационном процессе для многих из них является важнейшим ориентиром деятельности [9, с. 89].

Необходимо отметить, что недостаточно только знать о существовании инновационных образовательных моделей, программ, технологий. Чтобы заместитель директора по учебно-воспитательной работе мог хорошо ориентироваться в пространстве возможностей и мог сделать правильный выбор, он должен хорошо понимать условия их эффективного применения. Всякое изменение в деятельности должно быть не только актуальным, но соответствовать реально существующим в данной школе условиям. Если учебный план ориентируется на работу, реализующую технологию развивающего, проблемного или исследовательского обучения, то педагогический процесс в школе строится по знаниево-ориентированной модели, и заместитель директора по учебно-воспитательной работе должен отдавать себе отчет в том, что в этих условиях возможно лишь частичное применение инновационной технологии. Степень компетентности заместителя директора по учебно-воспитательной работе в инновационном образовании может быть различной, поэтому различным будет и уровень его готовности к инновационной деятельности в этом аспекте [10, с. 164].

1. Аттестация педагогических и руководящих кадров в образовании. М., 2006.
2. Дерновский И. Инновационные педагогические технологии. К., 2009.
3. Лазарев В.С. Инновационная деятельность учителя. URL: <http://in-exp.ru/archive/54-in-dejat-taecher.html> (дата обращения: 20.03.2015).

4. *Сластенин В.А., Подымова Л.С.* Педагогика. Инновационная деятельность. М., 1997.
5. *Зайцева И.В.* Мотивация учения студентов. Ирпень, 2000.
6. Электронная библиотека. URL: <http://www.info-library.com.Ua/libs/stattay/1647-kriteriy-ta-pokazniki-rivya-gotovnosti-majbutnih-uchiteliv-do-innovatsijonaji-dijalnosti.html> (дата обращения: 20.03.2015).
7. *Строкова Т.И.* Мониторинг педагогических нововведений // Директор школы. 2006. № 6.
8. *Гилфорд Дж.* Психология мышления. М., 1965.
9. *Прокудин Ю.П.* Педагогическое проектирование в деятельности общественно активной школы как фактор ее инновационного развития // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 3 (111).
10. *Прокудин Ю.П., Милосердова Т.Е.* Модель развития инновационного потенциала заместителя директора по УВР в системе повышения квалификации // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 11 (127).
3. *Lazarev V.S.* Innovatsionnaya deyatel'nost' uchitelya. URL: <http://in-exp.ru/arhive/54-in-dejattaecher.html> (data obrashcheniya: 20.03.2015).
4. *Slastenin V.A., Podymova L.S.* Pedagogika. Innovatsionnaya deyatel'nost'. M., 1997.
5. *Zaytseva I.V.* Motivatsiya ucheniya studentov. Irpen', 2000.
6. Elektronnaya biblioteka. URL: <http://www.info-library.com.Ua/libs/stattay/1647-kriteriy-ta-pokazniki-rivya-gotovnosti-majbutnih-uchiteliv-do-innovatsijonaji-dijalnosti.html> (data obrashcheniya: 20.03.2015).
7. *Strokova T.I.* Monitoring pedagogicheskikh novovvedeniy // Direktor shkoly. 2006. № 6.
8. *Gilford Dzh.* Psikhologiya myshleniya. M., 1965.
9. *Prokudin Yu.P.* Pedagogicheskoe proektirovanie v deyatel'nosti obshchestvenno aktivnoy shkoly kak faktor ee innovatsionnogo razvitiya // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2013. Vyp. 3 (111).
10. *Prokudin Yu.P., Miloserdova T.E.* Model' razvitiya innovatsionnogo potentsiala zamestitelya direktora po UVR v sisteme povysheniya kvalifikatsii // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2013. Vyp. 11 (127).
1. Attestatsiya pedagogicheskikh i rukovodyashchikh kadrov v obrazovanii. M., 2006.
2. *Dernovskiy I.* Innovatsionnye pedagogicheskie tekhnologii. K., 2009.

Поступила в редакцию 6.04.2015 г.

UDC 373+377.11

THE CRITERIA, INDICES AND LEVELS OF READINESS OF THE DEPUTY DIRECTOR ON TEACHING AND EDUCATIONAL WORK OF SCHOOL TO INNOVATIONAL ACTIVITY

Yuriy Petrovich PROKUDIN, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Professor of General Pedagogics and Psychology Department, e-mail: prokudin68@mail.ru

Tatyana Evgenievna MILOSERDOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Methodologist, Competitor, General Pedagogics and Psychology Department, e-mail: neznanova-tanya@mail.ru

The relevant problem for modern stage of development of education – increase of professional skill of deputy director on teaching and educational work in the sphere of innovational technologies is revealed. The process of development of criteria, indices and levels of its professional readiness for work in innovational conditions is traced. The revealed criteria of readiness of deputy director on teaching and educational work to innovational activity is analyzed and justified. This is a *motivational*, characterized with the following indices: concretization of aims of innovational activity; the presence of high level of receptivity to innovations; the wish to participate in creating, realization and spreading the pedagogic innovations; *creative*, including the following indices: openness to innovations, creative imagination, criticism of thinking; *operational and technological* and its indices – understanding of the need of implementing pedagogic innovations In the pedagogic practice, awareness about the newest pedagogic technologies, knowledge of innovational methods of work, oriented at creating the creative tasks, methods and containing such aspect as orientation at experimental activity; *estimating and resultive*, presented by the following markers: the ability to analyze the changes of conditions of professional activity, estimating the cooperation of possibilities of specialist and external conditions, analyzing the situation; correction of program of the development itself. According to criteria and indices were marked the levels of readiness to innovational activity, every level of which presents special degree of forming of innovational potential of deputy director on teaching and educational work.

Key words: deputy director on teaching and educational work; innovational activity; criteria of readiness; index; level of forming; innovational activity.

УДК 378.147.34

УЧЕТ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ВОЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА

© Олег Юрьевич АКУЛОВ

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»,
г. Воронеж, Российская Федерация, начальник курса 9 факультета
авиационного оборудования, e-mail: akulovvvs@gmail.com

Раскрыто понятие профессиональной мобильности военных специалистов как интегративного личностного качества, предложено обратить внимание на востребованность учета в образовательном процессе военного вуза всех факторов, влияющих на ее формирование. Выделены два вида факторов – внутренние и внешние (по отношению к самому индивиду). На основе анализа психолого-педагогической литературы и проведенного автором исследования даны характеристики и указано педагогическое значение внешних факторов формирования профессиональной мобильности военных специалистов, а именно: внутри- и внешнеполитической активности государства в определенной общественно-политической, социально-экономической, национально-демографической, криминальной и религиозной обстановке, наличия служебных перспектив, совокупности господствующих в армии ценностей и установок, специфики усложняющегося содержания военной службы, сложной структуры Вооруженных сил, престижности профессии, состояния финансово-материального обеспечения военнослужащих и армейской инфраструктуры, географического расположения места прохождения службы относительно культурных и социально-экономических центров. Структура военной системы охарактеризована как традиционно определенно замкнутая, при которой кадровые перемещения строго регламентированы. Показано, что, между тем, вариативность поведения служащих Вооруженных сил, напрямую связанная с их профессиональной мобильностью, обуславливает возможность и гибкость реагирования на меняющиеся социальные и служебные обстоятельства. Отмечено, в каких ситуациях конкретные факторы становятся ведущими, активизируют или подавляют проявление военными специалистами профессиональной мобильности.

Ключевые слова: профессиональная мобильность военного специалиста; факторы профессиональной мобильности военного специалиста; профессиональное развитие; мировоззрение военного специалиста.

Профессиональная мобильность военного специалиста – интегративное качество личности. Его сформированность выражается в наличии внутренней установки на самоанализ и саморазвитие, стремление добиваться успеха. Изменение места и / или содержания профессиональной военной деятельности определяется, с нашей точки зрения, рядом *факторов*. В зависимости от конкретной ситуации и личностных особенностей военного специалиста те или иные факторы становятся ведущими. В научной психолого-педагогической литературе под «фактором» понимается «существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе». По словам И.Ф. Бережной и Л.Н. Мотуновой, фактор – это «действующая сила, то, что влияет, определяет, преобразовывает – это причины, импульсы, которые способны воздействовать и влиять». Исходя из того, что фактор – это объективно существующее обстоятельство, проявление того, что реально воздействует,

влияет, определяет, их можно выявить, проанализировать и учесть в педагогической деятельности. В связи с тем, что факторы могут иметь три реальных педагогических значения: позитивное, т. е. оказывать позитивное воздействие на то или иное явление; нейтральное или негативное, т. е. негативно влиять или воздействовать на то или иное явление, актуализируется задача педагога по их выявлению и учету [1, с. 24].

Применительно к системе военного образования, по мнению А.Д. Лопуха, приоритетны факторы общегосударственного макроуровня, формирующего заказ на подготовку офицера и определяющего направленность его воспитания. Требования должны быть публично обозначены и поддержаны государством. Выступая и объектом, и субъектом воспитания, активная личность формируется через призму этнических и социально-групповых интересов [2].

Нам представляется верным выделить два вида факторов, воздействующих на развитие профессиональной мобильности курсантов военного вуза, – внешние и внутренние (по отношению к самому индивиду).

К *внутренним факторам*, по нашему мнению, относятся: темперамент; возраст; психологическое и физическое здоровье; система жизненных ценностей и ориентиров (мировоззрение военного специалиста, целеустремленность, уверенность в себе); потребность в самореализации в военной сфере (желание реализовывать перспективные жизненные цели посредством служения Родине, через карьеру офицера); принадлежность к профессиональной династии; личные ресурсы – знания, полученные в процессе карьерного роста, кругозор, профессиональная компетентность, выработанные коммуникативные навыки в отношении близкого и дальнего социального окружения, эмоциональная стабильность; пол и семейное положение; предыдущий жизненный опыт личности.

При всей значимости внутренних факторов, по нашему мнению, интерес представляют и *внешние факторы*, к числу которых можно отнести: внутри- и внешнеполитическую активность государства; наличие служебных перспектив; совокупность господствующих в армии ценностей и установок; специфику усложняющегося содержания военной службы; сложную структуру (должностей) Вооруженных сил; престижность профессии; состояние финансово-материального обеспечения военнослужащих и армейской инфраструктуры; географическое расположение места прохождения службы.

Внутри- и внешнеполитическая активность государства. Российское военное строительство осуществляется в сложной общественно-политической, социально-экономической, национально-демографической, криминальной и религиозной обстановке: ставятся задачи, требующие оперативного грамотного решения, осуществляется координация действий различных частей Вооруженных сил. Кроме того, в случаях природных катаклизмов и /или техногенных катастроф военных специалистов привлекают к оказанию помощи гражданскому населению, в ходе оказания которой им приходится выполнять несвойственные занимаемым долж-

ностям функции. Также положительным фактором для проявления профессиональной мобильности офицера могут выступать учения: представляется возможность «применить» роли, не свойственные для занимаемой должности.

Наличие служебных перспектив. Конкуренция при движении по карьерной лестнице заставляет офицера непрерывно повышать уровень знаний, совершенствовать профессиональное мастерство и воздерживаться от дисциплинарных проступков. На высокие командные должности отбирают лучших офицеров. Структура военной системы традиционно характеризуется определенной замкнутостью, при которой кадровые перемещения строго регламентированы. Тем не менее, чередование обучения, мест и должностей службы, периодическое прохождение процедуры аттестации позволяет аккумулировать необходимый служебный опыт и необходимые знания для исполнения более высоких должностей.

Совокупность господствующих в армии ценностей и установок. Уровень профессиональной культуры сотрудников, престиж профессии военного в представлении конкретного коллектива, одобряемые характеристики участвуют в формировании активности и готовности к выполнению различных служебных задач. Стремление легко устанавливать формальные и неформальные контакты с коллегами, получать их поддержку, а также информацию, адаптироваться к изменяющимся условиям порождает потребность быть «одним из команды».

В.Е. Талынёв условно подразделяет ценности военной службы на две категории: имеющие материальную заинтересованность (среди них: льготы, денежное содержание, решение жилищной проблемы), и основанные на духовных началах (защита Отечества – священный долг каждого гражданина и его конституционная обязанность, воинская честь и достоинство, армия – школа каждого мужчины, физическое совершенствование, симпатия к профессии военного человека и др.) [3].

В положительном проявлении сложившиеся в воинском коллективе представления о «правильной» жизни определяют жизненные стратегии военнослужащих. Негативное воздействие, выражающееся в опеке со сто-

роны властей, регламентированности, чаще всего, сводят к минимуму вариативность поведения служащих Вооруженных сил, снижают возможность и гибкость реагирования на меняющиеся социальные и служебные обстоятельства. Ценности военнослужащих меняются и развиваются не столько под влиянием социальной практики, сколько в процессе боевой службы и других видов воинской деятельности. Поощряя или критикуя разделяемые в армии ценностные установки, государство способно активизировать или подавлять проявления военными профессиональной мобильности.

Специфика усложняющегося содержания военной службы. Совокупность военных специальностей отличается по родам войск, по содержанию выполняемых служебных задач. В зависимости от конкретной специальности офицер может преимущественно заниматься командованием или самостоятельно работать со сложной боевой техникой. В соответствии с утвержденным планом деятельности Министерства обороны на 2013–2020 гг. Российской армии предстоят технические, социальные, экономические и иные перемены. Современный офицер обязан предвидеть на основе знаний развитие событий по исполняемой должности, владеть эффективной профессиональной методологией, позволяющей ее успешно применять для разрешения проблем «на разных работах». Операции и боевые действия перестали быть присущими только одному роду войск. Военный специалист, обнаруживая, что его прежние знания, умения и навыки не годятся, должен понять, как приспособить к новым обстоятельствам то, что он знает и умеет, а также найти источники новой информации и обработать ее.

Сложная структура Вооруженных сил. Максимальные положительные результаты возможны при четком представлении органом военного управления, кто из должностных лиц военной организации на что способен и как сделать так, чтобы высокий профессионализм и опыт человека были вовремя замечены и востребованы.

Престижность профессии. Государственная политика поддержки престижа военных специальностей способствует увеличению числа людей, стремящихся к развитию карьеры и видящих в армии возможности для

нее. Стремление повысить свой социальный статус через профессиональный рост, найти должность с комфортными условиями службы, приносящую более высокий доход, способствует активизации профессиональной мобильности военного специалиста.

Состояние финансово-материального обеспечения военнослужащих и армейской инфраструктуры. В последнее время возрос уровень материально-технического обеспечения Вооруженных сил в связи с повышением интенсивности и продолжительности маневров, учений, активизации работы с системами удаленного доступа, что положительно сказывается на уровне профессионализма военнослужащих. Удовлетворенность офицера имеющимися денежным содержанием, жилищно-бытовыми условиями, транспортными и иными коммуникациями, социальной инфраструктурой (медицинским обслуживанием военнослужащих и членов их семей, образовательными организациями) способствует проявлению профессиональной мобильности.

А.В. Барановой используется термин «символическая мобильность». Она полагает, что использование символов представляет статус, которого в реальности может и не существовать (высокооплачиваемая работа, жилье в хорошем районе, качественное образование), но может и возникнуть в дальнейшем благодаря налаживанию социальных связей с представителями желаемой статусной позиции [4, с. 82]. Демонстративное потребление, по ее мнению, способно стать фактором социальной мобильности, когда востребовано то, что можно выставить напоказ.

Географическое расположение места прохождения службы. Удаленность от столицы и мест концентрированной дислокации Вооруженных сил может предоставлять меньше шансов для профессионального развития. И, тем самым, снижать проявление профессиональной мобильности. У специалистов, проходящих службу в удаленных регионах, выше мотивация к переводу на должности в подразделения, расположенные в непосредственной близости к культурным и социально-экономическим центрам.

Таким образом, в зависимости от конкретной ситуации и личностных особенностей военного специалиста те или иные факторы становятся ведущими. Эффективность

реализации профессиональной мобильности военного специалиста определяет благополучие самой личности, а также оказывает положительное воздействие на Вооруженные силы страны.

1. *Бережная И.Ф., Мотунова Л.Н.* Индивидуальная траектория профессионального развития специалиста. Воронеж, 2010.
2. *Лопуха А.Д.* Основные факторы, влияющие на эффективность системы воспитания. URL: <http://scireg.informika.ru> (дата обращения: 10.12.2009).
3. *Талынёв В.Е.* Социальный механизм формирования ценностно-мотивационной структуры личности руководителя органов государственной военной службы: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Хабаровск, 2010.
4. *Баранова А.В.* Потребление как фактор социальной мобильности: возможности и ограни-

чения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 5. С. 79-88.

1. *Berezhnaya I.F., Motunova L.N.* Individual'naya traektoriya professional'nogo razvitiya spetsialista. Voronezh, 2010.
2. *Lopukha A.D.* Osnovnye faktory, vliyayushchie na effektivnost' sistemy vospitaniya. URL: <http://scireg.informika.ru> (data obrashcheniya: 10.12.2009).
3. *Talynev V.E.* Sotsial'nyy mekhanizm formirovaniya tsennostno-motivatsionnoy struktury lichnosti rukovoditelya organov gosudarstvennoy voennoy sluzhby: avtoref. dis. ... d-ra sots. nauk. Khabarovsk, 2010.
4. *Baranova A.V.* Potrebleniye kak faktor sotsial'noy mobil'nosti: vozmozhnosti i ogranicheniya // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2011. № 5. S. 79-88.

Поступила в редакцию 14.04.2015 г.

UDC 378.147.34

THE ACCOUNTING OF EXTERNAL FACTORS WHEN FORMING PROFESSIONAL MOBILITY OF THE MILITARY EXPERT

Oleg Yuryevich AKULOV, Military Educational-Scientific Centre of Air Force "Zhukovsky and Gagarin Air Force Engineering Academy", Voronezh, Russian Federation, Head of the 9 Course of the Faculty of Air Equipment, e-mail: akulovvvs@gmail.com

The concept of professional mobility of military experts as integrative personal quality is revealed, it is offered to pay attention to an account demand in educational process of military higher education institution of all factors influencing its formation. Two types of factors – internal and external (in relation to the individual) are marked. On the basis of the analysis of psychological and pedagogical literature and the research conducted by the author characteristics are given and pedagogical value of external factors of formation of professional mobility of military experts is specified, namely: inside- and foreign policy activity of the state in a certain political, social and economic, national and demographic, criminal and religious situation, existence of office prospects, set of the values and installations dominating in army, specifics of the becoming complicated maintenance of military service, difficult structure of Armed Forces, prestigiousness of the profession, a condition of financial material security of the military personnel and army infrastructure, a geographical arrangement of a place of service of rather cultural and social and economic centers. The structure of military system is characterized as traditionally definitely closed at which personnel movements are strictly regulated. It is shown that, meanwhile, the variability of behavior of the serving Armed Forces directly connected with their professional mobility causes opportunity and flexibility of response to the changing social and office circumstances. It is noted, in what situations concrete factors become leading, make active or suppress manifestation by military experts of professional mobility.

Key words: professional mobility of the military expert; factors of professional mobility of the military expert; professional development; outlook of the military expert.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

УДК 159.937

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ САМОВОСПРИЯТИЯ ЛИЧНОСТИ ДОШКОЛЬНИКА

© **Нина Александровна КОВАЛЬ**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор психологических наук,
профессор, зав. кафедрой психологии развития, e-mail: kafspsey@mail.ru

© **Ольга Юрьевна ЕНИКОВА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант,
кафедра психологии развития, e-mail: enikova068@mail.ru

Актуальность обусловливается значимостью периода дошкольного детства в психическом развитии ребенка. Дети дошкольного возраста строят образ самого себя на основе поведения, представленного интроспективными данными о своих процессах, и следствий поведения в окружающем мире. Формирование адекватной самооценки ведет к позитивному самовосприятию и положительному становлению Я-концепции. Целью является анализ психологического содержания восприятия дошкольника. Представлен обзор имеющихся теоретических и эмпирических взглядов на указанную проблему. Подробно описана значимость каждой психологической составляющей в формировании самовосприятия, ее роль в развитии личности дошкольника. Акцент делается на изучении роли семьи в формировании самовосприятия дошкольника, анализе теоретических подходов к проблеме детско-родительских отношений. Новизна состоит в анализе психологических составляющих самовосприятия личности дошкольника.

Ключевые слова: самовосприятие; дошкольный возраст; микросоциум; макросоциум; социальная среда; самооценка.

В старшем дошкольном возрасте формируются с точки зрения психологии новые механизмы поведения и деятельности. У старших дошкольников зарождаются основы будущей личности, происходит формирование постоянной структуры мотивов, появляются новые социальные потребности (потребность в признании и уважении ребенка родителями, воспитателями и другими взрослыми, окружающими его, желание выполнять важные задания окружающих, «взрослые» дела, быть «взрослым»); потребность в уважении сверстниками: у старших дошкольников активно проявляется стремление в игре и других видах деятельности быть первым, появляется интерес к коллективным формам деятельности, потребность поступать в соответствии с установленными правилами и этическими нормами и т. д.); воз-

никает новый (опосредованный) тип мотивации — основа произвольного поведения; ребенок усваивает определенную систему социальных ценностей, моральных норм и правил поведения в обществе, в некоторых ситуациях он уже может сдерживать свои непосредственные желания и поступать не так, как хочется в данный момент, а так, как «надо» (хочется посмотреть «мультки», но мама просит присмотреть за младшей сестрой или сходить в магазин; не хочется убирать за собой игрушки, но это входит в обязанности дежурного, значит, это надо делать и т. д.).

Наследственный багаж старшего дошкольника является лишь необходимым, но недостаточным условием, потенциальной возможностью, предпосылкой для последующего развития личности. Значительная роль в

развитии ребенка отводится социальной среде и воспитанию.

Среду обитания ребенка можно подразделить на географическую и социальную. В понятие географической среды входят: климат, ландшафт и др. Социальную среду, окружающую ребенка, можно подразделить на макро- и микросреду. Под макросредой понимается общество в целом, общественный строй: социально-экономические, политические, морально-правовые условия жизни. Термином «микросреда» обозначается ближайшее окружение человека. Сюда можно отнести материально-бытовые условия жизни ребенка, дошкольное учреждение, где он воспитывается, а также людей, непосредственно контактирующих с дошкольником. Макросреда не воздействует на личность непосредственным образом. Это воздействие осуществляется преимущественно через микросреду. Социальная среда выступает как определяющий фактор развития личности. Только живя в обществе, человек может сформироваться как личность.

В микросоциуме происходит социализация ребенка, он получает свой социальный опыт. Микросоциум – это ближайшее пространство и социальное окружение, в котором протекает жизнь человека и которое непосредственно влияет на его развитие [1].

Микросоциум включает такие факторы социализации, как семья, институты воспитания (детский сад, школы и т. д.), группы сверстников. Семья – важнейший институт социализации.

Микросоциум – это социальный слой или большая группа людей, где находится человек [2].

Для определения уровня социальных притязаний и особенности формирования самовосприятия необходимо планомерное и систематическое наблюдение за поведением и эмоциональными реакциями ребенка, анкетирование, тестирование и опросы педагогов, работающих с ребенком и группой детей определенного возраста, в т. ч. и их родителей. А также диагностическое обследование по направлению определения уровня самооценки и самовосприятия личности ребенка дошкольного возраста.

Диагностическое обследование социальной сферы личности ребенка дошкольного возраста начинается с первых дней пребывания

ребенка в дошкольном учреждении и проявляется в виде наблюдения со стороны педагогов, работающих с ребенком, за его поведением и эмоциональными реакциями, навыками самообслуживания, коммуникативными качествами развития личности, что и определяет наличие первого социального опыта ребенка раннего дошкольного возраста [3]. Параллельно проводится работа с воспитателями и родителями ребенка в виде анкетирования, опросников, тестирования. Педагогом-психологом проводятся адаптационные игры и развивающие занятия, позволяющие улучшить качество адаптации дошкольника и способствующие усвоению положительного социального опыта, в дальнейшем позитивно влияющего на личностные качества ребенка дошкольного возраста, развитие адекватной самооценки и формирование положительного самовосприятия у старшего дошкольника.

В процессе проведения развивающей и коррекционной работы происходит накопление социального опыта, позволяющего ребенку приобрести навыки положительного социального взаимодействия с окружающей его действительностью [4]. Расширяется сфера вербального и невербального взаимодействия с окружающими его людьми, улучшается коммуникативная сфера общения. Совершенствуются такие внутренние качества личности ребенка, как чувство принадлежности к той или иной социальной группе, морально нравственная позиция, чувство сострадания, эмпатия, взаимовыручка, взаимоподдержка, взаимопонимание, умение определиться в своих симпатиях и антипатиях, умение высказать свою внутреннюю позицию, дать адекватную оценку происходящему событию, а также формируется духовно нравственная основа для установления этических норм поведения в обществе, в котором мы живем, и ответственность к принадлежности и усвоению общечеловеческих ценностей и норм поведения, что помогает определить уровень самовосприятия личности старшего дошкольника.

Посещение ребенком дошкольного образовательного учреждения подразумевает приобщение его как личности к социальным навыкам и социальному опыту взаимодействия с окружающей действительностью и людьми, помогает раскрыться ребенку [5].

Но первый социальный опыт ребенок получает в семье. Семья – это ячейка общества, а общество – это социум. Семейное воспитание дает ребенку все необходимое для осознания и восприятия себя как личности, имеющей отношение к определенному кругу людей, генеалогического понятия (кто моя мама, мой папа, бабушка и дедушка, каковы отношения между ними, кем они друг другу приходятся и т. д.). Отношения в семье формируют навыки общения, взаимодействия и определяют фактор взаимопонимания, взаимоподдержки и взаимоуважения. Чувство эмпатии и многие другие духовно нравственные понятия влияют на развитие личностных качеств ребенка и определяют характер его отношений с окружающей действительностью, раскрывают уровень самовосприятия личности старшего дошкольного возраста [6].

Безусловно, на формирование самооценки в детском возрасте решающее влияние оказывает семья. В первые месяцы жизни под влиянием родительской любви и ласкового отношения близких у ребенка возникает общая самооценка. Она становится фундаментом формирования личности. Дефицит родительской любви приводит к различным деформациям в развитии личности: нарастающему чувству своей неполноценности, страху перед новым, агрессивности, озлобленности и т. п. Отсутствие положительной общей самооценки в раннем возрасте трудно компенсировать в более поздние периоды.

После двух лет, когда ребенок начинает осваивать разные виды деятельности, под непосредственным влиянием оценки взрослых начинает формироваться частная самооценка ребенка. В дошкольном возрасте самооценка, как правило, является завышенной. Ребенок высоко оценивает свои достижения, независимо от реальных результатов своих действий. Это происходит потому, что общая положительная самооценка распространяется на отдельные действия – дошкольник еще не может отделить положительное отношение к себе в целом от оценки своих конкретных дел [7]. На это стоит обратить особое внимание. Ведь на данном этапе формирования самооценки частные негативные оценки и замечания взрослых не оказывают должного воспитательного эффекта, а вызывают лишь обиду и отказ от неуспешной деятельности.

Как показывают психологические исследования, из всего многообразия окружающего мира, который так или иначе влияет на маленького ребенка, особое значение имеет «интимный круг общения» [8; 9]. В этот круг входят родители и другие близкие люди, которые удовлетворяют потребность малыша быть защищенным, любимым и эмоциональный образ которых запечатлевается в его сознании иногда на всю жизнь. Став старше, ребенок будет понимать и оценивать своих самых-самых родных людей, пользуясь представлениями и понятиями, характеризующими разные аспекты личности человека: «Мама требовательная, но добрая», «Папа учит меня быть смелым».

Для ребенка очень важен эмоциональный покой, мирное и радостное общение с родителями, стойкий и надежный контакт с ними. Радость человеческого общения останется для растущего ребенка основной и непреходящей ценностью.

В семье у ребенка формируется сознание своего «Я», своей общественной значимости.

Проблема влияния детско-родительских отношений на самооценку и самовосприятие ребенка существовала извечно. По этому поводу очень много говорилось и писалось раньше, очень много пишется и говорится сегодня, но не все темы этой области на сегодняшний день изучены.

Тема влияния особенностей детско-родительских отношений на самооценку и самовосприятие дошкольника намного актуальнее сегодня, нежели ранее. Это связано с социальными, политическими, экономическими изменениями в обществе, в котором мы живем.

Проблемы отношения детей и родителей возникают не только в неблагополучных семьях, но и вполне нормальных. Возникает много различных ситуаций, в результате которых появляются трудности в отношениях между родителями и детьми.

Чаще всего в психологических исследованиях для определения анализа родительского отношения используются два критерия: степень эмоциональной близости, теплоты родителей к ребенку (любовь, принятие, тепло или эмоциональное отвержение, холодность) и степень контроля за его поведением (высокая – с большим количеством

ограничений, запрещений; низкая – с минимальными запретительными тенденциями).

Детско-родительские отношения – своего рода диалог между родителем и ребенком. Главное в установлении диалога – это совместное устремление к общим целям, совместное видение ситуаций, общность в направлении совместных действий. Ребенок всегда должен понимать, какими целями руководствуется родитель в общении с ним.

По мнению О.А. Карабановой, детско-родительские отношения составляют важнейшую подсистему отношений семьи как целостной системы и могут рассматриваться как длительные и опосредованные возрастными особенностями ребенка и родителя отношения [3].

Детско-родительские отношения оказывают большое влияние на развитие ребенка. И если в этих отношениях присутствует взаимное уважение, формирование его самовосприятия, любовь друг к другу, то и у детей в таких семьях формируется уверенность в себе, уважение к старшим, вырабатывается адекватное поведение в социуме, адекватное самовосприятие и, соответственно, адекватная самооценка.

По мнению Г. Крайга, при авторитетном стиле существует уровень контроля, когда родители признают и поощряют растущую автономию своих детей, теплые отношения (родители открыты для общения, допускают изменения своих требований). Дети у таких родителей социально адаптированы, уверены в себе, способны к самоконтролю, обладают адекватной высокой самооценкой [4].

При авторитарном стиле детско-родительских отношений, который характеризуется высоким контролем, создаются условия для формирования неадекватно низкой (заниженной) самооценки. Дети замкнуты, боязливы и угрюмы, непритязательны и раздражительны. Девочки в большинстве своем пассивны и зависимы, мальчики неуправляемы и агрессивны [4].

Г. Крайг считает, что неадекватно завышенная самооценка формируется под влиянием детско-родительских отношений, где доминирует либеральный стиль, который предполагает низкий уровень контроля и теплые отношения. Дети склонны к непослушанию и агрессивности, ведут себя неадекватно, нетребовательны к себе [4].

Часто родители придумывают, каким должен быть ребенок в идеале, а когда он не соответствует их мечтам, упрекают его за это, не замечая достоинств, которые просто не были включены в их, родительские, планы. Чтобы у ребенка не воспиталось низкой самооценки и неадекватного самовосприятия и ощущения ущербности, не стоит возлагать на него каких-то огромных надежд, чтобы впоследствии не прийти к разочарованию. И, наоборот, нужно старательно замечать достоинства, открывать в ребенке ему присущие черты.

Похвала и критика тоже должны иметь разумное соотношение: нельзя все, что делает ребенок, безоговорочно хвалить, но и ругать за все подряд тоже не стоит. Если критика будет превышать похвалу, то ребенок начнет избегать общения с родителями.

Воспитание самооценки и самовосприятия в ребенке – одна из самых важных задач для его будущей жизни.

Дети с заниженным представлением о себе растут в семьях, в которых с ними не занимаются, но требуют послушания; низко оценивают, часто упрекают, наказывают, иногда – при посторонних; не ожидают от них успехов в дальнейшей жизни.

Дети, у которых занижена самооценка, неадекватный уровень самовосприятия, недовольны собой. Это происходит в семье, где родители постоянно порицают ребенка или ставят перед ним завышенные задачи. Ребенок чувствует, что он не соответствует требованиям родителей.

При попустительском стиле ребенок предоставлен сам себе, что способствует формированию завышенной самооценки и также неадекватному уровню самовосприятия.

Дошкольник видит себя глазами близких взрослых, его воспитывающих. Если оценки и ожидания в семье не соответствуют возрастным и индивидуальным особенностям ребенка, его представления о себе кажутся искаженными.

По мнению М.П. Лисиной, А.А. Сильвестру, при демократическом стиле, прежде всего, учитываются интересы ребенка. Стиль «согласия». У ребенка формируется высокая адекватная самооценка и адекватный уровень самовосприятия [7].

Приобщение ребенка к умению наблюдать и формирование у него желания взаи-

модействовать с окружающим миром дает возможность приобрести жизненно необходимый социальный опыт. В этом случае семейное воспитание обогащается знаниями, умениями и навыками, полученными в дошкольном учреждении. Наблюдение за природой, ее многообразием, уборка на участке и в группе, уход за питомцами и растениями и многое другое формируют навыки трудовой деятельности и экологическое воспитание. Ребенок начинает осознавать свой вклад в благоустройство быта, свою значимость при взаимодействии с окружающим миром, ребенок воспринимает себя как часть общества [10].

На формирование самовосприятия личности влияют как семья, так и окружающее общество, любой вид воспитательной работы способствует расширению кругозора и развитию самовосприятия ребенка как части общества [11]. Так, гражданское воспитание формирует отношение к этнокультуре, в которой живет ребенок, к историческому и культурному наследию. Ознакомление с достижениями науки и техники, со спортом и многообразием развернутых социальных возможностей позволяет в большей степени ребенку реализовать себя на социальном поприще, узнать самого себя со всех сторон и раскрыть свои интересы, способности и сформировать более адекватное самовосприятие [12].

Большой вклад в формирование личности ребенка вносит изучение особенностей местности, где он проживает, посещение памятников и достопримечательностей, знания о городе, географических и исторических особенностей своей страны. Знания о том, что особенность страны, в которой мы живем, заключается в величии ее многонационального и многоконфессионального наследия, что в нашей стране проживает множество разных народностей с разнообразием этнических и религиозных мировоззрений, дают благоприятную почву для толерантного воспитания дошкольника. У нас общая Родина, и цели нашего социального сознания едины. «Пока мы едины, мы непобедимы». Все это закладывает в самовосприятие ребенка принадлежность к определенной группе людей, к определенной нации [13].

Патриотическое воспитание предоставляет возможность ознакомиться и приоб-

щиться к историческому и культурному наследию, к подвигам и всевозможным достижениям наших соотечественников и соплеменников с приданиями старины и всем тем, что позволяет нам гордиться своей страной и своим проживанием в ней. Понятие державы, знание гимна, герба родного города и многое другое способствует формированию патриотических качеств в личности дошкольника [14].

Воспитание в человеке с детского возраста понятия и осознания общечеловеческих ценностей объединяет все человечество на Земле и предоставляет полное право называть человечество разумным, гуманным и цивилизованным. Мы можем гордо называться «человеком созидателем» и «человеком творцом» [15].

Итак, самооценка – это осознание человеком самого себя, своих физических сил, умственных способностей, поступков, мотивов и целей своего поведения, своего отношения к окружающим, к другим людям и самому себе. Она формируется под влиянием детско-родительских отношений. И если эти отношения строятся на авторитетном, но демократическом стиле детско-родительских отношений, а это взаимное уважение, любовь друг к другу, то и дети в таких семьях характеризуются высокой адекватной самооценкой и адекватно сформированным самовосприятием личности старшего дошкольного возраста.

Окружающие макросоциум и микросоциум влияют на развитие полноценной личности ребенка дошкольного возраста и порождают в ребенке чувство защищенности, повышают самооценку, вселяют уверенность в собственные способности, формируют адекватное позитивное самовосприятие личности ребенка старшего дошкольного возраста.

Из всего вышесказанного хочется сделать вывод о том, что на формирование самовосприятия личности старшего дошкольника оказывают влияние все окружающие факторы, от семьи, детского сада, кружков, которые посещает ребенок, до общества в целом. Поэтому социальное воспитание и социальная компетентность играют, несомненно, огромную роль в формировании личности человека, его гражданской позиции и патриотической основы мировоззрения, самовосприятия. Начальная основа социали-

зации личности ребенка закладывается в семейном кругу и в дошкольном учреждении, позволяя ребенку накопить знания и сформировать свою линию взаимосвязи с окружающей действительностью, а также определить свою социальную позицию по отношению к обществу, в котором он живет.

1. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. Мн., 1998.
 2. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М., 2003.
 3. Карабанова О.А. Психология семейных отношений. Самара, 2001.
 4. Крайг Г. Психология развития. СПб., 2000.
 5. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4.
 6. Кряжева Н.Л. Развитие эмоционального мира детей. Ярославль, 1996.
 7. Лисина М.И., Сильвестру А.А. Психология самосознания у дошкольников. Кишинев, 1983.
 8. Мухина В.С. Возрастная психология. М., 2000.
 9. Столин В.В. Самосознание личности. М., 1978.
 10. Урунтаева Г.А., Афонькина Ю.А. Как я расту. Советы психолога родителям. М., 1996.
 11. Коваль Н.А., Иванова Ю.А. Психологические детерминанты развития самоутверждения дошкольника в семьях с высоким уровнем притязаний // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 7 (123). С. 122-128.
 12. Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. Тбилиси, 1989.
 13. Социальная психология личности / под ред. М.И. Бобневой, Е.В. Шороховой. М., 1979.
 14. Коваль Н.А. Духовность личности как социально-психологическое образование // Актуальные проблемы современной психологии и педагогики: материалы Международной научно-практической конференции. Харьков, 2012. С. 30-37.
 15. Микляева Н.В., Лагутина Н.Ф. Содружество. Программа взаимодействия семьи и детского сада. Пособие для педагогов дошкольных учреждений. М., 2011.
-
1. Golovin S.Yu. Slovar' prakticheskogo psikhologa. Mn., 1998.
 2. Bol'shoy psikhologicheskii slovar' / pod red. B.G. Meshcheryakova, V.P. Zinchenko. M., 2003.
 3. Karabanova O.A. Psikhologiya semeynykh otnosheniy. Samara, 2001.
 4. Krayg G. Psikhologiya razvitiya. SPb., 2000.
 5. El'konin D.B. K probleme periodizatsii v detskom vozraste // Voprosy psikhologii. 1971. № 4.
 6. Kryazheva N.L. Razvitie emotsional'nogo mira detey. Yaroslavl', 1996.
 7. Lisina M.I., Sil'vestru A.A. Psikhologiya samosoznaniya u doshkol'nikov. Kishinev, 1983.
 8. Mukhina B.C. Vozrastnaya psikhologiya. M., 2000.
 9. Stolin V.V. Samosoznanie lichnosti. M., 1978.
 10. Uruntaeva G.A., Afon'kina Yu.A. Kak ya rastu. Sovety psikhologa roditelyam. M., 1996.
 11. Koval' N.A., Ivanova Yu.A. Psikhologicheskie determinanty razvitiya samoutverzhdeniya doshkol'nika v sem'yakh s vysokim urovnem prityazaniy // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2013. Vyp. 7 (123). S. 122-128.
 12. Sardzhveladze N.I. Lichnost' i ee vzaimodeystvie s sotsial'noy sredoy. Tbilisi, 1989.
 13. Sotsial'naya psikhologiya lichnosti / pod red. M.I. Bobnevoy, E.V. Shorokhovoy. M., 1979.
 14. Koval' N.A. Dukhovnost' lichnosti kak sotsial'no-psikhologicheskoe obrazovanie // Aktual'nye problemy sovremennoy psikhologii i pedagogiki: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Khar'kov, 2012. S. 30-37.
 15. Miklyayeva N.V., Lagutina N.F. Sodruzhestvo. Programma vzaimodeystviya sem'i i detskogo sada. Posobie dlya pedagogov doshkol'nykh uchrezhdeniy. M., 2011.

Поступила в редакцию 8.04.2015 г.

UDC 159.937

PSYCHOLOGICAL CONTENT OF SELF-PERCEPTION OF PERSONALITY OF CHILD PRESCHOOL CHILDREN

Nina Aleksandrovna KOVAL, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor, Head of Psychology of Development Department, e-mail: kafpsy@mail.ru

Olga Yuryevna ENIKOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Psychology of Development Department, e-mail: enikova068@mail.ru

The relevance is caused by significant periods of children preschool age in the mental development of the child. Children preschool age build self-image based on the behavior represented by introspective regarding of the processes and consequences of behavior in the world. Formation of an adequate self-rating leads to positive self-perception and a positive becoming of I-concept. The purpose is to analyze the content of the psychological perception of the preschool child. An overview of existing theoretical and empirical views on problem is presented. The importance of each component in the formation of the psychological self-perception and its role in the development of personality of preschooler is described in detail. The attention is focused on the role of family in the formation of self-perception of the preschool child, the analysis of theoretical approaches to the problem of child-parent relationships. The novelty is in the analysis of the psychological self-perception of the individual components of the preschooler.

Key words: self-perception; preschool age; micro society; macrosociety; social environment; self-rating.

УДК 373.292+372.578

СПЕЦИФИКА СУБЪЕКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ДОШКОЛЬНИКА

© Анна Александровна ДОЛГУШИНА

Тамбовский государственный музыкально-педагогический институт
им. С.В. Рахманинова, г. Тамбов, Российская Федерация,
преподаватель, e-mail: tgmpi@tgmpi.ru

Рассмотрена структура основ музыкальной культуры (ОМК) современных дошкольников на основе их социально обусловленных новообразований. ОМК дошкольника определено как многогранное, многофункциональное, многоуровневое, интегральное личностное образование, включающее 3 блока свойств и качеств. Показаны ключевые особенности современных дошкольников, которые определяют музыкальную сензитивность дошкольников. Гиперактивность, сверхэмоциональность, открытость к новой деятельности и общению, неориентированная музыкальность, чрезвычайно разноплановые интересы, особенности восприятия, музыкальные способности, поиск возможностей синтеза интересов в ограниченных временных рамках, стремление современных дошкольников к достижениям и другие могут быть удачно использованы педагогом-музыкантом в качестве стимуляторов и интенсификаторов процесса формирования ОМК на начальном этапе обучения игре на музыкальном инструменте. Определена значимость педагогического взаимодействия в процессе формирования компонентов ОМК у дошкольников. Взаимодействие в процессе формирования ОМК дошкольников осуществляется по этапам: когнитивный, мотивационный и действенный, где происходит музыкальное восприятие, осмысление, осознание смысла исполнительского искусства, а затем – знание трансформируется в умения и навыки игры на музыкальном инструменте. Рассмотрены особенности субъектного взаимодействия в процессе формирования ОМК дошкольников. В качестве ведущего условия эффективности субъектного взаимодействия раскрыты требования к педагогу-музыканту в части его яркой самопрезентации.

Ключевые слова: педагог-музыкант; основы музыкальной культуры; дошкольник; процесс; формирование; технология; умения самопрезентации.

Структура основ музыкальной культуры (ОМК) дошкольника рассматривается в контексте общей культуры и процесса обучения, на основе научных подходов [1; 2]. В многочисленных исследованиях раскрываются специальные компоненты ОМК, выделенные как значимые в дошкольном возрасте. Нами выделены социально-обусловленные психолого-педагогические особенности современных дошкольников, способствующие музыкальному образованию поддающиеся исследованию в динамике.

Ключевая особенность современного дошкольника, как социально обусловленное новообразование, порожденное объективными и субъективными факторами, заключается в его готовности к обучению и повышенной музыкальной сензитивности [3]. Такие личностные особенности, как гиперактивность, сверхэмоциональность, открытость к новой деятельности и общению, неориентированная музыкальность, чрезвычайно разноплановые интересы, особенности восприятия, музыкальные способности, поиск воз-

можностей синтеза интересов в ограниченных временных рамках, стремление к достижениям и другие могут быть удачно использованы педагогом-музыкантом в качестве стимуляторов и интенсификаторов процесса формирования ОМК.

ОМК дошкольника представляет собой многогранное, многофункциональное, многоуровневое, интегральное личностное образование, включающее 3 блока свойств и качеств:

1) специальный, включает музыкальные знания и умения, музыкальные способности в их требуемом составе;

2) психолого-педагогический, включает нравственные, как содержательно-смысловую основу, эмоционально-волевые, как динамическую основу, качества и свойства личности, как стимуляторы и интенсификаторы перспективы личности в музыкальном образовании;

3) организационный, включает поведенческие умения и навыки и способы самопрезентации 1 и 2 блоков.

Критериально-диагностический аппарат для выявления уровня сформированности компонентов ОМК дошкольников включает качественные характеристики компонентов по трем уровням по этапам процесса [4]. Результат овладения компонентами ОМК многофункционален и обеспечивает реализацию когнитивной, развивающей, воспитательной, культурологической и других функций в музыкальной и других видах деятельности дошкольников.

ОМК формируется покомпонентно, но в практике интегрированно и синхронно. Так, умение видеть, слышать, чувствовать и понимать прекрасное, стимулируя появление интереса, желания, потребности в музыке, музыкального восприятия, вкуса, чувства ритма развивает ассоциативное мышление и ведет к самостоятельности в репродуктивно-творческой деятельности, пронизанной активностью, эмоциями, стремлением демонстрировать достижения и развивается при поддержке одно другим. Каждый компонент проходит в своем формировании путь от знания, через мотив к действию, развиваясь от низкого уровня, через средний к достаточному. Этот путь представляет собой пошаговую технологию, включающую когнитивный, мотивационный и действенный этапы процесса формирования ОМК дошкольника [5; 6].

Каждый этап процесса формирования ОМК дошкольников обеспечивается общением и организацией активного взаимодействия педагогом-музыкантом, мастерство которого и является ведущим педагогическим условием повышения эффективности процесса формирования ОМК дошкольников и гарантом успешности [7]. Успешность зависит от мастерства педагога-музыканта. Педагога-мастера наряду со специальной подготовкой отличает психолого-педагогическая подготовка и владение навыками самопрезентации. От педагога-музыканта требуется постоянное совершенствование мастерства общения и взаимодействия с дошкольниками на начальном этапе обучения музыке, активно вовлекая их во взаимодействие личной самопрезентацией [8; 9].

Процесс формирования ОМК у дошкольников представляет собой субъектное общение и взаимодействие [10]. Педагог и ученик, как субъекты процесса, являются носи-

телями каждый своих профессионально-педагогических и возрастных психолого-педагогических особенностей. Средства самопрезентации позволят усилить или ослабить впечатление, вывести на первый план достоинства, скрыть недостатки.

Общение и взаимодействие в процессе формирования ОМК дошкольников осуществляется по этапам: когнитивный, мотивационный и действенный, где происходит музыкальное восприятие, осмысление, осознание смысла исполнительского искусства, а затем – знание трансформируется в умения и навыки игры на музыкальном инструменте. Зачастую природные данные – слух и память, развиваются параллельно и в комплексе с музыкальными способностями, что в комплексе позволяет освоить ОМК и продолжить обучение игре на музыкальном инструменте. Этапы процесса осуществляются с помощью методического сопровождения в рамках репродуктивно-творческой технологии [11]. Успешное формирование ОМК дошкольника возможно при наличии у педагога мастерства владения умениями самопрезентации и реализации репродуктивно-творческой технологии, организуя общение и взаимодействия на основе учета психолого-педагогических новообразований современного дошкольника, конструированием ее ситуативно-вариативного методического сопровождения. Целесообразно построение методического сопровождения процесса формирования ОМК дошкольников на основе синтеза искусств [12; 13].

Предлагаемое методическое сопровождение средствами самопрезентации педагога-музыканта направляется на максимальное укрепление интереса, формирование мотива и потребности в занятиях музыкой, развитие качеств личности будущего музыканта, ориентацию выделенных психолого-педагогических новообразований дошкольников в ряд стимулирующих и интенсифицирующих этот процесс факторов.

Вариант репродуктивно-творческой технологии взаимодействия педагога и учащегося синтезирует репродуктивную и творческую деятельность и на материале синтеза других видов искусства (элементов живописи, скульптуры, литературы, кинематографа, театра и т. п.). Она позволит педагогу-мастеру максимально раскрыть музыкальные способности учащихся на начальном этапе

обучения, ситуативно варьируя методическое сопровождение комплексом упражнений и заданий типа: представь себе, вообрази, пофантазируй, спой увиденное, изобрази услышанное в рисунке, поделке, пантомиме, танце, сценке и т. п. с тем, чтобы обеспечить удовлетворение потребностей и интересов дошкольников, показать средствами самопрезентации образцы и позволить им самовыразиться самим. Дошкольники должны чувствовать и видеть свое достижение в каждом возможном случае.

Методическое сопровождение технологии формирования ОМК дошкольников постоянно нуждается в совершенствовании в соответствии с изменяющимися потребностями и интересами современных детей в направлении от репродуктивности к творчеству. Успешное формирование ОМК дошкольника возможно при наличии у педагога мастерства ситуативно-вариативного владения педагогической технологией и ее методическим сопровождением.

Среди множества педагогических условий эффективности организации педагогического общения и взаимодействия с дошкольниками на начальном этапе обучения музыке (семейные отношения, условия быта, взаимоотношения со сверстниками, со взрослыми, общий уровень развития, здоровье и пр.) в качестве ведущего определено наличие специально подготовленного педагога-музыканта. Современный дошкольник требует особого педагогического мастерства применения подходов в организации общения и взаимодействия на музыкальных занятиях. Педагога-мастера наряду со специальной подготовкой отличает психолого-педагогическая подготовка и владение навыками самопрезентации, что обеспечивается предложенным нами спецкурсом «Организация взаимодействия с дошкольником на начальном этапе обучения исполнительскому искусству».

Содержание спецкурса с позиций философии, педагогики и психологии обосновывает выдвижение особых требований к современному педагогу-музыканту. На фоне достаточной специальной подготовки ярко заметны разноплановые затруднения педагога-музыканта в организации взаимодействия с современными детьми, что существенно снижает ОМК дошкольников. Именно на на-

чальном этапе обучения многие дошкольники отказываются от занятий музыкой. Нами выделены характеристики современного педагога, который сможет реализовать предлагаемую нами технологию, разработанную на основе максимального учета психолого-педагогических особенностей современного дошкольника.

Принимая музыкальные компетенции педагога вне сомнений, в содержании спецкурса акцент сделан на психолого-педагогический и организационный компоненты педагогического мастерства, который позволяет на требуемом уровне их демонстрировать. Специальная и психолого-педагогическая составляющая мастерства педагога реализуется организационным компонентом, в состав которого входят умения самопрезентации. Умения самопрезентации имеют этическую, нравственную и эстетическую основу. В их состав входят:

- речевые умения: внимательно слушать собеседника, как признак уважения, сопричастности, желания быть полезным, справедливо разрешать проблемы; речевые умения говорения: нормативные, логические, коммуникативные (тембр голоса, интонация, лаконичность), как признак уважения к окружающим, организованности, самостоятельности, доброжелательности, желания достичь понимания в сжатые сроки;
- внешний вид в соответствии с требованиями современной деловой моды, как признак наличия чувства собственного достоинства, уважения к себе и окружающим;
- контроль эмоций через выражение лица: приветливое при сдержанных мимике и жестах, как признак выдержанности, проявления тактичности, уважения, решительности, инициативности, организованности, выражающий активность, доброжелательный настрой.

От педагога требуется владение множеством моделей взаимодействия с разными дошкольниками при различных обстоятельствах. Разработка модели взаимодействия педагога-мастера с дошкольником в процессе формирования ОМК не противоречит положению о том, что творческий процесс сугубо индивидуален и малотехнологичен. Множество моделей обеспечивает возможность их вариативного и синтезного применения. В ее основе находятся как методики,

так и алгоритмы действий. Осуществляя общение и взаимодействие с дошкольниками, педагог-музыкант опирается на существующие методики, известный и личный опыт, интерпретируя и синтезируя их адекватно конкретной ситуации. Они могут быть синтезированы и систематизированы личными умениями самопрезентации педагога-музыканта.

Модель субъектного общения и взаимодействия в процессе формирования ОМК с учетом возрастных особенностей дошкольников включает факторы – новообразования дошкольников, педагогические условия успешного формирования ОМК, технологию формирования ОМК, методическое сопровождение, ожидаемые результаты, перспективы. Системообразующей частью модели является методическое сопровождение технологии, но она не действенна и безрезультатна вне умений самопрезентации педагога-музыканта.

ОМК должно подвергаться периодической диагностике всеми возможными методами исследования: наблюдение, опрос, мини-анкетирование, интервьюирование и др. Диагностика имеет своей целью выявить, как по мере усиления самопрезентации личности педагога проявляются компоненты ОМК и характеристики дошкольника, стимулирующие и интенсифицирующие ее формирование.

Нами выявлено, что педагог, применяя умения самопрезентации, создает благоприятные условия для общения и взаимодействия с дошкольником, что повышает уровень сформированности компонентов ОМК и активность в других видах деятельности. Опытным путем подтверждено, что успешной реализации технологии способствовала специальная подготовка педагога-музыканта с акцентом на его самопрезентацию в процессе взаимодействия с учетом возраста дошкольника. Адекватная самопрезентация обеспечила эффективность технологии, о чем свидетельствуют результаты диагностики ОМК дошкольников.

1. *Петрушин В.И.* Музыкальная психология. М., 1997.
2. *Тарасова К.В.* Онтогенез музыкальных способностей. М., 1988.

3. *Калашикова М.Б.* Возрастная сензитивность детей и подростков: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2004.
4. *Исаев И.Ф., Макарова Л.Н.* Профессионализм преподавателя: культура, стиль, индивидуальность. Москва; Белгород, 2002.
5. *Гальперин П.Я.* Актуальные проблемы возрастной психологии. М., 1978.
6. *Талызина Н.Ф.* Пути использования теории планомерного формирования умственных действий в практике образования // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1992. № 4.
7. *Хазанов П.А.* Оптимизация межличностных отношений и взаимодействий в системе: учитель-ученик: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2006.
8. *Бескровная О.В., Бескровная Е.А.* Этический компонент профессионального становления личности. М., 2010.
9. *Бескровная О.В., Бескровная Е.А.* Умения самопрезентации как реализаторы принципа уважения к личности в процессе делового общения. Тамбов, 2012.
10. *Кан-Калик В.А.* Учителю о педагогическом общении: книга для учителя. М., 1987.
11. *Вановская И.Н.* Репродуктивный метод обучения музыке, как сложносоставная и многоуровневая структура: реальные учебно-образовательные возможности, ресурсы, перспективы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2000.
12. *Карпова Н.К.* Теоретические основы синтеза искусств как способа эстетического познания и моделирования личности в условиях информационных технологий: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ростов н/Д, 1996.
13. *Чумичева Р.М.* Взаимодействие искусств в развитии личности старшего дошкольника: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ростов н/Д, 1995.

1. *Petrushin V.I.* Muzykal'naya psikhologiya. M., 1997.
2. *Tarasova K.V.* Ontogenez muzykal'nykh sposobnostey. M., 1988.
3. *Kalashnikova M.B.* Vozrastnaya senzitivnost' detey i podrozkov: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. SPb., 2004.
4. *Isaev I.F., Makarova L.N.* Professionalizm prepodavatela: kul'tura, stil', individual'nost'. Moskva; Belgorod, 2002.
5. *Gal'perin P.Ya.* Aktual'nye problemy vozzrastnoy psikhologii. M., 1978.
6. *Talyzina N.F.* Puti ispol'zovaniya teorii planomernogo formirovaniya umstvennykh deystviy v praktike obrazovaniya // Vestnik

- Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya. 1992. № 4.
7. *Khazanov P.A.* Optimizatsiya mezhlichnostnykh otnosheniy i vzaimodeystviy v sisteme: uchitel'-uchenik: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. M., 2006.
 8. *Beskrovnaya O.V., Beskrovnaya E.A.* Eticheskiy komponent professional'nogo stanovleniya lichnosti. M., 2010.
 9. *Beskrovnaya O.V., Beskrovnaya E.A.* Umeniya samoprezentatsii kak realizatory printsipa uvazheniya k lichnosti v protsesse delovogo obshcheniya. Tambov, 2012.
 10. *Kan-Kalik V.A.* Uchitelyu o pedagogicheskom obshchenii: kniga dlya uchitelya. M., 1987.
 11. *Vanovskaya I.N.* Reproktivnyy metod obucheniya muzyke, kak slozhnosostavnaya i mnogourovnevaya struktura: real'nye uchebno-obrazovatel'nye vozmozhnosti, resursy, perspektivy: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Tambov, 2000.
 12. *Karpova N.K.* Teoreticheskie osnovy sinteza iskusstv kak sposoba esteticheskogo poznaniya i modelirovaniya lichnosti v usloviyakh informatsionnykh tekhnologiy: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. Rostov n/D, 1996.
 13. *Chumicheva R.M.* Vzaimodeystvie iskusstv v razvitii lichnosti starshego doskol'nika: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. Rostov n/D, 1995.

Поступила в редакцию 15.04.2015 г.

UDC 373.292+372.578

SPECIFICS OF SUBJECTIVE INTERACTION IN THE PROCESS OF FORMATION OF BASIS OF MUSICAL CULTURE OF MODERN CHILD PRESCHOOL AGE

Anna Aleksandrovna DOLGUSHINA, Tambov State Pedagogical Institute of Music named after S.V. Rachmaninov, Tambov, Russian Federation, Teacher, e-mail: tgmpi@tgmpi.ru

The structure of fundamentals of musical culture (FMC) of modern children preschool age at the basis of their socially determined new formations is reviewed. FMC of the child preschool age is determined as many-sided, multifunctional, multi-level, integral personal education, including three blocs of features and qualities. Key peculiarities of modern children preschool age which define musical sensitivity of children preschool age are reviewed. Hyperactivity, over emotionality, openness in new activity and communication, non-oriented musical talent, diverse interests, peculiarities of perception, musical abilities, search of possibilities of synthesis of interests in the limited frames, will of modern children preschool age to achievements and others may be used by musician-teacher as stimulators and intensifiers of the process of formation of FMC at the first stage of learning how to play a musical instrument. The significance of pedagogic cooperation in the process of formation of components of FMC at children preschool age is defined. Cooperation in the process of formation of FMC at children preschool age is accomplished at the stages: cognitive, motivational and efficient where musical perception, comprehension, understanding the sense of performing art is going and then the knowledge transforms to the skills of playing a musical instrument. The peculiarities of subjective cooperation in the process of formation of FMC at children preschool age are reviewed. As a leading condition of efficiency of subjective cooperation the demands to musician-teacher are revealed in a part of its bright self-representation.

Key words: musician-teacher; fundamentals of musical culture; child preschool age; process; formation; technology; skills of self-presentation.

УДК 159.932.2

**ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ ПОМОЩНИКА
ДЕПУТАТА РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОРГАНА
В ХОДЕ ФОРМИРУЮЩЕГО ЭКСПЕРИМЕНТА**

© Сергей Владимирович ПАНИН

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра психологии
развития, e-mail: k-n@go.ru

Представлены результаты эксперимента по развитию компонентов психологической структуры профессиональной компетентности помощников депутата посредством реализации психолого-акмеологической модели. Описанный эксперимент включал в себя констатирующий, формирующий и контрольный этапы. Развитие профессиональной компетентности производится в семи направлениях – через воздействие на семь структурных компонентов профессиональной компетентности помощников депутата: коммуникативную, правовую, имиджевую, репрезентативную, информационную, предвыборную, карьерную. В соответствии с указанными направлениями было разработано содержание программы развития профессиональной компетентности помощников депутата: 1 модуль – тренинг развития коммуникативной компетентности помощников депутата; 2 модуль – вебинар по развитию правовой компетентности помощников депутата; 3 модуль – семинар «Технологии политического пиара»; 4 модуль – тренинг успешной самопрезентации и ответственности при выполнении делегированных поручений; 5 модуль – практикум по развитию умения работать с информацией; 6 модуль – вебинар «Стратегическое планирование и особенности организации избирательной кампании»; 7 модуль – тренинг профессионального развития помощника депутата. Продуктивность реализации программы развития оценивалась по факту динамики компонентов профессиональной компетентности помощников депутатов экспериментальной группы. Результаты формирующего эксперимента доказали позитивное влияние разработанной программы на развитие всех компонентов психологической структуры профессиональной компетентности помощников депутатов.

Ключевые слова: государственный служащий; развитие профессиональной компетентности; деятельность депутата; функции помощника депутата.

Изучение динамики развития компонентов психологической структуры профессиональной компетентности помощников депутата посредством реализации психолого-акмеологической модели производилось в процессе эксперимента, включающего констатирующий, формирующий и контрольный этапы.

Результаты анализа полученных в процессе формирующего эксперимента данных анкетирования и стандартизированных методик позволили проследить динамику развития компонентов профессиональной компетентности помощников депутата.

Для участия в эксперименте по итогам психодиагностического этапа были отобраны помощники депутата, которые имели наиболее низкие показатели компонентов психологической структуры профессиональной компетентности (начальный уровень), предоставившие согласие на участие в эксперименте – 34 человека. В экспериментальную группу

вошло 17 помощников депутата, в контрольную – 17.

Развитие профессиональной компетентности производится в семи направлениях – через воздействие на семь структурных компонентов ПК помощников депутата: коммуникативную, правовую, имиджевую, репрезентативную, информационную, предвыборную, карьерную компетентность. Продуктивность реализации программы развития ПК оценивалась по факту развития компонентов ПК помощников депутата экспериментальной группы.

1 направление – развитие коммуникативной компетентности помощников депутата. В рамках данного направления производится развитие коммуникативных умений и навыков помощников депутата, обучение стратегиям и тактикам эффективного общения с различными группами населения [1–4].

2 направление – развитие правовой компетентности помощников депутата. В результате реализации данного направления

происходит правовое обучение помощников депутата: изучению подлежат актуальные и планируемые изменения законодательства РФ, с помощью решения практических ситуаций производится применение знаний законов РФ на практике [5].

3 направление – развитие имиджевой компетентности помощников депутата. Данное направление нацелено на повышение осведомленности помощников в области политического пиара, особенностей современных политических PR-технологий. Помощники получают знания об организации PR-акций: эвентов, брифингов, презентаций, пресс-конференций, «круглых столов», о технологиях формирования имиджа депутата, об особенностях организации связей с общественностью через печатные, электронные СМИ, телевидение и радио [6].

4 направление – развитие репрезентативной компетентности помощников депутата. В рамках данного направления происходит развитие способности представлять интересы депутата посредством публичных выступлений, формирование ответственности при выполнении делегированных полномочий, развитие умения самопрезентации.

5 направление – развитие информационной компетентности помощников депутата. Цель данного направления – развитие умений работать с информацией, быстро и эффективно ее структурировать, запоминать, долго хранить в памяти, легко воспроизводить [7].

6 направление – развитие предвыборной компетентности помощников депутата. Данное направление нацелено на обучение помощников особенностям организации современной избирательной кампании, отработку знаний избирательного права в рамках выполнения ряда заданий теоретического и практического характера [8].

7 направление – развитие карьерной компетентности помощников депутата. Цель данного направления – развитие целеполагания, способности к поэтапному планированию карьерного роста, формирование адекватной самооценки, умения преодолевать факторы, снижающие эффективность профессионального роста [9].

В соответствии с указанными направлениями было разработано содержание программы развития профессиональной компе-

тентности помощников депутата, необходимые и достаточные для использования в формирующем эксперименте [10; 11].

1 модуль – тренинг развития коммуникативной компетентности помощников депутата;

2 модуль – вебинар по развитию правовой компетентности помощников депутата;

3 модуль – семинар «Технологии политического пиара»;

4 модуль – тренинг успешной самопрезентации и ответственности при выполнении делегированных поручений;

5 модуль – практикум по развитию умения работать с информацией;

6 модуль – вебинар «Стратегическое планирование и особенности организации избирательной кампании»;

7 модуль – тренинг профессионального развития помощника депутата.

Для изучения динамики развития профессиональной компетентности (ПК) личности помощника депутата, происходящей в экспериментальной и контрольной группах дважды – до и после проведения формирующего эксперимента, – производились измерения уровня развития компонентов психологической структуры ПК помощников депутата, а также переменных, выступающих в качестве критериев развитости компонентов.

Эквивалентность показателей экспериментальной и контрольной групп проверялась с помощью статистической оценки различий между группами с помощью *t*-критерия Стьюдента. Анализ значимости *t*-критерия показывает, что среднegrupповые значения измеренных переменных на данном этапе не имеют статистически значимых различий в экспериментальной и контрольной группах.

Проверка нормальности распределения частот по шкалам компонентов психологической структуры ПК помощников депутата осуществлялась с помощью частотного анализа, который показал, что распределение значений по всем исследуемым переменным в экспериментальной и контрольной группах имеет вид нормального.

Данные, полученные в экспериментальной группе до и после участия в программе развития профессиональной компетентности, имеют статистически значимые различия, что позволяет говорить об их динамике.

Динамика значений компонентов психологической структуры ПК помощников депутата в экспериментальной группе до и после участия в программе развития ПК представлена в табл. 1.

Сравнительный анализ показателей помощников депутатов экспериментальной группы показал статистически значимые различия в средних значениях по шкалам, предназначенным для измерения уровня развития компонентов ПК помощника депутата и по ряду других психологических переменных до и после прохождения программы развития ПК помощника депутата.

Показатель имиджевой компетентности увеличился с 16,76 до 25,88 балла при значимости t -критерия ($\alpha \leq 0,01$, $t = 0,011$), что свидетельствует о достижении базового уровня развития компонента. Вместе с этим выросло значение таких переменных, коррелирующих с имиджевой компетентностью, как: общительность ($t = 0,43$, $\alpha \leq 0,05$), эмоциональная устойчивость ($t = 0,35$, $\alpha \leq 0,05$), жесткость-чувствительность ($t = 0,037$, $\alpha \leq 0,05$), уверенность в себе ($t = 0,028$, $\alpha \leq 0,05$), высокая нормативность поведения ($t = 0,049$, $\alpha \leq 0,05$).

Показатель коммуникативной компетентности возрос до 31 балла при значимости $\alpha \leq 0,05$, $t = 0,026$, репрезентативной компетентности – до 25,24 балла ($\alpha \leq 0,01$, $t = 0,01$) карьерной компетентности – до 32 баллов ($\alpha \leq 0,05$, $t = 0,048$), предвыборной компетентности – до 21,29 балла ($\alpha \leq 0,01$, $t = 0,008$), правовой компетентности – до 27,35 балла ($\alpha \leq 0,05$, $t = 0,030$), информаци-

онной компетентности – до 29,94 балла ($\alpha \leq 0,05$, $t = 0,048$).

Вместе с этим выросло значение таких коррелятов компонентов психологической структуры ПК помощника депутата, как: высокий самоконтроль ($t = 0,05$, $\alpha \leq 0,05$), цели в жизни ($t = 0,03$, $\alpha \leq 0,05$), саморуководство ($t = 0,34$, $\alpha \leq 0,05$), коммуникативные ($t = 0,033$, $\alpha \leq 0,05$) и организаторские ($t = 0,41$, $\alpha \leq 0,05$) способности, карьерная ориентация на служение (службу) ($t = 0,023$, $\alpha \leq 0,05$), профессиональная компетентность ($t = 0,032$, $\alpha \leq 0,05$), информационная культура ($t = 0,043$, $\alpha \leq 0,05$), удовлетворенность достижениями в работе ($t = 0,036$, $\alpha \leq 0,05$), уровень притязаний в профессиональной деятельности ($t = 0,03$, $\alpha \leq 0,05$), предпочтение выполняемой работы ($t = 0,01$, $\alpha \leq 0,01$), профессиональная ответственность ($t = 0,028$, $\alpha \leq 0,05$), общая удовлетворенность трудом ($t = 0,001$, $\alpha \leq 0,01$).

Экспериментальные данные, характеризующие динамику изменения долей испытуемых с различным уровнем развития компонентов психологической структуры ПК помощников депутата, представлены в табл. 2, рис. 1–7.

Анализ данных формирующего эксперимента показал, что доля испытуемых с базовым уровнем развития имиджевой компетентности в экспериментальной группе возросла с 70,6 до 94,1 %, доля испытуемых с начальным уровнем снизилась – с 29,4 до 5,9 % (рис. 1). В контрольной группе не зафиксировано изменение доли помощников депутата с различным уровнем развития имиджевой компетентности.

Таблица 1

Динамика средних значений по каждому компоненту психологической структуры ПК помощников депутата в экспериментальной группе

Компонент психологической структуры ПК помощников депутата	До участия в программе	После участия в программе
Имиджевая компетентность	16,76	25,88
Коммуникативная компетентность	27,88	31,00
Репрезентативная компетентность	18,53	25,24
Карьерная компетентность	29,71	32,00
Предвыборная компетентность	10,12	21,29
Правовая компетентность	21,12	27,35
Информационная компетентность	22,82	29,94
Итоговый показатель ПК помощника депутата	146,9412	189,7059

Таблица 2

Динамика изменения доли испытуемых с разным уровнем развития
компонентов психологической структуры ПК в ходе эксперимента

Группа испытуе- мых	Компонент и уровень его развития Время обследования	Доля испытуемых, %																				
		ИмК			КмК			РК			КК			ПдК			ИнК			ПрК		
		Начальный	Базовый	Экспертный	Начальный	Базовый	Экспертный	Начальный	Базовый	Экспертный	Начальный	Базовый	Экспертный	Начальный	Базовый	Экспертный	Начальный	Базовый	Экспертный	Начальный	Базовый	Экспертный
Экспери- менталь- ная	До эксперимента	29,4	70,6	0	5,9	94,1	0	17,6	82,4	0	0	82,4	17,6	100	0	0	29,4	52,9	17,6	17,6	82,4	0
	После эксперимента	5,9	94,1	0	0	94,1	5,9	0	100	0	0	64,7	35,3	11,8	88,2	0	5,9	76,5	17,5	5,9	88,2	5,9
Контроль- ная	До эксперимента	47,1	52,9	0	5,9	94,1	0	17,6	82,4	0	0	88,2	11,8	100	0	0	23,5	58,8	17,6	17,6	82,4	0
	После эксперимента	47,1	52,9	0	5,9	94,1	0	17,6	82,4	0	0	88,2	11,8	100	0	0	17,6	70,6	11,8	17,6	82,4	0

Как показано на рис. 2, доля помощников депутата с начальным уровнем развития коммуникативной компетентности в экспериментальной группе снизилась на 5,9 %, в контрольной группе осталась прежней.

Доля испытуемых с базовым уровнем коммуникативной компетентности до и после прохождения программы развития ПК составила в экспериментальной и контрольной группе 94,1 %. В экспериментальной группе появились испытуемые с экспертным (высоким) уровнем развития коммуникативной компетентности – 5,9 %.

Зафиксированы изменения доли испытуемых с начальным и базовым уровнем репрезентативной компетентности в экспериментальной группе (рис. 3). Доля помощников депутата с начальным уровнем развития репрезентативной компетентности снизилась на 17,6 %, с базовым уровнем – возросла на 17,6 с 82,4 до 100 %. В контрольной группе изменений доли испытуемых не зафиксировано.

До участия в эксперименте доля испытуемых с базовым уровнем развития карьер-

ной компетентности составила 82,4 % в экспериментальной и 88,2 % – в контрольной группе, с экспертным уровнем развития карьерной компетентности – 17,6 % в экспериментальной и 11,8 % в контрольной группе (рис. 4). После прохождения программы развития ПК помощника депутата в экспериментальной группе возросла доля испытуемых с экспертным уровнем карьерной компетентности (35,3 %), снизилась доля испытуемых с базовым уровнем развития данного компонента (64,7 %). В контрольной группе значение доли испытуемых осталось прежним.

Помощники депутата, участвующие в эксперименте, имели начальный, условно-допустимый уровень развития предвыборной компетентности. После прохождения программы развития ПК в экспериментальной группе доля испытуемых с начальным уровнем снизилась и составила 11,8 %, с базовым уровнем увеличилась и составила 88,2 %. В контрольной группе изменений не выявлено (рис. 5).

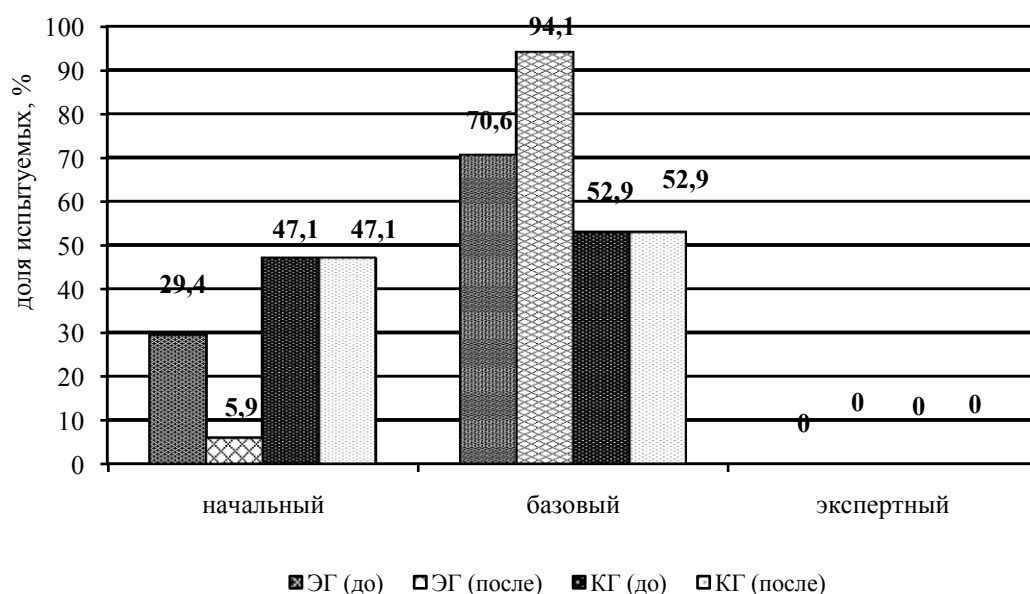

Рис. 1. Изменение доли испытуемых с начальным, базовым и экспертным уровнем развития имиджевой компетентности в ходе эксперимента

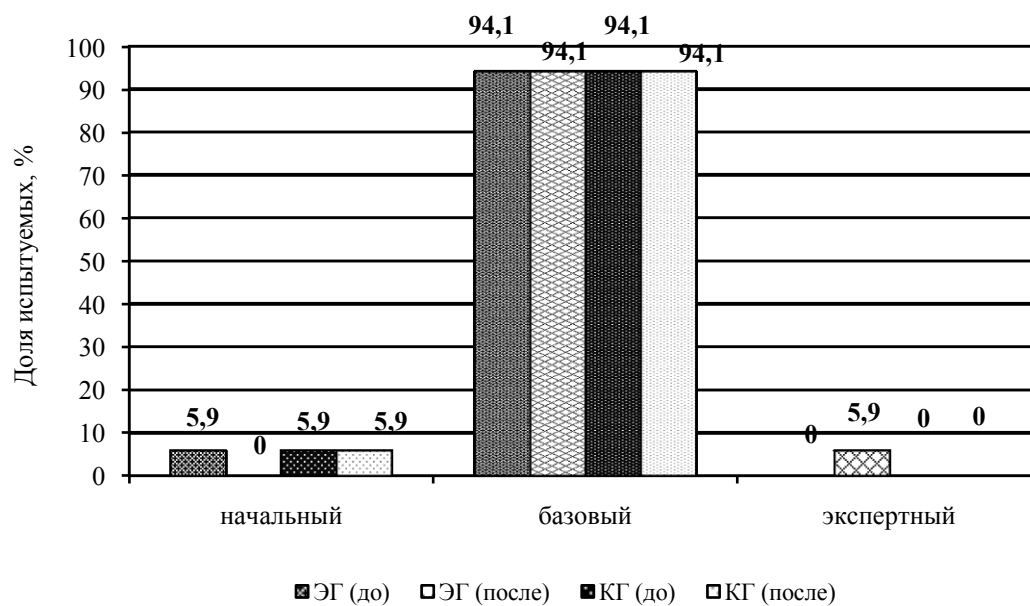

Рис. 2. Изменение доли испытуемых с начальным, базовым и экспертным уровнем развития коммуникативной компетентности в ходе эксперимента

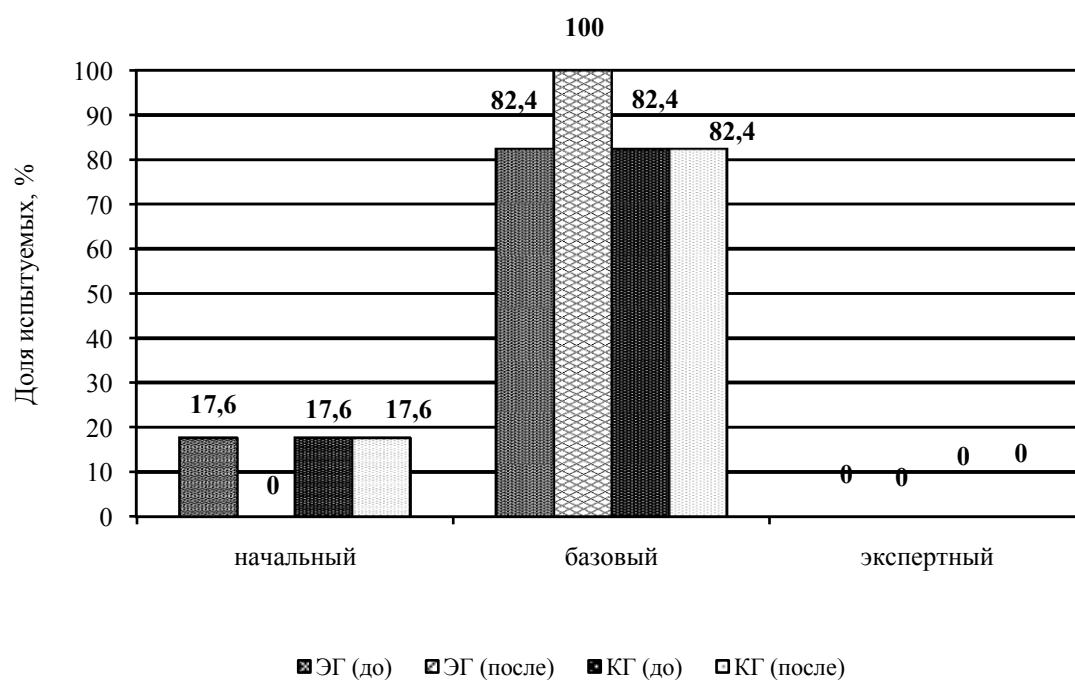

Рис. 3. Изменение доли испытуемых с начальным, базовым и экспертным уровнем развития репрезентативной компетентности в ходе эксперимента

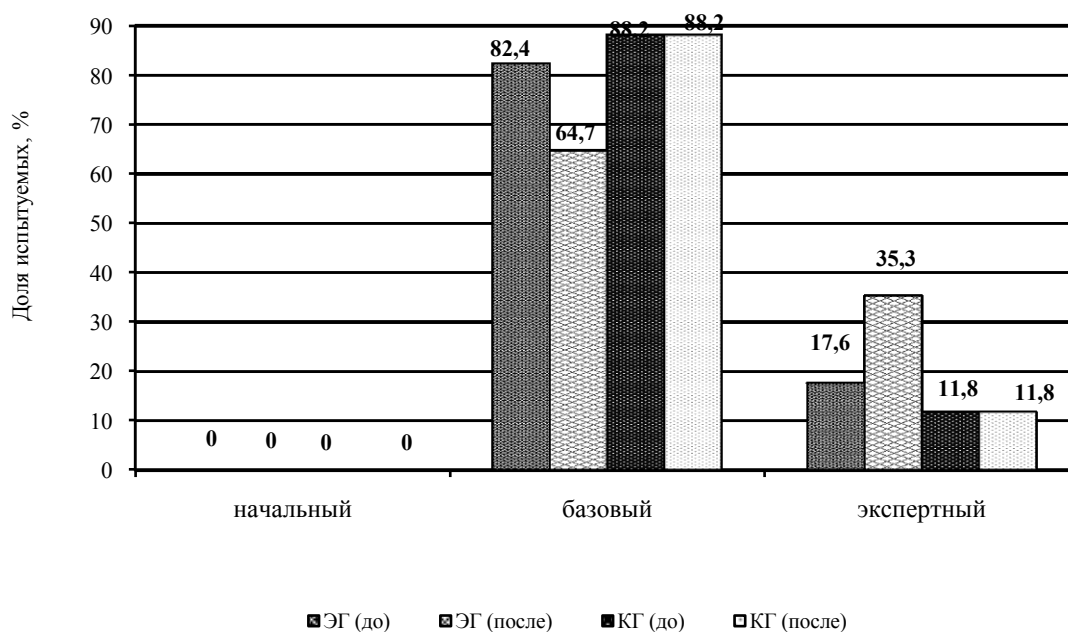

Рис. 4. Изменение доли испытуемых с начальным, базовым и экспертным уровнем развития карьерной компетентности в ходе эксперимента

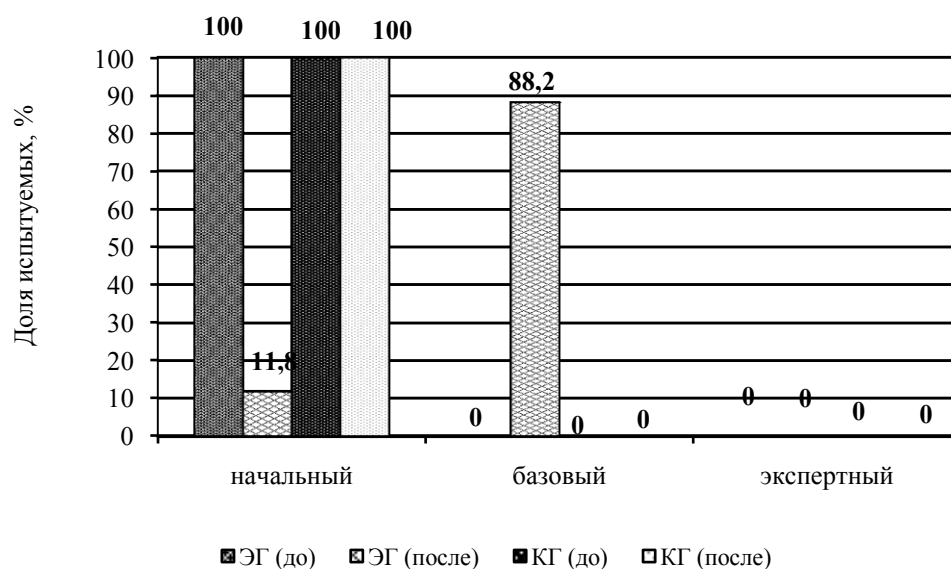

Рис. 5. Изменение доли испытуемых с начальным, базовым и экспертным уровнем развития предвыборной компетентности в ходе эксперимента

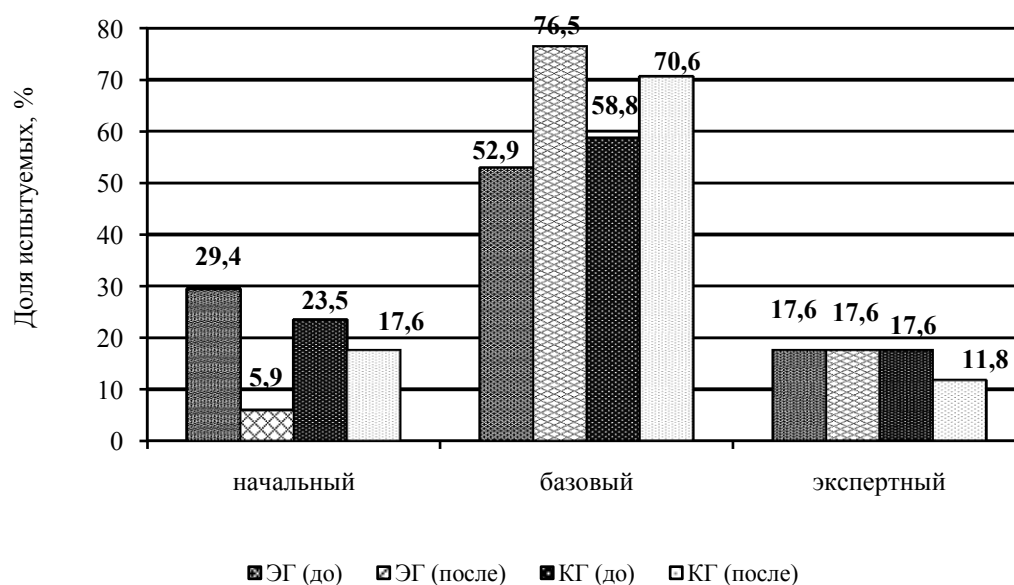

Рис. 6. Изменение доли испытуемых с начальным, базовым и экспертным уровнем развития информационной компетентности в ходе эксперимента

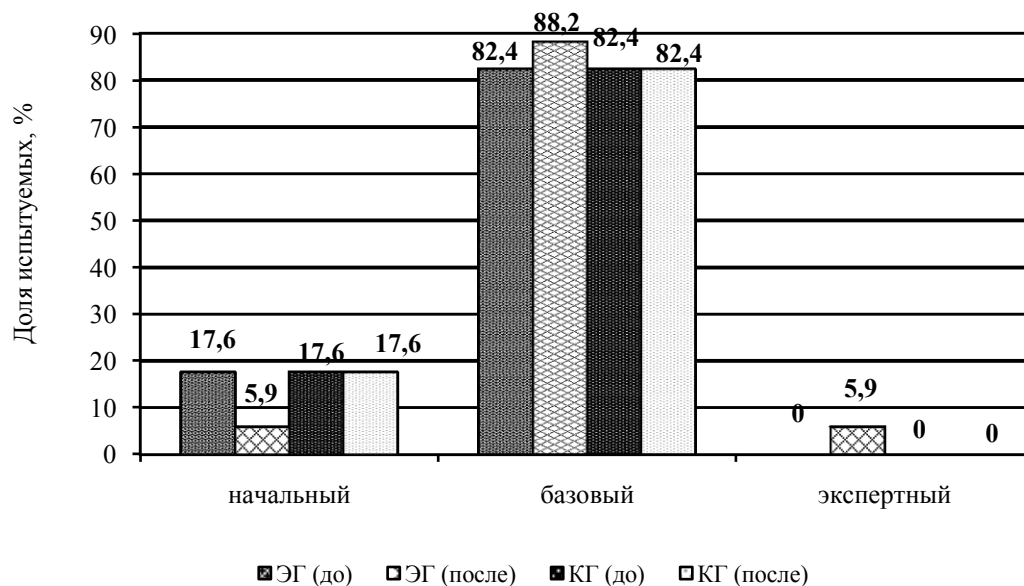

Рис. 7. Изменение доли испытуемых с начальным, базовым и экспертным уровнем развития правовой компетентности в ходе эксперимента

На психодиагностическом этапе эксперимента доля помощников депутата с начальным уровнем развития информационной компетентности составила 29,4 % в экспериментальной и 23,5 % в контрольной группах (рис. 6). Доля испытуемых с базовым уровнем составил 52,9 % в экспериментальной и 58,8 % в контрольной группах, с экспертным уровнем – по 17,6 % в экспериментальной и контрольной группах. После прохождения программы развития ПК помощников депутата доля помощников с начальным уровнем развития информационной компетентности в экспериментальной группе снизилась и составила 5,9 %, с базовым уровнем – увеличилась и составила 76,5 %, с экспертным уровнем – осталась прежней (17,6 %). В контрольной группе замечено снижение доли испытуемых с экспертным начальным уровнем (11,8 и 17,6 % соответственно), увеличилась доля испытуемых с базовым уровнем развития информационной компетентности (70,6 %).

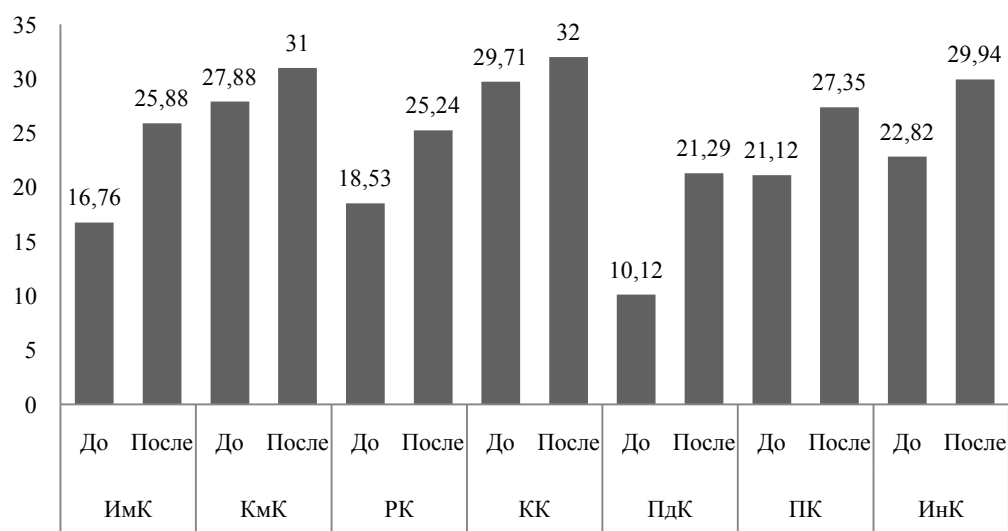
Из рис. 7 видно, что по итогам формирующего эксперимента в экспериментальной группе зафиксирована динамика долей испытуемых с начальным, базовым, экспертным уровнем правовой компетентности.

Доля помощников депутата с начальным уровнем снизилась с 17,6 до 5,9 %, с базовым уровнем увеличилась с 82,4 до 88,2 %, с экспертным уровнем – с 0 до 5,9 %. В контрольной группе изменений не зафиксировано.

Далее на рис. 8 отображена тенденция изменения значений компонентов профессиональной компетентности помощников депутата экспериментальной группы на психодиагностическом и аналитическом этапе формирующего эксперимента.

Как видно из рис. 8, зафиксирован рост показателей по шкалам, измеряющим уровень развития компонентов психологической структуры помощников депутата экспериментальной группы.

Итоговый показатель профессиональной компетентности в экспериментальной группе вырос с 146,94 баллов до участия в комплексной программе развития ПК помощника депутата до 189,71 баллов после участия в данной программе (рис. 9). Достоверность различий демонстрирует значение t -критерия Стьюдента, равное 0,002, $\alpha \leq 0,01$. Это доказывает, что такие изменения итогового показателя профессиональной компетентности характерны для 91 % помощников депутата, участвующих в формирующем эксперименте.

Примечание. ИмК – имиджевая компетентность, КмК – коммуникативная компетентность, РК – репрезентативная компетентность, КК – карьерная компетентность, ПдК – предвыборная компетентность, ПК – правовая компетентность, ИнК – информационная компетентность.

Рис. 8. Значения компонентов психологической структуры профессиональной компетентности помощников депутата экспериментальной группы до и после психологического воздействия

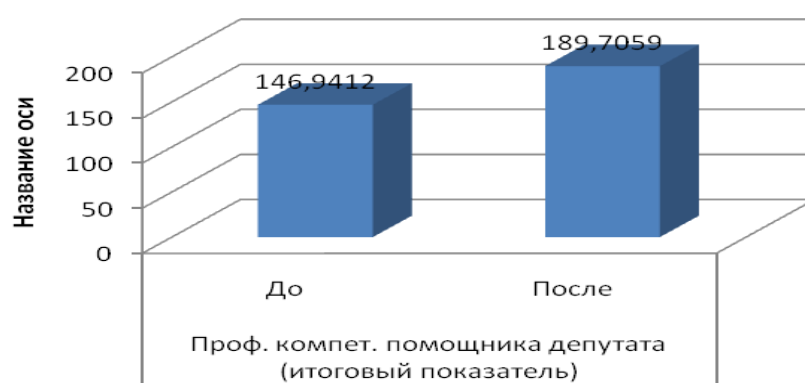

Рис. 9. Значение итогового показателя профессиональной компетентности помощника депутата на психодиагностическом и аналитическом этапах формирующего эксперимента

В контрольной группе статистически-значимых изменений в уровне развития компонентов ПК не обнаружено.

Таким образом, результатами формирующего эксперимента доказано позитивное влияние программы развития ПК на развитие всех компонентов психологической структуры ПК помощников депутата. Повторное проведение анкет и стандартизированных психодиагностических методик показало, что наряду с достижением помощниками депутатами с низким уровнем развития ПК базового уровня развития профессиональной компетентности, они стали более осведомленными в правовых вопросах, в технологиях ведения избирательной кампании, избирательном праве, их отличает профессиональная ответственность, развитая эмпатия, развитая способность к планированию и целеполаганию, высокая информационная культура.

1. Миронова О.И. Вынужденный контакт как вид межличностного контакта. М., 2008.
2. Миронова О.И. Психологическая структура вынужденного контакта // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 12 (80). С. 242-248.
3. Миронова О.И. Субъект вынужденного контакта: эмпирическое обоснование типов // Российский научный журнал. 2010. № 5 (18). С. 144-153.
4. Миронова О.И. Социально-психологическая концепция вынужденных контактов: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2014.

5. Полякова М.Е. Формирование правовой компетентности студентов технического вуза: автор. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
6. Селиверстова Ю.А. Имидж политического лидера: создание, внедрение, актуализация // Власть. 2011. № 1. С. 71-73.
7. Паришкова Г.Б. Информационная компетентность личности. Новосибирск, 2006.
8. Амелин В.Н. Эффективное управление избирательной кампанией. М., 2001.
9. Могилевкин Е.А. Карьерный рост: диагностика, технологии, тренинг. СПб., 2007.
10. Миронова О.И. Проблема компетентности в психолого-акмеологических исследованиях. Тамбов, 2005.
11. Миронова О.И. Компетентность руководителя в оптимизации материальных условий деятельности персонала: сущность, структура, условия и факторы развития: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.

1. Mironova O.I. Vynuzhdennyy kontakt kak vid mezhlichnostnogo kontakta. M., 2008.
2. Mironova O.I. Psikhologicheskaya struktura vynuzhdennogo kontakta // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2009. Vyp. 12 (80). S. 242-248.
3. Mironova O.I. Sub"ekt vynuzhdennogo kontakta: empiricheskoe obosnovanie tipov // Rossiyskiy nauchnyy zhurnal. 2010. № 5 (18). S. 144-153.
4. Mironova O.I. Sotsial'no-psikhologicheskaya kontseptsiya vynuzhdennykh kontaktov: avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk. M., 2014.

5. *Polyakova M.E.* Formirovanie pravovoy kompetentnosti studentov tekhnicheskogo vuza: avtor. dis. ... kand. psikh. nauk. M., 2007.
6. *Seliverstova Yu.A.* Imidzh politicheskogo lidera: sozdanie, vnedrenie, aktualizatsiya // *Vlast'*. 2011. № 1. S. 71-73.
7. *Parshukova G.B.* Informatsionnaya kompetentnost' lichnosti. Novosibirsk, 2006.
8. *Amelin V.N.* Effektivnoe upravlenie izbiratel'noy kampaniy. M., 2001.
9. *Mogilevkin E.A.* Kar'ernyy rost: diagnostika, tekhnologii, trening. SPb., 2007.
10. *Mironova O.I.* Problema kompetentnosti v psikhologo-akmeologicheskikh issledovaniyakh. Tambov, 2005.
11. *Mironova O.I.* Kompetentnost' rukovodite-lya v optimizatsii material'nykh usloviy deyatel'nosti personala: sushchnost', struktura, usloviya i faktory razvitiya: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk. M., 2003.

Поступила в редакцию 17.03.2015 г.

UDC 159.932.2

DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF THE ASSISTANT TO THE DELEGATE OF REGIONAL LEGISLATURE DURING THE FORMING EXPERIMENT

Sergey Vladimirovich PANIN, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Psychology of Development Department, e-mail: k-n@ro.ru

The results of the experiment concerning the development of the components of the psychological structure of professional competence of assistants to the delegates by means of application of the psychological-acmeological model are presented. The described experiment included the stating, forming and control stages. The development of professional competence takes place in seven directions – through impact on seven structural components of professional competence of the assistant to the delegate: communicative, legal, image, representative, information, pre-election, career competence. The contents of the program of development of professional competence of the assistants to the delegates were developed according to the specified directions: 1st module – training of development of communicative competence of the assistants to the delegate; the 2nd module – a webinar on development of legal competence of the assistants to the delegate; the 3rd module – a seminar on “Technology of political public relations”; 4th module – training of successful self-presentation and responsibility when performing the delegated instructions; 5th module – a workshop on development of ability to work with information; 6th module – webinar: “Strategic planning and features of the organization of election campaign”; 7th module – training of professional development of the assistant to the delegate. Efficiency of implementation of the program of development was estimated upon dynamics of components of professional competence of assistants to the delegate of the experimental group. Results of the forming experiment proved positive influence of the developed program on development of all components of psychological structure of professional competence of assistants to the delegates.

Key words: civil servant; development of professional competence; activities of the delegate; assistant to the delegate functions.

УДК 355.233.22.:37.013.41

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ ТРЕНИРОВКА – ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ЛЕТНОГО СОСТАВА ДАЛЬНЕЙ АВИАЦИИ

© Вячеслав Васильевич МИРОНОВ

Военный институт (физической культуры) Военно-медицинской
академии им. С.М. Кирова, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация, доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры теории и организации служебно-прикладной
физической подготовки, физической культуры и спорта,
e-mail: vifk_2008@mail.ru

© Павел Николаевич ПРИХОДЬКО

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского
и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж, Российская Федерация,
кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры физической
подготовки, e-mail: Prikhodko84@mail.ru

© Аркадий Андреевич ТИХОНЧУК

Военный институт (физической культуры)
Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, адъюнкт кафедры
теории и организации служебно-прикладной физической подготовки,
физической культуры и спорта, e-mail: vaiyvtn@yandex.ru

Рассмотрена проблема повышения эффективности военно-профессиональной деятельности специалистов авиации на основе ведения здорового образа жизни. Анализ летной практики показал, что на современном этапе развития Вооруженных сил России войска оснащаются высокотехнологичным вооружением и военной техникой, разрабатываются современные формы и способы ведения боевых действий. В этих условиях выдвигаются высокие требования к качеству подготовки военно-профессиональных кадров для ВВС РФ, психическому и физическому состоянию здоровья летного состава, уровню подготовки выпускников военных авиационных вузов, определяющих готовность и способность выполнять задачи по предназначению в сложной динамично изменяющейся обстановке. Установлено, что комплекс мер, реализуемых командованием ВВС РФ, медицинской службой, специалистами физической подготовки, не в полной мере соответствует современным требованиям безопасности полетов, сохранению и укреплению здоровья летного состава. Проведен анализ профессионального долголетия, обоснованы причины сокращения численности летного состава допущенных к проведению полетов, раскрыты внешние факторы, оказывающие негативное влияние на сохранение и укрепление здоровья летного состава, представлен мониторинг статистических данных наиболее характерных заболеваний специалистов авиации. Выявлена низкая эффективность традиционных форм и методов, реализуемых в системе физической подготовки летного состава ВВС РФ, самостоятельная физическая тренировка представлена как важная составляющая здорового образа жизни специалистов авиации. Проведен междисциплинарный анализ здорового образа жизни, как многомерного междисциплинарного феномена, охватывающего все сферы жизнедеятельности. Обоснована востребованность здорового образа жизни летного состава ВВС РФ как обязательного условия успешной военно-профессиональной деятельности. В части, касающейся летного состава, здоровый образ жизни рассматривается как индивидуальный механизм социальной и психологической реабилитации военных специалистов. Раскрыты особенности самостоятельной физической тренировки летного состава Соединенных Штатов Америки. Актуализирована необходимость разработки научно-методического аппарата формирования здорового образа жизни летного состава, обоснована потребность поиска направлений повышения эффективности процесса подготовки военно-профессиональных кадров для ВВС РФ.

Ключевые слова: военно-воздушные силы; летный состав; здоровье; здоровый образ жизни; функциональное состояние; самостоятельная физическая тренировка.

На современном этапе развития Вооруженных сил России войска оснащаются высокотехнологичным вооружением и военной техникой, разрабатываются современные

формы и способы ведения боевых действий. В этих условиях выдвигаются высокие требования к качеству подготовки военно-профессиональных кадров для Военно-воздушных сил РФ (ВВС РФ), психическому и физическому состоянию здоровья летного состава, уровню подготовки выпускников военных авиационных вузов, определяющих готовность и способность выполнять задачи по предназначению в сложной динамично изменяющейся обстановке.

Эксплуатация воздушных судов относится к одному из наиболее сложных и энергозатратных видов профессиональной деятельности, обусловленных значительным перенапряжением (истощением) психических и физических сил организма. Пилотирование летательных аппаратов осуществляется на фоне высочайшего нервно-эмоционального и умственного перенапряжения, летчик сталкивается со стрессовыми ситуациями и воздействием неблагоприятных факторов окружающей среды, что негативно отражается на состоянии здоровья и как следствие ведет к снижению качества выполнения боевых задач [1].

Командованием ВВС РФ уделяется значительное внимание организации профилактических и лечебно-диагностических мероприятий, определению состояния здоровья, индивидуальных психофизиологических качеств годности военнослужащих к руководству и управлению полетами, выполнению полетных заданий в соответствии с предназначением.

Система медицинского освидетельствования летного состава ставит перед собой цель сохранить принцип преемственности всех составляющих ее этапов, начиная с отбора поступающих кандидатов в военные учебные учреждения по подготовке летного состава до окончания профессиональной деятельности и пребывания его в запасе. Однако, несмотря на комплекс принимаемых мер, состояние здоровья летного состава не в полной мере соответствует современным требованиям безопасности полетов. Так, установлено, что до 85 % летного состава отстраняются от летной работы по медицинским показаниям в возрасте 31–45 лет. Сокращение профессионального долголетия специалистов авиации на 15 лет приносит

значительный экономический ущерб, исчисляемый десятками миллиардов рублей.

В доказательство этому проведенные исследования показывают, что уже через небольшой промежуток времени после окончания военно-учебного заведения состояние здоровья летного состава претерпевает дегенеративные изменения, которые впоследствии отражаются на результативности профессиональной деятельности.

Мониторинг состояния здоровья летного состава дальней авиации за 2014 г. позволил выделить три группы заболеваний (сердечно-сосудистой системы IX класс – 36,8 %, опорно-двигательного аппарата XIII класс – 25,2 %, органов пищеварения XI класс – 19,3 %), оказывающих существенное влияние на уровень профессиональной пригодности специалистов авиации [2].

К заболеваниям сердечно-сосудистой системы в большинстве своем относятся болезни, связанные с нарушением артериального давления и, как следствие, с проявлением признаков ишемической болезни сердца.

Одной из причин возрастания заболеваемости является резкое сокращение времени, выделяемого на выполнение физических упражнений. Занятия физической подготовкой перестают носить систематический характер (учебные занятия, спортивно-массовая работа), а важность самостоятельной физической тренировки недооценивается военнослужащими ввиду отсутствия мотивации и четкой программы для реализации.

В настоящее время достаточно широко и многогранно рассмотрена проблема сохранения и укрепления здоровья военнослужащих. Так, П.П. Пархоменко, В.Л. Маришук определили зависимость развития важных профессиональных качеств курсанта-летчика от уровня физической подготовленности, образа жизни [3]. А.А. Горелов обосновал положительное влияние физических упражнений на процесс воспитания летных качеств [4].

В работах отечественных исследователей С.А. Бугрова, В.Ф. Жеренкова и Р.Н. Макарова актуализирована проблема надежности человеческого фактора в профессиональном летном труде. Выявлено, что до 80 % происшествий и аварий возникают по вине летного состава [5]. Научный поиск повышения эффективности профессиональной деятельности летного состава определяет направления

исследования здорового образа жизни (ЗОЖ) военных авиационных специалистов.

В данном контексте ЗОЖ рассматривается, как многомерный междисциплинарный феномен, охватывающий все сферы жизнедеятельности, как обязательное условие успешной военно-профессиональной деятельности летного состава. В динамически меняющейся повседневной деятельности создание внешних условий для проведения мероприятий, направленных на восстановление психического, физического и нравственного здоровья, является затруднительным. В части, касающейся летного состава, ЗОЖ рассматривается как индивидуальный механизм социальной и психологической реабилитации военных специалистов [6].

При исследовании проблемы сохранения и укрепления здоровья военнослужащих особое значение приобретает систематический процесс физического самосовершенствования.

На современном этапе у специалистов физической подготовки нет проработанных комплексов для самостоятельной физической тренировки летного состава. Результатом этого является низкий процент самостоятельно занимающихся военнослужащих. Вместе с тем анкетный опрос показал, что из всех форм физической подготовки данная форма наиболее предпочтительна. Зачастую военнослужащий просто не знает, как и в каком объеме выполнять упражнения для поддержания требуемого уровня физической тренированности.

При разработке данной программы необходимо учитывать необходимость присутствия в ней доступных и понятных для занимающихся элементов аэробной физической тренировки. При использовании аэробных физических упражнений потребляется большое количество кислорода, они способствуют повышению эффективности дыхания, надежности работы сердца и сосудистой системы. Важно заметить, что скорость возрастного снижения максимального потребления кислорода с 20 до 65 лет у нетренированных мужчин составляет в среднем 0,5 мл/мин./кг за год, а у систематически занимающихся эта цифра снижается практически вдвое [7].

Одним из примеров разработанных программ самостоятельной физической тренировки для летного состава является система

Кеннета Купера, состоящая из циклических физических упражнений для разного уровня физической подготовленности по системе «от простого к сложному». Согласно этой системе, занимающийся набирает определенное количество очков за период времени с использованием, по большей части, аэробных физических упражнений. Рассматриваемая программа достаточно широко применяется в мировой практике спортивной медицины для определения уровня функциональной подготовленности испытуемого.

Однако необходимо отметить, что использование системы Купера как основополагающего элемента системы физического самосовершенствования летного состава ВВС РФ является нецелесообразным ввиду отсутствия специализированных упражнений применительно к практике профессиональной деятельности.

Необходимо учитывать, что система самостоятельной физической тренировки должна соответствовать критериям контроля физической подготовленности. Например, ВВС США на современном этапе активно используют дифференцированный подход к оценке аэробных упражнений. Так, военнослужащие летного состава имеют право выполнять тест на велоэргометре, если при проведении проверки данный тест назначит медицинская комиссия для определения уровня максимального потребления кислорода. В категорию проверяемых по данному упражнению в основном попадают офицеры старших возрастных групп (35 лет и старше). Данная методика, дублирующая нагрузку аэробного характера, направлена в первую очередь на сохранение здоровья военнослужащих за счет определения пропускаемости крови левым желудочком сердца [8].

Особую актуальность приобретает самостоятельная физическая тренировка, включающая в себя комплекс методик об основах сохранения и продления профессионального долголетия, совокупность мероприятий, обеспечивающих психо-физиологическую реабилитацию летного состава, систему аэробных, специализированных физических упражнений, адаптированных к реальной учебно-боевой обстановке. Реализация самостоятельной физической тренировки в повседневной деятельности летного состава будет способствовать повышению эффек-

тивность процесса подготовки военно-профессиональных кадров для ВВС РФ.

Проведенный анализ физической подготовки летного состава ВВС РФ показал следующее.

1. В повседневной профессиональной деятельности авиационных специалистов, направленной на сохранение и продление профессионального долголетия, формирование ЗОЖ летного состава осуществляется фрагментарно.

2. В системе физической подготовки летного состава ВВС РФ преобладают традиционные формы и методы, самостоятельной физической тренировке не уделяется должного внимания, современные специализированные технологии и методики, учитывающие особенности военно-профессиональной деятельности, не реализуются.

3. Таким образом, в сложившихся условиях целесообразно сосредоточить усилия на разработке научно-методического аппарата формирования ЗОЖ летного состава, определении педагогического инструментария, обеспечивающего возможность объективно оценивать результаты формирования ЗОЖ летного состава в процессе профессионального самосовершенствования.

1. Бугров С.А., Фролов Н.И. Актуальные проблемы медицинского обеспечения полетов // Военно-медицинский журнал. М., 2014. Вып. 12. С. 54-57.
2. Балагин А.А. Медицинские аспекты современной концепции безопасности полетов авиации ВВС // Военно-медицинский журнал. М., 2012. Вып. 12. С. 24-27.
3. Пархоменко П.П. Специальная физическая тренировка летного состава с целью совершенствования внимания. Ейск, 2012.
4. Горелов А.А. Основы теории и практики физической подготовки летного состава военной авиации: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 1994.
5. Макаров Р.Н. Физическая подготовка летчика ВВС. М., 1980.

6. Приходько П.Н. Педагогическое обеспечение здорового образа жизни курсантов военных авиационных вузов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2014.
7. Тихончук А.А. Сравнительный анализ подходов к оценке аэробных упражнений в процессе контроля физической подготовленности летного состава ВВС США и России // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. СПб., 2015. Вып. 1 (28). С. 93-95.
8. Instruction of physical training in the US Air Force. URL: <http://www.afpc.af.mil/shared/media/document/AFD-110804-054.pdf> (дата обращения: 10.02.2015).

1. Bugrov S.A., Frolov N.I. Aktual'nye problemy meditsinskogo obespecheniya poletov // Voennomeditsinskiy zhurnal. M., 2014. Vyp. 12. S. 54-57.
2. Balagin A.A. Meditsinskie aspekty sovremennoy kontseptsii bezopasnosti poletov aviatsii VVS // Voennomeditsinskiy zhurnal. M., 2012. Vyp. 12. S. 24-27.
3. Parkhomenko P.P. Spetsial'naya fizicheskaya trenirovka letnogo sostava s tsel'yu sovershenstvovaniya vnimaniya. Eysk, 2012.
4. Gorelov A.A. Osnovy teorii i praktiki fizicheskoy podgotovki letnogo sostava voennoy aviatsii: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. SPb., 1994.
5. Makarov R.N. Fizicheskaya podgotovka letchika VVS. M., 1980.
6. Prihod'ko P.N. Pedagogicheskoe obespechenie zdorovogo obraza zhizni kursantov voennykh aviatsionnykh vuzov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 2014.
7. Tikhonchuk A.A. Sravnitel'nyy analiz podkhodov k otsenke aerobnykh uprazhneniy v protsesse kontrolya fizicheskoy podgotovlennosti letnogo sostava VVS SShA i Rossii // Aktual'nye problemy fizicheskoy i spetsial'noy podgotovki silovykh struktur. SPb., 2015. Vyp. 1 (28). S. 93-95.
8. Instruction of physical training in the US Air Force. URL: <http://www.afpc.af.mil/shared/media/document/AFD-110804-054.pdf> (data obrashcheniya: 10.02.2015).

Поступила в редакцию 27.03.2015 г.

UDC 355.233.22:37.013.41

INDEPENDENT PHYSICAL TRAINING – AN IMPORTANT COMPONENT OF HEALTHY LIFESTYLE OF AIR CREW OF LONG-RANGE AVIATION

Vyacheslav Vasilyevich MIRONOV, Military Institute (Physical Education) S. M. Kirov Military Medical Academy, Saint-Petersburg, Russian Federation, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Theory and Organization Official-Applied Callisthenics, Physical Training and Sport Department, e-mail: vifk_2008@mail.ru

Pavel Nikolaevich PRIKHODKO, Military Educational-Scientific Centre of Air Force “Zhukovsky and Gagarin Air Force Engineering Academy”, Voronezh, Russian Federation, Candidate of Pedagogy, Lecturer of Callisthenics Department, e-mail: Prikhodko84@mail.ru

Arkadiy Andreevich TIKHONCHUK, Military Institute (Physical Education) S. M. Kirov Military Medical Academy, Saint-Petersburg, Russian Federation, Post-graduate of Theory and Organization Official-Applied Callisthenics, Physical Training and Sport Department, e-mail: vaiyvrn@yandex.ru

The problem of improving the efficiency of military-professional activity of specialists of aviation on the basis of a healthy lifestyle is considered. The flying practice analysis showed that at the present stage of development of the Armed Forces of the Russian troops will be equipped with high-tech weaponry and military equipment, modern forms and methods of warfare are developed. In these conditions high requirements to quality of preparation of professional military personnel for Air Force, mental and physical condition of the crew, the level of training of graduates of military aviation universities that determine the willingness and ability to perform the tasks as intended in complex dynamically changing environments are put forward. It is established that the complex of the measures implemented, the command of Air Force of the Russian Federation, medical service specialists of physical training did not fully meet modern requirements of safety, preservation and strengthening of health of flight crews. The analysis of career longevity justified the reasons for the reduction in the number of flight crews allowed to fly, and identifies external factors that have a negative impact on the preservation and strengthening of health of flight crews presented the monitoring of statistical data the most typical diseases of aviation specialists. Low efficiency of traditional forms and methods implemented in the system of physical training of flight personnel of the Air Forces of the Russian Federation is revealed, the independent physical training is presented as an important component of a healthy lifestyle of aviation specialists. Interdisciplinary analysis of a healthy lifestyle, as a multidimensional interdisciplinary phenomenon, covering all spheres of life is conducted. The demand for a healthy lifestyle of flight personnel of the Air Forces of the Russian Federation, as an obligatory condition of successful military-professional activity is justified. In part related to the air crew of a healthy lifestyle is regarded as the particular mechanism of social and psychological rehabilitation of military specialists. The features of independent physical training of flight personnel of the United States of America are revealed. Actualized by the need to develop methodological apparatus for the formation of healthy lifestyle of the crew, a necessity of search of ways of increase of efficiency of process of preparation of professional military personnel for the air force is justified.

Key words: Air Force; air crew; health; healthy lifestyle; functional state; independent physical training.

УДК 159.955.1

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА В АДАПТАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ГРАЖДАНСКОЙ СРЕДЕ

© **Нина Александровна КОВАЛЬ**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов,
Российская Федерация, доктор психологических наук, профессор,
зав. кафедрой психологии развития, e-mail: kafpsy@mail.ru

© **Евгений Александрович ГРИДНЕВ**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра психологии
развития, e-mail: lob213@rambler.ru

Рассматривается понятие когнитивного диссонанса в адаптации военнослужащих к условиям гражданской жизни. В современном обществе становятся актуальными вопросы о целостности процесса развития личности, ее самореализации в различных сферах жизнедеятельности, поиске путей раскрытия ее индивидуальности. В связи с этим важным становится вопрос о создании возможностей для реализации личностного потенциала и в условиях, связанных со сменой профессиональной деятельности, рассогласования имеющихся навыков поведения и вновь приобретаемых. Наиболее ярко описанную ситуацию раскрывает увольнение офицеров с военной службы. В изучении проблемы преодоления когнитивного диссонанса в адаптации военнослужащих в гражданской среде важным является вопрос о выявлении психологических детерминант процесса возникновения и преодоления когнитивного диссонанса. Раскрываются основные механизмы взаимосвязей субъективных и объективных условий адаптации, непосредственно влияющих на процесс возникновения и преодоления когнитивного диссонанса военнослужащими в адаптации к гражданской жизни. Новизна заключается в том, что раскрыты психологические условия и факторы, детерминирующие процесс преодоления когнитивного диссонанса у военнослужащих к гражданской жизни.

Ключевые слова: когнитивный диссонанс; психологические детерминанты; адаптация; условия; факторы; военнослужащие, уволенные в запас.

Научный интерес в отношении проблемы преодоления когнитивного диссонанса в адаптации военнослужащих в гражданской среде сводится не только к выявлению его структуры и содержания, но и определения его детерминант – источников, движущих сил, внешних и внутренних факторов и условий.

Прежде чем перейти к описанию психологических детерминант процесса возникновения и преодоления когнитивного диссонанса, отметим то важное обстоятельство, что результатом данного процесса является адаптация, которая в свою очередь включает в себе определенный уровень адаптированности личности. Это и является основным критерием преодоления когнитивного диссонанса у военнослужащих.

Адаптацию можно рассматривать как развитие явления во времени и как процесс (следствие этого развития). В случае, когда адаптация рассматривается как процесс, речь идет о совокупности условий или обстоятельств, которые определяют результат

(адаптированность). Обратимся к научной трактовке понятия «условия».

Психолого-акмеологические исследования научной категории «условия» выявили ее объективный характер. Условия принято рассматривать как объективность, которая имеет силу непосредственного воздействия на субъект, а обратное воздействие ограничено. Согласно словарным источникам, «...условие, непосредственно порождающее то или иное явление, или процесс, составляет ту среду, в которой последнее возникает, существуют и развиваются...» [1, с. 143].

Согласно А.А. Деркачу, В.Г. Зазыкину, такими условиями в психолого-акмеологических исследованиях называют «...задатки, общие и специальные способности субъекта труда, состояние общества, условия семейного воспитания и образования, доступ к культурным ценностям и прочее, что составляет содержание т. н. предстартового периода развития профессионализма» [1, с. 143].

В отечественной и зарубежной психологии, акмеологии и педагогике изучены и представлены психологические, акмеологические и педагогические условия, которые детерминируют развитие личности и ее личностный рост; развитие деятельности; развитие и становление компетентного специалиста, профессионала; формирование субъектности.

Условия (в общем виде) могут быть представлены внешней и внутренней средой, влияющей на преодоление когнитивного диссонанса военнослужащими. Следовательно, все условия адаптационного механизма можно разделить на «объективные» условия и обстоятельства, которые образуют относительно независимые от субъекта (адаптанта) предпосылки его адаптивной деятельности, а также «субъективные», связанные с его индивидуальными особенностями и с отражением внешних условий в сознании и психике адаптанта.

Возникает вопрос: почему адаптационная среда (в данном случае гражданская среда) рассматривается именно как объективная сторона процесса возникновения и преодоления когнитивного диссонанса у военнослужащих. Дело в том, что в ходе адаптационного процесса среда имеет и «субъективные» черты – изменяемость, «подстройку» к деятельности нового адаптирующегося элемента системы. Адаптирующаяся сторона, с этой точки зрения, приобретает черты объекта, опосредующие определенные изменения самой адаптирующей среды.

Подобный вопрос справедлив и вполне может быть объяснен не только с учетом диалектической взаимосвязи элементов системы «адаптант – адаптационная среда», но также следующими причинами.

Во-первых, личность офицера запаса в данном процессе является наиболее динамически изменяемой (по глубине процесса, по масштабу изменяемых сторон личности) по сравнению со средой.

Во-вторых, «личность» по уровню развития является более «простой» и в то же время наиболее зависимой от среды системой.

Такое деление на «объект» и «субъект» в современной научной литературе по адаптации является общепринятым.

При изучении механизма взаимосвязей субъективных и объективных условий воз-

никновения и преодоления когнитивного диссонанса в адаптации военнослужащих в гражданской среде является важным дать определение выделенных условий.

Под условиями возникновения и преодоления когнитивного диссонанса в адаптации военнослужащих в гражданской среде можно понимать внешние обстоятельства, которые оказывают постоянное влияние на данный процесс; они не носят статического характера и находятся в постоянной динамике. Поэтому успешное преодоление когнитивного диссонанса будет обусловлено возникновением все новых обстоятельств, которые необходимо учитывать с целью оптимизации данного процесса.

Следовательно, характеристика условий, влияющих на процесс адаптации, должна даваться в первую очередь со стороны адаптационной среды (объекта) и со стороны адаптанта (субъекта). Поэтому все условия адаптационного механизма можно разделить на «объективные» условия и обстоятельства, которые образуют относительно независимые от субъекта (адаптанта) предпосылки его адаптивной деятельности, а также «субъективные», связанные с его индивидуальными особенностями и с отражением внешних условий в сознании и психике адаптанта.

Анализируя влияние *внешней среды* на возникновение и преодоление когнитивного диссонанса, мы обращаем внимание на обстоятельства, при которых данный процесс может быть представлен следующими детерминантами:

1) уровень жизни в целом (уровень развития общества, способ производства, характер общественных отношений, социально-экономическая и военная политика государства, уровень научно-технического прогресса, система и порядок комплектования и реформирования Вооруженных сил, морально-политическая обстановка в стране, комплекс противоречий и особенностей развития современного общества);

2) система работы общественных организаций по трудоустройству бывших военнослужащих (органы социального обеспечения по месту жительства, занимающиеся проблемой трудоустройства, вопросы социальной защиты военнослужащих связываются с занятостью населения, многозначностью и полифункциональностью труда в жизне-

деятельности социальных субъектов, возрастанием роли институтов профориентации, дополнительного образования и правового регулирования отношений в сфере занятости).

Интересный материал для анализа представляет оценка армии офицерами запаса. Высокий уровень адаптированности офицеров, негативно оценивающих институт армии в обществе, дает основание утверждать, что в дальнейшем необходимо выявлять эту категорию офицеров и не препятствовать их увольнению, направив усилия государственных органов и органов военного управления на преимущественную работу с ними по профессиональной переориентации;

3) социально-правовая защищенность военнослужащих при выходе на пенсию. Одним из направлений оптимизации процесса возникновения и преодоления когнитивного диссонанса в адаптации военнослужащих могла бы стать целенаправленная политика государственных органов и органов военного управления по обеспечению условий добровольного закрепления военнослужащих после увольнения в запас на последнем месте службы путем предоставления качественного жилья, различных финансовых льгот или обеспечения им возможности заканчивать службу в местах последующего жительства после увольнения.

Первый вариант – на основании Закона «О статусе военнослужащего», по достижению предельного возраста пребывания на службе (генералы – до 60 лет, полковники – до 55 лет, иные воинские звания – до 50 лет); состоянию здоровья; и в связи с организационно-штатными мероприятиями. Однако за всеми уволенными офицерами сохраняются льготы, предусмотренные Законом Российской Федерации «О статусе военнослужащего» [2, с. 99].

По второму варианту – служебное несоответствие; дискредитация (за совершение проступков, дискредитирующих высокое звание советского офицера; уголовное наказание в виде лишения свободы; лишение воинского звания; невыполнение условий контракта; совершение проступка, порочащего честь военнослужащего; несоответствие требованиям закона Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе» [2, с. 99].

Молодые офицеры запаса хорошо адаптируются ввиду отсутствия, во-первых, ка-

кой-либо значимой зависимости от предыдущей воинской службы в Вооруженных силах, во-вторых, притязаний на ее результаты в виде возможных льгот, пенсии, жилья и воинской службы знания. Офицеры запаса возрастных групп от 50 лет и старше лучше других адаптируются, т. к. в подавляющем большинстве имеют право на пенсию, имеют жилье или льготное право на его получение. Эти обстоятельства благотворно влияют на результаты их социальной адаптации в новой среде.

В гораздо худших условиях оказываются военнослужащие, увольняющиеся без права на пенсию и по причинам, отличным от окончания срока выслуги, предельного возраста. К обычным при данных обстоятельствах стрессам добавляется и негативное отношение к подобным действиям государства, личная неопределенность. Особенно это проявилось при опросе офицеров-политработников, которые вынуждены были уволиться в связи с реорганизацией и упразднением политорганов, а также снижением статуса офицера по воспитательной работе.

Таким образом, условиями, непосредственно влияющими на процесс возникновения и преодоления когнитивного диссонанса военнослужащими в адаптации к гражданской жизни, являются *объективные условия общественно-политического характера*.

Другой важной детерминантой, обуславливающей процесс возникновения и преодоления когнитивного диссонанса, являются условия *внутренней среды, носящие профессионально-личностный характер*. К данным условиям относятся следующие:

1) статусно-должностное положение офицера при увольнении, раскрывающееся в более широких возможностях у военнослужащих вышестоящих звеньев подыскать себе загодя работу, отвечающую его притязаниям; возраст офицера; место жительства; место последней службы; готовность к увольнению; выслуга лет; воинское звание; характер воинской службы и т. д.;

2) психологическая направленность личности офицера (мотивационная направленность, характер, самосознание, способности и темперамент человека, личностные особенности, образовательный потенциал, профессиональная ориентация бывшего офицера, участие его в общественной работе,

совокупность социальных качеств (ценностей, ориентации, идеалов и т. д.)).

Интегральное влияние на ход адаптации личности оказывают и черты характера. Мера сочетания таких черт, как пытливость, любознательность, общительность или замкнутость, ответственность или недобросовестность, трудолюбие или леность может накладывать серьезный отпечаток на эффективность самого процесса социальной адаптации, снижая или повышая его результативность;

3) служебно-функциональная готовность офицера (удовлетворенность военнослужащего организацией своего труда, его функциональную способность включиться в определенный вид деятельности, его информированность о предстоящей профессиональной деятельности, характер официальных и неофициальных межличностных отношений в микросоциуме, тип коллектива и его требования к новичку, стиль работы руководителей, напряженность распорядка дня и т. д.).

Таким образом, вся совокупность условий внутренней среды, определяющая личностно-профессиональный характер и влияющая на процесс возникновения и преодоления когнитивного диссонанса в адаптации военнослужащего в гражданской среде, имеет внутренние связи и требует предметного, пристального изучения с целью рационального управления адаптационным процессом.

Другими значимыми обстоятельствами, существенно влияющими на возникновение и преодоление когнитивного диссонанса в адаптации военнослужащих в гражданской среде, являются факторы, которые выступают в качестве причин, приводящих в движение качество и динамику данного процесса. Под факторами понимают причины, движущую силу какого-либо процесса, явления, определяющие их характер или отдельные черты [3].

Понятие фактора следует рассматривать как существенное обстоятельство, способствующее процессу или явлению (А.А. Деркач), как причинное влияние или воздействие на явление (Н.В. Кузьмина) или условие долгосрочной перспективы (А.С. Огнев) [4].

В акмеологическом контексте общенаучная категория «фактор» понимается как объективная причина, обуславливающая самодвижение индивидуальности к высоким достижениям в процессе жизнедеятельности [4].

Исходя из этого акмеологические факторы – это причины, обуславливающие достижение высокого уровня деятельности, саморазвития субъекта или развития любых личностных качеств, главные детерминанты эффективности процесса акме-ориентированного саморазвития [5].

Н.В. Кузьмина и А.А. Реан предложили следующую классификацию акмеологических факторов [6]:

- объективные, связанные с деятельностью человека в существующей системе;
- субъективные, связанные с личностными предпосылками, обуславливающими успешность деятельности и определяющие интерес к отдельным ее аспектам в профессии в целом;
- объективно-субъективные, связанные с профессиональной средой, профессионализмом руководителей и т. д.

Согласно А.А. Деркачу и В.Г. Зазыкину факторы следует рассматривать в качестве причин, основных движущих сил, детерминант развития любого процесса [1]. Авторы подчеркивают, что субъективизм акмеологических факторов предполагает возможность эффективного влияния на процесс целенаправленными усилиями и действиями. Это требует учета известных характеристик детерминационных процессов: их динамичности, нелинейности, опосредованности, гетерохронности. С позиций системной методологии можно структурировать акмеологические факторы по иному, выделяя общие, особенные и единичные.

В исследованиях В.Г. Зазыкина общими факторами являются акмеологические инварианты профессионализма – высокий уровень антиципации, саморегуляции, развитая образная сфера, умения принимать решения, коммуникативные умения [7].

В социологических и социально-психологических исследованиях чаще всего выделяются группы адаптации с относительно высокими, средними и низкими показателями. В качестве последних выступают субъективный показатель – удовлетворенность личности и объективный показатель – продуктивность той деятельности, которую она выполняет. Так как используется экспертная оценка выделенных параметров деятельности и свойств личности, результаты деятельности трудно зафиксировать и измерить [8].

По мнению И.В. Дмитриева «для фиксации адаптированной личности необходимо наличие обоих критериев, ибо определенный уровень продуктивности деятельности и положение в коллективе должны подкрепляться состоянием удовлетворенности» [9, с. 14].

Социологическое исследование М.Г. Мелконян, предметом которого явились в т. ч. условия и факторы, влияющие на формирование адаптации у кадровых военнослужащих, увольняемых из Вооруженных сил в связи с реформированием, позволило выделить наличие основных факторов, детерминирующих процесс социальной адаптации у офицеров запаса. К их числу относятся: социально-психологические, военно-профессиональные, социально-демографические [10].

В диссертационной работе «Адаптационный потенциал военнослужащих в психологической подготовке к гражданской жизни» С.В. Величко ставит цель изучить влияние средовых факторов на адаптационный потенциал военнослужащих, увольняемых в запас [11]. По мнению автора, наиболее значимыми факторами, опосредующими адаптационный потенциал военнослужащего, являются: условия труда, материальное положение в целом, психологический комфорт семьи, экономическое положение семьи.

Одной из задач, стоящих в эмпирическом исследовании В.Ф. Паршакова, явился анализ факторов, детерминирующих процесс социальной адаптации военнослужащих, уволенных с военной службы, и обобщение результатов для разработки рекомендаций к практической деятельности [12]. В данном исследовании анализируются такие адаптационные факторы, которые необходимы для получения новой профессии: внутренняя осознанность своего профессионального выбора; необходимость получения специального образования, являющегося основой социальной адаптации; высокая степень сложности и комплексный характер профессиональной деятельности; нравственные обязательства перед собой и семьей о необходимости продолжения своей трудовой деятельности.

В ходе военной реформы должна быть заложена правовая основа обеспечения социальной сферы, социальной защиты военнослужащих. Представляется, что в этот период необходимо последовательно реформировать механизм обеспечения социально-эко-

номических прав военнослужащих в русле преобразований социального сектора российской экономики. Все это позволит военнослужащим, уволенным из рядов Вооруженных сил, пройти более успешно адаптацию в условиях гражданской жизни.

Таким образом, процесс возникновения и преодоления когнитивного диссонанса военнослужащего в адаптации к гражданской среде детерминируется, во-первых, условиями внешней среды (объективные), которые носят общественно-политический характер (условия жизни в целом; система работы общественных организаций по трудоустройству; социально-правовая защищенность военнослужащих) и условиями внутренней среды (субъективные) профессионально-личностного характера (статусно-должностное положение; психологическая направленность личности; служебно-функциональная готовность).

Во-вторых, в процессе адаптации взаимодействуют факторы: социально-экономический, жилищно-бытовой, психологический комфорт семьи, личностный потенциал и трудоустройство. Все они, так или иначе, влияют на результаты адаптации в зависимости от своего содержания и степени интенсивности. Все факторы, включенные в детерминацию процесса, действуют не изолированно друг о друга, а как единое целое, как система взаимосвязанных и взаимообусловленных обстоятельств, в которых существует определенная иерархия уровней детерминации. При многопрофильной обусловленности адаптации как результата преодоления когнитивного диссонанса бывших офицеров можно выделить явление устойчивого сочетания факторов, выступающих в качестве социальной базы адаптации (на уровне внешних факторов), а также факторов, выступающих в качестве доминирующего ядра.

1. Деркач А.А., Зызыкин В.Г. Акмеология. СПб., 2003.
2. О воинской обязанности и военной службе: закон Российской Федерации // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации. 1993. № 9.
3. Большая советская энциклопедия. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 12.08.2010).
4. Деркач А.А., Кузьмина Н.В. Введение в акмеологию. М., 1995.

5. Коваль Н.А., Сахарова Е.А. Способы психологического воздействия на персонал // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2004. Вып. 3 (35). С. 37-40.
6. Кузьмина Н.В., Реан А.А. Профессионализм педагогической деятельности. СПб., 1993.
7. Зазыкин В.Г. Деятельность специалистов в особых условиях. М., 1994.
8. Коваль Н.А. Специфика нравственных ценностей в профессиональном становлении специалиста // Учитель – социальный педагог – социальный работник и их практическая деятельность: сборник научных статей. Тамбов, 1997. С. 12-19.
9. Дмитриев И.В. Социально-психологическая адаптация офицеров, уволенных в запас, к условиям гражданской среды: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1999.
10. Мелконян М.Г. Социальная адаптация военнослужащих, увольняемых в запас в процессе реформирования армии: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Улан-Удэ, 2001.
11. Величко С.В. Адаптационный потенциал военнослужащих в психологической подготовке к гражданской жизни: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Таганрог, 2004.
12. Паршаков В.Ф. Социальная адаптация военнослужащих, уволенных с военной службы: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2004.
3. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. URL: <http://dic.academic.ru> (data obrashcheniya: 12.08.2010).
4. Derkach A.A., Kuz'mina N.V. Vvedenie v akmeologiyu. M., 1995.
5. Koval' N.A., Sakharova E.A. Spособы psikhologicheskogo vozdeystviya na personal // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2004. Vyp. 3 (35). S. 37-40.
6. Kuz'mina N.V., Rean A.A. Professionalizm pedagogicheskoy deyatel'nosti. SPb., 1993.
7. Zazykin V.G. Deyatel'nost' spetsialistov v osobykh usloviyakh. M., 1994.
8. Koval' N.A. Spetsifika нравstvennykh tsennostey v professional'nom stanovlenii spetsialista // Uchitel' – sotsial'nyy pedagog – sotsial'nyy rabotnik i ikh prakticheskaya deyatel'nost': sbornik nauchnykh statey. Tambov, 1997. S. 12-19.
9. Dmitriev I.V. Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya ofitserov, uvolennykh v zapas, k usloviyam grazhdanskoy sredy: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. M., 1999.
10. Melkonyan M.G. Sotsial'naya adaptatsiya voennosluzhashchikh, uvol'nyaemykh v zapas v protsesse reformirovaniya armii: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk. Ulan-Ude, 2001.
11. Velichko S.V. Adaptatsionnyy potentsial voennosluzhashchikh v psikhologicheskoy podgotovke k grazhdanskoy zhizni: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. Taganrog, 2004.
12. Parshakov V.F. Sotsial'naya adaptatsiya voennosluzhashchikh, uvolennykh s voennoy sluzhby: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk. M., 2004.
1. Derkach A.A., Zazykin V.G. Akmeologiya. SPb., 2003.
2. O voinskoy obyazannosti i voennoy sluzhbe: zakon Rossiyskoy Federatsii // Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov Rossiyskoy Federatsii. 1993. № 9.

Поступила в редакцию 28.03.2015 г.

UDC 159.955.1

PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF OVERCOMING COGNITIVE DISSONANCE IN ADAPTATION OF THE MILITARY TO CIVIC SPHERE

Nina Aleksandrovna KOVAL, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor, Head of Psychology of Development Department, e-mail: kafspsy@mail.ru

Evgeniy Aleksandrovich GRIDNEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Psychology of Development Department, e-mail: lob213@rambler.ru

The concept of cognitive dissonance in adapting to the conditions of the military civic life is discussed. The urgency of the research topic, which is that in modern society there are actual questions about the integrity of the process of personality development, self-realization in its various spheres of life, finding ways to disclose her identity. Therefore, it becomes important to the establishment of opportunities for realization of personal potential and conditions associated with the change of the professional activity, the mismatch of available skills and newly acquired behavior. Most vividly the described the situation reveals the dismissal of officers from military service. In studying the problem of overcoming the cognitive dissonance in resettlement in a civilian environment it is an important question of identifying the psychological determinants of the emergence and overcoming cognitive dissonance. The basic mechanisms of the relationship of subjective and objective conditions of adaptation, directly affecting the rise and overcome the cognitive dissonance soldiers adapt to civilian life are revealed. The novelty is that it uncovered the psychological conditions and factors that determine the process of overcoming the cognitive dissonance from military to civilian life.

Key words: cognitive dissonance; psychological determinants; adaptation; conditions; factors; the military, discharged.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

УДК 330.12

НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ С. СИСМОНДИ КАК ПРОЕКТ ОБЩЕСТВА СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОДЕНСТВИЯ

© Владимир Дмитриевич МАМОНТОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов,
Российская Федерация, доктор экономических наук, профессор, первый проректор –
проректор по образовательной политике, e-mail: mamontov@tsu.tmb.ru

Сисмонд де Сисмонди занимает отдельное особое место в западной классической политической экономии. Рассмотрены теоретико-методологические положения его экономической доктрины на основании двух периодов, выделяемых в его творчестве: когда он примыкает к классикам и разделяет «credo» либерализма, и когда он выступает как критик классиков и либерализма. Особенно акцентируется внимание на тезисе социализации экономической науки. Капиталистическая система хозяйствования имеет комплекс социально-экономических противоречий. Вопреки здравому смыслу, экономисты либерального направления в своих методологических основах абстрагируются от реальной действительности. Сисмонди критикует капиталистическую систему хозяйства за ее антисоциальную направленность, за огромную дифференциацию в экономическом положении между различными слоями населения. С его позиции, общество, которое не приносит счастья большинству населения страны, не имеет перспектив развития. Актуален для современности и этический аспект распределительных отношений, исследуемых швейцарским экономистом. В его концепции проблема распределения – краеугольный камень политической экономии и экономической политики.

Ключевые слова: новая политическая экономия; социализация экономики; либеральная экономическая доктрина; экономический романтизм; проблема распределения.

События последних лет в мировой и российской экономике убедительно свидетельствуют о присутствии незримой связующей нити между экономическими концепциями прошлого и настоящего.

В то же время крайнюю обеспокоенность вызывает тот факт, что есть попытка все многообразие хозяйственной жизни в национальной системе уложить в русло доминирующей (в силу действия субъективных факторов) экономической доктрины. В советской действительности это был марксизм, в российской интерпретации и воплощении; в постсоветской России – это неоллиберализм, опять-таки с «отечественной спецификой». Современную ситуацию в теории и практике экономической науки отдельные исследователи характеризуют понятием «большевизм наоборот», и это справедливо.

Как сама экономическая действительность, экономическая наука никогда не была монистической. Наличие многообразия

школ, направлений, постоянная их эволюция, взаимопроникновение: все эти процессы способствовали обогащению экономической науки, содействовали тому, что наука наиболее точно отражала реальные хозяйственные процессы. При таком подходе даже футурологические проекты опираются на объективно действующие закономерности, а не представляют собой ни к чему не обязывающие возможные сценарии развития. Важно подчеркнуть и следующую тенденцию: доминирование одной научной школы не отторгает идей «несогласных», а в целом научное соперничество плодотворно влияло на хозяйственную практику. Уже во второй половине XIX столетия классическая школа в политической экономии получила серьезных оппонентов в лице немецкой национальной системы, во главе с Ф. Листом, экономического учения К. Маркса. Именно научная состязательность способствовала формированию и развитию оригинальных доктрин, проектов.

В этом ракурсе следует рассматривать политическую экономию Симонда де Сисмонди.

С. Сисмонди занимает отдельное и особое место в западной классической политической экономии. В советской экономической науке в течение длительного времени привыкли оценивать экономическое наследие швейцарского ученого с позиции ленинского восприятия, отраженного в известном сочинении – «К характеристике экономического романтизма». О сущности позиции и ее недостаточной научной обоснованности скажем чуть позже, здесь лишь заметим, что в ленинской интерпретации С. Сисмонди – экономист, в целом правильно критикующий слабые стороны либеральной экономической доктрины, но своими выводами, предложениями, зовущий в прошлую хозяйственную систему – мир ремесленников и мелких крестьян-собственников. Попробуем со всем этим разобраться, но начнем с биографии ученого, а также окружающего его мира. Эти факторы стали важными составляющими при формировании научного мировоззрения экономиста [1]¹.

¹ Симонд де Сисмонди (1773–1842) родился в окрестностях Женевы, в родовом имении «Шатлен», расположенном в живописном месте на берегу Женевского озера. Отец его был влиятельный протестантский пастор, близко стоящий к старой знати. Среднее образование экономист получил в протестантской коллегии, основанной еще Ж. Кальвиным. По окончании этого учебного заведения он поступает в университет, но не кончает его из-за расстроенных дел отца и уезжает в Лион, где поступает на службу в банкирский дом. Революционное движение заставляет бежать его из Лиона; он возвращается на родину, но и здесь ненадолго находит покой. Революция, перекинувшись из Франции в Швейцарию, довольно недружелюбно обходится с женеvской аристократией, в т. ч. и с семьей Сисмонди. Не чувствуя себя на родине, охваченной пламенем революции, в безопасности, С. Сисмонди со своими родителями переселяется в Италию. Там они покупают имение, и будущий экономист и историк становится сельским хозяином, но одновременно активно занимается изучением истории и экономики. В этот период он начал писать свой большой историко-экономический труд «Исследование об общественных науках», изданный лишь в 1836 г. Его опыт в сельском хозяйстве также получил литературное оформление: им издана работа под названием «Картины сельского хозяйства в Тоскане». В 1800 г. наступил конец его жизни на чужбине. Революция ушла в прошлое, С. Сисмонди снова делается гражданином Женевы, где он из сельского хозяина превращается в секретаря торговой камеры. Но он не прерывает научных изысканий. В 1803 г. появляется его экономическое сочинение «Торговое богатство», в котором он полностью проводит идеи А. Смита. Впоследствии, после перелома в его

С. Сисмонди, как уроженец французской части Швейцарии, принадлежал к французским экономистам. На формирование его мировоззрения оказали свое влияние исторические условия той эпохи, а именно: французское революционное и контрреволюционные движения, затронувшие своим влиянием практически всю Европу, твердая поступь шагающего капитализма и начало промышленного переворота, специфические условия экономического и политического развития Швейцарии. В Швейцарии, с одной стороны, еще сохранился полупатриархальный строй с его мелким производством, а с другой – этот строй уже был под угрозой гибели благодаря победоносному шествию ка-

воззрениях, он смотрел на этот труд как на «грехи молодости». В 1819 г. появляется основной труд С. Сисмонди, принесший ему громкую известность, – «Новые начала политической экономии». Если в «Торговом богатстве», являясь еще учеником А. Смита, он ставит себе скромную задачу: знакомить французов и швейцарцев со взглядами автора сочинения «Исследование о природе и причинах богатства народов», то в «Новых началах» претензии у него идут дальше – строительство новой политической экономии.

С. Сисмонди был также крупным историком, и им написан ряд больших исторических работ, главнейшие из которых следующие: «История французов», «История падения Римской империи», «История возрождения свободы в Италии». Отличительной особенностью его исторических работ является то, что в них большое место занимают вопросы хозяйства, и этим он выгодно отличается от современных ему историков, излагавших почти исключительно политическую историю. С другой стороны, С. Сисмонди вносит исторический элемент в свои экономические исследования, что для того времени было большой новизной. Ученый подвизался недолго и без особых успехов и на поприще политической деятельности. Боясь революции, С. Сисмонди не хотел и реакции. В победе коалиции над Наполеоном он справедливо усмотрел победу реакции, а потому стал на сторону Наполеона, когда тот сбежал с острова Эльба и вновь провозгласил себя императором Франции (раньше он не был сторонником Бонапарта, считая его деспотом). С. Сисмонди напечатал ряд статей в защиту Наполеона. Как мыслитель и политический деятель С. Сисмонди отличался большой независимостью мысли и всячески ее оберегал. Он отверг сделанное ему предложение занять кафедру политической экономии в Вильне из опасения, что не будет иметь возможности свободно излагать там свои взгляды. Став на сторону Наполеона, С. Сисмонди отказался принять от него орден Почетного легиона, желая сохранить независимость суждений. После реставрации С. Сисмонди удаляется от политики и отдается исключительно научной работе, соединяя ее с путешествиями по Европе, в целях обогащения себя новыми наблюдениями. Он завязывает и личные связи с крупнейшими политиками и экономистами того времени. Умер Симонд де Сисмонди на 69-м году своей жизни.

питализма в более развитых странах. С. Сисмонди на себе ощутил все противоречия революционной эпохи.

Маленькой Швейцарии, расположенной в центре Европы и в непосредственном соседстве с Италией, Францией и Германией, не легко было сохранить свои провинциализм и замкнутость. В течение XVIII в. она успела развить значительную для того времени внешнюю торговлю, промышленность находилась на стадии т. н. рассеянной мануфактуры, ремесленники и кустари работали на торговые конторы.

Швейцария делилась на кантоны, находившиеся на разных ступенях промышленного развития. В одних кантонах преобладали промышленность и торговля, в других – земледелие, а в третьих – скотоводство. И по своему политическому устройству одни кантоны отличались от других; в остальных кантонах власть безраздельно была в руках патрициев – старой аристократии, а в более передовых кантонах власть оспаривалась и не без успеха новым бюргерством. Но во всей Швейцарии накануне французской революции феодализм был еще довольно, казалось, прочен. В городах большими привилегиями пользовались ремесленные цехи, купеческие гильдии и другие корпорации. А деревня находилась в феодальной зависимости от города; правящий городской слой играл роль сюзерена в отношении окрестного сельского населения. Центральная власть существовала номинально, и каждый кантон представлял чуть ли не самостоятельное государство.

Однако капитализм прокладывал себе путь и в этой самобытной стране. Промышленный переворот в Англии и революция во Франции вовлекают ее в свой водоворот. Революционные бои, в которых принимали участие и внешние силы – войска революционной и наполеоновской Франции, – уничтожили феодализм и нанесли сильнейший удар патриархальщине в Швейцарии. Из революционных потрясений она вышла более объединенной; на Венском конгрессе (1815 г.) Швейцарии была гарантирована независимость.

В развитии экономических воззрений С. Сисмонди различают два периода: первый, когда он примыкает к классикам и разделяет «credo» либерализма, второй, когда он выступает как критик классиков и либера-

лизма. Ученые выдвигают разные причины по поводу перелома во взглядах С. Сисмонди – революционные потрясения во Франции и Швейцарии, жестокие формы утверждения капитализма и в связи с этим неясная картина будущего, массовое разорение крестьян и ремесленников, ухудшение социально-экономического положения значительной части населения Швейцарии. С достаточным основанием можно привести еще ряд факторов, воздействующих на эволюцию взглядов С. Сисмонди и конечно же потрясения личного характера, связанные с революцией во Франции и ее экспортом в «тихую» Швейцарию.

Итак, вначале С. Сисмонди был правоверным смитианцем. Здесь сложно и вряд ли возможно выделить какие-либо новые авторские положения в области политической экономии, выдвинутые ученым. Со всей очевидностью следует говорить о популяризации идей А. Смита. В работе «Торговое богатство» (в советской политической экономии работа была также озвучена под названием «О коммерческом богатстве». – В. М.) С. Сисмонди выступал за свободу конкуренции и свободную игру личных интересов.

В своем главном труде «Новые начала политической экономии» С. Сисмонди делает смелое заявление о создании «новой политической экономии», базирующейся на совершенно иной основе, нежели у классиков. Отсюда и заявка на название – «Новые начала». В предисловии ко второму изданию своего основного сочинения швейцарский экономист пишет: «Я полагаю, что построил политическую экономию на новом основании. Полагаю я это и потому, что дал определение национального дохода, и потому, что исследовал ту форму распределения дохода, при которой осуществляется наибольшее счастье нации и, следовательно, наилучшим образом достигается цель нашей науки» [2, с. 139].

С. Сисмонди в работе стремится провести четкую грань отличий между своими экономическими воззрениями и идеями классиков. Неудивительно, что его сочинение богато представлено критикой классической политэкономической доктрины. Но ошибочно было представлять всю критику С. Сисмонди в русле ленинской интерпретации, которая наложила свой отпечаток на весь спектр экономических воззрений швейцарского учено-

го. В этой связи кратко остановимся на ленинской позиции относительно С. Сисмонди. В.И. Ленин считал, что «по всем пунктам он отличается от классиков тем, что указывает противоречия капитализма. Это с одной стороны. С другой стороны, ни по одному пункту он не может (да и не хочет) провести дальше анализ классиков и потому ограничивается сентиментальной критикой капитализма с точки зрения мелкого буржуа» [3, с. 69]. *По Ленину, романтизм С. Сисмонди коренится в его классовой позиции, которая двойственна, как двойственна природа мелкого товаропроизводителя.* Как следствие, в советской политической экономии утвердилась позиция, что С. Сисмонди одновременно, осуждая режим свободной конкуренции, противопоставляет ему цеховой строй средневековых ремесленников, идеализирует мелкое крестьянское хозяйство. Д. Розенберг указывает, что в экономических воззрениях С. Сисмонди наиболее ярко сказывается двойственная природа мелкого товаропроизводителя. «Сисмонди против капитализма с его свободной игрой личных интересов; но он также против социализма, заменяющего «личный интерес интересом корпораций». Личный интерес, без которого товарное производство существовать не может, должен быть сохранен; но его личный интерес надо как-то обуздать, поставить в рамки, соответствующие интересам именно мелкого производства» [4, с. 89]. По поводу второй части вывода все правильно. Швейцарский экономист был противником революционного развития событий, не считал научно обоснованной социалистическую доктрину. Что касается первой части, то здесь присутствует много надуманного, в сочинениях С. Сисмонди этой идеализации не просматривается. К тому же сам С. Сисмонди убедительно высказывается относительно этого обвинения. Он пишет в предисловии ко второму изданию «Новых начал политической экономии»: «Итак, пусть меня не обвиняют в том, что я хотел обратить науку вспять; наоборот, я ее двинул вперед и подвел под нее новый фундамент» [2, с. 139].

Можно ли говорить о стройности и цельности заявленной «новой» экономической доктрины? Безусловно, нет. Но С. Сисмонди обозначил необходимость развития политической экономии в новом направлении. Ученый заявляет о необходимости со-

циализации экономической науки. Теперь об этом несколько подробнее. С. Сисмонди критикует капиталистическую систему хозяйства за ее антисоциальную направленность, за просто огромную дифференциацию в экономическом положении между различными слоями населения. С его позиции, общество, которое не приносит счастья большинству населения страны, не имеет перспективы в своем развитии. Экономистов-либералов он критикует за то, что они не хотят видеть всю гамму и остроту противоречий капиталистической экономической системы, в своих методологических подходах совершенно абстрагируются от реальной действительности. Примечательно в этом плане «Предисловие ко второму изданию», которое было написано семь лет спустя после выхода в свет первого издания «Новых начал политической экономии». В нем автор говорит о правоте своих выводов. По поводу тенденций и характера развития капитализма он пишет: «Прошло семь лет, и факты, как мне кажется, неизменно выступали в защиту моих взглядов. Они доказали гораздо лучше, чем это мог сделать я, что благополучие, к которому стремились мои теоретические противники, было иллюзорным. Там, где их теории были применимы на практике, они, правда, способствовали суммарному росту материальных богатств, но при этом уменьшали количество наслаждений, выпадавших на долю каждого» [2, с. 133-134]. Швейцарский экономист указывает, что в формирующемся «новом» обществе представители всех слоев населения несчастны по-своему. В контексте этого С. Сисмонди пишет: «Изучение Англии еще более утвердило меня в моих «Новых началах». В этой удивительной стране, которая как бы в поучение всему миру терпит большие испытания, я наблюдал, как производство растет, а количество наслаждений уменьшается. Я ищу этого счастья среди всех классов общества, но нигде его не нахожу» [2, с. 134]. Ученый отдельно останавливается на положении рабочих, крестьян. С. Сисмонди замечает, что «рост промышленности и богатства не спас творцов богатства – рабочих – от неслыханных страданий, факты не соответствовали ни всеобщим ожиданиям, ни предсказаниям ученых. В деревне нет больше крестьян – их вытеснили батраки» [2, с. 134-136]. По мнению экономиста,

не получила счастья от «нового порядка» и высший слой английского общества – аристократия. «Высшая аристократия Англии достигла богатства и роскоши, превосходящих все, что можно видеть в других странах, но и она не наслаждается тем достатком, который приобрела за счет других классов. Она не чувствует уверенности и прочности своего положения, и в каждой семье больше чувствуются лишения, чем изобилие» [2, с. 134].

С. Сисмонди не скрывает, что его сочинение не встретило одобрения со стороны людей, трудам которых справедливо приписывают самые значительные успехи науки. Он пишет: «Я нисколько не удивляюсь, что книга моя не произвела более благоприятного впечатления. Ведь в ней я подверг сомнению истинность принципов, считавшихся окончательно установленными; я поколебал основы науки, которая благодаря простоте, ясности и методичности своих построений считалась одним из высочайших достижений человеческого ума; наконец, я выступил против ортодоксии – дело столь же опасное в области философии, как и в области религии» [2, с. 133].

Свои «Новые начала» С. Сисмонди начинает с нового определения предмета политической экономии. «Материальное благосостояние людей, – пишет он, – поскольку оно зависит от государства, составляет предмет политической экономии» [2, с. 148]. Классики изучают хозяйственные процессы как естественные процессы, т. е. как процессы, которые совершаются стихийно, спонтанно. С. Сисмонди ставит своей задачей изучать эти процессы как процессы, регулируемые и направляемые правительством. Классиков интересовало, как богатство производится, обращается и распределяется. Швейцарского экономиста интересует, как правительство должно направлять и руководить производством, обращением и распределением богатства. И это вполне согласуется с его общей концепцией, отвергающей “laissez faire” и требующей государственного вмешательства в хозяйственную жизнь. «Государство должно стремиться к такому порядку, который обеспечивал бы и бедному и богатому довольство, радость и покой, – к такому порядку, при котором никто не страдает, не тревожится за свой завтрашний день и каждый имеет возможность собственным трудом обеспечить себе и своей семье пищу,

одежду, жилье и все необходимое, для того чтобы жизнь была бы не бременем, а радостью. Государство не может ставить себе абстрактную цель накапливать богатство; его задача – дать возможность всем гражданам пользоваться тем физическим довольством, которое доставляет богатство» [2, с. 148].

Определяя по-новому предмет политической экономии, С. Сисмонди возражает и против метода классиков. Их метод он отвергает как абстрактный. Он часто упрекает классиков в том, что они абстрагируют богатство от человека, а между тем цель богатства – удовлетворять потребности. Отсюда также обвинение их в абстрагировании производства от потребления. *В противовес классикам швейцарский ученый за исходный пункт исследования берет производство и распределение изолированного человека – Робинзона.* «История этого человека есть история рода человеческого», – пишет С. Сисмонди [2, с. 172]. В этой связи народное богатство представляется исследователем как сумма частных богатств. История всякого богатства проходит одни и те же стадии: труд, который его создает, бережливость, которая его накапливает, потребление, которое его уничтожает. Ученые обоснованно замечают, что С. Сисмонди вносит субъективизм в исследование экономических процессов.

Симон де Сисмонди большое значение в историческом процессе отводил моральным идеалам справедливого общества, в целом этическим нормам. Мнение правит миром, – на этом принципе базируется методология С. Сисмонди. От него – этого принципа – все качества. Раз плохая действительность – действительность, осуждаемая С. Сисмонди, – является результатом неправильных мнений, то изменить ее можно лишь путем изменений последних. Отсюда оценка событий и фактов, их моральное осуждение или оправдание – единственное средство изменения или утверждения их.

С. Сисмонди в своих «Новых началах» выдвинул постулат, который кладется им в основу его исследования. Этим постулатом является примат потребления над производством. Ученый констатирует: «Потребность стимулировала производство, а производство на основе опыта создало различные виды богатств» [2, с. 150]. Для А. Смита и его школы постулатом их исследований был

«хозяйствующий» («экономический»), т. е. производящий и торгующий человек. Для С. Сисмонди человек прежде всего – существо потребляющее; сисмондистский человек производит лишь в той мере, в какой это диктуется ему его потребностями. А из этого положения экономист делает важный для его концепции вывод. Во-первых, производство в «нормальном» обществе не может быть безграничным, ибо к такому производству нет стимулов. Во-вторых, только в классовом обществе может иметь место безграничное производство, являющееся в свою очередь причиной дальнейшего развития и углубления неравенства. В таком обществе производство определяется потребностями тех, которые не работают, которым не стоят никакого труда те материальные блага, при помощи которых они удовлетворяют свои желания и даже прихоти. В-третьих, в таком классовом обществе, как буржуазное, в котором производят для обширных рынков, безграничное производство вызывает большие затруднения, т. к. оно происходит за счет сокращения потребления и приводит к превышению предложения над спросом.

В концепции С. Сисмонди проблема распределения – проблема и теоретическая и этическая. Не при всяком распределении хозяйство может развиваться и развивается без перебоев и потрясений. Такова теоретическая суть проблемы. Этическая ее суть заключается в том, что распределение должно доставить счастье каждому соответственно его положению. С. Сисмонди проблему распределения делает краеугольным камнем политической экономии и экономической политики. Воспроизведем в точности его аргументацию. Он пишет: «В своей книге я старался доказать, что богатство, поскольку оно

является олицетворением всех материальных радостей, может служить всеобщему счастью лишь при том условии, если рост его соответствует росту народонаселения и если оно распределяется в известной пропорции; нарушение этой пропорции представляет крайнюю опасность. Я поставил себе задачей доказать, что для всеобщего счастья нужно, чтобы доход рос одновременно с капиталом, чтобы рост населения не обгонял роста дохода, необходимого для его существования, чтобы потребление росло вместе с населением и чтобы воспроизводство продуктов было пропорционально как капиталу, который их производит, так и населению, которое их потребляет» [2, с. 137].

Завершая анализ экономических идей швейцарского ученого, следует отметить, что многие положения концепции Симона де Сисмонди в современных условиях требуют нового осмысления.

1. Аникин А.В. Юность науки. М., 1985.
2. Сисмонди С. Новые начала политической экономии. М., 1937.
3. Ленин В.И. К характеристике экономического романтизма. М., 1937.
4. Розенберг Д. История политической экономии. М., 1935. Ч. 2.

1. Anikin A.V. Yunost' nauki. M., 1985.
2. Sismondi S. Novye nachala politicheskoy ekonomii. M., 1937.
3. Lenin V.I. K kharakteristike ekonomicheskogo romantizma. M., 1937.
4. Rozenberg D. Istoriya politicheskoy ekonomii. M., 1935. Ch. 2.

Поступила в редакцию 23.03.2015 г.

UDC 330.12

NEW POLITICAL ECONOMY OF S. SISMONDI AS A PROJECT OF SOCIETY OF SOCIAL WELFARE

Vladimir Dmitrievich MAMONTOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, First Provost – Provost for Educational Politics, e-mail: mamontov@tsu.tmb.ru

Simonde de Sismondi takes a special place in the Western classical political economy. Theoretical and methodological theses of his economic doctrine on the basis of two periods, which are marked in his works are reviewed: when he joins classics and divides “credo” of liberalism and when he acts as a critic of classics and liberalism. The attention is paid to the thesis of socialization of economic science. Capitalistic system of management has a complex of socio-economic antagonisms. But, against common sense, economists of liberal direction in their methodological basis abstract reality. Sismondi criticizes capitalistic system of the economy for its antisocial aim, for great differentiation in economic position in two different masses of population. From his position, the society which does not bring happiness to the most of population of the country does not have any prospects of development. Ethical question of distributive relations, which is studied by Swiss scientist, is also relevant for modern world. In this concept the problem of distribution – is a keystone of political economy and economic policy.

Key words: new political economy; socialization of economics; liberal economic doctrine; economic romanticism; problem of distribution.

УДК 338.24

ФОРМИРОВАНИЕ ПОДХОДОВ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

© Валентина Викторовна СМАГИНА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор экономических наук, профессор,
проректор по корпоративной политике и воспитательной работе,
e-mail: troveo@mail.ru

© Николай Васильевич СТРЕКАЛОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, соискатель, кафедра политической экономии
и мирового глобального хозяйства, e-mail: NVStrekalov@outlook.com

Обоснована целесообразность использования индикативного планирования, как инструмента построения и восстановления экономики регионов, вошедших в состав Российской Федерации. Проанализирован опыт использования индикативного планирования на примере США и Франции, выявлена устойчивая положительная динамика развития регионов данных государств, ориентированных на построение динамических подсистем экономического развития на основе принципов индикативной экономики. Рассмотрена возможность построения модели экономического развития Крымского федерального округа в соответствии с принципами индикативной экономики и дальнейшего реплицирования данной модели на другие регионы Российской Федерации. Достижение синергетического эффекта является определяющим фактором в достижении поставленных целей и задач в области экономического развития при ограниченном временном ресурсе. Синергетический эффект будет достигаться при максимизации потенциалов всех элементов социально-экономической системы и определении точек роста, которые дадут толчок развитию всей системы в целом. Выявление этих точек, определение основных параметров, постановка целей, разработка программ по их достижению производится в рамках концепции индикативного планирования. Индикативное планирование, применяемое в качестве инструмента комплексного восстановления и развития экономики Крыма, интенсифицирует процесс ее интеграции в общее экономическое пространство Российской Федерации.

Ключевые слова: индикативная экономика; индикативное планирование; индикативные показатели; социально-экономическая система; макропланирование; стратегическое планирование; управление социально-экономическими системами.

Кризисы, как таковые, имеют в своей основе циклическую природу. В случае если речь идет о структурном кризисе, то выявить его цикличность не всегда представляется возможным, прежде всего по причине того, что основу этого кризиса будет составлять не один, а целый комплекс социально-экономических явлений, имеющих в т. ч. циклическую природу. Несмотря на это, любой системный кризис можно рассматривать как бифуркационную точку, являющуюся либо критической при переходе на новую ступень развития социально-экономической системы, либо точкой дестабилизационного перехода всей социально-экономической системы, при накоплении различного рода экзистенциальных рисков происходит их переход из количественного в качественное состояние [1].

Рассматривая текущий кризис, не только как экономический, но и как геополитиче-

ский, можно вывести ряд закономерностей, которые позволяют говорить о необходимости наличия у государства продуманной экономической стратегии восстановления и развития структуры экономики регионов, которые могут войти в состав Российской Федерации. В широком смысле, речь идет даже не о стратегии, а о парадигме комплексного развития территории, на которой существовали отличные от принятых в Российской Федерации принципов законодательства и различные подходы в части формирования экономической системы региона. При таких условиях провести интенсивное развитие экономики регионов в рамках концепции рыночной экономики невозможно по причине того, что общее экономическое пространство находится в стадии синхронизации и формирования. Полноценное использование концепции плановой экономики также не

представляется возможным – Российская Федерация на данный момент не использует такой тип развития экономической системы. Решение данного вопроса лежит в плоскости предмета изучения *индикативной экономики*, одним из центральных методов которой является *индикативное планирование*, ставшее эффективным инструментом восстановления и эволюционного реформирования экономических субъектов на мезо- и макроуровне.

Прецедент вхождения в состав Российской Федерации Автономной республики Крым в качестве Крымского федерального округа и города Федерального значения Севастополь при более детальном рассмотрении поднимает целый пласт проблем, которые были заморожены при предыдущем кризисе социально-экономической системы Союза Советских Социалистических Республик. Распад СССР не привел к крупномасштабной войне на территории ранее единого государства, но создание новых самостоятельных государств в границах республик, которые ранее, по сути, были обозначены номинальными границами, позволяющими осуществлять эффективное административное управление, вызывали ряд разногласий, в т. ч. и на национальной почве. Нейтральный статус этих государств и существовавшее взаимодействие в рамках СНГ в течение 20 лет поддерживало иллюзию геополитической стабильности, и не ставило принципиального вопроса о восстановлении целостности территории Российского государства и обеспечения концепции стратегической безопасности.

Развитие сценария, спровоцировавшего начало гражданской войны на территории бывшей УССР, в результате которого возник конфликт между новой центральной властью и рядом регионов Украины, запустил процесс прогрессирующей дезорганизации социально-экономической системы Украинского государства. По состоянию дел на конец 2014 г. данные события привели к выходу из состава Украины Автономной республики Крым в качестве самостоятельного государства с последующим вступлением в состав Российской Федерации, и формированию двух государственных образований на территории Донецкой и Луганской областей с неопределенным статусом.

В связи с вышеперечисленными событиями вопрос восстановления и укрепления экономики Крымского региона в краткосрочной и среднесрочной перспективе должен быть проработан не только в качестве исключительной задачи, но и как систематический подход восстановления и ускоренного развития регионов, желающих войти в состав Российской Федерации на методологическом уровне.

Достижение синергетического эффекта является определяющим фактором в достижении поставленных целей и задач в области экономического развития при ограниченном временном ресурсе. Синергетический эффект будет достигаться при максимизации потенциалов всех элементов социально-экономической системы и определении точек роста, которые дадут толчок развитию всей системы в целом. Выявление этих точек, определение основных параметров, постановка целей, разработка программ по их достижению производятся в рамках концепции индикативного планирования.

Масштаб проекта по восстановлению экономики Крымского федерального округа, по площади сопоставимого с Бельгией (площадь Крыма 27000 км²) [2] и с Латвией по населению (2284 млн человек) [2], с точки зрения индикативной экономики сопоставим с проектом восстановления экономики Франции после Второй мировой войны. Оказание США финансовой помощи в рамках плана Маршалла во Франции выросло в поэтапное структурное развитие экономики Франции. При этом на начальном этапе был сформирован пул ключевых заданий, мер стимулирования и поддержки шести «базовых отраслей». Ключевым слоганом первого индикативного плана стало высказывание «Модернизация или упадок» [3]. Процесс разработки и согласования индикативных планов регулировался Генеральным секретариатом планирования; за время его существования было реализовано более 10 индикативных планов пошагового развития государства, результатом которых стало восстановление экономической мощи Франции. В контексте данной тематики уместно привести пример посткризисного экономического развития ряда территории в США. В 1965 г. была принята «Всеобъемлющая программа экономического развития региона гор Аппа-

лачей», которая по площади включала в себя 13 штатов. Главной целью программы было объявлено повышение благосостояния населения. В 1965 г. примерно 30 % жителей региона Аппалачей жил в условиях бедности, к 2008 г. доля бедных уменьшилась до 18 %. Количество экономически проблемных округов гор Аппалачей снизилось с 223 в 1965 г. до 98 в 2013 г. Количество округов, у которых уровень бедности в среднем выше в 1,5 раза, чем по США, снизилось с 295 в 1965 г. до 116 в 2000 г. [4].

Данная статистика отражает результативность и эффективность методик, которые индикативная экономика может предложить при решении стратегических задач экономического развития на макро- и мезоуровне. Тем не менее, при формировании методологии и выработке концепции развития и интеграции социально-экономической системы Крыма существует ряд лимитирующих факторов, которые необходимо будет учитывать при постановке целей по темпу экономического роста [5, с. 123-127].

Во-первых, Крымский федеральный округ на текущий момент не полностью признан мировым сообществом как неотъемлемая часть Российского государства, а значит, имеет затруднения в доступе к инвестиционным ресурсам, по крайней мере, со стороны стран Европейского союза и США. Во-вторых, в экономике Российской Федерации еще в 2013 г. были зафиксированы замедление темпа роста, а политический кризис 2014 г. и последовавшие за ним санкции позволяют говорить о серьезном спаде в экономике, которые осложняют и ограничивают объем средств, которые возможно перераспределить в сторону проекта развития и восстановления Крыма [1]. В-третьих, инфраструктура Крыма все еще тесно связана с Украиной – Крымский полуостров имеет только морскую границу с остальной территорией Российской Федерации, поэтому отсутствует возможность быстрого обеспечения и переброски необходимых ресурсов. В-четвертых, критически важным является фактор социальной стабильности.

Вопрос выработки оптимальной стратегии экономического развития при наличии всех вышеуказанных ограничений должен опираться в т. ч. на ретроспективный анализ позитивного опыта развития Крымского по-

луострова в разрезе планового способа управления народным хозяйством, применяемом в СССР, и рассматриваться в среднесрочной перспективе как ориентир при постановке максимальных целевых индикаторов развития.

Индикативное планирование, применяемое в качестве инструмента комплексного восстановления и развития экономики Крыма, интенсифицирует процесс ее интеграции в общее экономическое пространство Российской Федерации. Скорость и эффективность процесса интеграции социально-экономической системы Крымского региона и остальной части Российской Федерации будет иметь решающее значение и станет не только критически важным фактором в развитии региона, но и создаст прецедент построения в краткосрочный период функционального прототипа трансформационной модели экономического развития субъекта федерации на базе концепций индикативной экономики. В свою очередь этот опыт позволит использовать данную модель для развития других регионов Российской Федерации.

Давление на экономику Российской Федерации, оказываемое со стороны стран Европейского Союза и США, имеет своей целью не столько ослабление экономики, сколько дестабилизацию всей социально-экономической системы. Возрождение концепции «Санитарного кордона» из постсоветских государств с зависимой от финансовых институтов Европы и США экономикой напрямую затрагивает экономические и геополитические интересы России. При оценке результатов реакции российской экономики на внешнее давление и степени ее устойчивости можно отметить, что по прогнозу Министерства экономического развития РФ спад ВВП в 2015 г. составит 2,5–3 % [6], а по прогнозу агентства Moody's – до 5,5 % [7]. Все эти факты позволяют сделать вывод о необходимости проведения комплексных мер по поиску новых решений в повышении уровня эффективности экономики путем эволюционной смены парадигмы ее развития.

1. Смагина В.В., Стрекалов Н.В. Российский анти-кризис и экономическая мысль // Философия хозяйства. 2015. № 3 (99).

2. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 25.03.2015).
3. *Kindleberger C.P.* Indicative Planning. Cambridge, 1997.
4. Сайт Appalachian Regional Commission. URL: http://www.arc.gov/appalachian_region/AppalachiasEconomy.asp (дата обращения: 25.03.2015).
5. *Смагина В.В., Стрекалов Н.В.* Разработка и внедрение концепции индикативного планирования как инструмента стабилизации социально-экономической системы Российской Федерации в условиях развития кризиса 2014 г. // Современная экономика: концепции и модели инновационного развития. М., 2015.
6. Сайт Министерства экономического развития РФ. URL: <http://economy.gov.ru/minec> (дата обращения: 25.03.2015).
7. Сайт агентства Moody's. URL: https://www.moody.com/pages/default_ee.aspx (дата обращения: 25.03.2015).
2. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. URL: <http://www.gks.ru/> (data obrashcheniya: 25.03.2015).
3. *Kindleberger C.P.* Indicative Planning. Cambridge, 1997.
4. Sayt Appalachian Regional Commission. URL: http://www.arc.gov/appalachian_region/AppalachiasEconomy.asp (data obrashcheniya: 25.03.2015).
5. *Smagina V.V., Strekalov N.V.* Razrabotka i vnedrenie kontseptsii indikativnogo planirovaniya kak instrumenta stabilizatsii sotsial'no-ekonomicheskoy sistemy Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh razvitiya krizisa 2014 g. // Sovremennaya ekonomika: kontseptsii i modeli innovatsionnogo razvitiya. M., 2015.
6. Sayt Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya RF. URL: <http://economy.gov.ru/minec> (data obrashcheniya: 25.03.2015).
7. Sayt agentstva Moody's. URL: https://www.moody.com/pages/default_ee.aspx (data obrashcheniya: 25.03.2015).
1. *Smagina V.V., Strekalov N.V.* Rossiyskiy anti-krizis i ekonomicheskaya mysl' // Filosofiya khozyaystva. 2015. № 3 (99).

Поступила в редакцию 30.03.2015 г.

UDC 338.24

FORMATION OF STRATEGIC APPROACHES IN THE DEVELOPMENT OF THE NEW ECONOMY OF THE RUSSIAN FEDERATION AT THE EXAMPLE OF THE CRIMEAN FEDERAL DISTRICT

Valentina Viktorovna SMAGINA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Provost for Corporative Policy and Educational Work, e-mail: troveo@mail.ru

Nikolai Vasilyevich STREKALOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Competitor, Political Economy and World Global Economy Department, e-mail: NVStrekalov@outlook.com

The expediency of the use of indicative planning as a tool for building and economic recovery of regions included in the Russian Federation is founded. The experience of the use of indicative planning at the example of the United States and France, revealed a stable positive dynamics of development of the regions of these countries focused on building the dynamic economic development of the sub-systems on the basis of the indicative economy. The possibility of constructing a model of economic development of the Crimean Federal District, in accordance with the principles of the indicative economy and further replicate this model in other regions of the Russian Federation. Achieving synergies is a determining factor in achieving the goals and objectives in the field of economic development with limited time resources. The synergistic effect is achieved while maximizing the potential of all the elements of social and economic systems, and determining points of growth that will give impetus to the whole system. Identification of these points, the definition of the basic parameters, setting goals, designing programs to achieve them is made in the framework of the concept of indicative planning. Indicative planning is used as a tool for integrated reconstruction and economic development of the Crimea, it intensifies the process of its integration into the common economic space of the Russian Federation.

Key words: indicative economy; indicative planning; indicative indices; socio-economic system; macro-planning; strategic planning; management of socio-economic systems.

УДК 331+37.01

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ К НЕПРЕРЫВНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© Светлана Викторовна МАЛЬТИСОВА

Государственный университет управления, г. Москва,
Российская Федерация, аспирант, кафедра корпоративного управления,
e-mail: svetlana.maltisova@gmail.com

Приводятся результаты анализа современного уровня профессионального образования занятых в экономике РФ, основанного на статистических данных. В условиях интенсификации процессов социально-экономических, политических и геополитических изменений, имеющих место в XXI в., чрезвычайно важными становятся вопросы соответствия человеческого потенциала потребностям и тенденциям развития государства и общества. Рассматриваются причины существующей на сегодняшний день низкой мотивированности граждан России к получению дополнительного образования. А также анализируются причины и факторы, формирующие отношение людей к непрерывному образованию. Практическая значимость заключается в постановке задачи активной популяризации и практической реализации концепции непрерывного образования на уровне государства по результатам проведенного исследования. Решение проблемы обеспеченности экономики высокопрофессиональными кадрами требует столь масштабных преобразований, что нецелесообразно ограничиваться лишь реформацией существующей системы образования. Результаты полноценной реализации концепции непрерывного образования будут заключаться в формировании института непрерывного образования, значительно повышающего качество человеческого капитала в современной России. Сохранение, распространение и приращение знаний должны стать первоочередными задачами государства, т. к. именно их решение позволит обеспечить мощный импульс для развития экономики.

Ключевые слова: экономика знаний; профессиональное образование; непрерывное образование; мотивация к обучению.

Структура и скорость происходящих в экономике преобразований предъявляет повышенные требования к уровню образованности и уровню общей культуры населения. Однако в настоящее время в российском обществе слабо прослеживается социально-психологическая установка людей на приобретение и постоянное поддержание высокого уровня профессиональной и общей образованности, без которой невозможно построить экономику знаний. Не сформирована установка на постоянное приращение знаний. В то же время можно утверждать, что непрерывное образование граждан в стратегическом аспекте имеет прямое и косвенное влияние на развитие экономики.

В настоящее время, по данным Росстата на 2013 г., численность людей, имеющих профессиональное образование разных уровней, составляет 75,7 %, в т. ч. 31,7 % населения составляют люди, имеющие высшее профессиональное образование, 25,8 % – среднее специальное образование, 18,5 % – начальное профессиональное образование. Таким образом, количество профессионально-подготовленных кадров можно оценить

как значительный ресурс для развития отечественной экономики.

Если рассматривать динамику изменений в уровне образованности населения, то можно увидеть, что с 2000 по 2013 г. доля работающих с высшим и начальным профессиональным образованием увеличилась на 7 и 8,4 % соответственно, а доля работающих со средним профессиональным образованием уменьшилась на 5,1 %. Положительно можно оценить тот факт, что среди работающих людей сокращается доля работников, не имеющих профессионального образования. Эта тенденция в целом отражает позитивность вектора развития человеческих ресурсов и потенциально может способствовать переходу РФ к экономике знаний.

Численность студентов высших учебных заведений и учреждений послевузовского профессионального образования (в РФ к ним отнесены аспиранты и докторанты) на 1000 человек населения составило в 2012 г. 58 человек. Сопоставимые цифры можно наблюдать в странах СНГ: Беларусь – 62, Казахстан – 65, Кыргызстан – 59 на 1000 человек населения. В странах ЕС эта численность

ниже. Например, по данным на 2011 г., в Австрии – 43, во Франции – 36, в Швеции – 50 на 1000 человек населения. Это говорит о большей востребованности высшего образования в странах СНГ, чем странах ЕС [1].

Если рассматривать ситуацию в динамике, то можно заметить, что в РФ с 2005 по 2012 г. численность студентов на 1000 человек населения уменьшилась на 10 человек. В 2005 г. она составляла 68, а в 2012 г. уже 58 на 1000 человек населения.

По нашему мнению, это может быть связано с разочарованием в профессиональном образовании, обусловленном несколькими причинами. Во-первых, истощается научный потенциал, накопленный в СССР и поддерживавший образование на должном уровне. Во-вторых, реформы российской системы образования не соответствуют мировым векторам развития научно-технологического и социально-экономического прогресса. В-третьих, не прошло еще достаточно времени с советских времен плановой экономики, когда получение образования являлось гарантией трудоустройства по специальности. А оно, в свою очередь, являлось гарантией материального обеспечения жизни (в той или иной степени), защитой от нищеты. Родители современных выпускников еще помнят систему, в которой они сами получали образование, и воспитывают в детях определенные установки относительно трудоустройства, хотя эти установки не всегда соответствуют условиям рыночной экономики. Тем более в условиях, когда ее структура меняется со все увеличивающейся скоростью. В результате выпускники профессиональных образовательных учреждений, выходя на рынок труда, часто разочаровываются в полученном образовании. Ответственность же «перекладывается» ими на плечи государства («Зачем набирать студентов на специальности, не востребованные рынком труда?» – говорят они) или непосредственно на образовательные учреждения (якобы «программы устарели, информация неактуальна»). При этом среднестатистический гражданин отказывается брать на себя часть ответственности за «не прижившееся», «неудачное» профессиональное образование даже в части правильности выбора направления обучения относительно его собственных способностей и желаний. Выпускники отрицают задачу са-

мостоятельного «добора» наиболее актуальных данных по выбранной специальности, хотя это и не составляет труда в современном открытом виртуальном пространстве.

Профессиональное образование зачастую представляется людям как процесс, формирующий готового «под ключ» специалиста, который с момента выпуска может больше никогда не учиться и всегда оставаться востребованным на рынке труда. Тот факт, что востребованность той или иной специальности не может гарантировать никто, включая тщательно изучающие рынок труда министерства и ведомства, а ее выбор является в определенном смысле риском, сегодня еще неприемлем для общественного сознания. Все это ведет к разочарованию в образовании, укоренению мнения о бесполезности профессионального (особенно, высшего профессионального) образования.

И, тем не менее, несмотря на указанные обстоятельства, ценность высшего образования в российском обществе все еще высока. Так, по результатам опроса фонда общественного мнения «ФОМнибус», проведенного 14–15 июня 2014 г. в 43 населенных пунктах и охватывающего 1500 респондентов, было выявлено, что 54 % опрошенных считают, что высшее образование открывает путь к успеху в жизни. 38 % респондентов ответили, что сегодня для достижения успеха высшее образование не нужно. При этом только 36 % респондентов связывают с высшим образованием относительно больший заработок. 29 % считают, что люди с высшим образованием зарабатывают столько же, а 11 % – даже меньше, чем люди без высшего образования.

Но если не все 54 % респондентов, ожидающих от высшего образования успеха в жизни, считают, что будут больше зарабатывать, следовательно, для них успех заключается не только в материальном благополучии. И действительно, данные подтверждают разнообразие мотивов к получению высшего образования.

По результатам опроса наибольшее количество респондентов ответили, что люди стремятся получить высшее образование для того, чтобы работать на высокой должности (49 %), чтобы много зарабатывать (47 %), чтобы получить желаемую профессию, интересную работу (40 %). Кроме названных вы-

ше причин, были также выбраны следующие ответы: «чтобы расширить свой кругозор» (24 %), «раскрыть способности и таланты» (18 %). Среди причин, не содержащих мотивацию к собственно учебе, но определяющих желание людей получить высшее образование, есть также ответы: «чтобы заниматься умственным, а не физическим трудом» (29 %), «ради отсрочки от армии» (11 %). Несмотря на столь прагматичные мотивы, мы оцениваем, что такое мнение людей по отношению к высшему образованию в целом для государства и общества имеет положительный эффект, т. к. эти люди также, как и все остальные, получающие образование, повышают в процессе учебы свой профессиональный и культурный уровень. Нам представляется также положительным ответ «потому, что сейчас так принято» (20 % от общего числа опрошенных), что свидетельствует об уже существующей и работающей в обществе норме, задающей требование образованности.

Высшее образование на сегодняшний день воспринимается как наиболее предпочтительная перспектива получения дополнительного образования. Так, из всех возможностей его получения – среднего специального, высшего, различных курсов повышения квалификации и других – 49 % называют предпочтительным высшее образование.

Решение проблемы обеспеченности экономики высокопрофессиональными кадрами требует столь масштабных преобразований, что здесь нельзя говорить исключительно о реформации системы образования. За пределами этой системы лежит, например, развитие трудовой мобильности, необходимость которой связана с неравномерным развитием регионов. Трудовая мобильность сегодня ограничивается сложностью и дороговизной передвижения по огромной территории нашей страны. Мы можем говорить также о важности изменения психологических установок людей.

Мотивированность людей к дальнейшему обучению и развитию после окончания институализированного формального образования можно оценить на основе данных опроса, проведенного центром «ФОМнибус» 23–24 августа 2014 г. в 100 населенных пунктах РФ и охватывающего 1500 респондентов.

По данным этого опроса можно сделать вывод, что, в целом, мотивированность к

продолжению обучения в обществе невысока. Так, независимо от того уровня образования, который есть у респондентов, 66 % из них не хотят продолжить свое образование, получить дополнительные знания и навыки или другую специальность, и только 27 % имеют такое желание.

Однако в идеале, обеспечивающем функционирование экономики знаний, количество людей, желающих продолжать обучение, должно стремиться к 100 %. Среди них может быть больше или меньше желающих получить принципиально новую специальность. Однако получение новых знаний и навыков – профессионального или иного характера – должно стать идеалом поведения и существования человека в обществе. Подчеркнем здесь разницу между *желанием* (мотивацией, настроением) и *реализацией* этого желания. В зависимости от инфраструктуры каждого конкретного населенного пункта, специальности человека, его материального положения возможности реализовать желание продолжать обучение могут быть шире или уже. Однако саму мотивацию необходимо сформировать на уровне общественной нормы поведения. Как абсолютное большинство людей ответит, что желает быть здоровым, а не больным, так большинство должно ассоциировать профессиональное и личностное развитие с успешностью, благополучием.

Таким образом, можно сделать вывод о недостаточности современного уровня мотивации людей к обучению. Сегодня в обществе сложилось отношение к дополнительному образованию как к чему-то ненужному, более того – излишнему, второстепенному. А поскольку приобретение новых знаний и навыков всегда сопряжено с определенными усилиями и затратами (денежными, временными), то вероятность того, что отношение к своему профессиональному и личностному развитию изменится само собой, без внешнего толчка, очень невелика.

Важным нам представляется и тот факт, что 56 % респондентов никогда не учились дополнительно к основному и профессиональному образованию. То есть нельзя говорить о том, что основной причиной является система образования, которая «разочаровывает» людей в их желании чему-то научиться. Вероятнее всего, существуют и другие причины [2].

По нашему мнению, это свидетельствует не только об отсутствии энтузиазма людей по поводу своего повышения квалификации, но и о сопротивлении ему – скрытом, или открытом. То есть сегодня в обществе сложилась ситуация, когда дополнительное образование, различного рода обучение и развитие человека не является явно поддерживаемым социальным поведением.

Кроме того, бытует мнение об «излишнем» уровне образованности граждан России, нецелесообразном для отечественной экономики. Речь здесь идет именно о мнении, идее, распространяемой по различным каналам и подрывающей мотивацию граждан учиться. Возможно, это мнение формировалось в обществе намеренно с какой-то деструктивной целью, или же по недомыслию. Однако фактом остаются высказывания некоторых чиновников высшего уровня, активно участвовавших в формировании отторжения обществом идеи о необходимости максимального повышения образовательного уровня населения.

В частности, бывший министр образования РФ А.А. Фурсенко 23 июля 2007 г. на ежегодном форуме «Селигер» заявил: «Недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других» [3].

Спустя 4 года, в мае 2011 г., бывший министр экономики (на тот момент руководитель «Сбербанка России») Г.О. Греф высказался следующим образом: «Знаете, сколько процентов населения получает высшее образование сегодня? 87 процентов. Это трагедия! Это наша национальная трагедия! Мы зарождаем у людей психологическую болезнь, называется «завышенный уровень притязания». Эти люди никогда не пойдут к вам работать дворниками, столярами...» [4].

Таким образом, высокий образовательный уровень населения страны страшен для некоторых представителей власти «высоким уровнем притязания». Это заявление прямо противоречит государственным и общественным интересам, направленным на постоянное развитие экономики, повышение уровня жизни, повышение качества работы всех общественных институтов. Продолжил пуб-

личную демотивацию по отношению к получению образования министр образования Д.В. Ливанов. В числе его прочих заявлений прозвучало следующее: «Перед нами стоит задача изменения содержания технического образования. Готовить надо не разработчиков технологий, а специалистов, которые могут адаптировать заимствованные технологии» [5].

Все три приведенных выше примера показывают, что в последние годы на высшем уровне формируется деструктивная, демотивирующая установка в отношении образования.

Отчасти можно было бы объяснить нежелание многих людей повышать уровень образования сложностью сделать это в тех населенных пунктах, где они постоянно проживают и работают. Например, 32 % опрошенных ответили, что это сделать сложно. Однако, в то же время еще 32 % людей ответили, что вообще не знают, можно ли это сделать. По нашему мнению, это говорит о том, что этот вопрос их не интересует.

Немного лучше сегодня обстоит дело с неформальным образованием, которое может быть реализовано при современном уровне развития информационных технологий практически на любых территориях, почти независимо от места проживания человека. Исключения составляют случаи крайней отдаленности некоторых населенных пунктов, имеющей следствием отсутствие доступа к сети Интернет и к библиотечным базам. Еще одним исключением является крайне низкий уровень жизни некоторых групп населения, который не позволяет им приобретать компьютеры, пользоваться сетью Интернет, не позволяет «отвлекаться» от решения насущных проблем, связанных с физическим выживанием. Однако сегодня эта проблема решается на государственном уровне. Даже отдаленные школы и библиотеки постепенно оснащаются компьютерной техникой для того, чтобы обеспечить возможность доступа к информации всем слоям населения.

Важный фактор, влияющий на решение о продолжении обучения, – возраст человека. В процессе анализа данных указанного выше исследования выявлена тенденция наибольшей заинтересованности в самообразовании молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет. В определенной мере можно объяснить, поче-

му менее заинтересованы в обучении люди пенсионного возраста, достигшие пика своей карьеры и прекратившие рост, а зачастую, и трудовую деятельность вообще. Но то, что заметный спад мотивации происходит уже после 30 лет, является крайне негативным фактом для современной «взрослеющей» экономики. Длительный процесс образования в молодом возрасте и ранний (относительно многих развитых стран) уход на пенсию и без того сокращают период трудовой активности граждан. Если же замедлять темпы профессионального развития начиная с 30 лет, то основная масса работающих не будет соответствовать требованиям прогрессивно изменяющихся рабочих мест.

Практика показывает, что граждане, вовлеченные в процесс умственного труда, не представляют жизни без развития – профессионального и / или личностного, связанного с продолжающимся на протяжении жизни получением новых знаний. Вовлечь как можно больше граждан в образовательный процесс – задача, которую необходимо решить для построения общества знаний. Как любители спорта не представляют своей жизни без полезных и приятных им физических нагрузок, так и вставшие на путь непрерывного образования тоже обычно не хотят останавливаться.

Здесь следует упомянуть словосочетание «вечный студент», которое в наше время изменило свое значение. Мало кто помнит об изначальной легенде, бессмертном юноше, философском поиске истины, сборе знаний по крупицам, у которого нет и не может быть конца. Сегодня «вечными студентами» называют людей, получающих образование излишнее с точки зрения общества, занимающее слишком много времени, «отвлекающее» человека от трудовой деятельности. Это словосочетание носит негативную коннотацию, а «вечные студенты» вызывают насмешки, а иногда и испытывают презрение и сожаление со стороны социума.

По нашему мнению, негативную реакцию «вечные студенты» вызывают по двум причинам:

- считается, что они «отлынивают» от работы – общественно-полезной деятельности – в пользу обучения, приносящего пользу исключительно «вечному студенту» (по мне-

нию общества, еще не выросшего до «знаниевого» уровня);

- имеется зависть к материальным возможностям учащегося, который может себе позволить не работать вообще или не работать полный день и интеллектуальным способностям человека, который может справиться с нелегким интеллектуальным трудом – учебой.

Кроме того, «вечный студент», по мнению социума, находится в поиске своего места в жизни. И этот поиск скорее осуждается, нежели поддерживается. Проблема профессиональной ориентации является в какой-то степени постыдной для взрослого человека, а удачные случаи переквалификации рассматриваются как исключения. При этом, чем старше человек, изменивший свой вектор развития, и чем кардинальнее это изменение, тем больший элемент «чуда» приписывается этому событию.

Выбор образовательной деятельности вместо трудовой воспринимается многими как уход от ответственности, в связи с бытующим мнением о том, что учиться легче, чем работать. Это заблуждение основывается на том, что большая часть общества получила неблестящее образование, недостаточно вложила в него и не получила ожидаемых результатов (о разочаровании было сказано выше).

Мы же хотим подчеркнуть, что применительно к гражданину информационного общества, занятого в экономике знаний, ярлык «вечный студент», в его негативной интерпретации, неприменим.

Во-первых, непрерывное обучение не подразумевает обязательный отрыв от трудовой деятельности и не требует обязательных значительных материальных затрат.

Во-вторых, обучаясь непрерывно на протяжении жизни, человек развивает свои когнитивные способности, а следовательно, приступая к каждому следующему этапу обучения, он не совершает героического подвига, достойного восхищения и зависти, а просто поддерживает свой профессионализм на достойном уровне.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что в настоящее время сохранение, распространение и приращение знаний должны стать первоочередными задачами государства, т. к. именно их решение позволит обеспе-

чить мощный импульс для развития экономики.

1. Россия и страны мира. 2014: статистический сборник / Росстат. М., 2014.
2. Востребованность дополнительного образования. Еженедельный опрос «ФОМнибус». URL: <http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/11701> (дата обращения: 2.03.2015).
3. *Смолин О.Н.* Вступительное и заключительное слово на общественных слушаниях «Закон о добровольности единого государственного экзамена. Какой человек нужен России?» URL: <http://smolin.ru/duma/audition/2008-03-05.htm> (дата обращения: 2.03.2015).
4. *Крупнов Ю.В.* Лишнее образование, лишние люди, лишняя страна // Мультипортал KM.RU. URL: http://nnm.me/blogs/OlDi/lishnee_obrazovanie_lishnie_lyudi_lishnyaya_strana/ (дата обращения: 2.03.2015).
5. *Привалов А.Н.* О программе минимум // Эксперт-онлайн. URL: <http://expert.ru/expert/2012/48/o-programme-minimum/> (дата обращения: 2.03.2015).

1. Rossiya i strany mira. 2014: statisticheskiy sbornik / Rosstat. M., 2014.
2. Vostrebovannost' dopolnitel'nogo obrazovaniya. Ezhenedel'nyy opros "FOMnibus". URL: <http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/11701> (data obrashcheniya: 2.03.2015).
3. *Smolin O.N.* Vstupitel'noe i zaklyuchitel'noe slovo na obshchestvennykh slushaniyakh "Zakon o dobrovol'nosti edinogo gosudarstvennogo ekzamina. Kakoy chelovek nuzhen Rossii?" URL: <http://smolin.ru/duma/audition/2008-03-05.htm> (data obrashcheniya: 2.03.2015).
4. *Krupnov Yu.V.* Lishnee obrazovanie, lishnie lyudi, lishnyaya strana // Mul'tiportal KM.RU. URL: http://nnm.me/blogs/OlDi/lishnee_obrazovanie_lishnie_lyudi_lishnyaya_strana/ (data obrashcheniya: 2.03.2015).
5. *Privalov A.N.* O programme minimum // Ekspert-onlayn. URL: <http://expert.ru/expert/2012/48/o-programme-minimum/> (data obrashcheniya: 2.03.2015).

Поступила в редакцию 28.03.2015 г.

UDC 331+37.01

FACTORS THAT GENERATE MOTIVATION FOR CONTINUOUS EDUCATION IN MODERN RUSSIA

Svetlana Viktorovna MALTISOVA, State University of Management, Moscow, Russian Federation, Post-graduate Student, Corporate Management Department, e-mail: svetlana.maltisova@gmail.com

Modern professional education level of the employed people in Russian economy is analyzed. The analysis is based on statistical data. Social and economic processes of intensification as well as political and geopolitical changes taking place in XXI century substantially increase the importance of human capital adequacy to state and society development needs and tendencies. The root of citizens' current low motivation level to go into additional education is considered. Also factors that influence people's attitude towards continuous education are analyzed. Practical implications include setting a goal of active popularization and practical realization of the continuous education concept at the national level. Solving the problem of highly professional work force supply to the economy requires major changes, which makes it insufficient to reform the existing educational system alone. The result of proper continuous education concept realization should be a corresponding institution development. The institution should serve to sizably increase the quality of human capital in Russia. Saving, disseminating and increasing the amount of knowledge has to be considered as a primary goal of the government, as solving this problem would provide a spark to the economy development.

Key words: knowledge economy; professional development; lifelong learning; motivation to learn.

УДК 331+174+378

ИМИДЖ, БРЕНД И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

© Мария Алексеевна БОЛГОВА

Российский государственный университет туризма и сервиса,
г. Москва, Российская Федерация, аспирант,
кафедра «Экономика и управление», e-mail: marybolgova@yandex.ru

© Екатерина Александровна ВЕТРОВА

Российский государственный университет туризма и сервиса,
г. Москва, Российская Федерация, кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Экономика и управление», e-mail: EAVetrova@yandex.ru

Обосновывается необходимость систематической целенаправленной работы отечественных образовательных организаций высшего образования над имиджем и брендом в связи с ростом конкуренции на национальном и международном рынках труда и образовательных услуг, усилением роли современных информационных и коммуникационных технологий, изменением образцов поведения потребителей и других целевых аудиторий. Решение этих задач должно осуществляться в контуре стратегического управления вузом с учетом динамизма и неопределенности факторов внешней среды, а также опыта, накопленного зарубежными вузами. Особое внимание уделяется использованию брендинга, как важнейшего инструмента маркетинга и управленческой технологии, призванной отражать, продвигать и поддерживать уникальные ценности, предоставляемые вузом потребителям и деловым партнерам. Раскрывается сложность применения технологий брендинга в сфере образования в связи с тем, что образовательная услуга имеет дуальную противоречивую форму, являясь одновременно и общественным благом, и рыночной категорией, побуждающей вузы к активизации предпринимательской деятельности. Формирование бренда вуза необходимо осуществлять по двум направлениям: внешнее и внутреннее позиционирование, уделяя при этом особое внимание доведению до сознания потребителей уникальности своего маркетингового предложения, отражающего идею позиционирования бренда. Раскрываются понятие и содержание бренд-платформы вуза. На примере ряда зарубежных и отечественных высших учебных заведений показаны особенности формирования и позиционирования брендов. Обоснованы причины, побуждающие вузы к репозиционированию своих брендов и ребрендингу: неудовлетворенность занимаемой брендом рейтинговой позиции, стремление повысить конкурентоспособность на международных рынках, углубление интеграционных процессов и налаживание более тесных взаимоотношений вузов с работодателями, органами власти, внедрение и расширение профильных направлений подготовки специалистов и т. д.

Ключевые слова: имидж; бренд; вуз; университет; брендинг; позиционирование; потребители; целевые категории; бренд-платформа вуза; образовательная услуга; развитие.

Изменение направлений стратегического развития вузов, рост конкуренции на рынках труда и образовательных услуг, широкое использование современных информационных технологий и средств коммуникаций в условиях формирующегося Smart-общества побуждают высшую школу к поиску новых способов повышения конкурентоспособности и создания конкурентных преимуществ. Каждая образовательная организация высшего образования стремится быть более привлекательной для своих целевых аудиторий (абитуриентов, студентов, работодателей, органов государственной власти, инвесторов). Решение этой задачи связано с созданием и поддержанием запоминающегося образа и бренда вуза.

Мнение представителей целевых аудиторий об образе вуза формирует его имидж. Все составляющие образа (местоположение, название, миссия, фирменный стиль, логотип, история, легенды, выдающиеся личности, сайт и другие атрибуты) необходимо использовать так, чтобы вуз был привлекательным, вызывал интерес у целевых групп и побуждал их к определенным действиям. Поэтому каждый вуз должен перевести решение данной задачи в стратегическую плоскость и заниматься имиджем на постоянной основе. Если своевременно не решать эту задачу, то у целевых аудиторий все равно сформируется собственное восприятие вуза и его услуг, и не факт, что оно будет положительным. Формирование имиджа осложняется тем, что имидж

– это субъективное мнение и неосязаемый процесс. Он находится под воздействием множества внешних и внутренних факторов: известность в регионе, стране, мире, рейтинговые позиции, востребованность выпускников вуза, квалификация профессорско-преподавательского состава, уровень материально-технической базы, инфраструктуры и др. С 2013 г. многие из данных факторов используются и учитываются Министерством образования и науки РФ при проведении мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования, данные которого находятся во всеобщем доступе, что позволяет, прежде всего, обеспечить прозрачность и открытость вузов для общественности.

Многие зарубежные и отечественные вузы осознали необходимость целенаправленной систематической работы по формированию позитивного имиджа посредством использования технологий и инструментов маркетинга [1–5].

Наиболее широко ими используется брендинг, под которым понимается маркетинговый процесс по созданию, приданию и росту популярности марки (бренда) для потребителей.

Брендинг применительно к вузу можно определить также как управленческий процесс, направленный на формирование и развитие у него особых материальных и нематериальных характеристик, которые позволяют выделиться в ряду конкурентов, быть уникальным. При этом учитывать, что границы уникальности быстро стираются. Технологии брендинга дают возможность довести до целевых аудиторий отличительный характер ценности вуза, его продуктов и сделать их понятными и узнаваемыми, сохранять и улучшать конкурентные позиции. Кроме того, наличие положительного имиджа и бренда у вуза обеспечивает ему ряд других конкурентных преимуществ:

- быть более привлекательным для потребителей, работодателей и других целевых групп, формировать их лояльное отношение как к самому вузу, так и к продуктам и услугам;
- создавать барьеры для конкурентов на рынках труда и для других образовательных организаций;
- более успешно в сравнении с конкурентами выводить на рынок новые продукты и услуги;

- налаживать тесные связи с ведущими отечественными и зарубежными организациями;

- быть инвестиционно-привлекательными для работодателей.

В связи с этим формирование бренда и имиджа являются объективно важными стратегическими задачами любой образовательной организации. Они должны решаться на профессиональном уровне специалистами по маркетингу и бренд-менеджменту.

Основная цель брендинга – индивидуализировать предлагаемый вуз или образовательную услугу на рынке и помочь потребителям идентифицировать ее как нечто отличное, лучшее, особенное, уникальное и неповторимое. Следовательно, бренд существует для того, чтобы объяснять потребителям, чем услуга данного вуза отличается от других вузов и почему потребитель должен отдать ей свое предпочтение. Для этого, желательно, чтобы продукт не просто нравился потребителю, он хотел приобретать его снова и снова, но и имел для этого возможность (был доступным).

Использование технологии брендинга осложняется тем, что образовательная услуга имеет дуальную противоречивую форму предоставления в рыночных условиях. С одной стороны, она является «общественным благом», призванным повысить социальный статус гражданина, обеспечить право на получение высокооплачиваемой работы и быстро адаптироваться к изменениям во внешней среде. С другой стороны, образовательная услуга является рыночной категорией, отражающей коммерческие интересы вуза, которые могут противоречить социально-культурным потребностям личности, государства и общества. Если в доперестроечный период в России образование считалось общественным благом, то в настоящее время все больше усиливается представление о нем как о рыночной категории. В связи с этим усиливаются противоречия в процессе формирования бренда. Вуз, с одной стороны, желает продвигать как можно больше продуктов и услуг по более высоким ценам, а с другой – строить свой бренд на уникальном предложении, обращая внимание на общественные и личностные ценности образования. Следовательно, расширяя аудиторию пользователей, вуз не должен жертвовать своей

уникальностью, иначе это неизбежно приведет к ухудшению его имиджа.

Необходимо также на систематической основе представлять потребителям свой бренд под новыми ракурсами, акцентируя внимание на решении их проблем и тех выгодах, которые они могут получить от данного бренда. Кроме того, изменяя обещания, заложенные в бренд, вуз может менять «поле» конкуренции, восстанавливая и поддерживая уникальную ценность своего маркетингового предложения.

Формирование бренда, как правило, осуществляется по двум направлениям: внешнее и внутреннее позиционирование. Первое направление связано с рыночным позиционированием (для вуза – это рынки труда, образовательных услуг, интеллектуальной собственности, научных продуктов и технологий), призванным обеспечить завоевание определенной конкурентной позиции. Второе направление отражает внутреннее позиционирование бренда посредством его идентификации, коммуникаций, внутреннего маркетинга и организационной поддержки.

В процессе позиционирования вуз должен довести до потребителя свою главную идею – уникальность. Она призвана отражать его ценности, миссию и перспективное видение. Именно так поступают такие известные бренды в сфере высшего образования, как Гарвард, Оксфорд, Кембридж, Гумбольдт, Сорбонна и др. Они акцентируют внимание на истории, достижениях выпускников, высокой квалификации преподавателей, свободе и демократичности в процессах обучения и проведения научных исследований, принятии решений. Особую роль при этом играют маркетинговые коммуникации с целевыми группами (реклама, PR, использование масс-медиа, современных средств коммуникации, среди которых особую роль играют интернет-коммуникации, прямой маркетинг).

Осуществляя как позиционирование самого вуза, так и его продуктов, и услуг, необходимо учитывать цели и задачи конкурентов на целевых рынках, которые также стремятся поддерживать и улучшать свои позиции. В связи с этим важно не только осуществлять мониторинг рыночных ситуаций, но и прогнозировать поведение конкурентов.

Создание и развитие бренда – сложные задачи. Их решение должно быть результа-

том продуманной продуктовой, ценовой и коммуникационной политик вуза, формирующих платформу бренда. Разработка бренд-платформы осуществляется после выбора вузом стратегии позиционирования, которая является одной из составляющих стратегии развития вуза.

Бренд-платформа вуза, включающая в себя набор элементов, должна быть представлена в виде документа, описывающего образ вуза, который планируется сформировать. Исходное начало построения бренд-платформы – поиск главной идеи позиционирования вуза.

Она должна отражать его уникальные особенности и быть легко запоминающейся, сильно воздействующей на сознание потребителей и других целевых групп. Основной идеей бренда многих вузов Германии, Австрии и Швейцарии является дуальное образование, базирующееся на гармоничном сочетании подготовки будущих специалистов как в стенах вуза, так и на предприятии. Вуз призван вооружить студента системой теоретических знаний, а предприятие – профессиональными навыками. Тесное взаимодействие учебного заведения с предприятием является основой обучения бакалавров по федеральным государственным образовательным стандартам третьего поколения.

Актуальность проблем формирования и развития имиджа и бренда способствовала активизации деятельности российских вузов в этих направлениях маркетинговой деятельности. В 2012/2013 учебном году был составлен Национальный рейтинг классических и исследовательских университетов по критерию «Бренд», в который были включены 106 вузов. Оценка проводилась по 100-балльной шкале. Лидирующие позиции заняли МГУ им. М.В. Ломоносова (100 баллов), МГИМО (83 балла), Санкт-Петербургский университет (67 баллов), на последнем месте в рейтинге находился Ингушский государственный университет (10 баллов). Неудовлетворенность занимаемой рейтинговой позицией побуждает вузы овладевать технологиями и инструментами ребрендинга [6].

В рамках исследования был рассмотрен ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса» (далее – ФГБОУ ВПО «РГУТиС») [7–10]. Он разработал блок мероприятий по развитию бренда.

Они касаются продвижения бренда университета не только в национальном, но и международном образовательном пространстве. Решение этой задачи будет осуществляться посредством расширения спектра образовательных программ, научных исследований и разработок усиления сетевого взаимодействия с другими вузами, активизации коммуникаций на ведущих интернет-площадках, участия в выставках, проведения PR-кампаний и event-мероприятий. Сформировав бренд, вуз не должен на этом останавливаться, т. к. его оригинальные идеи будут стараться дублировать конкуренты. Поэтому необходимо постоянно работать с клиентами, представляя бренд под новыми ракурсами. Изменяя обещания, заложенные в бренд, вуз может менять «поле» конкуренции и свои конкурентные позиции за счет поддержания или развития предлагаемых потребителям ценностей.

Учитывая, что границы уникальности бренда со временем стираются, вузы также, как организации в сфере бизнеса, осуществляют репозиционирование своих брендов либо их развитие посредством создания новых конкурентных преимуществ.

При этом основополагающими принципами маркетинга и брендинга ФГБОУ ВПО «РГУТиС» являются:

- «Наш диплом открывает мир!»;
- лучший вуз в сфере туризма и сервиса России;
- студенты – это не просто клиенты университета, пользующиеся его услугами, но и большая семья;
- формирование, сохранение и преумножение кадрового потенциала сферы туризма и сервиса, способного реагировать на современные запросы государства;
- удовлетворенность сотрудников – основа удовлетворенности клиентов;
- ответственность перед студентами, персоналом, а также предприятиями региона и общественностью.

Решение задач в области маркетинга, брендинга и коммуникаций осуществляется рядом функциональных служб: маркетингом факультетов, службой по связям с общественностью, пресс-службой. Учитывая специфику формирования и развития брендов вузов на основе специализации ключевых образовательных профилей и функциональной

направленности факультетов, ребрендинг осуществляется с помощью введения корпоративных цветов, дизайна и сайта, что дополняет новый бренд вуза. Под данной эгидой открыт магазин, специализирующийся на продаже товаров с торговой маркой «РГУТиС» (толстовки, футболки, чайные чашки и другие сувениры).

Таким образом, зарубежные и отечественные вузы осознают важную роль маркетинга и технологий брендинга в формировании и развитии имиджа и бренда вуза в связи с ростом конкуренции на рынках труда и образовательных услуг. Они принимают конкретные решения в области наращивания потенциала бренда и его успешной реализации посредством предложения потребителям и другим целевым группам тех ценностей, которые помогут решить их проблемы.

1. Новикова Н.Г., Мухоморова И.В. Проблемы формирования и реализации государственной политики в сфере высшего профессионального образования и пути их решения // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2013. № 1. С. 62-66.
2. Новикова Н.Г., Мухоморова И.В. Развитие высшего образования в условиях современной экономики // Сервис в России и за рубежом. 2014. Т. 8. № 9 (56). С. 81-88.
3. Федюлин А.А. Профессионализм – требование времени // Туризм: право и экономика. 2013. № 1. С. 12-13.
4. Гаврилов А.Ю., Титова Т.В. Управление и самоуправление в образовательной деятельности // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2012. № 2. С. 64-71.
5. Банников С.А. Стратегии решения конфликтных ситуаций в организации // Вестник Академии. 2008. № 3. С. 66-67.
6. Крюкова Е.М. Аprobация методики использования индекса эффективности системы управления // Сервис в России и за рубежом. 2012. Т. 36. С. 91-107.
7. Болгова М.А., Авдеева А.Н. Развитие студенческого самоуправления на примере факультета управления и дизайна РГУТиС // Молодежная политика, воспитательная и патриотическая работа: практика XXI века: материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2013. С. 41-44.
8. Болгова М.А. Технологии социальной работы с молодежью // Молодежная политика, воспитательная и патриотическая работа: практика XXI века: материалы Всероссийской на-

- учно-практической конференции. М., 2014. С. 28-30.
9. Болгова М.А. Управление организационной культурой в образовательных организациях высшего образования (занятых в подготовке кадров для индустрии туризма и гостеприимства) // Актуальные проблемы российского законодательства. 2015. № 9. С. 4-8.
 10. Болгова М.А. Человеческий потенциал проблемы трудовых ресурсов (на примере туризма и гостеприимства) // Актуальные проблемы российского законодательства. 2015. № 9. С. 116-120.
-
1. Novikova N.G., Mukhomorova I.V. Problemy formirovaniya i realizatsii gosudarstvennoy politiki v sfere vysshego professional'nogo obrazovaniya i puti ikh resheniya // Vestnik Assotsiatsii vuzov turizma i servisa. 2013. № 1. С. 62-66.
 2. Novikova N.G., Mukhomorova I.V. Razvitie vysshego obrazovaniya v usloviyakh sovremennoy ekonomiki // Servis v Rossii i za rubezhom. 2014. Т. 8. № 9 (56). С. 81-88.
 3. Fedulin A.A. Professionalizm – trebovanie vremeni // Turizm: pravo i ekonomika. 2013. № 1. С. 12-13.
 4. Gavrilov A.Yu., Titova T.V. Upravlenie i samoupravlenie v obrazovatel'noy deyatel'nosti // Vestnik Assotsiatsii vuzov turizma i servisa. 2012. № 2. С. 64-71.
 5. Bannikov S.A. Strategii resheniya konfliktnykh situatsiy v organizatsii // Vestnik Akademii. 2008. № 3. С. 66-67.
 6. Kryukova E.M. Aprobatsiya metodiki ispol'zovaniya indeksa effektivnosti sistemy upravleniya // Servis v Rossii i za rubezhom. 2012. Т. 36. С. 91-107.
 7. Bolgova M.A., Avdeeva A.N. Razvitie studencheskogo samoupravleniya na primere fakul'teta upravleniya i dizayna RGUTiS // Molodezhnaya politika, vospitatel'naya i patrioticheskaya rabota: praktika XXI veka: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. М., 2013. С. 41-44.
 8. Bolgova M.A. Tekhnologii sotsial'noy raboty s molodezh'yu // Molodezhnaya politika, vospitatel'naya i patrioticheskaya rabota: praktika XXI veka: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. М., 2014. С. 28-30.
 9. Bolgova M.A. Upravlenie organizatsionnoy kul'turoy v obrazovatel'nykh organizatsiyakh vysshego obrazovaniya (zanyatykh v podgotovke kadrov dlya industrii turizma i gostepriimstva) // Aktual'nye problemy rossiyskogo zakonodatel'stva. 2015. № 9. С. 4-8.
 10. Bolgova M.A. Chelovecheskiy potentsial problemy trudovykh resursov (na primere turizma i gostepriimstva) // Aktual'nye problemy rossiyskogo zakonodatel'stva. 2015. № 9. С. 116-120.

Поступила в редакцию 31.03.2015 г.

UDC 331+174+378

IMAGE, BRAND AND POSITIONING EDUCATIONAL ORGANIZATION OF HIGHER EDUCATION IN THE CONDITIONS OF MODERNIZATION OF HIGHER EDUCATION SYSTEM

Maria Alekseevna BOLGOVA, Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation, Post-graduate Student, "Economics and Management" Department, e-mail: marybolgova@yandex.ru

Ekaterina Aleksandrovna VETROVA, Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation, Candidate of Economics, Associate Professor of "Economics and Management" Department, e-mail: EAVetrova@yandex.ru

The necessity of systematic purposeful work of local educational institutions of higher education on the image and the brand in connection with the growth of competition in the national and international labor markets and educational services, strengthening of the role of modern information and communication technologies, changing behavior patterns of consumers and other target audiences. These tasks should be carried out in the circuit of the strategic management of the university with the dynamism and uncertainty of environmental factors, as well as the experience gained by foreign universities. Particular attention is paid to the use of branding as an important marketing tool and management technologies designed to reflect, support and promote the unique value offered by the university to customers and business partners. It reveals the complexity of the use of technology in education branding because the education service has a dual contradictory form, being both a public good and a market category that encourages universities to increased business activity. Formation of the brand of the university should be implemented in two ways: internal and external positioning, paying particular attention to bringing to the minds of consumers the uniqueness of their marketing offers, reflecting the idea of brand positioning. The concept and content of the brand platform of the university is revealed. For example, a number of foreign and domestic higher educational institutions show the features of the formation and brand positioning. Founded reasons to encourage higher education institutions to the repositioning of its brands and rebranding: dissatisfaction takes brand's rank, the desire to increase the competitiveness in the international markets, the deepening of the integration process and the establishment of closer relations between universities with employers, government, introduction and expansion of specialized areas of training, etc.

Key words: image; brand; higher educational institution; University; branding; positioning; consumers; target category; brand platform of higher educational institution; educational services; development.

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 65.016.7

ПОЧЕМУ ИНВЕСТИЦИИ НЕ ИДУТ В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ?

© **Артур Дмитриевич БОБРЫШЕВ**

Московская академия рынка труда и информационных технологий,
г. Москва, Российская Федерация, доктор экономических наук,
профессор, проректор по дополнительному профессиональному
образованию, e-mail: dpo@martit.ru

© **Валерий Иванович ИРАДИОНОВ**

ОАО «Тамбовский научно-исследовательский институт радиотехники
«ЭФИР» (ОАО ТНИИР «ЭФИР»), г. Тамбов, Российская Федерация,
врио Генерального директора, e-mail: efir@tmb.ru

© **Сергей Петрович ЮХАЧЕВ**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор экономических наук, профессор,
начальник управления экономической политики администрации
Тамбовской области, e-mail: usp@ekon.tambov.gov.ru

Представлены результаты исследования объективных (внешних по отношению к предприятиям) и субъективных причин низкой инвестиционной привлекательности отечественной промышленности. Анализ показал, что одним из ключевых моментов для понимания исследуемой проблематики является относительно высокая продолжительность окупаемости инвестиций в промышленность. Институциональный и/или индивидуальный инвестор, намеренный вложить средства в то или иное промышленное предприятие, в первую очередь заинтересован в стабильности внешнего окружения бизнеса. Причем стабильности долговременной, во многом определяемой устойчивым состоянием основных институтов государства, в котором расположено предприятие-получатель инвестиций. Однако за годы реформ, несмотря на зримые успехи в продвижении к рыночной экономике, таких предпосылок создано не было. Между тем сравнительный анализ условий хозяйствования в нашей и других странах показал, что за рубежом существуют многочисленные примеры еще более высокой коррупции, уровня налоговой нагрузки, политических потрясений, чем в России. И при этом инвестиционная деятельность в них развивается высокими темпами. Данное обстоятельство позволило выдвинуть предположение о том, что недостаточная инвестиционная привлекательность отечественной промышленности в значительной мере обусловлена низкой инвестиционной привлекательностью большинства самих производственных предприятий и/или реализуемых ими инвестиционных проектов.

Ключевые слова: инвестиции; промышленность; привлекательность; бюрократизация; криминал; нестабильность; налоговая нагрузка; транспарентность деятельности.

Версий, объясняющих низкую инвестиционную привлекательность отечественной промышленности, в научной литературе и периодике достаточно. Кратко рассмотрим приводимые в них аргументы, не ставя перед собой задачу критики, но рассчитывая на получение выводов, способных существенно дополнить разделяемые большинством исследователей положения.

Для начала несколько общих замечаний. Под инвестиционной привлекательностью, как правило, понимается оценка степени соответствия интересам инвесторов состояния той среды, в которой протекают инвестиционные процессы в стране, регионе, отрасли или городе. В нашем случае – в промышленности. Данная среда формируется под воздействием совокупности общественно-поли-

тических, законодательных, организационно-экономических и иных факторов, определяющих условия инвестиционной деятельности. Состояние этой среды (синонимами являются понятия «бизнес-климат», «инвестиционный климат») обобщенно характеризуется такими параметрами, как: уровень вложений в основной капитал, объемы притока и оттока капитала в страну / отрасль; уровень инфляции и ставки рефинансирования; доля сбережений граждан в валовом внутреннем продукте и др. При этом значение параметров среды, потенциал освоения инвестиций и риск их осуществления определяют множество факторов (рис. 1).

Очевидно, что в основе выбора потенциального инвестора в подавляющем большинстве случаев (если, например, это не касается задачи подавления конкретного конкурента) лежит стремление получить прибыль на вложенный капитал, а также, в зависимости от типа инвестора, вернуть вложенные средства через определенный период времени. Если речь идет о вложениях в промышленность, то период возврата инвестиций здесь длительный, как правило, превышающий 5 и более лет. Сегодня отсутствуют нормативы сроков окупаемости капитальных вложений. В СССР для инвестиций в основной капитал он составлял 8,3 года, однако в современных условиях в результате ускорения динамики научно-технического развития при определении средней длительности инвестиционного цикла¹ следует руководствоваться более коротким периодом.

В качестве ориентира можно принять установленный законом об инвестиционной деятельности² срок окупаемости, в течение которого для инвестора, реализующего приоритетный инвестиционный проект,³ гарантируется стабильность в смысле неувеличе-

ния совокупной налоговой нагрузки⁴, который не должен превышать 7 лет.

Относительно высокая продолжительность окупаемости инвестиций в промышленность – один из ключевых моментов для понимания проблематики, исследуемой в настоящем разделе и первой главе. Институциональный и / или индивидуальный инвестор, намеренный вложить средства в то или иное промышленное предприятие, в первую очередь заинтересован в стабильности внешнего окружения своего реципиента. Причем стабильности долговременной, во многом определяемой устойчивым состоянием основных институтов государства, в котором расположено предприятие – получатель инвестиций. Однако именно стабильностью на протяжении всего периода реформ отечественная политико-экономическая ситуация и не отличается. Рассмотрим некоторые важные обстоятельства, препятствующие укреплению доверия инвесторов к условиям работы в России.

В первую очередь, на наш взгляд, следует указать на череду трудно прогнозируемых серьезных политических и экономических потрясений периода реформ. Не задаваясь целью комментировать известные события, приведем их краткую хронологию (табл. 1).

Перечисленные в табл. 1 события сопровождались многочисленными кадровыми перестановками в руководстве Правительства (табл. 2).

Очевидно, что подобная интенсивность негативных политико-экономических событий и кадровых перестановок в руководстве Правительства РФ не могла служить основанием для создания уверенности у инвесторов в благополучных перспективах вложений имеющихся у них ресурсов в промышленность страны.

Во-вторых, как представляется, недостаточная развитость и нестабильность хозяйственного законодательства поддерживает не-

¹ Под инвестиционным циклом мы понимаем период развития инвестиционного проекта, который включает в себя три этапа: разработку проекта и вложение средств, освоение средств и их возмещение.

² Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: федеральный закон от 25.02.1999 г. № 39-ФЗ (ред. от 28.12.2013 г.).

³ «Приоритетный инвестиционный проект – инвестиционный проект, суммарный объем капитальных вложений в который соответствует требованиям законодательства РФ, включенный в перечень, утверждаемый Правительством РФ» – формулировка из Закона об инвестиционной деятельности...

⁴ «Совокупная налоговая нагрузка – расчетный суммарный объем денежных средств, подлежащих уплате в виде федеральных налогов (за исключением акцизов, налога на добавленную стоимость на товары, производимые на территории РФ) и взносов в государственные внебюджетные фонды (за исключением взносов в Пенсионный фонд РФ) инвестором, осуществляющим инвестиционный проект, на день начала финансирования инвестиционного проекта» – формулировка из Закона об инвестиционной деятельности...

Рис. 1. Факторы, определяющие параметры инвестиционного климата

Таблица 1

Хронология политико-экономических потрясений в России за период реформ

Год	Событие
1991	Ликвидация СССР, образование СНГ
1992	Либерализация цен, начало приватизации и банкротств
1992–1993	Гиперинфляция, конституционный кризис
1994–1996	Первая чеченская война
1997–1998	Кризис финансовой системы
1999–2000	Вторая чеченская война
2000	Образование Федеральных округов
2003	Арест М.Б. Ходорковского
2005–2006	Газовый конфликт между Россией и Украиной
2006	Монетизация социальных льгот, начало административной реформы
2008	Вооруженный конфликт в Южной Осетии, мировой финансовый кризис
2012	Вступление России в ВТО
2014	Украинский кризис, международные санкции, арест В.П. Евтушенкова

Таблица 2

Премьер-министры РФ за период реформ

№ п/п	Период	Руководитель Правительства РФ	№ п/п	Период	Руководитель Правительства РФ
1	24.08.91–26.12.91	И.С. Силаев	9	16.08.99–07.05.00	В.В. Путин
2	26.12.91–15.06.92	Б.Н. Ельцин	10	17.05.00–24.02.04	М.М. Касьянов
3	15.06.92–15.12.92	Е.Т. Гайдар (и.о.)	11	24.02.04–05.05.04	В.Б. Христенко (и.о.)
4	15.12.92–23.05.98	В.С. Черномырдин	12	05.05.04–14.09.07	М.Е. Фрадков
5	23.05.98–23.08.98	С.В. Кириенко	13	14.09.07–08.05.08	В.А. Зубков
6	23.08.98–11.09.98	В.С. Черномырдин (и.о.)	14	08.05.08–07.05.12	В.В. Путин
7	11.09.98–12.05.99	Е.М. Примаков	15	07.05.12 по н.в.	Д.А. Медведев
8	12.05.99–09.08.99	С.В. Степашин			

определенность правового поля инвестиционной деятельности. Наивно было бы полагать, что за 25 лет, прошедших с момента начала рыночных реформ, законодателью удалось создать совершенную нормативную базу рыночного хозяйства. На этом пути неизбежны поиски оптимальных вариантов, множество проб и ошибок. Новые рыночные законы часто работают совсем не так, как это намечалось их разработчиками, из-за недостаточного учета многолетних традиций в экономическом устройстве государства, консервативного отношения людей, воспитанных при ином общественном строе, к новациям, которые предполагает конкурентная среда, и других причин. Также, при всем многообразии программных экономических документов, выдвигающих долгосрочные ориентиры развития народного хозяйства, до настоящего времени не решен вопрос о примате либерального или дирижистского подходов в управлении рыночной экономикой и промышленностью, в том числе¹.

Отсюда – непоследовательность экономической политики государства, частые принятие, изменение и отмена «правил» хозяйствования, невозможность долгосрочного планирования инвестиционного процесса. Например, только через 24 года после начала реформ принят один из важнейших законов, определяющих ключевые приоритеты в государственном регулировании промышленности – Закон о промышленной политике.² До настоящего времени не принят закон о холдингах, хотя понятие холдинга и управляющей компании давно вошли в хозяйственный оборот, а принципы холдингового

строительства с успехом культивируют крупнейшие компании разных отраслей экономики. Дважды вводился и был отменен налог с продаж. Четыре раза за период менялись организационно-правовые формы юридических лиц и т. д. Так что утверждение о нестабильности хозяйственного законодательства – это не «общее место». Вот еще факты. Более пятнадцати раз за 25 лет пересматривались порядок исчисления и ставки подоходного налога с населения. Восемь раз за тот же период изменялись ставки налога на прибыль и двенадцать – пропорции его зачисления в федеральный и иные бюджеты. Драматически в течение рассматриваемого периода менялась ставка рефинансирования ЦБ РФ и, соответственно, – кредитные ставки коммерческих банков. В апреле–мае 1994 г. она, например, достигала 210 %, а в сентябре–марте 2014 г. – 6 %³.

Естественно, что каждое изменение того или иного нормативного финансового параметра, задающего условия хозяйственной деятельности, обосновывалось экономической или политической целесообразностью, которая превалировала в конкретный период. Однако подобная нестабильность, неопределенность, воспринимаемая как причина всевозможных, в т. ч. заранее неизвестных рисков, оказывала и продолжает оказывать угнетающее воздействие на инвестиционную активность в стране.

Коррупция, теневая экономика, мошенничество, засилье бюрократии – традиционные проблемы отечественной действительности. Следует заметить, что с течением времени в повседневной жизни приходится все меньше сталкиваться с этими уродливыми общественными проявлениями. Однако в инвестиционной сфере, где обращаются колоссальные финансовые ресурсы, если что и меняется, то крайне медленно.

«В СССР политический класс (номенклатура плюс военные всех типов) составлял 0,1 % от численности населения (примерно 400 тыс. человек при численности населения примерно 300 млн человек), – отмечает политолог О. Крыштановская, ссылаясь на данные 1981 г. – Между тем в России в 2000 г. политический класс составлял уже 0,8 % населения (1,2 млн при численности населения 145 млн человек)». К 2009 г., по ее словам,

¹ «Если в рамках либеральной модели провозглашается свободная игра рыночных сил и минимум участия государства в экономике, пишет О.А. Романова, поясняя различия двух подходов, то при дирижистской модели считается допустимым активное участие государства в экономике не только как реформатора, но и как действующего субъекта, государственного предпринимателя и инвестора. В рамках данных моделей сформировались «жесткая», или вертикальная, как принято ее называть в странах ЕС, модель промышленной политики и «мягкая», или горизонтальная. Первая из них предполагает стимулирование конкретных производств при использовании в качестве инструмента господдержки всевозможных льгот. Вторая модель ориентируется на создание общих для всех отраслей возможностей развития производства» [1].

² О промышленной политике в Российской Федерации: федеральный закон РФ от 31.12.2014 г. № 488-ФЗ.

³ Источник – данные ЦБ РФ за период.

страна подошла с ошеломляющими результатами: политический класс перевалил за 3 млн, а численность населения уменьшилась. «То есть сейчас это более 2 % населения. Это называется «перегрузкой» общества. Возможно, это одна из причин проблем в экономике: есть предел расходов на обслуживание самого государства» [2]. Численность конкретно госслужащих или чиновников в России в 2013 г. составила 1 млн 455 тыс. человек, или 1,9 % рабочей силы, следует из оценок РБК на основании данных Росстата. Из них в федеральных органах власти работало 248 тыс. человек, в региональных – 246 тыс., в органах местного самоуправления – 498 тыс., финансовых и налоговых органах – 217 тыс., судах – 151 тыс., прочих органах – 95 тыс. Таким образом, в России приходится 102 чиновника на 10 тыс. человек [3].

Огромная армия чиновников создает питательную почву для развития коррупции. Результаты анализа 9925 обращений с жалобами за период с 14 января 2013 г. по 31 августа 2014 г. во Всероссийскую антикоррупционную общественную приемную «Чистые руки» указывают на высокий уровень этого разъедающего общественный организм явления. Согласно количеству полученных жалоб из различных регионов, лидерами по уровню коррупции являются Москва – 34 %, Московская область – 17,3 %, Приморский край – 4,8 %, Ростовская область – 3,6 %. Соотношение числа жалоб на коррупцию в органах власти и управления показывает, что уровень коррупции наиболее высок в судебной системе – 28,5 %, полиции – 20,4 %, прокуратуре – 17,4 %, следственном комитете – 15,7 % [4].

Коррупция в субъектах государственной власти и управления приводит к неспособности государства эффективно регулировать рыночное взаимодействие и хозяйственную деятельность компаний. Например, предприятия, имеющие выбросы вредных веществ, превышающие ПДК, чаще готовы платить взятки контролирующим структурам, но не устанавливать дорогостоящие очистные сооружения. Компании, намеренные инвестировать в строительство объектов в престижных районах, в подавляющем большинстве случаев участвуют в коррупционных схемах при получении разрешений. Многие административные процедуры и нормативно-правовые барьеры создаются с определенной це-

лью – сформировать легальный «заградительный механизм». Одновременно открывается иной путь решения тех же вопросов, который предполагает формирование коррупционного механизма ускорения процедур согласования и принятия решений. При функционировании этого механизма объективно растет число чиновников, вымогающих взятки за право осуществлять инвестиционную деятельность. Подобная практика негативно воздействует на инновационное развитие предприятий, т. к. значительная часть перспективных инновационных проектов попросту не реализуется [5]. Согласно рейтингу международной неправительственной организации «Transparency International» по восприятию коррупции в 2014 г. Россия занимала 136 место из 174 в мире [6].

Коррупция тесно связана с теневой экономикой и преступностью. Теневой сектор российской экономики составляет примерно 15–20 % от ВВП РФ. Такую оценку привел министр финансов РФ в одном из интервью. «Если теневой сектор у нас где-то 15–20 % от экономики, а ВВП у нас где-то 60 трлн руб., то 15 % – это 9 трлн», – сказал он, отвечая на вопрос о размере недополученных налогов в бюджет. Совокупная налоговая нагрузка на экономику России, по словам министра, составляет 35 %. Таким образом, бюджет РФ недобирает около 3 трлн руб. налогов из-за ухода бизнеса в тень. При этом по НДС, который поступает не в федеральный, а в региональные бюджеты, недобор оценивается примерно в 2 трлн руб. [7] Также, согласно имеющимся расчетам, в теневой экономике занято примерно 12–13 млн человек, или 17–18 % экономически активного населения. До последнего времени сращивание коррупции и теневой экономики наиболее отчетливо проявлялось в деятельности по привлечению трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья. Даже широко известные авторитетные девелоперские компании не гнушались практики найма мигрантов сомнительной квалификации, не располагавших необходимыми документами и разрешениями, однако, обходившихся работодателю чрезвычайно дешево.

Существенную проблему для инвесторов представляет нестабильность и ненадежность банковской системы. На начало 2015 г. в России насчитывалось 842 кредитные орга-

низации, имеющие право на осуществление банковских операций [8]. На Московской бирже зарегистрировано 670 банков – это наиболее активные финансово-кредитные организации. В то же время по данным Агентства по страхованию вкладов в процессе ликвидации находится 191 банк и 207 уже ликвидировано (более 59 % от числа участников российской торговой системы) [9]. При этом собственно к устойчиво работающим банкам претензий со стороны инвесторов нет. В структуре их активов почти половину составляют кредитные ресурсы, из которых более 75 % отводится долгосрочным (как правило, инвестиционным) кредитам (табл. 3).

Можно и далее продолжать перечисление объективных (по отношению к основному звену экономики) причин низкой инвестиционной привлекательности отечественной промышленности, анализируя недостаточный пока уровень развития рыночной инфраструктуры, избыточный монополизм в отдельных отраслях; высокую степень налоговой нагрузки на промышленность; экономическую и уголовную преступность; долги бюджетной системы перед производителями; а также другие известные проблемы. Очевидно, что все они в той или иной мере оказывают негативное влияние на восприятие условий деятельности в стране отечественными и зарубежными инвесторами. Однако такой анализ – тема отдельного исследования.

Мы же хотим перейти от изучения объективных причин низкой инвестиционной привлекательности промышленности к иному аспекту проблемы – вопросам, которые находятся в сфере реального влияния со стороны производственных компаний, их объединений и корпораций. То есть – к субъективным причинам. На это, кстати, нас ориентируют и результаты некоторых международных сопоставлений. Например, по уровню налоговой нагрузки в мире мы далеко не на первом месте (рис. 2).

При этом 9 стран (исключая Бразилию), где налоги выше, чем в России, занимают лидирующие позиции по промышленному развитию. В Италии за последние 25 лет также, как у и нас сменилось 15 премьер-министров, однако промышленность страны остается одним из лидеров мировой индустрии. В число наиболее привлекательных для иностранных инвесторов стран входят: Ки-

тай, находящийся на 100 месте в мире по уровню восприятия коррупции; Мексика (103 место), Индонезия (107 место)¹.

По мнению представителей отечественных компаний-импортеров и российских предпринимателей, имеющих бизнес в развитых зарубежных странах, там также одной из главных проблем является бюрократизация решения вопросов создания и ведения собственного дела.

Последний красноречивый пример – упорное стремление Брюсселя создать единую для ЕС систему управления поставками газа, в которой определяющую роль в принятии ценовых решений будет играть аппарат Европейской Комиссии. В целом же, по данным известной международной аудиторско-консалтинговой компании «BDO», приведенным в относительно стабильном 2011 г., и в России, и за рубежом инвесторы испытывают во многом схожие объективные проблемы, осложняющие ведение бизнеса (рис. 3).

То есть дело не только в общепонятных недостатках экономической и политической государственной системы переходного периода, но и в каких-то иных особенностях отечественной промышленности, имеющих субъективный характер.

Итак, какие же субъективные причины препятствуют благоприятному инвестиционному климату в стране в целом и в промышленности в частности? Основная мысль, которую мы хотим развить, сводится к тому, что *недостаточная инвестиционная привлекательность отечественной промышленности в значительной мере обусловлена низкой инвестиционной привлекательностью большинства самих производственных предприятий и/или реализуемых ими инвестиционных проектов*. Исходя из приводимых в экономической литературе определений данного свойства производственной компании можно заключить, что инвестиционная привлекательность предприятия – это, прежде всего, его *возможность* вызвать финансовый или иной интерес у реального инвестора, а также, в немалой степени, *способность* самого предприятия воспринять инвестиции и рационально целевым образом ими распоря-

¹ По данным Международной консалтинговой компании «A.T. Kearney», опубликовавшей очередной «Индекс доверия прямым иностранным инвестициям (FDICI) 2014» [10].

даться. Имеется в виду, что после реализации инвестиционного проекта компания должна совершить существенный прорыв в

области качества продукции, объемов ее производства, выхода на новые или увеличения доли существующего рынка и т. д.

Таблица 3

Отдельные относительные показатели долгосрочного кредитования банками предприятий и организаций (декабрь 2014 г.), % [9]

Наименование банка	Доля кредитов в активах	Доля долгосрочных кредитов в кредитах	Доля кредитов на 1–3 года в кредитах	Доля кредитов на 3 и более лет в кредитах	Доля просроченной задолженности в кредитах
Сбербанк России	49,5	87,1	24,1	63,0	2,4
ВТБ	39,1	75,4	19,2	56,2	3,5
Газпромбанк	57,6	74,7	18,8	56,0	0,8
ВТБ24	10,1	53,5	8,0	45,5	7,9
Банк Москвы	40,9	46,2	12,0	34,2	23,0
Альфа-Банк	55,8	66,1	30,0	36,0	2,4
Россельхозбанк	55,0	69,9	14,6	55,3	12,4
...					
Россия	56,7	52,6	31,0	21,5	0,6
В среднем по группе	45,7	76,2	22,0	54,2	4,0

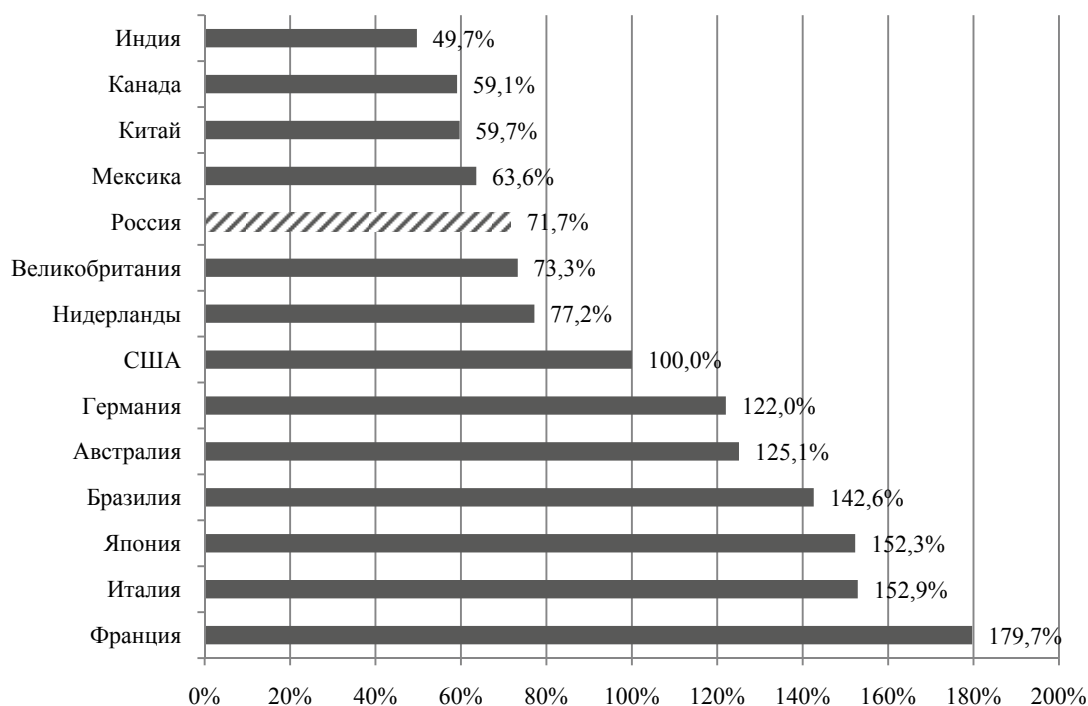

Рис. 2. Индекс налоговой нагрузки в основных экономиках мира в 2012 г. (по данным консалтинговой компании «KPMG») [11]

Рис. 3. Основные барьеры при выходе на рынок в России и за рубежом [12]

Оценивая инвестиционную привлекательность компании, инвесторы, как правило, обращают внимание на такие ее характеристики, как: платежеспособность и финансовая устойчивость; конкурентоспособность продукции; положение на занимаемых рынках и возможность освоения новых; уровень инновационной активности; состояние производственной системы; резервы наращивания объемов производства традиционной продукции и способность к освоению новых ее видов; уровень квалификации персонала, включая менеджмент; кредитная история и прозрачность деятельности... Для получения подобных характеристик инвестор, взаимодействуя с предприятием – потенциальным получателем инвестиций, запрашивает соответствующую исходную информацию для анализа.

К сожалению, как показывает анализ статистических данных, часто отечественные промышленные предприятия не отличаются высоким уровнем основных инвестиционных параметров. Так, по данным Росстата, только около 12 % предприятий не сырьевых отраслей промышленности осуществляют технологические инновации, около 4 % – маркетинговые и организационные инновации. Удельный вес затрат на технологические ин-

новации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг составляет не более 2 %. Доля инновационной продукции находится на уровне 7 % [13].

По данным Росстата, с января по июль 2014 г. в России выросло количество убыточных предприятий, достигнув 31,9 % от общего числа компаний. В итоге, 18,2 тыс. организаций имели убыток на сумму 1,1 трлн руб. Доля убыточных организаций, работающих в сфере добычи полезных ископаемых, за первое полугодие 2014 г. составила 41,3 % против 39,1 % годом ранее. При этом доля убыточных организаций, добывающих топливно-энергетические полезные ископаемые, составила 40,3 % против 38,5 %. Убыточных предприятий в обрабатывающих производствах за первые шесть месяцев 2014 г. было 31,9 % против 31 % в первом полугодии 2013 г. [14].

Остается достаточно высоким уровень банкротств в экономике, т. е. предприятия оказываются неплатежеспособными и теряют финансовую устойчивость. В 2013 г. в арбитражные суды поступило 31921 заявление о признании должников несостоятельными (банкротами) [15]. Если сравнить количество подобных заявлений с общим количеством зарегистрированных юридических лиц в стране, а их на 1 апреля 2014 г. насчи-

тывалось 4,6 млн [16], то доля банкротов вроде бы невелика – всего 3,2 % за 4 года. Однако если принять во внимание, что процедуру банкротства, как правило, проходят реально работавшие предприятия, а не фирмы-однодневки, и сопоставить приведенные данные с числом компаний, работающих, например, в обрабатывающих отраслях промышленности (405,0 тыс. [13]), то процент терпящих крах компаний заметно увеличится.

Неоднородно состояние производственной системы отечественных промышленных предприятий. Открываются новые современные предприятия, построенные в последние годы с установкой высокопроизводительного оборудования и применением передовых технологий. Организуются современные производства на действующих заводах. Внедряются новые организационные решения. Однако статистика неумолима. Как отмечено выше, уровень износа действующих основных производственных фондов в среднем по промышленности пока превышает 50 %. А состояние производственного аппарата предприятия – одна из главных характеристик его производственной системы.

Обеспечение транспарентности деятельности хозяйствующих субъектов – ключевой вопрос при принятии решения об отнесении того или иного юридического лица к инвестиционно-привлекательным. Ведь в случае невозможности получить необходимую информацию о деятельности компании проблематично и составить представление об основных аспектах ее функционирования как инвестиционного партнера. Однако данная проблема до настоящего времени должным образом не урегулирована. На рис. 4 показано соотношение организационно-правовых форм российских компаний. Насколько это следует из диаграммы, среди юридических лиц в нашей стране наиболее популярно общество с ограниченной и дополнительной ответственностью (ООО и ОДО), число которых составляет более 80 % действующих организаций. Доля акционерных обществ несравнимо мала – 3,5 %, из которых на ЗАО приходится 2,8 %, на ОАО – 0,7 %. Иными словами, непубличные компании (согласно новому закону¹) составляют, как минимум,

82,8 % всех юридических лиц. Что это означает для целей настоящего исследования? Деятельность открытых акционерных обществ регулируется законодательством об ОАО, одним из императивных требований которого является обеспечение раскрытия информации о различных аспектах своей работы. Согласно ст. 92 закона открытое общество обязано раскрывать: годовой отчет общества, годовую бухгалтерскую отчетность; проспект ценных бумаг; сообщение о проведении общего собрания акционеров. Также обязательно раскрытие информации открытым и закрытым обществом в случае публичного размещения им облигаций или иных ценных бумаг.² Специальными подзаконными актами, последним из которых является «Положение о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг»,³ перечень раскрываемой информации расширен. В него также включены: ежеквартальный отчет эмитента, сообщения о существенных фактах, список аффилированных лиц и некоторые другие сведения.

Между тем в отношении ООО подобной нормы не существует. Согласно закону об ООО⁴, компания, созданная в данной организационно-правовой форме, не обязана публиковать отчетность о своей деятельности, за исключением специально оговоренных случаев. Случаев этих не так много. Если общество осуществляет публичное размещение облигаций и иных эмиссионных ценных бумаг – а эти случаи редки – то оно обязано ежегодно публиковать годовые отчеты и бухгалтерские балансы, а также раскрывать иную информацию о своей деятельности, в частности, сведения о чистых активах. Подлежит опубликованию информация о введении в отношении ООО процедуры банкротства – наблюдения.

Иными словами, получить заинтересованному лицу подробные достоверные сведения о подавляющем большинстве российских предприятий не представляется возможным. Даже в том случае, когда такая ком-

дательных актов Российской Федерации: федеральный закон от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ.

² Об акционерных обществах: федеральный закон РФ от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ (с изм. на 22.12.2014 г.)

³ Утв. Банком России 30.12.2014 г. № 454-П.

⁴ Об обществах с ограниченной ответственностью: федеральный закон РФ от 8.02.1998 г. № 14-ФЗ (с изм. на 5.05.2014 г.)

¹ О внесении изменений в гл. 4 Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законо-

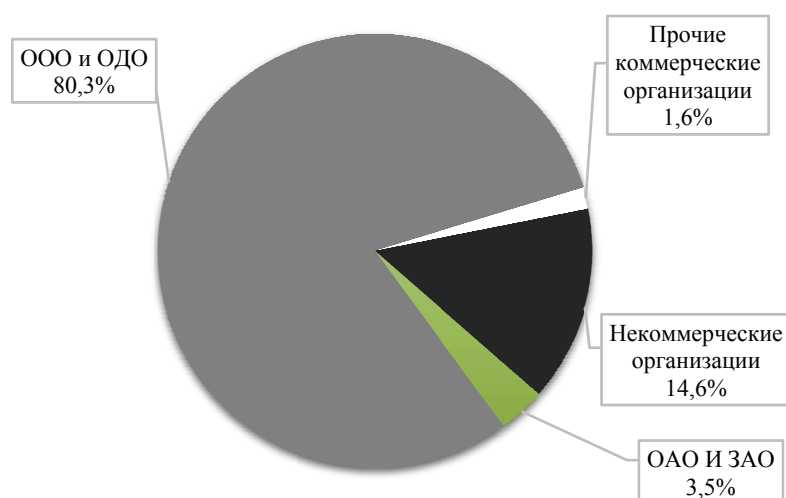

Рис. 4. Распределение действующих юридических лиц по организационно-правовой форме на 1 апреля 2014 г. [16]

пания, привлекающая инвестиции, предоставляет потенциальному инвестору запрашиваемые сведения о своей деятельности, досконально проверить их достоверность нельзя из-за отсутствия доступной и верифицированной государственным органом (ранее Федеральной службой по финансовым рынкам, в настоящее время – ЦБ РФ) экономической, финансовой и кредитной истории компании. При этом нужно заметить, что законодатель не запрещает не публичным компаниям раскрывать вышеперечисленные сведения в широком доступе и даже предоставляет для этих целей специальный информационный ресурс¹. Однако подобная практика не имеет пока широкого распространения из-за опасений руководства компаний о возможном нанесении ущерба их деятельности со стороны конкурентов, фискальных органов и криминальных структур.

¹ С 1 января 2013 г. вступили в силу требования публиковать сведения о фактах деятельности юридических лиц в специализированном федеральном информационном ресурсе – Едином федеральном реестре сведений о фактах деятельности юридических лиц. Согласно закону (О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федеральный закон РФ от 8.08.2011 г. № 129-ФЗ) в реестре на усмотрение компании может быть размещена любая дополнительная информация, за исключением сведений, доступ к которым ограничен в соответствии с законодательством РФ.

Нельзя пока признать удовлетворительным положение в сфере менеджмента промышленных предприятий. Несмотря на общее повышение образовательного уровня руководителей, в т. ч. прошедших подготовку и по международно-признанным программам бизнес-администрирования (МВА), типичный отечественный топ-менеджер, зачастую, не отличается высокими административно-управленческими качествами. Здесь сказывается влияние национальных традиций, согласно которым при назначении на должность в первую очередь реализуется принцип личного знакомства с вышестоящим руководителем или представителями власти. Деятельность руководителя промышленного предприятия высоко политизирована. Принадлежность (членство в рядах) и всесторонняя моральная, организационная и материальная поддержка ведущей политической партии являются обязательным условием и залогом успеха возглавляемой им компании. При принятии решений хозяйственная целесообразность зачастую уступает иным, не имеющим отношения к бизнесу мотивам, связанным с групповыми, клановыми интересами. Существенное дезорганизующее воздействие на эффективное хозяйственное руководство компаниями оказывает отсутствие признаваемой современной отечественной школы управления, которая учитывала бы особенности мышления, поведения, мо-

тивации и устремлений российского работника, а также в целом специфику ведения бизнеса в стране. Массированное, волнообразное увлечение различными зарубежными управленческими концепциями, которые в качестве панацеи продвигают многочисленные консультанты и высшая школа, зачастую приводит к противоположным от ожидаемых результатам. Разочарование от такого рода бесплодных дорогостоящих экспериментов с инновациями в управлении лишает руководителей стремления к совершенствованию организации своего бизнеса, гасит инициативу и интерес к действительно заслуживающим внимания вещам, в т. ч. и связанным с инвестиционной деятельностью.

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что промышленное предприятие, обладающее перечисленными признаками, вряд ли сможет вызвать коммерческий интерес у реального инвестора, а также воспринять инвестиции и рационально целевым образом ими распорядиться. То есть оказывается инвестиционно непривлекательным.

1. Романова О.А. Национальная модель экономического развития и формирование промышленной политики // *Ars administrandi* (Искусство управления). 2011. № 1.
2. Чиновники перегрузили Россию. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2009/03/19_a_2960575.shtml (дата обращения: 19.02.2015).
3. Соколов А., Терентьев И. Исследование РБК: сколько в России чиновников и много ли они зарабатывают. URL: <http://top.rbc.ru/economics/15/10/2014/543cfe56cbb20f8c4e0b98f2> (дата обращения: 15.10.2014).
4. Коррупция в России: независимый доклад Всероссийской антикоррупционной общественной приемной «Чистые руки» (14 января 2013 – 31 августа 2014). URL: <http://corrupcia.net/aboutnews/item-1348.html> (дата обращения: 19.02.2015).
5. Влияние коррупции на развитие инвестиционной деятельности в России. URL: <http://pro-factory.ru/vliyanie-korrupcii-na-razvitie-investitsionnoj-deyatelnosti-v-rossii/> (дата обращения: 20.02.2015).
6. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info> (дата обращения: 20.02.2015).
7. Глава Минфина оценил теневой сектор экономики РФ в 15–20 % от ВВП. URL: top.rbc.ru/economics/20/06/2013/862716.shtml (дата обращения: 20.06.2013).

8. Обзор банковского сектора Российской Федерации. Аналитические показатели, № 147 январь 2015 г. / ЦБ РФ. М., 2015.
9. Ликвидация банков. URL: <http://www.asv.org.ru/liquidation/> (дата обращения: 18.02.2015).
10. Привлекательные для инвесторов страны – 2014. URL: <http://rate1.com.ua/ehkonomika/finansy/2961> (дата обращения: 20.02.2015).
11. Налоги в РФ на 30 % ниже американских, но выше китайских. URL: <http://novosti-moskvy.ru/nalogi-v-rf-na-30-nizhe-amerikanskix-no-vyshe-kitajskix/> (дата обращения: 20.02.2015).
12. Литвинова А. Российские компании столкнулись за рубежом с исконно русскими проблемами. URL: <http://rbcdaily.ru/politics/562949981524470> (дата обращения: 20.09.2011).
13. Россия в цифрах. 2013: краткий статистический сборник / Росстат. М., 2013.
14. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.02.2015).
15. <http://www.arbitr.ru/press-centr/news/totals/> (дата обращения: 21.03.2014).
16. Статистика регистрации юридических лиц: новые тенденции. URL: <http://www.credinform.ru/ru-RU/herald/details/cee3ab73736a> (дата обращения: 20.08.2014).

1. Romanova O.A. Natsional'naya model' ekonomicheskogo razvitiya i formirovanie promyshlennoy politiki // *Ars administrandi* (Iskusstvo upravleniya). 2011. № 1.
2. Chinovniki peregruzili Rossiiu. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2009/03/19_a_2960575.shtml (data obrashcheniya: 19.02.2015).
3. Sokolov A., Terent'ev I. Issledovanie RBK: skol'ko v Rossii chinovnikov i mnogo li oni zarabatyvayut. URL: <http://top.rbc.ru/economics/15/10/2014/543cfe56cbb20f8c4e0b98f2> (data obrashcheniya: 15.10.2014).
4. Korruptsiya v Rossii: nezavisimyy doklad Vserossiyskoy antikorrupcionnoy obshchestvennoy priemnoy "Chistye ruki" (14 yanvarya 2013 – 31 avgusta 2014). URL: <http://corrupcia.net/aboutnews/item-1348.html> (data obrashcheniya: 19.02.2015).
5. Vliyanie korruptsii na razvitie investitsionnoy deyatel'nosti v Rossii. URL: <http://pro-factory.ru/vliyanie-korrupcii-na-razvitie-investitsionnoj-deyatelnosti-v-rossii/> (data obrashcheniya: 20.02.2015).
6. Reyting stran mira po urovnyu vospriyatiya korruptsii. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info> (data obrashcheniya: 20.02.2015).

7. Glava Minfina otsenil tenevoy sektor ekonomiki RF v 15–20 % ot VVP. URL: <http://top.rbc.ru/economics/20/06/2013/862716.shtml> (data obrashcheniya: 20.06.2013).
8. Obzor bankovskogo sektora Rossiyskoy Federatsii. Analiticheskie pokazateli, № 147 yanvar' 2015 g. / TsB RF. M., 2015.
9. Likvidatsiya bankov. URL: <http://www.asv.org.ru/liquidation/> (data obrashcheniya: 18.02.2015).
10. Privlekatel'nye dlya investorov strany – 2014. URL: <http://rate1.com.ua/ehkonomika/finansy/2961> (data obrashcheniya: 20.02.2015).
11. Nalogi v RF na 30 % nizhe amerikanskikh, no vyshe kitayskikh. URL: <http://novosti-moskvy.ru/nalogi-v-rf-na-30-nizhe-amerikanskix-no-vy-she-kitajskix/> (data obrashcheniya: 20.02.2015).
12. Litvinova A. Rossiyskie kompanii stolknulis' za rubezhom s iskonno russkimi problemami. URL: <http://rbcdaily.ru/politics/562949981524470> (data obrashcheniya: 20.09.2011).
13. Rossiya v tsifrakh. 2013: kratkiy statisticheskiy sbornik / Rosstat. M., 2013.
14. URL: <http://www.gks.ru> (data obrashcheniya: 20.02.2015).
15. <http://www.arbitr.ru/press-centr/news/totals/> (data obrashcheniya: 21.03.2014).
16. Statistika registratsii yuridicheskikh lits: novye tendentsii. URL: <http://www.credin-form.ru/ru-RU/herald/details/cee3ab73736a> (data obrashcheniya: 20.08.2014).

Поступила в редакцию 24.03.2015 г.

UDC 65.016.7

WHY IS NOT THE INDUSTRY INVESTED?

Artur Dmitrievich BOBRYSEV, Moscow Academy of Labour-Market and Information Technologies, Moscow, Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Provost for Additional Professional Education, e-mail: dpo@martit.ru

Valeriy Ivanovich IRADIONOV, JCS "Tambov Scientific-Research Institute of Radio Engineering "EFIR" (JCS TSRIRE "EFIR"), Tambov, Russian Federation, Temporary Acting of Director General, e-mail: efir@tmb.ru

Sergey Petrovich YUKHACHEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Head of Economic Policy Management of Tambov Regional Administration, e-mail: usp@ekon.tambov.gov.ru

The results of the research of objective (internal to the enterprises) and subjective reasons of low investment attractiveness for native industry are presented. The analysis has shown that one of the key moments for understanding the studied problem is rather high duration of payback of investments to the industry. Institutional and / or individual investor who wants to invest the funds to one or another industrial plant is first of all interested in stability of external business environment. The stability of long-lasting stability mainly defined by stable state of basic institutes of the state where the enterprise-receiver of the investments is situated. However for the years of reformations, despite visible success in provision to market economy such suppositions were not created. The comparative analysis of the conditions of management in our and other countries has shown that abroad exist many examples of corruption, level of tax, political shock even more than in Russia. And the investment in these countries develops highly. This condition let make the supposition about the lack of investments of most of industrial plants and / or realized by them investment projects.

Key words: investments; industry; attractiveness; bureaucratization; crime; instability; tax; transparency of activity.

УДК 338.2

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© **Лио Маркес Коимбра ДОС САНТОС**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра политической экономии
и мирового глобального хозяйства, e-mail: lsantos193@gmail.com

Рассмотрены понятия управление бизнесом, эффективность управления и управление эффективностью. Зачастую в литературе путают данные понятия, однако их необходимо различать. Управление эффективностью является одной из основных задач системы управления бизнесом, т. е. термин «управление эффективностью предпринимательской деятельности» вытекает из определения управления бизнесом. От поставленных задач зависит выбор соответствующих инструментов и методов управления. Также приведены функции управления эффективностью предпринимательской деятельности, к ним относятся: мониторинг эффективности, контроллинг эффективности, оценка и анализ эффективности, планирование эффективности (текущее и стратегическое), мотивирование эффективности, организационные аспекты, выработка управленческих решений по повышению эффективности. Описаны стратегические и тактические цели эффективности управления, которые являются фактором успешного развития предпринимательской деятельности. Управление эффективностью предпринимательской деятельности направлено, прежде всего, на эффективность использования ресурсов. Подробно рассмотрены понятие, классификация и показатели ресурсов предприятия. Представление обо всех ресурсах дает возможность предпринимателям бизнеса добиться максимального эффекта от вложения капитала в ресурсы предприятия и управления ими. Именно управление эффективностью предпринимательской деятельности является одной из важных задач системы менеджмента.

Ключевые слова: управление эффективностью; система управления; предпринимательская деятельность.

Управление эффективностью является одной из важных задач системы управления [1–9].

Следует различать понятия управления бизнесом, эффективность управления и управление эффективностью.

Управление бизнесом, основанное на современном подходе, предполагает результативное и эффективное достижение поставленных бизнес-целей путем оценки и анализа соответствующей информации (входная информация), выработки соответствующих управленческих решений (выходная информация) и на основе их – воздействия на объект управления (бизнес-единица или ее элемент).

Данное определение охватывает несколько аспектов менеджмента:

- пути и способы достижения поставленных целей;
- инструменты управления (оценка, анализ);
- кибернетический подход.

В основе результативного достижения поставленных целей лежат способы и подходы к менеджменту, когда система работает

по выработанным критериям без ограничения затрачиваемых на это ресурсов.

Эффективное достижение поставленных задач предполагает получение результатов с оптимальным расходом на это ресурсов.

Эффективное достижение поставленных задач опирается на способы делать требуемую работу должным способом, прогнозировать, предвидеть проблемы и заранее определять пути их решения с оптимальным расходом ресурсов.

Выбор соответствующих инструментов и методов управления зависит от поставленных задач, от критериев результативности и эффективности.

Кибернетический подход предполагает рассматривать систему управления как систему с входом и выходом управленческой информации и обратной связи. Сигнал о расхождении фактических параметров с эталонными передается на вход системы, которая реагирует на него с выработкой и реализацией соответствующего управленческого решения, направленного на перевод системы в нужное состояние.

В литературе зачастую путают термин «управление эффективностью» и «эффективность управления».

Прежде всего следует выделять результативность и эффективность управления.

Зачастую исследователи путают эти понятия.

Результативность – это когда обеспечивается:

- высокая оперативность, качество принимаемых управленческих решений;
- минимизация затрат времени на принятие управленческих решений;
- экономия общих расходов на содержание аппарата управления;
- улучшение социально-экономических показателей деятельности бизнес-единицы;
- снижение доли административно-управленческого аппарата в общем количестве работников и др.

Эффективность управления – это когда, с одной стороны, управление осуществляется по критерию выработки и реализации управленческих решений по достижению поставленных целей с минимальными затратами (используемыми ресурсами) – экономический подход, с другой – насколько достигнутые цели отвечают желаемым результатам – управленческий подход.

Управление эффективностью является одной из задач системы управления бизнесом.

Определение термина «управление эффективностью предпринимательской деятельности» вытекает из определения управления бизнесом.

Таким образом, управление эффективностью предпринимательской деятельности предполагает результативное и эффективное достижение поставленных целей по эффективности, путем оценки и анализа соответствующей информации (входная информация), выработки и реализации соответствующих управленческих решений (выходная информация) по повышению эффективности объекта управления или его элемента (отдельная структура или ресурс).

К отдельной структуре можно отнести подразделение предприятия – отдел, цех.

К ресурсам – управление эффективностью использования трудовых, финансовых, материальных ресурсов.

Система управления эффективностью состоит, как и любая система, из управляемой системы (объект управления) и управляющей (субъект управления).

Управляющая система управления эффективностью предпринимательской деятельности включает те структурные подразделения, которые участвуют в достижении поставленных задач в области эффективности.

К структуре управления относятся подразделения бизнес-объекта, которые взаимодействуют друг с другом в процессе управления и образуют единую организационную структуру управления, включая ее разные уровни – топ-менеджмент, средний и низший уровень.

Управляемая система состоит из целей, задач, технологии, людей.

К целям управления эффективностью предпринимательской деятельности можно отнести стратегические и тактические параметры ее эффективности, которые должны быть привязаны со стратегией развития предпринимательской структуры.

Достижение поставленных стратегических и тактических целей по эффективности является фактором успешного достижения целей развития предпринимательской деятельности.

К задачам управления эффективностью предпринимательской деятельности относятся эффективность отдельных ее видов (функций) и элементов (ресурсов).

На рис. 1 приведены функции управления эффективностью предпринимательской деятельности.

Функции управления эффективностью предпринимательской деятельности включают: контроллинг эффективности, мониторинг эффективности, оценку и анализ эффективности, планирование эффективности (текущее и стратегическое), мотивирование эффективности, организационные аспекты, выработку управленческих решений по повышению эффективности.

Мониторинг эффективности – процесс наблюдения и регистрации данных об эффективности объекта исследования на неразрывно примыкающих друг к другу интервалах времени, в течение которых значения данных существенно не изменяются.

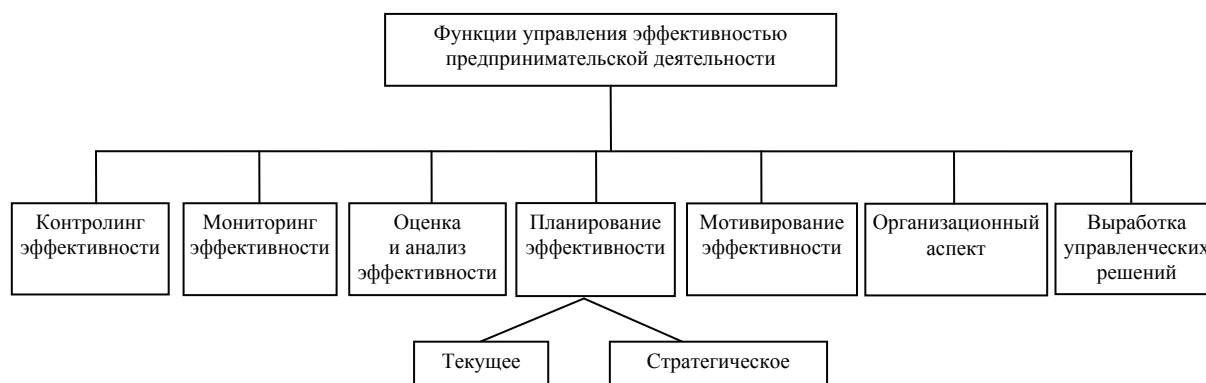

Рис. 1. Функции управления эффективностью предпринимательской деятельностью

Мониторинг эффективности – это также систематический сбор и обработка информации об эффективности объекта исследования, которая может быть использована для улучшения процесса принятия решения, или прямо как инструмент обратной связи в целях осуществления проектов, оценки программ или выработки политики по повышению уровня эффективности. Он несет одну или более из трех организационных функций:

- выявляет состояние критических или находящихся в состоянии изменения явлений внутренней и внешней среды, в отношении которых будет выработан курс действий на будущее по повышению эффективности;
- устанавливает отношения со своим окружением, обеспечивая обратную связь, в отношении предыдущих удач и неудач определенной политики или программ;
- устанавливает соответствия правилам и контрактным обязательствам.

Наиболее близкий русский эквивалент слова «мониторинг» – отслеживание. Термины «контроль», «надзор», «присмотр», «пригляд», которые иногда указывают в качестве синонимов, имеют все же несколько другое значение.

На основе мониторинга делаются выводы и заключение о состоянии и изменении изучаемого объекта.

Контроллинг эффективности предполагает наблюдение за действиями работников, отдельных подразделений или направлений по повышению эффективности предпринимательской деятельности и выработки необходимых коррективов.

На основе **оценки и анализа** выявляются причины и факторы, оказавшие влияние на эффективность, изучаются эти факторы и разрабатываются рекомендации для принятия управленческих решений по устранению выявленных недостатков и повышению эффективности.

Планирование эффективности предполагает определение плановых показателей по эффективности по текущему и стратегическому управлению предпринимательской деятельности.

Мотивирование эффективности предпринимательской деятельности, как функция управления, направлено на разработку мер по повышению заинтересованности как отдельных работников, так и подразделений по достижению необходимого уровня эффективности.

Организационный аспект управления направлен на создание, с одной стороны, необходимой организационной структуры, обеспечивающей эффективность предпринимательской деятельности, с другой стороны, создание соответствующих структур, проводящих аналитическую оценку эффективности и определяющих пути повышения ее эффективности.

Выработка управленческих решений – это создание соответствующего организационно-экономического механизма по выработке необходимых управленческих решений по повышению эффективности предпринимательской деятельности.

Управление эффективностью направлено, прежде всего, на эффективность использования ресурсов.

Ресурсы предприятия – это имеющиеся в наличии средства, обеспечивающие осуществление предпринимательской деятельности. Они используются для достижения поставленных целей по производству и реализации продукции или оказания услуг.

Поставленная цель будет достигнута при наличии ресурсов в достаточном объеме и эффективном их использовании. В связи с этим при разработке стратегических планов, осуществляя предварительный анализ, необходимо определить потенциальную обеспеченность в ресурсах, а также их состояние и пути их эффективного использования.

В экономической литературе выделяются следующие категории ресурсов: материально-вещественные, финансовые, трудовые и интеллектуально-информационные.

Таким образом, ресурсы предприятия – это совокупность материальных, интеллектуальных и финансовых средств, которые потенциально могут быть использованы в процессе хозяйственной деятельности по производству продукции, оказанию услуг и другой деятельности.

Ресурсы предприятия классифицируются на пять групп:

- 1) природные – потенциально пригодные для применения в производстве (земля, недра, водные ресурсы, воздух и т. п.);
- 2) материально-вещественные – все созданные человеком средства производства, которые являются результатом производства, т. е. прошлого труда;
- 3) трудовые – списочный состав работников предприятия;
- 4) информационные – интеллектуальный продукт и информация, созданные творческим трудом человека и используемые непосредственно в процессе производства и в процессе принятия управленческих решений;
- 5) финансовые – собственные и заемные средства, выраженные в денежной форме, для формирования необоротных и оборотных активов. На практике различают долгосрочные и краткосрочные финансовые ресурсы.

Таким образом, под ресурсами предприятия следует понимать совокупность материально-технических, трудовых, финансовых, информационных средств, используемых в процессе хозяйственной деятельности для создания товаров, оказания услуг и иной дея-

тельности, приносящие предпринимателям доход и прибыль.

Четкое представление о сущности и составе всех ресурсов дает возможность предпринимателям, бизнесу добиться максимального эффекта от вложения капитала в ресурсы предприятия и управления ими.

Управление ресурсами предприятия предполагает умение определять показатели состояния, обеспеченности и эффективности использования средств, вложенных в ресурсы предприятия, а также использовать эти показатели для планирования и выполнения стратегических, перспективных и текущих планов.

Материально-вещественные ресурсы предприятия – это средства, инвестированные в основные средства, запасы сырья и материалов, вспомогательные материалы, топливо, полуфабрикаты, незавершенное производство и т. п., которые необходимы для того, чтобы решать хозяйственные задачи по выполнению производственной программы и получения высокой прибыли. От их размера, состояния и эффективного использования зависит достижение стратегических задач коммерческих структур по повышению их конкурентоспособности, доходности и рентабельности предпринимательской деятельности.

Материально-вещественные ресурсы не однородны. Так, основные средства, включающие в себя здания, сооружения, станки и оборудование, относятся к внеоборотным активам. Основные средства используются в процессе хозяйственной деятельности более одного года, переносят свою стоимость в готовую продукцию (услуги) постепенно в виде амортизации и характеризуются показателями: суммой и структурой основных средств; первоначальной и остаточной стоимостью; суммой и уровнем амортизации; уровнями износа, годности и обновления; фондоотдачей и др.

Запасы сырья и материалов, незавершенное производство, полуфабрикаты и готовая продукция относятся к оборотным активам, которые в процессе производства участвуют один цикл, который во многих предприятиях составляет менее одного года. Оборотные активы характеризуются следующими показателями: суммой и структурой оборотных средств по их видам: оборо-

чиваемостью средств, инвестированных в эти оборотные средства, рентабельностью оборотных средств.

Трудовые ресурсы предприятия – это кадры, т. е. совокупность работников различных профессионально-квалификационных групп, занятых на предприятии и входящих в его списочный состав.

Кадровый состав или персонал предприятия и его изменения имеют определенные показатели, которые могут характеризоваться следующими количественными, качественными и структурными показателями:

- списочная и явочная численность работников предприятия и его внутренних подразделений, отдельных категорий и групп на определенную дату;
- среднесписочная численность работников предприятия и его внутренних подразделений за определенный период;
- удельный вес работников отдельных подразделений в общей численности работников предприятия;
- темпы роста численности работников предприятия за определенный период;
- средний разряд рабочих предприятия;
- удельный вес служащих, имеющих высшее или среднее специальное образование в общей численности служащих и работников предприятия;
- средний стаж работы по специальности руководителей и специалистов предприятия;
- текучесть кадров по приему и увольнению работников;
- фондовооруженность труда работников на предприятии;
- производительность труда;
- уровень фонда оплаты труда;
- средняя заработная плата работников.

От правильного подбора, расстановки, подготовки и комплектования кадров во многом зависит эффективная работа любых коммерческих структур и их конкурентоспособность.

Финансовые ресурсы предприятия – это денежные средства, формируемые при образовании предприятия и пополняемые в результате производственно-хозяйственной деятельности за счет реализации товаров и услуг, а также путем привлечения внешних источников финансирования. Все источники средств предприятия условно можно разде-

лить на две большие группы: собственные и заемные.

Собственные (внутренние) источники:

- вложения собственников компаний;
- доходы от хозяйственной деятельности;
- прибыль от основной и прочей деятельности;
- амортизационные отчисления.

Привлеченные (внешние) источники:

- долгосрочные и краткосрочные обязательства (кредиты и займы);
- средства, поступающие в порядке целевых финансирования;
- бюджетные ассигнования.

Таким образом, финансовые ресурсы предприятий – это совокупность собственных и заемных средств, выраженных в денежных показателях и предназначенных для выполнения финансово-хозяйственной деятельности предприятия, путем инвестирования их в основной и оборотный капитал предприятия.

Финансовые ресурсы предприятий могут характеризоваться следующими показателями:

- долями собственных и заемных средств в общей сумме хозяйственных средств предприятия, т. е. уровнем финансовой устойчивости предприятия;
- показателями ликвидности и платежеспособности предприятия;
- показателями участия собственных средств в покрытии внеоборотных средств;
- долями собственных и заемных средств в оборотных активах;
- рентабельностью собственного капитала (ROE);
- рентабельностью общего капитала (ROA).

Информация – это один из видов ресурсов, представляющий собой сведения, данные и значения экономических показателей, которые являются объектами хранения, обработки, передачи и использования в процессе анализа и выработки экономических решений в управлении.

Информационные ресурсы – это, согласно закону РФ, информация, зафиксированная на материальном носителе и хранящаяся в информационных системах.

Информационные ресурсы делятся на три группы:

- 1) приобретаемая информация и получаемая от сторонних организаций;

2) внутренние, т. е. создаваемая информация внутри предприятия;

3) внешние, т. е. информация, поступающая извне.

В отличие от других вышеперечисленных ресурсов, информационные ресурсы неисчерпаемы, в этом случае действует закон возрастающей доходности, т. е. информационные ресурсы на предприятиях способствуют осуществлению научно-технического прогресса путем инноваций и модернизаций в производственном процессе.

Согласно бухгалтерской отчетности все расходы, связанные с приобретением и созданием информационных ресурсов, отражаются как «нематериальные активы».

Технологии управления эффективностью предпринимательской деятельностью включают методики расчетов показателей эффективности, методы ее оценки и анализа, подходы по выработке управленческих решений.

В последнее время за рубежом широко используется одна из технологий управления эффективностью, базирующаяся на различных методах управленческого учета: контролинг, метод сбалансированных счетных карт, процессно-ориентированный анализ рентабельности. Механизмы реализации этих методов применяются в виде BI-технологий (Business Intelligence) и в форме РМ (Performance Management).

Персонал в системе управления эффективностью предпринимательской деятельности включает сотрудников, принимающих непосредственное участие по достижению запланированного уровня эффективности. От каждого сотрудника, находящегося на своем месте, зависит общая эффективность предпринимательской деятельности.

Еще известный исследователь в области менеджмента П. Друкер утверждал, что необходимо делать правильные вещи — и это менеджмент, а делать вещи правильно — это лидерство. По нашему мнению, управление эффективностью — **это правильные вещи делать правильно**.

Таким образом, управление эффективностью предпринимательской деятельности

является одной из важных задач системы менеджмента.

1. Гражданский кодекс РФ. М., 2002.
2. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. М., 2000.
3. Предпринимательство в конце XX века. М., 1992.
4. Веснин В.Р. Менеджмент. М., 2004.
5. Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке. Москва; Санкт-Петербург; Киев, 2000.
6. Абдукаримов В.И. Экономический анализ функционирования многоотраслевой системы // Вестник МичГАУ. 2012. № 1. Ч. 2.
7. Абдукаримов В.И. Экономико-статистические методы анализа эффективности многоотраслевой хозяйственной деятельности и их алгоритмы // Проблемы статистики и эконометрики: сборник. М., 1988.
8. Абдукаримов В.И. Вопросы оценки эффективности многоотраслевой хозяйственной деятельности в условиях АСОД: монография. Ташкент, 1991.
9. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982.

1. Grazhdanskiy kodeks RF. M., 2002.
2. Mizes L. Chelovecheskaya deyatel'nost'. Traktat po ekonomicheskoy teorii. M., 2000.
3. Predprinimatel'stvo v kontse XX veka. M., 1992.
4. Vesnin V.R. Menedzhment. M., 2004.
5. Druker P. Zadachi menedzhmenta v XXI veke. Moskva; Sankt-Peterburg; Kiev, 2000.
6. Abdukarimov V.I. Ekonomicheskiy analiz funktsionirovaniya mnogootraslevoy sistemy // Vestnik MichGAU. 2012. № 1. Ch. 2.
7. Abdukarimov V.I. Ekonomiko-statisticheskie metody analiza effektivnosti mnogootraslevoy khozyaystvennoy deyatel'nosti i ikh algoritmy // Problemy statistiki i ekonometriki: sbornik. M., 1988.
8. Abdukarimov V.I. Voprosy otsenki effektivnosti mnogootraslevoy khozyaystvennoy deyatel'nosti v usloviyakh ASOD: monografiya. Tashkent, 1991.
9. Shumpeter Y. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. M., 1982.

Поступила в редакцию 27.03.2015 г.

UDC 338.2

CONCEPTUAL BASES OF MANAGEMENT OF EFFICIENCY OF BUSINESS ACTIVITIES

Lino Marques Coimbra DOS SANTOS, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Political Economy and Global Economy Department, e-mail: lsantos193@gmail.com

The concept of business management, governance, and performance management is examined. Often these concepts confused in the literature, but they need to be distinguished. Performance management is one of the main tasks of a business management system, that is, the term “performance management business” stems from the definition of business management. From the tasks depends the choice of appropriate means and management techniques. Also the functions of performance management of entrepreneurial activities, these include are described: performance monitoring, controlling effectiveness, assessment and analysis, planning effectiveness (current and strategic), motivation efficacy, organizational aspects, managerial decisions to improve efficiency. The strategic and tactical objectives of management efficiency, which are a factor in the successful development of entrepreneurial activity described. Management of efficiency of business activities focus primarily on the efficient utilization of resources. The concept, classification and indicators of enterprise resources are considered in detail. View of all resources enables business entrepreneurs to achieve the maximum benefit from capital investments in enterprise resources and management. Performance management business is one of the important tasks of the management system.

Key words: performance management; management system; enterprise activity.

УДК 332.1

**ФАКТОР УРБАНИЗАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕННЫХ
МОДЕЛЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА: ОЦЕНКА
И ОСОБЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹****© Виктор Александрович РУСАНОВСКИЙ**

Саратовский социально-экономический институт Российского
экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Саратов,
Российская Федерация, доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой общей экономической теории,
e-mail: markov.saratov@mail.ru

© Владимир Александрович МАРКОВ

Саратовский социально-экономический институт Российского
экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Саратов,
Российская Федерация, кандидат экономических наук, доцент,
старший научный сотрудник, e-mail: markov.saratov@mail.ru

Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки эффектов урбанизации в российских регионах, выгодных как для потребителей, так и для производителей. Проанализирована эволюция пространственных эконометрических моделей экономического роста. Основываясь на панельных данных, выявлено влияние географического фактора, в т. ч. урбанизации и агломерации, а также экономического потенциала на дифференциацию уровня производительности труда в городах российских регионов. Обнаружено, что урбанизация влияет на рост производительности труда в городах с силой 13 %, что выше, чем в странах Западной Европы и в ряде европейских и азиатских государств. Использование пространственной модели условной бета-конвергенции позволило понять, что менее развитые и урбанизированные регионы России сближаются между собой по производительности под влиянием процессов урбанизации. Индекс Морана объясняет сближение только между ними, в то время как наиболее развитые регионы обособлены. Диспропорции в российских регионах растут в связи с чрезмерной ролью нескольких агломераций, аккумулирующих ресурсы путем переноса их из большого числа периферийных регионов.

Ключевые слова: пространственные модели; долгосрочный экономический рост; урбанизация; глобализация; рынок труда; региональная конвергенция.

ВВЕДЕНИЕ

Методология региональных исследований факторов и условий долгосрочного экономического роста прошла несколько этапов становления. Традиционно экономический рост на региональном уровне моделируется теми же методами, которые используются для национальной экономики. Классическими моделями оценки факторов экономического роста являются производственные функции. Однако вместе с развитием государственной статистики в региональные исследования все больше проникали статистические и эконометрические методы. Развитие информационных технологий позволило ши-

ре использовать методы многомерного анализа на региональном уровне.

В 2008 г. Нобелевскую премию по экономике получил профессор Принстонского университета Пол Кругман за «новую экономическую географию», которая включает в объясняющие факторы экономического роста пространственные (географические) показатели. Предложенный П. Кругманом подход позволил моделировать товарные потоки, размещение производства и потребителей в пространстве. Его модель «центр – периферия» объяснила неизбежность неравномерного развития и дифференциации регионов. Активизировались исследования, отвечающие на вопросы о причинах и последствиях агломерации, межрегиональной конкуренции и кооперации, урбанизации.

С начала 2010-х гг. все большее применение находят модели, основанные на геокодированных данных. Они обеспечивают ви-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта государственного задания Минобрнауки РФ № 409-2014 «Диверсификация экономики и структуры занятости в условиях усиления влияния глобализации мировой экономики на формирование факторов долгосрочного экономического роста РФ».

зуализацию пространственных эффектов, в т. ч. урбанизации, и являются более адаптивными, в т. ч. пригодными для мета-анализа. В России пространственные модели для анализа территориальных условий экономического роста используются в исследованиях ученых-регионалистов.

Теоретическая и практическая значимость исследований региональной урбанизации велика, особенно для разработки программ развития территорий и бюджетной политики. Основной целью нашего исследования является анализ пространственных эффектов урбанизации для региональной производительности труда как основного источника долгосрочного экономического роста. Инструментами анализа будут являться пространственные регрессионные модели панельных данных и модели бета-конвергенции.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выдвинутый в научной литературе ряд теоретических положений связывает с урбанизацией источники выгод как для потребителей, так и для производителей. Концентрация и разнообразие ресурсов в городах и агломерациях создают возможности использования эффектов масштаба, большого рынка и сочетания различных факторов производства. Однако при определенных условиях быстрая урбанизация сопровождается как позитивными эффектами, так и негативными последствиями. Развитие крупных агломераций происходит не только из-за использования внутренних источников, но и за счет ресурсов соседних и периферийных регионов, что приводит к избыточной региональной дифференциации, возникновению стагнирующих и депрессивных территорий, т. н. «экономических пустынь».

Эффекты урбанизации для экономического развития неоднозначны, они зависят от особенностей развития страны, сети пространственных связей, ее плотности и структуры, а также от функций крупных городов [1; 2]. Влияние урбанизации на производительность труда в разных регионах и странах имеет свои особенности. Обзор литературы, выполненный в ряде зарубежных работ [3], позволяет сделать вывод, что увеличение размера города в 2 раза приводит к росту

производительности труда в различных странах на 3–8 %. Следует обратить внимание на то, что для Китая, Японии и Швеции показатель отдачи меньше, чем для США и Франции [4]. Р. Накамура, в исследованиях по данным Японии, выявил закономерность между увеличением городского населения и повышением производительности в размере 3,4 % [5]. Для некоторых восточноевропейских и азиатских государств агломерационный эффект выше, чем в странах ОЭСР. Например, по результатам исследований в Венгрии, в работах Г. Бекеша с соавторами, урбанизация повышает производительность труда на 16 % [6]. В США подобные результаты получены А. Чикконе и Р. Холлом [7], по их оценкам удвоение численности населения города приведет к росту продуктивности на 6 %. Еще в одной работе А. Чикконе [8] были представлены результаты расчетов для Франции, Германии, Италии, Испании и Великобритании, в соответствии с ними двукратное увеличение населения городов даст рост производительности на 4–5 %. Экономический рост, как показано в работе Ква, сопровождается эффектами конвергенции, когда страны с худшими стартовыми условиями растут быстрее. Однако эти закономерности внутри стран часто сопутствуют нарастанию региональной неоднородности, дивергенции, что обусловлено, в т. ч. пространственным фактором. Об этом, например, сказано в работах А. Де ла Фуенте, А. Чикконе и др. [7–9]. Такая дивергенция может иметь несколько направлений, но в любом случае связана с эффектами агломерации и урбанизации [10].

Наше исследование дополняет исследование процессов урбанизации в России и предлагает количественную оценку влияния концентрации экономической активности в городах на производительность труда, в т. ч. из-за изменения региональных пропорций. Теоретически, рассматривая размер города как эндогенную величину, размер которой устанавливается в результате взаимодействия экономических агентов, выделяют две группы факторов, определяющих экономическую отдачу и экономический рост:

- 1) *положительные эффекты от урбанизации* (центростремительные силы);
- 2) *ограничители урбанизации* (центробежные силы).

Взаимодействие этих факторов по мере увеличения размера города приводит к тому, что кривая, изображающая зависимость эффективности урбанизации от размера города, имеет вид «параболы ветвями вниз». При этом часть перечисленных факторов можно считать фиксированными и одинаковыми для всех городов в рамках, например, экономики одной страны, тогда как другие могут существенно варьироваться как в пространстве, так и во времени (например, «затратность» транспортных коммуникаций). Следовательно, необходима предварительная оценка формы распределения регионов по экономическим показателям городов, выявление параметров агломерации и неравенства.

В традиционных моделях эффектов урбанизации и агломерации присутствуют такие эндогенные факторы, как капитал (основной) и трудовые ресурсы. При этом предполагается, что региональные рынки труда стабильны и мобильны, что сглаживает возможные эффекты агломерации [11]. Это характерно для регионов России даже больше, чем для европейских стран. В условиях низкой мобильности трудовых ресурсов и капитала долгосрочное равновесное состояние национальной экономики недостижимо, но формируется множество равновесий на региональном уровне – через локальную агломерацию и отношения «центр-периферия». Множественные равновесия внутри групп регионов могут вызывать катастрофическое неравенство между группами регионов [12], что приводит к нестабильности экономического роста страны.

В этих условиях основным инструментом мониторинга становится анализ степени урбанизации, ее достаточности или избыточности для долгосрочного экономического роста. В качестве базовой модели традиционно применяется производственная функция вида $Q = AF(K, L)$, расширенная за счет показателей урбанизации: $Q = AF(K, L, U, S)$, где A – производительность труда; K – основные производственные фонды; L – численность занятого населения; U – степень урбанизации и S – показатель агломерационного потенциала городских поселений. Степень урбанизации нами определена как доля городского населения, а для оценки ее возможностей генерировать агломерационные эффекты используется средняя численность

населения города в регионе. Анализ эффектов урбанизации состоит в выполнении ряда статистических расчетов по проверке гипотез и оцениванию моделей урбанизации. Предлагаемый алгоритм моделирования включает следующие шаги.

- Подготовка исходных данных с целью устранения различий в фактической стоимости основного капитала в городах регионов, уровнях экономической активности и численности занятых.

- Проверка гипотез об отсутствии пространственных эффектов для производительности труда и наличии эффектов аккумуляции.

- Оценка пространственной автокорреляции. Значимые автокорреляции будут свидетельствовать о направлении аккумуляции и типе связей между регионами.

- Сравнение чувствительности производительности труда к расстоянию между городами и регионами.

- Описание формы пространственного (географического) распределения факторов производственной функции для выбора их вида в уравнении регрессии.

- Проверка гипотезы наличия урбанизации и оценка направлений, силы и значимости влияния регрессоров. Построение пространственной регрессионной модели влияния урбанизации на производительность труда.

- Анализ наличия пространственной конвергенции или дивергенции регионов по городской производительности труда.

В исследование включено 75 регионов России. Москва и Санкт-Петербург, хотя и являются самостоятельными субъектами Российской Федерации, объединены соответственно с Московской и Ленинградской областями. Исследуемый период охватывает 2005–2013 гг.

Статистические показатели, необходимые для исследования:

Валовой региональный продукт (Q) по видам экономической деятельности по всем исследуемым регионам. Мы исключили из ВРП валовую добавленную стоимость в сельском хозяйстве, рыболовстве и рыбоводстве. По мнению многих исследователей эти виды деятельности нехарактерны для городского населения и искажают показатели урбанизации. Кроме того, устранение инфляционной компоненты потребовало переоцен-

ки оставшейся части ВРП в постоянные цены. Для этого нами применены индексы физического объема по соответствующим видам экономической деятельности. В результате получены годовые значения ВРП для городских поселений (Q') в постоянных ценах 2013 г. (2013 г. выбран для удобства интерпретации).

Остаточная стоимость основных фондов (K). Это наиболее корректный показатель стоимости используемого в производстве капитала. Он также пересчитан в постоянные цены 2013 г. для устранения различий в ценах. При пересчете использовались индексы цен на промышленную и строительную продукцию. Регионы России сильно различаются по экономическому потенциалу, размерам территории и результативности производства. Для исключения корреляций масштабов и чтобы обеспечить сопоставимость данных по городским поселениям в регрессионных моделях мы пересчитали Q' и K на душу городского населения.

Численность занятых в городах регионов России (L).

Производительность труда городского населения (A') определялась как отношение между ВРП городских поселений и численностью занятого населения в городах, $A' = Q' / L$.

Численность населения городов и доля городских жителей в населении региона. Эти показатели необходимы для получения показателей урбанизации (U и S). Число городов и городских поселений в каждом регионе. Показатель применялся для расчета значений фактора U .

Расстояния между столицами регионов, определенные по протяженности железнодорожных путей сообщения [13]. Во многих исследованиях пространственная зависимость оценивается исходя именно из расстояний, так как это более точный критерий, чем число «соседей» или протяженность общей границы [14].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

1. *Анализ агломерационных эффектов.* Форма распределения регионов по произво-

дительности труда A' при отсутствии пространственных эффектов должна стремиться к нормальной. Исходя из этого сформулирована основная гипотеза.

Гипотеза H_0 : эффекты агломерации отсутствуют, а городские индикаторы регионов подчиняются нормальному закону распределения. Для проверки гипотезы воспользуемся графиком сглаженных (по Гауссу [15]) частот плотности распределения регионов России по городской производительности труда. На рис. 1 показаны эффекты агломерации регионов по производительности труда в городах.

По оси X откладываются значения производительности труда в городах отдельных регионов России A' , рассчитанные по отношению к среднероссийской, поэтому выбросы справа от 1,00 отражают частоты регионов с производительностью выше средней, а слева от 1,00 – ниже. По оси Y таким же способом расположены частоты регионов – с превышением средней ожидаемой частоты или ниже ее. Пересечение средних (равных единице с точки зрения нормальности тестируемой формы распределения) обозначено на графике прямыми линиями. Выяснилось, что существует очень высокая концентрация регионов с низкой производительностью труда городского населения. Диапазон производительности труда в пределах от 20 до 50 % включает в себя максимальное число регионов, причем пиковые значения концентрации регионов с течением времени снижаются, а сама производительность труда характеризуется выравниванием. Другими словами, уровни производительности труда в 2005 г. были более локализованы, чем в кризисном 2009 г. и тем более в 2013 г., находясь дальше от среднероссийского. Смещение модальной производительности с 2005 по 2013 г. составило около 15 % – пик переместился с уровня 24 % до значения 38 %. Указанные годы выбраны неслучайно. При визуальном анализе уровней производительности городского труда было обнаружено, что 2009 г. является пиковым – со снижением темпов A' , причем период замедления (а в некоторых регионах даже снижения) охватывает 2008–2010 гг.

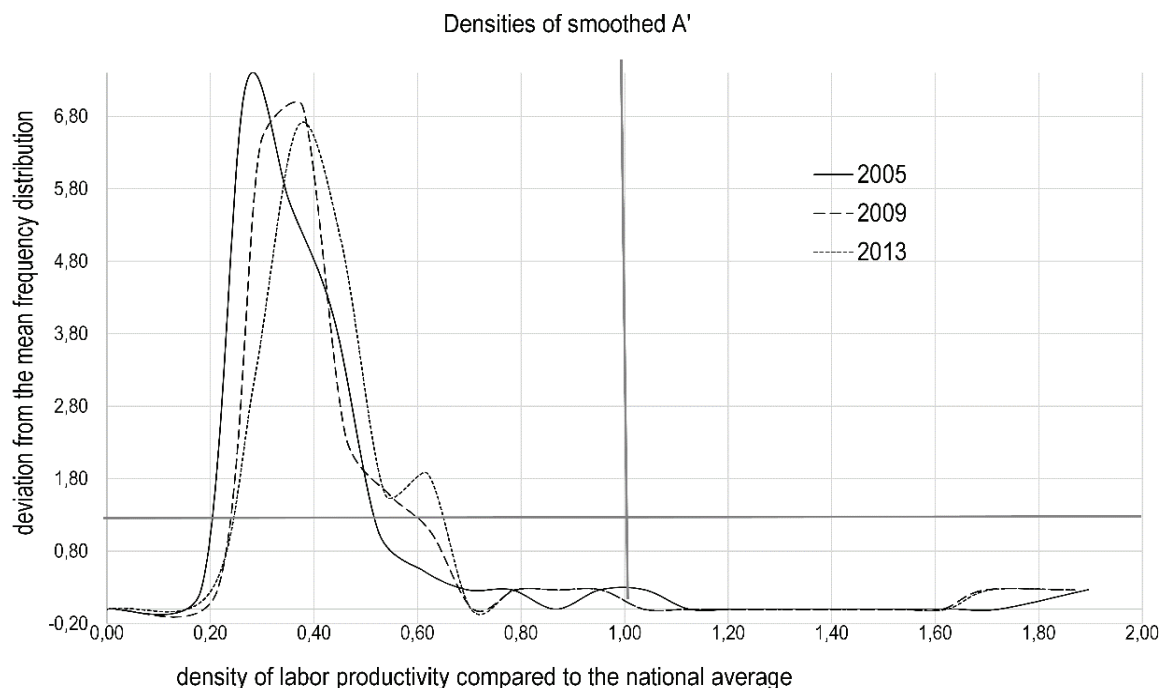

Рис. 1. Эффекты пространственной агломерации по производительности труда (A') в городах регионов России: до кризиса (2005 г.), кризис (2009 г.) и после кризиса (2013 г.)

За прошедшие годы неоднородность российского пространства сильно изменилась, при этом тенденции в кризисный период не противоречат глобальному тренду, что может быть вызвано использованием в нашей работе постоянных цен, которые устранили влияние шоковых колебаний цен и слабо реагируют на всплеск безработицы. Прирост городской безработицы относительно масштабов городской занятости не превышал +3–4 % в среднем по России. Общая закономерность – снижение территориальных различий: при наличии незначительного, но стабильного числа регионов с производительностью городского труда в 1,5–2 раза выше среднероссийской основная масса повышает производительность труда, а также появилась группа регионов с продуктивностью на уровне 60–65 % от среднероссийской. Тем не менее, пространственная неоднородность остается крайне высокой, что требует проведения анализа пространственной автокорреляции. Надо выяснить, какой процесс имеет место: агломерация – концентрация высоких уровней производительности труда в соседних, кооперирующихся, регионах, или дифференциация – конкуренция ре-

гионов, вызывающая непохожесть соседствующих территорий.

2. *Анализ пространственных автокорреляций.* Оценка наличия и степени пространственной автокорреляции предполагает проверку гипотезы:

Гипотеза H_0 : Пространственные эффекты для производительности труда городского населения в регионах России отсутствуют.

Принятие основной гипотезы означает, что производительность труда между 75 анализируемым регионам не будет значимо отличаться вне зависимости от географических различий (расстояний) между ними. Альтернативная гипотеза состоит в том, что пространственный эффект существует.

Нами использованы наиболее популярные показатели – Морана и Джери [16], для которых протестированы различные варианты матрицы пространственных эффектов: матрица географического соседства, матрица обратных расстояний, матрица обратных квадратов расстояний (гравитационная), матрица экспоненциальных расстояний и гравитационная матрица с учетом экономического потенциала. Подробнее техники получения матрицы расстояний представлены, например, в работах М. Фишера [14].

В результате выбрано два варианта: матрица обратных расстояний (по длине путей сообщения [17] – Three-step method) и гравитационная матрица с учетом экономического потенциала (Economic potential weights). Во втором случае сравнивалось два варианта отдельно – сначала валовой региональный продукт в городах региона – Q' и затем численность занятых в городах – L , деленные на квадрат длины путей сообщения между городами. После этого каждый из индексов рассчитан для разных пороговых значений – отсекающих расстояние, превышение которого обнуляет географические веса. Мы основывались на наиболее распространенных в региональных исследованиях критериях – квартилях расстояний [18].

Основная гипотеза отклонена, т. к. получены значимые пространственные автокорреляции на основе глобального индекса Морана и коэффициента Джери за 2005, 2009 и 2013 гг. (табл. 1). Мы последовательно применили все квартили с первого по четвертый.

Судя по отрицательным значениям взвешенного индекса Морана, присутствует отрицательная пространственная автокорреляция, что говорит о конкурирующих отношениях между большинством регионов России. Это означает, что равновесное состояние в смежных регионах достигается не на основе совместного (кооперативного) развития, а происходит перемещение всех производственных ресурсов из менее благополучных в более благополучные города. Снижение индекса Морана по весам на основе занятого населения городов к 2013 г. говорит об исчерпании, стабилизации возможностей быстрого привлечения ресурсов извне для повышения производительности труда. Если рассматривать веса на основе ВРП, то региональные связи теснее, а скорость перетока ресурсов снижается еще быстрее. При анализе различий из-за разных пороговых значений (квартили 1, 2 и 4) можно сделать вывод о высокой мобильности между близко расположенными городами, но слабом снижении агломерационного эффекта. Притяжение нескольких агломераций, включающих в себя крупнейшие города, превышает издержки больших расстояний. Коэффициент Джери также однозначно подтверждает отрицательную автокорреляцию между регионами, но его чувствительность к снижению регио-

нальных связей выше. Джери снижается с течением времени, но повторяет утверждение о слабом влиянии изменения расстояния для различий в производительности городского труда.

При выборе матрицы расстояний мы руководствовались также графиками распределения, показывающими не только наличие или значимость пространственной автокорреляции, но и группировку регионов с взаимным влиянием. Улучшенная версия графика Морана – это диаграмма рассеяния, которая делится на четыре квадранта: High-High (HH), High-Low (HL), Low-High (LH), Low-Low (LL) (рис. 2). Графики Морана по квартилям незначительно отличаются друг от друга, поэтому посмотрим, произошли ли заметные сдвиги за исследуемый период на уровне квартиля 4. Этот выбор обоснован тем, что нам важно видеть все возможные комбинации расстояний, а также то, какие регионы связаны сильнее – близкие или нет, успешные или неэффективные. Сравнение направлений и вида пространственных связей между регионами России проведем на основе квадрантов матрицы Морана.

Концентрация регионов максимальна в квадранте LL – левом нижнем, также некоторое скопление точек наблюдается в левом верхнем квадранте. В остальных квадрантах закономерности не прослеживаются. Тенденции – начиная с 2005 и по 2013 г. плотность регионов в левом-нижнем квадранте снижается, но число их растет, регионы в остальных квадрантах не сгруппированы, их можно считать отдельными выбросами. Этот тренд долгосрочный, но выражен не сильно. Поэтому пространственная регрессионная модель на панельных данных, если она окажется значимой, должна иметь достаточную прогностическую мощь. Экономический вывод из графиков Морана состоит в том, что регионы с низкой производительностью городского труда окружены такими же регионами с низкими значениями показателя, некоторое число регионов-лидеров окружено незначительным числом соседей с низкой производительностью труда. Кластерные объединения в традиционном понимании, где есть группа – ядро лидирующих регионов, содействующая росту продуктивности в прилегающей к ней периферии, практически отсутствуют. Следовательно, возможен вари-

ант избыточной урбанизации, когда слишком высокая концентрация ресурсов, с одной стороны, и «экономическая пустошь», с дру-

гой стороны, в долгосрочной перспективе приводят к неустойчивому росту.

Таблица 1

Сравнение показателей пространственной автокорреляции
при разных матрицах весов и пороговых значениях
для производительности труда в регионах России за 2005–2013 гг.

Год	Показатель, вид матрицы	Квартиль		
		Q1	Q2	Q4
2005	Индекс Морана, Three-step method	0,0422	0,0402	0,0367
	Индекс Морана, Economic potential weights, L	-0,2447	-0,2238	-0,2202
	Индекс Морана, Economic potential weights, Q'	-0,5348	-0,4143	-0,4113
	Коэффициент Джири, L	1,3107	1,3244	1,3379
2009	Индекс Морана, Three-step method	0,0528	0,0498	0,0466
	Индекс Морана, Economic potential weights, L	-0,2102	-0,1932	-0,1900
	Индекс Морана, Economic potential weights, Q'	-0,4332	-0,3454	-0,3423
	Коэффициент Джири, L	1,0539	1,0646	1,0759
2013	Индекс Морана, Three-step method	0,0528	0,0498	0,0466
	Индекс Морана, Economic potential weights, L	-0,2102	-0,1932	-0,1900
	Индекс Морана, Economic potential weights, Q'	-0,3520	-0,3285	-0,3254
	Коэффициент Джири, L	1,0539	1,0646	1,0759

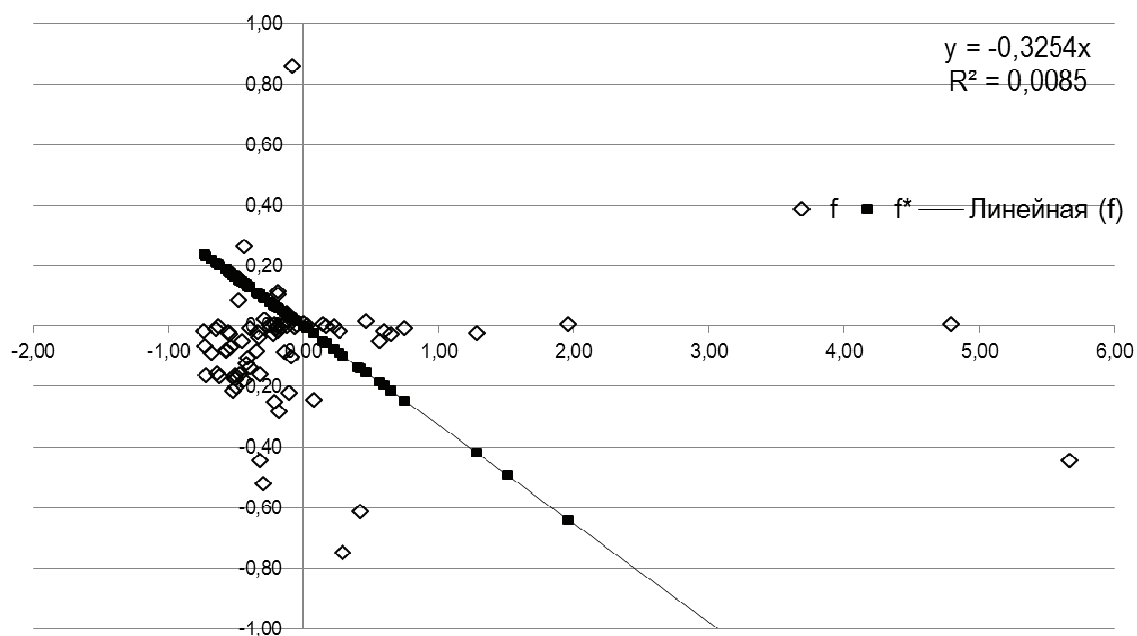

Рис. 2. График Морана для городской производительности труда в регионах России за 2013 г., квартал Q4

3. *Модель пространственной регрессии.* Для того чтобы определить форму корреляционной связи и параметров урбанизации, мы построили графики парной корреляции между производительностью труда в городах с одной стороны, и средним размером городов долей городского населения с другой.

Корреляция между производительностью и агломерационным эффектом близка к линейной, а с уровнем урбанизации – нелинейная. Это говорит в пользу спецификации модели с присутствием линейной и квадратической зависимости, что в целом подтверждает ситуацию в исследовании Е.А. Коломак [1]. Таким образом, оценивается следующая функциональная форма модели:

$$A' = a + bK + c_1U + c_2U^2 + dS + M + \varepsilon,$$

где A' – производительность труда занятого городского населения; M – переменная фиксированного регионального эффекта, взятая нами из пространственной матрицы Морана по численности занятых.

При тестировании модели регрессии мы подбирали следующие комбинации: без матрицы пространственных весов, гравитационная матрица, взвешенная по экономическому потенциалу территорий на уровне 1 кварта-

ля, затем на уровне 4 квартиля. Выяснилось, что факторы S и M имеют совместное воздействие на производительность труда в городах, а наиболее точно это влияние выявляется при комбинировании факторов, когда агломерационный эффект с учетом расстояний между городами выглядит как $\sum \frac{S}{M_{Q_i}}$.

Тестируемыми гипотезами являются:

Гипотеза 1. Урбанизация стимулирует рост производительности труда в России. Эта гипотеза предполагает, что коэффициент c_1 – положительный и статистически значимый.

Гипотеза 2. Положительное влияние урбанизации на производительность труда в России снижается и на определенном уровне превращается в фактор, сдерживающий развитие. Из этой гипотезы следует, что коэффициент c_2 – отрицательный и статистически значимый.

Гипотеза 3. Крупные города отличаются более высокой производительностью и создают положительные экстерналии для развития территории в целом. Подтверждение этой гипотезы требует, чтобы коэффициент d был положительным и статистически значимым.

Влияние урбанизации на городскую производительность труда в регионах России за 2005–2013 гг. приведено в табл. 2 и 3.

Таблица 2

Значимость регрессионной модели влияния урбанизации на экономический рост в городских поселениях регионов России

Период	Multiple R	Multiple R ²	F(4,220)	p-level	St. err.
2005–2013 гг.	0,948	0,898	483,6	0,000	139,8

Таблица 3

Параметры регрессионной модели для производительности городского труда в регионах России за 2005–2013 гг.

Фактор	BETA	St. err.	B	t(220)	p-level
Intercept			–456,9	–2,6	0,016
2005–13_K	0,969	0,023	1,3	42,5	0,000
2005–13_U	0,389	0,145	14,1	2,7	0,016
2005–13_U ²	–0,394	0,146	–1073,3	–2,7	0,018
2005–13_S/M _{Q1}	0,138	0,022	3,0	6,2	0,000

Наилучшие результаты получены для модели с пороговым значением чувствительности к расстоянию между городами, взятом на уровне первого квартиля Q_1 . Это означает, что агломерационный эффект между регионами ограничен расстояниями между городами, не превышающим четверти от максимального, а далее влияние экономического потенциала на производительность труда становится незначимым. Модель имеет очень высокие значения детерминации, а ее оценки являются состоятельными и несмещенными. Это утверждение основано на результатах анализа остатков по критерию Дарбина–Уотсона.

Результаты моделирования свидетельствуют, что в связи с ростом экономики и несмотря на мировой финансовый кризис в 2008–2010 гг. свободный параметр (Intercept) имеет большое значение, что говорит о существенном «плече» влияния, даже небольшое отклонение по расстоянию вызывает заметное изменение производительности труда. Intercept характеризует масштаб экономики, т. е. соразмерность влияющих факторов и результативного показателя «производительность городского труда». Зависимость от изменения реальной фондовооруженности K (т. к. используется остаточная стоимость основных фондов в расчете на душу населения) также высока.

Коэффициент регрессии c_1 для степени урбанизации прямой и в стандартизованном виде (БЕТА) довольно сильно детерминирует производительность труда, сильнее чем экономический потенциал регионов. Гипотеза 1 принимается, урбанизация стимулирует рост производительности труда в России. Положительное влияние урбанизации на производительность труда в некоторых регионах России снижается, и на определенном уровне превращается в фактор, сдерживающий развитие. Гипотеза 2 принимается.

Взвешенный по гравитационной матрице экономических потенциалов фактор размера городских поселений свидетельствует о том, что расстояния между столицами регионов свыше Q_1 не являются значимым фактором для роста производительности труда.

При расстояниях между столицами, меньших чем расстояние первого квартиля, пространственная зависимость производительности труда от фактора концентрации экономических ресурсов становится сильнее,

чем эффект агломерации (средней численности населения городов в регионе). Это означает, что экономический потенциал более крупных городов с меньшими расстояниями имеет синергетическое влияние на рост продуктивности. Тем не менее, влияние удаленности экономического потенциала на продуктивность в городах снижается в кризисный период, а в посткризисный восстанавливается не до конца. Это говорит о том, что в кризисные годы повышение эффективности производства вызвано более активным поиском лучших условий, путь даже на большем удалении от места экономической деятельности, т. е. повышается мобильность экономических активов, и в первую очередь это касается трудовых ресурсов.

Сопоставляя коэффициенты пространственной регрессии с результатами отечественных и зарубежных исследований, мы делаем вывод о наличии эффекта урбанизации, который заметно выше, чем в большинстве стран Евросоюза, но ниже, чем в Восточной Европе и Азии. Эффект урбанизации в исследуемом периоде составляет 13,8 %. Далее остается получить ответ на вопрос: как выглядит внутреннее экономическое пространство России, происходит ли сближение регионов и городов по производительности труда или, наоборот, происходит углубление различий между ними в поисках траекторий долгосрочного роста после кризиса.

4. *Анализ условной бета-конвергенции.* Условная бета-конвергенция – это модель зависимости темпа роста производительности городского труда от базовых экономических параметров. Построение и проверка модели условной пространственной бета-конвергенции для производительности городского труда предполагает включение в нее факторов из применявшейся нами производственной функции. Единственным отличием является то, что конвергенция может зависеть только от тех показателей, которые имеют динамику [19]. Это исключает из перечня факторов матрицу пространственных весов, т. к. расстояния являются константой. Модель условной бета-конвергенции для подтверждения гипотезы о наличии сходимости должна иметь знак «–» для базисной производительности труда и значимые коэффициенты для остальных факторов. Перечисленные ограничения выполняются, сама

Таблица 4

Параметры модели пространственной бета-конвергенции регионов России
по показателям производительности городского труда

	BETA	St. err.	B	St. err.	$t(70)$	p-level
Intercept			-0,999	0,8041	-1,242	0,2182
$\ln(A'_0)$	-0,7743	0,2011	-0,238	0,0617	-3,851	0,0003
$\ln(K_0)$	0,6245	0,2020	0,165	0,0534	3,092	0,0029
$\ln(U_0)$	0,8009	0,3188	0,507	0,2017	2,512	0,0143
U_0^2	-0,7704	0,3243	-0,606	0,2550	-2,376	0,0202

модель значима по критерию Фишера, а коэффициенты – по Стьюденту (табл. 4).

Критерий Дарбина–Уотсона равен 2,14, означает хорошее качество модели, случайное распределение остатков подтверждается также низкой корреляцией остатков 0,078. Наиболее сильное влияние на сближение регионов оказывает уровень урбанизации. Чем выше уровень урбанизации, тем ниже скорость конвергенции. Отрицательное влияние имеет также базовый уровень фондовооруженности регионов. Модель пространственной сходимости приводит нас к выводу, что сближение регионов по производительности городского труда имеет место скорее между регионами с близкими, но низкими ее уровнями. Чем ниже урбанизация соседних или близких регионов, тем ниже их стартовые уровни продуктивности, но более схожи и высоки темпы ее роста в городах данных субъектов Российской Федерации. Это один из ключевых эффектов урбанизации, который подтверждается значениями индекса Морана и концентрацией регионов в квадрате LL.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Урбанизация остается стимулом к росту производительности городского труда только при кооперации между слаборазвитыми регионами России. Города в регионах, соседствующих с крупными агломерациями, подвержены истощению трудовых ресурсов в результате их оттока. Закономерности территориального размещения оказывают значимое воздействие на рост производительности труда, формируя перекосы регионального развития в пользу избыточной урбанизации малой части регионов и недостаточности – в их основной массе. Помимо расстояний путей сообщения между регионами заметную

роль для экономического развития играют экономический потенциал агломераций, особенно наличие основного капитала, роль которого растет с 2005 по 2013 г. Гравитационный эффект негативно влияет на производительность труда, вызывая избыточную локализацию трудовых ресурсов и снижая потенциальные кооперативные эффекты для экономического роста. Сама урбанизация носит двунаправленный характер: она ускоряет повышение производительности городского труда в отстающих регионах и вызывает их сближение, но лучшие стартовые условия в отдельных городах служат препятствием для взаимовыгодной кооперации. В перспективе переход на ГИС-модели является очень эффективным приемом углубления анализа роли урбанизации для долгосрочного экономического роста, однако сейчас он затруднен отсутствием необходимого количества индикаторов. Визуализация на карте даст возможность включить в анализ не только расстояние между регионами, но и плотность путей сообщения, разветвленность инфраструктуры, удобство перемещения ресурсов, природно-климатический фактор. Несомненно, дополнение эконометрического анализа такими моделями имеет важное значение и для мониторинга сбалансированности развития территорий, и для совершенствования координации долгосрочного экономического роста силами государства.

1. Коломак Е.А. Оценка влияния урбанизации на экономический рост в России // Регион: экономика и социология. 2011. № 4. С. 51-69.
2. Jacobs J. The Economy of Cities. N. Y., 1969.
3. Rosenthal S., Strange W. Evidence on the nature and sources of agglomeration economies // Handbook of Regional and Urban Economics. 2004. № 4.

4. *Melo P., Graham D., Noland R.* A meta-analysis of estimates of urban agglomeration economies // *Regional Science and Urban Economics*. 2009. № 39 (3). С. 332-342.
5. *Nakamura R.* Agglomeration economies in urban manufacturing industries: a case of Japanese cities // *Journal of Urban Economics*. 1985. № 17 (1). С. 108-124.
6. *Békés G., Haraszti P.* Agglomeration premium and trading activity of firms // *Regional Science and Urban Economics*. 2013. № 43 (1). С. 51-64.
7. *Ciccone A., Hall R.* Productivity and the Density of Economic Activity // *American Economic Review*. 1996. № 86. С. 54-70.
8. *Ciccone A.* Agglomeration effects in Europe // *European Economic Review*. 2002. № 46. С. 213-227.
9. *De la Fuente A.* Convergence Across Countries and Regions: Theory and Empirics // *CEPR Discussion Paper*. 2000. № 2465.
10. *Ciccone A., Jarociński M.* Determinants of economic growth: will data tell? // *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2010. № 2 (4). С. 222-246.
11. *Baldwin R., Martin P.* Agglomeration and regional growth. Раздел в монографии *Handbook of Regional and Urban Economics: Cities and Geography* / под ред. V. Henderson, J.-F. Thisse. Elsevier, 2004. № 4 (4).
12. *Ioannides Y., Gabaix X.* The Evolution of City Size Distributions // *Department of Economics. Tufts University. Discussion Papers Series*. 2003. № 0310.
13. Магистральные пояса Почты России, нормативные сроки доставки почты, расстояния между регионами. URL: http://www.postcalc.ru/parcel_zones.html (дата обращения 1.03.2015).
14. *Fisher M.M., Wang J.* Spatial Data Analysis. Models, methods and Techniques. Springer Briefs in Regional Science. 2011. URL: <http://www.springer.com/gp/book/9783642217197> (дата обращения 1.03.2015).
15. *Monfort P.* Convergence of EU regions: Measures and evolution // *European Commission, Regional Policy. Working Paper*. 2008. № 1.
16. *Файзлиев А.Р.* Статистическое исследование территориальных взаимодействий при моделировании экономического роста // *Вестник Самарского экономического университета*. 2009. № 4. С. 84-90.
17. *Вакуленко Е.С.* Ведет ли миграция населения к межрегиональной конвергенции в России? // *Вестник НГУЭУ*. 2013. № 4. С. 239-264.
18. *Дробышевский С., Луговой О., Астафьева Е. [и др.]*. Факторы экономического роста в регионах РФ. М., 2005.
19. *Carvalho V.M., Harvey A.C.* Growth, Cycles and Convergence in U.S. Regional Time Series // *Cambridge Working Papers in Economics*. 2002. № 0221.
1. *Kolomak E.A.* Otsenka vliyaniya urbanizatsii na ekonomicheskiy rost v Rossii // *Region: ekonomika i sotsiologiya*. 2011. № 4. С. 51-69.
2. *Jacobs J.* The Economy of Cities. N. Y., 1969.
3. *Rosenthal S., Strange W.* Evidence on the nature and sources of agglomeration economies // *Handbook of Regional and Urban Economics*. 2004. № 4.
4. *Melo P., Graham D., Noland R.* A meta-analysis of estimates of urban agglomeration economies // *Regional Science and Urban Economics*. 2009. № 39 (3). С. 332-342.
5. *Nakamura R.* Agglomeration economies in urban manufacturing industries: a case of Japanese cities // *Journal of Urban Economics*. 1985. № 17 (1). С. 108-124.
6. *Békés G., Haraszti P.* Agglomeration premium and trading activity of firms // *Regional Science and Urban Economics*. 2013. № 43 (1). С. 51-64.
7. *Ciccone A., Hall R.* Productivity and the Density of Economic Activity // *American Economic Review*. 1996. № 86. С. 54-70.
8. *Ciccone A.* Agglomeration effects in Europe // *European Economic Review*. 2002. № 46. С. 213-227.
9. *De la Fuente A.* Convergence Across Countries and Regions: Theory and Empirics // *CEPR Discussion Paper*. 2000. № 2465.
10. *Ciccone A., Jarociński M.* Determinants of economic growth: will data tell? // *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2010. № 2 (4). С. 222-246.
11. *Baldwin R., Martin P.* Agglomeration and regional growth. Razdel v monografii *Handbook of Regional and Urban Economics: Cities and Geography* / pod red. V. Henderson, J.-F. Thisse. Elsevier, 2004. № 4 (4).
12. *Ioannides Y., Gabaix X.* The Evolution of City Size Distributions // *Department of Economics. Tufts University. Discussion Papers Series*. 2003. № 0310.
13. Magistral'nye poyasa Pochty Rossii, normativnye stroki dostavki pochty, rasstoyaniya mezhdru regionami. URL: http://www.postcalc.ru/parcel_zones.html (data obrashcheniya 1.03.2015).
14. *Fisher M.M., Wang J.* Spatial Data Analysis. Models, methods and Techniques. Springer Briefs in Regional Science. 2011. URL: <http://www.springer.com/gp/book/9783642217197> (data obrashcheniya 1.03.2015).
15. *Monfort P.* Convergence of EU regions: Measures and evolution // *European Commission, Regional Policy. Working Paper*. 2008. № 1.

16. *Fayzliev A.R.* Statisticheskoe issledovanie territorial'nykh vzaimodeystviy pri modelirovanii ekonomicheskogo rosta // Vestnik Samarskogo ekonomicheskogo universiteta. 2009. № 4. S. 84-90.
17. *Vakulenko E.S.* Vedet li migratsiya naseleniya k mezhregional'noy konvergentsii v Rossii? // Vestnik NGUEU. 2013. № 4. S. 239-264.
18. *Drobyshevskiy S., Lugovoy O., Astaf'eva E. [i dr.].* Faktory ekonomicheskogo rosta v regionakh RF. M., 2005.
19. *Carvalho V.M., Harvey A.C.* Growth, Cycles and Convergence in U.S. Regional Time Series // Cambridge Working Papers in Economics. 2002. № 0221.

Поступила в редакцию 24.03.2015 г.

UDC 332.1

FACTOR OF URBANIZATION IN SPATIAL MODELS OF THEIR ECONOMIC GROWTH: ESTIMATE AND PECULIARITIES IN RUSSIAN FEDERATION

Viktor Aleksandrovich RUSANOVSKIY, Saratov Socio-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics, Saratov, Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Head of General Economic Theory Department, e-mail: markov.saratov@mail.ru

Vladimir Aleksandrovich MARKOV, Saratov Socio-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics, Saratov, Russian Federation, Candidate of Economics, Associate Professor, Senior Scientific Worker, e-mail: markov.saratov@mail.ru

Relevance of the research is due to the need to evaluate the effects of urbanization in the Russian regions, beneficial for both consumers and producers. The evolution of spatial models of economic growth is analyzed. Based on panel data, the influence of the geographic factor, including urbanization and economic potential for the growth of the differences in labour productivity in the cities of Russian regions is reviewed. It is found that urbanization affects the growth of labour productivity in the cities with the power of 13 %, is higher than the Western European and close to Eastern European and Asian trends. On the spatial model of conditional beta-convergence it is shown, that the less-developed and urbanized regions of Russia closer together among themselves on productivity under the influence of urbanization and Moran's index explains convergence only between them, while the most developed regions diverge from the rest. The Russian regions are growing disparities in the level of urbanization due to excessive agglomeration of several cores, who take inputs from the entire periphery.

Key words: spatial models; long-term economic growth; urbanization; globalization; labour market; regional convergence.

УДК 338.24+338.43+338.48

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНАХ РЕГИОНА (на примере Самарской области)

© **Екатерина Александровна ВЕТРОВА**

Российский государственный университет туризма и сервиса,
г. Москва, Российская Федерация, кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Экономика и управление», e-mail: EAVetrova@yandex.ru

© **Сергей Александрович ПЫРКОВ**

Российский государственный университет туризма и сервиса,
г. Москва, Российская Федерация, кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Экономика и управление», e-mail: sap85@mail.ru

© **Сергей Леонидович РАЗУМОВСКИЙ**

Российский государственный университет туризма и сервиса,
г. Москва, Российская Федерация, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры «Экономика и управление»,
e-mail: serg-razumovskij@yandex.ru

Подъем и процветание аграрного сектора экономики России, прежде всего, должно быть связано с решением приоритетных задач, главной целью которых является забота о здоровье, питании, образовании селян и обеспечении их комфортной средой проживания. Создание благоприятных условий для жизни населения сельских районов все больше зависит не от организации сферы материального производства, а от уровня развития в них социальной инфраструктуры. На примере муниципальных районов Самарской области рассмотрено современное состояние и тенденции развития социальной инфраструктуры. Рассмотрены основные проблемы, связанные с обеспечением развития сельской социальной инфраструктуры в регионе, решение которых являются необходимым условием повышения уровня и качества жизни сельского населения. Проанализированы основные факторы и особенности развития социальной инфраструктуры сельских районов. Перспективное развитие социальной инфраструктуры муниципальных районов Самарской области неразрывно связано с понятием «устойчивое развитие сельских территорий». Показаны основные пути эффективного развития социальной инфраструктуры муниципальных районов в регионе. Среди перспективных направлений развития сельской социальной инфраструктуры особый акцент делается на сельский туризм и комплексную компактную застройку, осуществляющуюся через механизмы государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: регион; местное самоуправление; муниципальный район; социальная инфраструктура; сельская социальная инфраструктура; сельский туризм.

Развитие социальной инфраструктуры во многом определяет повышение жизненного уровня населения, формирование нового человека, улучшение окружающей среды, а также способствует повышению уровня образования, культуры, физического здоровья и психологической устойчивости работника, особенно необходимых в условиях стремительных перемен, глобализации и универсализации политической, культурной, хозяйственной жизни, доминирования новых информационных технологий [1].

Актуальность развития объектов социальной инфраструктуры для муниципальных районов растет, т. к. она становится важнейшим фактором закрепления квалифицированных кадров и замедления процессов оттока населения из сельской местности. В то же

время серьезной проблемой на современном этапе остается неэффективное управление объектами сельской социальной инфраструктуры.

Большинство вопросов местного значения тесно связаны с социальной инфраструктурой муниципального района, повышением уровня жизнедеятельности населения, что подтверждает высокую значимость социальной инфраструктуры для социально-территориальной общности людей.

Социальная инфраструктура муниципального района – совокупность объектов и видов деятельности на его территории, которые обеспечивают благоприятные условия для жизнедеятельности местного населения.

Институты социальной инфраструктуры создают предпосылки для расширенного

воспроизводства рабочей силы, привлечения, а также закрепления квалифицированных специалистов.

На селе в состав социальной инфраструктуры входят учреждения здравоохранения, образования, спорта, культуры и досуга, объекты жилищно-коммунальной сферы, розничной торговли и общественного питания.

Часто обсуждение вопросов развития сельской местности ограничивается сельским хозяйством, что неверно, т. к. здесь размещаются предприятия различных отраслей, коммуникации, федеральные и местные дороги, газо- и нефтепроводы, линии электропередач, социальная и производственная инфраструктуры. Развитие сельской местности позволяет наращивать объемы промышленной и сельскохозяйственной продукции, насыщать рынок товарами и услугами, интегрировать городскую и сельскую экономики, делать их наиболее эффективными.

Серьезную угрозу представляют демографические тенденции старения сельского населения. Во всех муниципальных районах Самарской области наблюдается регрессивный тип воспроизводства населения. Коэффициенты потенциального замещения в некоторых районах почти в два раза меньше пенсионной нагрузки. Это ведет к сокращению численности населения, сигнализирует о необходимости усиленного развития социальной инфраструктуры здравоохранения, потому что стареющее население сильнее нуждается в квалифицированной и быстрой медицинской помощи. Самая неблагоприятная обстановка в Богатовском и Шигонском районах – коэффициенты нагрузки 90,4 и 91,5 % соответственно, при этом пенсионная нагрузка составляет 57,7 и 61,3 %. Трудовой потенциал этих районов находится в тяжелом состоянии. Самые низкие показатели демографической нагрузки в Волжском районе – 57,6 %, здесь больше населения трудоспособного возраста, чем в других районах, но и эта цифра не является оптимальной для устойчивого воспроизводства.

Почти в каждом муниципальном районе области функционирует только одно многопрофильное больничное учреждение (чаще всего это центральная районная больница). Достаточно развитая сеть фельдшерско-акушерских пунктов в сельских районах, развитие которых входило в Федеральную целе-

вую программу «Социальное развитие села до 2013 г.». Число ФАПов на 1000 человек населения увеличилось лишь в четырех муниципальных районах области (из 27) за счет сокращения среднегодовой численности населения (Большечерниговском, Богатовском, Елховском и Челно-Вершинском муниципальных районах). Однако в муниципальном районе Кошкинский их число сократилось почти в два раза – до 27, по причине их закрытия в малонаселенных пунктах [2].

За последние пять лет почти на треть увеличилась мощность амбулаторно-поликлинических учреждений за счет введения новых площадей и открытия кабинетов в Алексеевском, Елховском, Кинель-Черкасском, Клявлинском районах. Вместе с тем мощность АПУ сократилась в Большечерниговском, Ставропольском, Хворостянском, Шенталинском, Шигонском по причине сокращения числа ФАПов.

Несмотря на то, что в 2014 г. показатель обеспеченности врачами в Самарской области повысился до 40,4, ни в одном муниципальном районе этот показатель не выполняется, что говорит о дефиците врачей на селе.

По Федеральной целевой программе «Земский доктор» проводилась работа по привлечению кадров в сельские учреждения здравоохранения (с 2011 по 2013 г. было привлечено 209 врачей) [2]. Таких результатов недостаточно, чтобы решить проблему дефицита врачей на селе, поэтому данную работу необходимо продолжать. Врачи, прибывшие на работу после окончания вуза в сельский населенный пункт Самарской области или переехавшие для трудоустройства, получили единовременную компенсационную выплату в размере 1 млн руб. Половина этой суммы софинансируется из федерального бюджета. По условиям заключенного договора лица, получившие выплату, обязаны отработать в учреждении в течение 5 лет.

Привлечь кадры на село также поможет целевой набор. Заключать «целевые соглашения» возможно не только с абитуриентами, но и с выпускниками и контрактниками, которые хотят перейти на бюджет. Кроме того, поможет реализация программ по приобретению жилья и проекты по развитию сельской инфраструктуры.

В 2014 г. единовременную компенсационную выплату в размере 1 млн руб. получи-

ли 16 молодых врачей, прибывших на работу в села Самарской области.

На 4-х врачей пополнились штаты Большечерниговской и Красноярской центральных районных больниц, по два врача устроились на работу в Волжскую и Ставропольскую ЦРБ, по одному молодому доктору прибыло в больницы Жигулевского, Красноармейского, Сергиевского и Сызранского районов.

Это – результат комплекса мер, направленных на обеспечение системы здравоохранения Самарской области высококвалифицированными медицинскими кадрами, а также мероприятия по повышению заработной платы медицинских работников, разработанные Правительством РФ и Самарской области.

В 2013 г. в Самарской области было принято решение о переходе муниципального здравоохранения на областной уровень. В 2014 г. ожидался перевод здравоохранения региона (как и повсюду в стране) на одноканальное финансирование. Одноканальное финансирование означает, что все средства на здравоохранение идут через фонд обязательного медицинского страхования (ФОМС). За бюджетом оставлена только покупка дорогостоящего оборудования и капремонт. Очевидно, это приведет к серьезному сокращению финансирования здравоохранения в целом.

Как ожидаемая реформа скажется в Самарской области, пациенты и врачи увидят только в 2015 г. С 2015 г. в больницах и поликлиниках пациентов будут информировать о потраченных на их лечение средствах фонда ОМС. В Самарской области пока не начался массовый перевод финансирования клиник только на средства ТФОМС. В качестве эксперимента такая практика введена с октября 2014 г. в стационарах медучреждений: Кошкинской, Красноармейской, Сергиевской и Красноярской центральных районных больницах.

В сфере образования за последние 5 лет число дневных общеобразовательных учреждений на 1000 человек сельского населения значительно сократилось в большинстве сельских районов Самарской области (в Борском (на 62,5 %), Клявлинском (на 44,3 %), Пестравском (на 41,8 %), а также Елховском (на 33,2 %), Сергиевском (32,2 %) и Хворостянском (на 38,1 %) и др.). В основном это связано с объединением школ в районах, за-

крытием школ, которые посещает небольшое количество учащихся. Этот процесс на сегодняшний день носит название «оптимизации» управления. Одним из условий обучения школьников в современных условиях является организация школьного подвоза из малочисленных населенных пунктов.

В возрасте обучающихся находятся дети, рождение которых пришлось на т. н. «демографическую яму», в некоторых селах школы посещает очень мало детей, что приводит к закрытию школ, а также учреждений среднего специального образования.

В сфере дошкольного образования на сегодняшний день задача обеспечения детей услугами в полном объеме решена. Несмотря на то, что в целом общая численность воспитанников в дошкольных образовательных учреждениях растет, очередность в детские сады еще остается. Доля детей в очереди для определения в дошкольные учреждения в общем числе детей дошкольного возраста значительно выросла в Богатовском, Борском, Исаклинском, Клявлинском и Ставропольском районе – в три и более раза, т. к. число мест дошкольных образовательных учреждений в этих районах снизилось, а рождаемость возросла.

В муниципальных районах Самарской области развитие социальной инфраструктуры неоднородно и испытывает влияние различных факторов. К ним относятся: природно-климатические условия для производства сельскохозяйственных культур; Самарско-Тольяттинская агломерация, которая концентрирует в себе большое количество населения; неравномерность в доходах населения; расходы местного бюджета, который далеко не всегда может справиться с этой задачей и др.

По результатам рейтинговой оценки объектов социальной инфраструктуры была проведена группировка муниципальных районов Самарской области (табл. 1).

Практически все самые плотнонаселенные муниципальные районы оказались принадлежащими последней группе, т. к. в расчете на население этих районов объектов социальной инфраструктуры оказывается недостаточно. А в некоторых слабо населенных периферийных районах обеспеченность социальной инфраструктурой выше, однако она нуждается в своевременном обновлении, требует создания лучших условий для при-

влечения специалистов, приостановления оттока молодежи в крупные города.

Наиболее обеспеченные социальной инфраструктурой в регионе являются Богатовский, Исаклинский, Большечерниговский муниципальные районы. Муниципальный район Елховский с самой высокой долей населения (около 30 % в общей численности населения), проживающего в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и железнодорожного сообщения с административным центром района. В целом жители большинства населенных пунктов имеют доступ к регулярному транспортному или железнодорожному сообщению с районным центром.

В муниципальных районах области наблюдаются позитивные тенденции в развитии социальной инфраструктуры: увеличение темпов строительства жилья, расширение сети спортивных сооружений, розничной торговли, бытового обслуживания, дальнейшая газификация населенных пунктов.

Однако проведенное исследование основных показателей развития социальной инфраструктуры дает основание предполагать, что многие тенденции (в особенности, в здравоохранении, образовании, культурно-досуговой сфере) не носят устойчивого ха-

рактера, и позитивные сдвиги в одних отраслях могут сопровождаться негативными изменениями в других. Например, объединение малопосещаемых учреждений здравоохранения и образования далеко не всегда удобно для местного населения.

Сегодня перед социальной инфраструктурой стоит задача вписаться в происходящие изменения в обществе, играя в инновационном развитии региона самостоятельную, новаторскую и творческую роль [3].

Социальная инфраструктура муниципальных районов, как составляющая системы агропромышленного производства региона, не имеет в настоящее время единой концепции развития.

Развитие социальной инфраструктуры муниципальных районов Самарской области по 2013 г. происходило преимущественно в рамках ФЦП «Социальное развитие села до 2013 г.». Преемницей этой программы стала государственная программа Самарской области «Устойчивое развитие сельских территорий Самарской области на 2014–2017 гг. и на период до 2020 г.». В данной программе сформулированы три важнейшие цели [2; 4], на выполнение которых предполагается выделение 4 млрд руб. (рис. 1).

Таблица 1

Группировка муниципальных районов Самарской области по уровню показателей обеспеченности социальной инфраструктурой по итогам 2013 г.

Интервалы обобщающей оценки	Название группы	Районы, входящие в группу	Характеристика группы
1,282–1,535	Более обеспеченные социальной инфраструктурой	Богатовский, Исаклинский, Большечерниговский	Средне- и слабонаселенные районы, имеющие самостоятельную социальную инфраструктуру. Нет каждодневной потребности в социальной инфраструктуре крупных городов, но необходимо своевременное обновление фондов и закрепление кадров на селе
1,029–1,281	Средне обеспеченные социальной инфраструктурой	Алексеевский, Сызранский, Челно-Вершинский, Шенталинский, Красноармейский, Кинель-Черкасский, Кошкинский, Шигонский, Пестравский, Камышлинский, Нефтегорский, Большеглушицкий	Слабо- и средненаселенные районы с развитой социальной инфраструктурой, которая нуждается в обновлении, развитии и дополнении
0,777–1,028	Слабо обеспеченные социальной инфраструктурой	Елховский, Борский, Клявлинский, Красноярский, Приволжский, Безенчукский, Сергиевский, Кинельский, Хворостянский, Ставропольский, Похвистневский, Волжский	Сильно- и средненаселенные районы либо входящие в агломерацию, с социальной инфраструктурой, зависящей от крупных городских округов, либо периферийные районы, социальная инфраструктура которых нуждается в модернизации и развитии

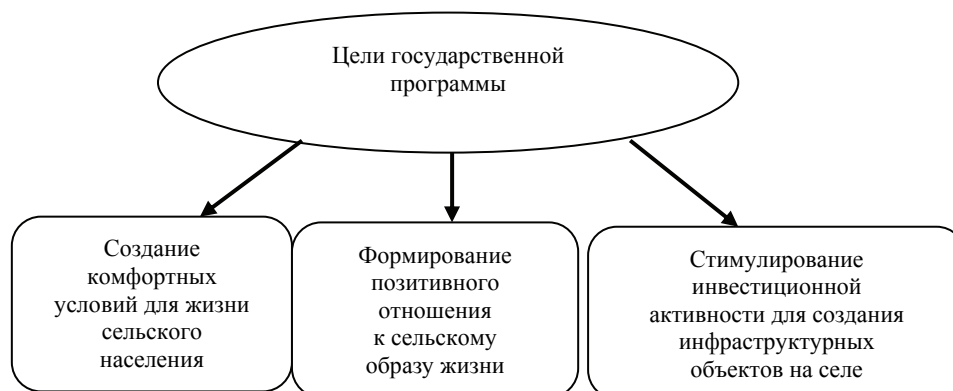

Рис. 1. Цели государственной программы Самарской области «Устойчивое развитие сельских территорий Самарской области на 2014–2017 гг. и на период до 2020 г.»

За период 2014–2020 гг. в программе запланирована площадь введенного (приобретенного) жилья для граждан, проживающих в сельской местности, в размере 146,43 тыс. м², в т. ч. для обеспечения жильем молодых семей и молодых специалистов 61,05 тыс. м². В 2014–2016 гг. планируется построить 16 фельдшерско-акушерских пунктов в 11 муниципальных районах [4].

Для успешного развития социальной инфраструктуры в муниципальных районах Самарской области и социально-экономического развития села в целом следует провести работу по следующим направлениям.

Преодолеть ведомственную разобщенность. Сегодня ни одно министерство Самарской области не занимается развитием сельской социальной инфраструктуры в комплексе. Поэтому нужно на государственном уровне выработать единый подход к развитию сельской социальной инфраструктуры.

В программы стратегии долгосрочного и среднесрочного развития отраслей экономики и социальной сферы, разработанные как федеральными, так и региональными органами власти, необходимо внести разделы, касающиеся сельской местности [5, с. 34–35].

Пропорциональному развитию социальной инфраструктуры в районах, более интенсивному, но в то же время рациональному вовлечению ресурсов может способствовать процесс обоснованного укрупнения муниципальных образований. В результате процесса укрупнения конкурентный потенциал будет наращиваться, увеличиваться эффективное использование конкурентных преимуществ,

что позволит повысить конкурентоспособность села. Однако положительный результат можно достичь только при условии правильной реализации политики пространственного развития региона [6–8].

Возможно, более четко выделить в системе населенных пунктов Самарской области опорные поселения, выполняющие функции центров обслуживания группы населенных мест. Очевидно, что органы власти в силу ограниченных финансовых ресурсов не будут и не смогут поддерживать развитие социально-экономического потенциала во всех сельских населенных пунктах. Имеет смысл провести зонирование сельской местности, определив те территории, в которых меры по повышению социального потенциала дадут существенный положительный эффект в развитии социальной инфраструктуры. При этом необходимо учесть и то, что реализация данных проектов не должна снизить доступность социальных услуг для жителей остальных пунктов.

Главам сельских поселений, районным и областным органам управления области следует содействовать формированию новых институтов гражданского общества на селе – таких организаций, которые могут грамотно выстроить систему взаимоотношений между домохозяйствами, органами власти и бизнесом, обеспечив защиту экономических и социальных интересов различных групп населения. Общественно активное население при поддержке представителей органов власти, бизнеса могут сделать многое в социальной инфраструктуре муниципальных районов.

Требуется реализовать комплекс мероприятий, направленных на повышение доходности местных сельскохозяйственных организаций. Только в этом случае они смогут провести модернизацию производства, улучшить условия труда, повысить уровень заработной платы, а также устойчивость и привлекательность сельского хозяйства для молодежи.

Следует и далее проводить меры, связанные с диверсификацией экономики муниципальных районов Самарской области, т. е. широко предоставлять налоговые преференции, льготные кредиты предприятиям на селе, занимающимся торгово-бытовым обслуживанием, сельским туризмом, ремесленными промыслами, переработкой сельхозпродукции.

Для решения проблем развития социальной инфраструктуры села, повышения качества жизни и экономической активности сельского населения органам власти региона необходимо предпринимать практические действия.

Эффект таких действий заключается в формировании у местных жителей активной позиции, укреплении здорового образа жизни и ценностей семьи, разработке проектов, объединяющих бизнес, власть и граждан. Данный опыт показывает, что процесс развития нужно начинать с самих сельских жителей, которые должны осознать необходимость изменений.

Качество жизни сельского населения и уровень развития социальной инфраструктуры муниципальных районов тесно взаимосвязаны, т. к. в показатели оценки качества жизни непременно включаются практически все составляющие социальной инфраструктуры.

Обеспечение качества жизни сельского населения Самарской области и других регионов России имеет известные специфические особенности, обуславливающие необходимость разработки отдельной программы, связанной с развитием социальной инфраструктуры села в целом. К этим особенностям относятся: историческое отставание социального развития села от городского социального развития; неразвитость альтернативных источников доходов, формирование открытой и скрытой безработицы; недостаточный уровень заработной платы в сельском

хозяйстве для нормальной жизнедеятельности сельского населения; низкое качество жизни на селе; непривлекательность аграрного труда для квалифицированной рабочей силы.

Поэтому социальную инфраструктуру села необходимо развивать с целью привлечения инвестиционного капитала и квалифицированного труда, для повышения благосостояния и качества среды проживания сельского населения области.

На территории области начали реализовывать проекты комплексной компактной застройки и благоустройства сельских территорий. При этом будет создаваться вся социальная инфраструктура, включающая в себя образовательные и медицинские учреждения, учреждения культуры и спортивные сооружения.

В настоящее время осуществляется проект «Малозэтажная застройка п. Сургут муниципального района Сергиевский Самарской области». Реализация проектов комплексной застройки в муниципальных районах Самарской области с инженерным обеспечением позволит увеличить темпы строительства жилья на селе и создать инфраструктуру социальных объектов, что в свою очередь улучшит качество жизни сельских жителей и привлечет высококвалифицированных специалистов в организации аграрно-промышленного комплекса и социальную сферу. Все эти факторы, несомненно, повысят инвестиционную активность в социально-экономическом развитии сельских территорий Самарской области.

Однако при комплексной застройке строительство нового жилья идет гораздо быстрее, чем развитие социальной инфраструктуры.

Один из выходов в решении данной проблемы комплексной застройки – активное использование механизмов государственно-частного партнерства.

Самарская область отличается высоким рекреационным потенциалом. Сельский или аграрный туризм давно пользуется большой популярностью в Европе. Такой вид туризма подразумевает отдых в сельской местности, проживание в деревенских условиях и даже участие в сельскохозяйственных работах. В России сельский туризм молод и еще не получил широкой популярности, как на Западе.

Однако на территории Самарской области такой вид туристической деятельности развивается – имеются все предпосылки: уникальная природа, богатая история, многонациональный край. В Самарском регионе проживает более 130 народностей. Каждый народ имеет свою культуру и традиции.

Сегодня объекты агротуризма созданы и активно развиваются практически во всех муниципальных районах Самарской области. Развитие данного вида туризма дает возможность горожанам получить здоровый отдых по доступным ценам, а сельским жителям – новые рабочие места, возможность эффективно использовать жилой фонд и землю.

В сложившихся условиях именно туризм становится реальной возможностью для функционирования малых форм хозяйствования, т. к. он имеет потенциал для привлечения предпринимательских ресурсов и не требует больших капиталовложений. Учитывая неоспоримый туристический потенциал и неразвитость туризма в сельской местности области в настоящее время, вложение капитала именно в эту сферу является чрезвычайно актуальным.

Организация и ведение сельского туризма как одного из видов несельскохозяйственного бизнеса на селе, несомненно, имеет определенные преимущества для населения, предпринимателей, а также для органов государственного и местного управления [3, с. 68-70].

Преимущества сельского туризма для местного населения:

- дополнительный заработок в доступной деятельности (прием туристов, продажа им продукции собственного хозяйства, сопровождение на рыбалку, за грибами, конный прокат, транспортные услуги и др.);
- творческая деятельность;
- коммуникация с представителями различных регионов России и других стран;
- стимул для приведения своего приусадебного участка в порядок;
- повод для повышения образовательного, культурного уровня и интереса к сохранению природы;
- осознание повышения своего качества жизни.

Преимущества сельского туризма для самих предпринимателей:

- увеличение доходов от сферы обслуживания за счет появления платежеспособных клиентов и развития социальной инфраструктуры (магазинов, автозаправочных станций, связи, дорог и пр.);

- возможность создания различных производств, возникающих с возрастающим спросом клиентов, и, в первую очередь, на экологически чистую продукцию сельского хозяйства;

- перспективы установления деловых связей и привлечения инвестиций.

Преимущества для органов власти и управления:

- повышение уровня занятости населения и увеличение темпа роста доходов семей;

- снижение социальной напряженности, постепенное улучшение качества жизни селян;

- развитие социальной инфраструктуры села;

- всплеск предпринимательской активности, обуславливающей создание рабочих мест в смежных с туризмом областях (культура, транспорт, торговля и др.);

- использование, в большинстве своем, ресурсов населения, а не бюджетных средств;

- появление дополнительных поступлений в бюджет косвенных налогов от социальной сферы (торговля, связь, транспорт, медицина, культура) и прямых налогов от деятельности объектов сельского туризма;

- высокий уровень благоустройства территории.

В Самарской области разработана и действует Концепция развития сельского туризма. Развитие сельского туризма в Самарской области может стать важным направлением воссоздания и охраны сельских ландшафтов, сохранения памятников историко-культурного наследия [9].

На сегодняшний день самыми заметными объектами сельского туризма в муниципальных районах Самарской области являются: конный клуб Контур в Красноярском районе, село Водице; страусиная ферма в Ставропольском районе, село Пискалы; гостевой дом Сельский Уют в Похвистневском районе, село Алькино; историко-краеведческий музей в Большечерниговском районе, село Августовка; туристический комплекс в Сергиевском районе, село Карабаевка; национальный парк «Самарская лука» в преде-

лах Волжского, Ставропольского и Сызранского районов; Бузулукский бор в Борском районе, туристический проект в деревне Соковинка и др.

Таким образом, перспективы развития социальной инфраструктуры в муниципальных районах Самарской области до 2020 г. и далее неразрывно связаны с понятием «устойчивое развитие сельских территорий». Развитие социальной инфраструктуры муниципальных районов Самарской области и повышение эффективности аграрного сектора области в целом – это основа роста благосостояния всего населения. Органы власти всех уровней должны ответственно проводить взвешенную, комплексную политику развития сельских районов.

1. *Петриков А.В.* Современная аграрная политика и ее влияние на социальную структуру деревни // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2009. № 7. С. 14-18.
2. Об утверждении государственной программы Самарской области «Устойчивое развитие сельских территорий Самарской области на 2014–2017 годы и на период до 2020 года»: постановление Правительства Самарской области от 13.11.2013 г. № 616. URL: <http://www.admbg.org/attachments/article/2068/> (дата обращения: 3.03.2015).
3. *Стукова И.В.* Социальная сфера села: проблемы устойчивого развития // Казанский экономический вестник. 2012. № 2.
4. О внесении изменений в Постановление Правительства Самарской области «Об утверждении государственной программы Самарской области «Устойчивое развитие сельских территорий Самарской области на 2014–2017 годы и на период до 2020 года»: Постановление Правительства Самарской области от 06.02.2015 г. № 44. URL: <http://www.sam-region.ru/> (дата обращения: 3.03.2015).
5. *Пыrkova O.M.* Роль социальной инфраструктуры в инновационном развитии региона // Роль высших учебных заведений в инновационном развитии экономики регионов: материалы Международной научно-практической конференции. Ч. 1 / отв. ред. А.П. Жабин, Е.В. Зарова. Самара, 2006.
6. *Ветрова Е.А.* Управление инновационным развитием региона // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 11 (127). С. 36-40.
7. *Ветрова Е.А.* Основные особенности поддержки малого предпринимательства на му-

ниципальном уровне в России // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 12 (128). С. 49-52.

8. *Ветрова Е.А.* Основные особенности социально-экономического взаимодействия власти и бизнеса по развитию человеческого капитала в современной России // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2010. Вып. 12 (92). С. 358-363.
9. Об утверждении концепции развития сельского туризма в Самарской области: постановление Правительства Самарской области от 27.10.2010 г. № 541. URL: <http://www.samregion.ru/> (дата обращения: 3.03.2015).
1. *Petrikov A.V.* Sovremennaya agrarnaya politika i ee vliyanie na sotsial'nyuyu strukturu derevni // Ekonomika sel'skokhozyaystvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatiiy. 2009. № 7. С. 14-18.
2. Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Samarskoy oblasti "Ustoychivoje razvitie sel'skikh territoriy Samarskoy oblasti na 2014–2017 gody i na period do 2020 goda": postanovlenie Pravitel'stva Samarskoy oblasti ot 13.11.2013 g. № 616. URL: <http://www.admbg.org/attachments/article/2068/> (дата obrashcheniya: 3.03.2015).
3. *Stukova I.V.* Sotsial'naya sfera sela: problemy ustoychivogo razvitiya // Kazanskiy ekonomicheskij vestnik. 2012. № 2.
4. O vnesenii izmeneniy v Postanovlenie Pravitel'stva Samarskoy oblasti "Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Samarskoy oblasti "Ustoychivoje razvitie sel'skikh territoriy Samarskoy oblasti na 2014–2017 gody i na period do 2020 goda": Postanovlenie Pravitel'stva Samarskoy oblasti ot 06.02.2015 g. № 44. URL: <http://www.sam-region.ru/> (дата obrashcheniya: 3.03.2015).
5. *Pyrkova O.M.* Rol' sotsial'noy infrastruktury v innovatsionnom razvitii regiona // Rol' vysshikh uchebnykh zavedeniy v innovatsionnom razvitii ekonomiki regionov: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ch. 1 / отв. red. A.P. Zhabin, E.V. Zarova. Samara, 2006.
6. *Vetrova E.A.* Upravlenie innovatsionnym razvitiem regiona // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2013. Vyp. 11 (127). S. 36-40.
7. *Vetrova E.A.* Osnovnye osobennosti podderzhki malogo predprinimatel'stva na munitsipal'nom urovne v Rossii // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2013. Vyp. 12 (128). S. 49-52.

8. *Vetrova E.A.* Osnovnye osobennosti sotsial'no-ekonomicheskogo vzaimodeystviya vlasti i biznesa po razvitiyu chelovecheskogo kapitala v sovremennoy Rossii // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki.* Tambov, 2010. Vyp. 12 (92). S. 358-363.
9. Ob utverzhdenii kontseptsii razvitiya sel'skogo turizma v Samarskoy oblasti: postanovlenie Pravitel'stva Samarskoy oblasti ot 27.10.2010 g. № 541. URL: <http://www.samregion.ru/> (data obrashcheniya: 3.03.2015).

Поступила в редакцию 31.03.2015 г.

UDC 338.24+338.43+338.48

THE DEVELOPMENT OF SOCIAL INFRASTRUCTURE IN THE MUNICIPAL DISTRICTS OF THE REGION
(AT THE EXAMPLE OF SAMARA REGION)

Ekaterina Aleksandrovna VETROVA, Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation, Candidate of Economics, Associate Professor of "Economics and Management" Department, e-mail: EAVetrova@yandex.ru

Sergey Aleksandrovich PYRKOV, Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation, Candidate of Economics, Associate Professor of "Economics and Management" Department, e-mail: sap85@mail.ru

Sergey Leonidovich RAZUMOVSKY, Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation, Candidate of Pedagogics, Associate Professor of "Economics and Management" Department, e-mail: serg-razumovskij@yandex.ru

The rise and prosperity of the agricultural sector of the Russian economy, first of all, must be associated with the priorities, the main purpose of which is to care about health, nutrition, education of the villagers and providing them with a comfortable living environment. The creation of favorable conditions for life of people in rural areas increasingly depends not on the organization of the sphere of material production, and the level of development of social infrastructure. For example, the municipal districts of the Samara region were considered the modern state and tendencies of development of social infrastructure. The main problems associated with the development of rural social infrastructure in the region, the solution of which is a necessary condition for improving the level and quality of life of the rural population. The main factors and features of development of social infrastructure of rural areas are analyzed. Future development of the social infrastructure of municipal districts of the Samara region is inextricably linked with the concept of "sustainable development of rural territories". Main ways of effective development of social infrastructure of municipal districts in the region were shown. Among perspective directions of development of rural social infrastructure special emphasis on rural tourism and integrated compact development, which is achieved through the mechanisms of public-private partnership.

Key words: region; local government; municipal district; social infrastructure; rural social infrastructure; rural tourism.

УДК 655.531.4

МЕТОДЫ САМООЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ИНТЕГРИРОВАННОЙ ГИБКОЙ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА ПРЕДПРИЯТИЯ

© Борис Иванович ГЕРАСИМОВ

Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов,
Российская Федерация, доктор экономических наук, профессор кафедры
«Экономический анализ и качество», e-mail: econa@admin.tstu.ru

© Елена Борисовна ГЕРАСИМОВА

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация, доктор экономических наук, профессор
кафедры «Экономический анализ», e-mail: gerasim_ova@inbox.com

© Сергей Анатольевич КОЛМЫКОВ

Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов,
Российская Федерация, кандидат экономических наук, доцент кафедры
«Экономический анализ и качество», e-mail: econa@admin.tstu.ru

© Юлия Юрьевна ЛУКАШИНА

Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов,
Российская Федерация, соискатель, кафедра «Экономический
анализ и качество», e-mail: econa@admin.tstu.ru

© Александр Юрьевич СИЗИКИН

Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов,
Российская Федерация, кандидат экономических наук, доцент кафедры
«Экономический анализ и качество», e-mail: sizikin@bk.ru

Анализируется результативность системы менеджмента качества (СМК) гибкого предприятия, которая гарантируется результатами самооценки процессов менеджмента качества. Зрелость интегрированной гибкой СМК гибкого предприятия оценивается по результатам самооценки процессов устойчивого управления качеством продукции гибкого предприятия (устойчивое управление процессами «Удовлетворение клиентов»; устойчивое управление процессами «Оценка деловых результатов»; устойчивое управление процессами «Процессы создания ценности»; устойчивое управление процессами «Общее управление»; устойчивое управление процессами «Менеджмент кадров»; устойчивое управление процессами «Менеджмент ресурсного потенциала»; устойчивое управление процессами «Удовлетворённость персонала»; устойчивое управление процессами «Стратегическое планирование и целеполагание»; устойчивое управление процессами «Оценка внешних эффектов»). Установлено, что принципы проектирования создают поле проектирования интегрированной гибкой СМК предприятия, в котором формируется организационно-экономический механизм проектирования интегрированной гибкой СМК предприятия. Оценка СМК компании как комплексного критерия устойчивого управления качеством продукции осуществлялась по девяти направлениям соответствующих процессов устойчивого управления качеством, при этом каждому направлению соответствует собственный «вес» в условных единицах. Каждое из приведенных направлений, в свою очередь, рассматривается с учетом десяти персонализированных параметров устойчивого управления качеством продукции, при этом интервал значений устанавливается в диапазоне от 0 до 1 балла. Для изучения действенности СМК по каждому направлению устойчивого управления качеством продукции суммируются баллы параметров каждого из рассматриваемых направлений и умножаются на его установленный вес. Оценка действенности процессов устойчивого управления качеством продукции в итоге производится посредством суммирования итоговых оценок девяти направлений. Отображение важности процессов устойчивого управления качеством продукции относительно друг друга в процессе выделения «стартовой» точки развития СМК реализуется с помощью диаграмм Парето.

Ключевые слова: самооценка; результативность; управление качеством; предприятие; интегрированная система менеджмента качества.

Модели и числа важны только тогда,
когда вы знаете, как их использовать;
сами по себе они бесполезны.

Э. Деминг

Результативность и зрелость гибкой интегрированной системы менеджмента качества (СМК) предприятия определяется по

результатам самооценки процессов и процедур менеджмента качества предприятия на базе методологии премии в области качества [1].

Процедура самооценки действенности процессов устойчивого управления качеством продукции и оценки завершенности, целостности интегрированной гибкой СМК компании подтверждена в ходе изучения состояния осуществления производственной деятельности ОАО «Кондитерская фирма «ТАКФ».

Оценка СМК компании как комплексного критерия устойчивого управления качеством продукции осуществлялась по девяти направлениям, при этом каждому направлению соответствует собственный «вес» [1–3]:

- 1) общее управление – 10;
- 2) стратегическое планирование и целеполагание – 8;
- 3) менеджмент кадров – 9;
- 4) менеджмент ресурсного потенциала – 8;
- 5) менеджмент процессов создания ценности – 13;
- 6) оценка удовлетворенности клиентов – 20;
- 7) оценка удовлетворенности персонала – 9;
- 8) оценка внешних эффектов – 6;

9) оценка деловых результатов – 15.

Каждое из приведенных направлений, в свою очередь, рассматривается с учетом десяти персонализированных параметров устойчивого управления качеством продукции, при этом интервал значений устанавливается в диапазоне от 0 до 1 балла. Для изучения действенности СМК по каждому направлению устойчивого управления качеством продукции суммируются баллы параметров каждого из рассматриваемых направлений и умножаются на его установленный вес. Оценка действенности процессов устойчивого управления качеством продукции в итоге производится посредством суммирования итоговых оценок девяти направлений (табл. 1).

Отображение важности процессов устойчивого управления качеством продукции относительно друг друга в процессе выделения «стартовой» точки развития СМК реализуется с помощью диаграмм Парето (рис. 1).

На рис. 2 изображена визуализация поля процессов устойчивого управления качеством с суммарной площадью 905 единиц из потенциально реализуемых 1000, что свидетельствует о весьма высокой устойчивости СМК рассматриваемого предприятия.

Таблица 1

Исходные данные для построения процессов устойчивого управления качеством продукции ОАО «Кондитерская фирма «ТАКФ»

№	Критерий устойчивого управления качеством продукции в порядке убывания важности	Важность критерия, баллов	Требуемый результат, баллов	Полученный результат, баллов	Число резервов, усл. ед.	Резервы устойчивости нарастающим итогом, усл. ед.	Резервы, %	Кумулятивный итог резервов, %	Действенность СМК, %
6	Оценка удовлетворенности клиентов	20	200	195	5	5	5,25	5,2	97,5
9	Оценка деловых результатов	15	150	150	0	5	0	5,2	100
5	Менеджмент процессов создания ценности	14	140	87,5	52,5	57,5	55,12	60,3	62,5
1	Общее управление	10	100	97,5	2,5	60	2,62	62,9	97,5
3	Менеджмент кадров	9	90	69,75	20,25	80,25	21,26	84,5	77,5
7	Менеджмент ресурсного потенциала	9	90	83,25	6,75	87	7,09	91,6	92,5
4	Оценка удовлетворенности персонала	9	90	87,75	2,25	89,25	2,36	94,0	97,5
2	Стратегическое планирование и целеполагание	8	80	74,00	6	95,25	6,3	100	92,5
8	Оценка внешних эффектов	6	60	60	0	95,25	0	100	100
	ИТОГО	100	1000	904,75	95,25	–	100/100	–	90/90,5

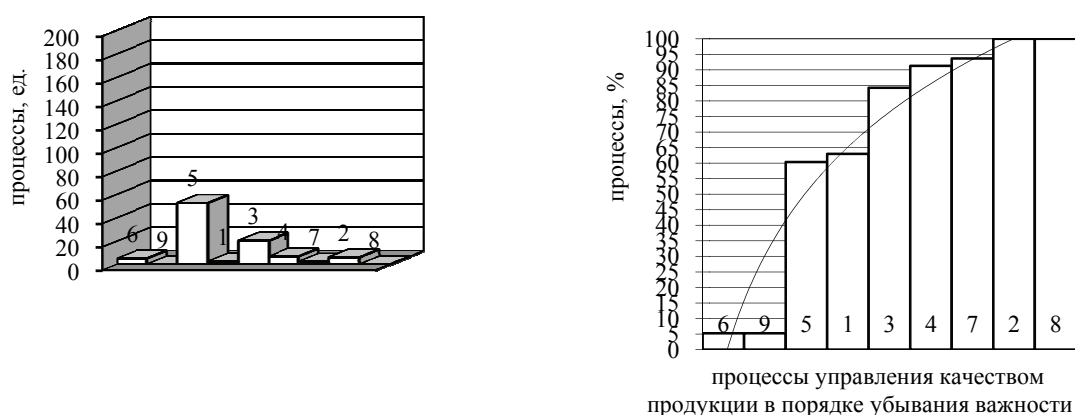

Рис. 1. Диаграмма Парето процессов устойчивого управления качеством модельного предприятия

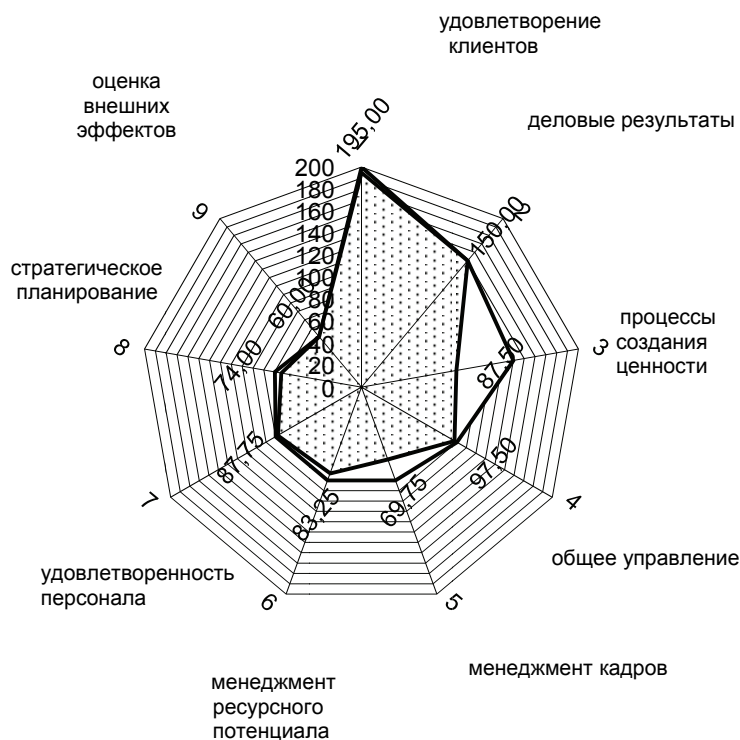

Рис. 2. Поле устойчивого управления качеством модельного предприятия

Таким образом, улучшение менеджмента качества должно осуществляться на основе следующих принципов: ориентация на потребителя; лидерство руководителя; вовлечение работников; процессный подход; системный подход к менеджменту; постоянное улучшение; принятие решений, основанное на фактах; взаимовыгодные отношения с по-

ставщиками, а основными направлениями развития менеджмента качества являются: интеграция в менеджмент требований стандартов к системе менеджмента качества по отдельным аспектам деятельности, внедрение отраслевых требований к системам менеджмента качества организации, применение лучших управленческих практик.

1. Герасимов Б.И., Сизикин А.Ю., Герасимова Е.Б. Управление качеством: проектирование. М., 2013.
2. Герасимов Б.И., Сизикин А.Ю., Герасимова Е.Б. Управление качеством: резервы и механизмы. М., 2014.
3. Герасимова Е.Б., Герасимов Б.И., Сизикин А.Ю. Управление качеством. М., 2014.

1. Gerasimov B.I., Sizikin A.Yu., Gerasimova E.B. Upravlenie kachestvom: proektirovanie. M., 2013.
2. Gerasimov B.I., Sizikin A.Yu., Gerasimova E.B. Upravlenie kachestvom: rezervy i mekhanizmy. M., 2014.
3. Gerasimova E.B., Gerasimov B.I., Sizikin A.Yu. Upravlenie kachestvom. M., 2014.

Поступила в редакцию 25.02.2015 г.

UDC 655.531.4

PRODUCTIVITY SELF-ASSESSMENT METHODS OF THE INTEGRATED FLEXIBLE QUALITY MANAGEMENT SYSTEM OF THE ENTERPRISE

Boris Ivanovich GERASIMOV, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, Doctor of Economics, Professor of "Economic Analysis and Quality" Department, e-mail: econa@admin.tstu.ru

Elena Borisovna GERASIMOVA, Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow, Russian Federation, Doctor of Economics, Professor of Economic Analysis Department, e-mail: gerasim_ova@inbox.com

Sergey Anatolievich KOLMYKOV, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, Candidate of Economics, Associate Professor of "Economic Analysis and Quality" Department, e-mail: econa@admin.tstu.ru

YuliaYurievna LUKASHINA, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, Competitor, "Economic Analysis and Quality" Department, e-mail: econa@admin.tstu.ru

Aleksander Yurievich SIZIKIN, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, Candidate of Economics, Associate Professor of "Economic Analysis and Quality" Department, e-mail: sizikin@bk.ru

Productivity of the quality management system (QMS) of the flexible enterprise which is guaranteed by results of a self-assessment of processes of quality management is analyzed. The maturity of the integrated flexible QMS of the flexible enterprise is estimated by results of a self-assessment of processes of steady product quality control of the flexible enterprise (steady management of processes "Satisfaction of clients"; steady management of processes "Assessment of business results"; steady management of processes "Processes of creation of value"; steady management of processes "General management"; steady management of processes "Management of shots", steady management of processes "Management of resource potential"; steady management of processes "Satisfaction of the personnel", steady management of processes "Strategic planning and goal-setting"; steady management of processes "Assessment of outer effects"). It is established that the principles of design create a field of design of the integrated flexible QMS of the enterprise in which the organizational and economic mechanism of design of the integrated flexible QMS of the enterprise is formed. The assessment of QMS of the company as complex criterion of steady product quality control was carried out in nine directions of the corresponding processes of steady quality management, thus to each direction there corresponds own "weight" in conventional units. Each of the given directions in turn is considered taking into account ten personalized parameters of steady management of quality of production, thus the interval of values is established in the range from 0 to 1 point. For studying of effectiveness of QMS in each direction of steady product quality control points of parameters of each of the considered directions are summarized and multiplied by its established weight. The assessment of effectiveness of processes of steady product quality control as a result is made by means of summation of total estimates of nine directions. Display of importance of processes of steady product quality control relatively each other in the course of allocation of a "starting" point of development of QMS is realized by means of Pareto's charts.

Key words: self-assessment; productivity; quality management; enterprise; integrated quality management system.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 1(091).9

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ Б.Н. ЧИЧЕРИНА: КОНЦЕПТУАЛЬНО-СИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР

© Вера Михайловна ЛОБЕЕВА

Брянский государственный технический университет, г. Брянск,
Российская Федерация, кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
истории и социологии, e-mail: doktor70@bk.ru

Исследуются теоретические особенности и актуальные идеи социальной философии Б.Н. Чичерина. Утверждается, что социальная философия Б.Н. Чичерина имеет концептуально-системный характер. Основными социально-философскими концепциями признаются и анализируются: концепция философской антропологии, концепция фундаментальных оснований бытия общества, концепция организационных оснований бытия общества, концепция философии истории. Выделяются и анализируются основные персоналистические и либеральные идеи Б.Н. Чичерина, выводы ученого по проблеме материальных оснований бытия общества, проблемам организационного, экономического и политического устройства общества, обобщения, связанные с философско-исторической проблематикой. Утверждается наличие значимого для современного общества культурно-конструктивного потенциала в идеях, связанных с трактовкой Б.Н. Чичериным феноменов личности, свободы, собственности, права, семьи, гражданского общества, церкви, государства, а также с решением философом вопросов взаимодействия личности, общества, государства и истолкованием таких существенных проблем исторического развития, как реформа и революция. Акцентируется внимание на выявлении взаимосвязи между идеями, выражающими сущность и особенности сосуществования человека и общественных институтов, и процессов. Делается вывод о том, что тщательно разработанная Б.Н. Чичериным система концепций во многом обеспечивает целостность его социальной философии.

Ключевые слова: социальная философия; концептуально-системный характер; концепция философской антропологии; концепция фундаментальных оснований бытия общества; концепция организационных оснований бытия общества; концепция философии истории.

В научном творчестве Б.Н. Чичерина значительное место занимает философское исследование общества. Анализ теоретических сочинений, публицистических работ и мемуаров мыслителя, проведенный нами, показывает, что он стремился создать целостную теорию общества. Об этом свидетельствует то, что общество исследуется и описывается Б.Н. Чичериным системно и всесторонне, в состоянии статики и в процессе динамики, выявляются закономерности его бытия, но при этом не оставляются без внимания исторические и национальные особенности.

Существенной особенностью социальной философии Б.Н. Чичерина является концептуально-системный характер. Разработка системы взаимосвязанных и дополняющих друг друга философских концепций во многом способствовала созданию целостной

теории общества. В качестве основных нами признаются и анализируются концепции философской антропологии, фундаментальных и организационных оснований бытия общества, философии истории.

Представляется, что концепцию философской антропологии образует совокупность идей, отражающих представления мыслителя о сущности и основных гранях индивидуального и социального бытия человека. Человек трактуется Б.Н. Чичериным как существо, обладающее двойственной природой: он богоподобен, но также включен в природные и социальные процессы. Признание двойственности человеческой природы и противоречивости человеческого существования, в котором сталкиваются добро и зло, не помешали Б.Н. Чичерину эксплицировать человека как существо создающее, как субъекта истории и государст-

венности. Именно в таком качестве человек предстает во всех упомянутых концепциях.

Еще одна важная составляющая философской антропологии Б.Н. Чичерина усматривается в последовательном отстаивании идеи об абсолютной ценности и приоритетности личности в обществе. Личность рассматривается как «корень и определяющее начало всех общественных отношений» [1, с. 58]. Эта идея философской антропологии находит свое развитие в концепции организационных оснований бытия общества, в частности в тезисе о том, что все общественные начинания и институты должны исходить из блага личности.

Имеет смысл акцентировать внимание и на специфике понимания Б.Н. Чичериным нравственности, права и собственности, дающей основания отнести некоторые теоретические построения по этим вопросам к концепции философской антропологии. Во-первых, феномены нравственности и права истолковываются как выражение свободы. Нравственность эксплицируется как внутренняя свобода человека, связывающая человека с Богом и другими людьми. Внешняя свобода трактуется как право, сущность которого усматривается в определении внешних действий человека, рамок его поведения в обществе. Во-вторых, собственность и право трактуются как важнейшие формы материальной и юридической объективации человеческой свободы, создающие необходимые условия цивилизованного и прогрессивного развития отдельного человеческого индивида и социума в целом. В таком толковании философско-антропологических проблем отчетливо обнаруживают себя особенности философского идеализма Б.Н. Чичерина, имеющего теологический и либерально-персоналистический характер одновременно.

Очевидно, что стремление к созданию целостной теории общества с необходимостью привело Б.Н. Чичерина к всестороннему рассмотрению системы природных, материально-экономических и духовных оснований его бытия. Совокупность теоретических построений по этим вопросам образует концепцию фундаментальных оснований бытия общества.

Фундаментальными естественно-материальными основаниями существования общества признаются природа и материально-

экономическая жизнь. Ученым указывается на объективные и многообразные связи человеческого бытия с природным миром, утверждается, что освоение природы человеком должно основываться на знании, ибо «какие бы цели ни ставил себе человек, осуществить их в материальном мире он может не иначе, как сообразуясь с вечными и неизменными законами природы, которые полагают пределы его деятельности» [2, с. 407]. Тем самым, отстаивается важнейшая идея о необходимости обретения гармонии природы и деятельности человеческого интеллекта в части рациональной организации материального производства.

Кроме того, Б.Н. Чичериным признаются основными и обстоятельно анализируются такие проявления экономической жизни общества, как экономическое производство, оборот, распределение, потребление, т. е. те процессы, которые и в современной экономической теории рассматриваются в качестве базисных. Анализируя экономическую жизнь общества, Б.Н. Чичерин последовательно отстаивает идеи о необходимости сбалансированного сочетания в материально-экономическом производстве хозяйственной инициативы и свободы частного собственника с элементами взвешенного государственного регулирования и участия государства в экономической жизни общества. Отметим, что такого рода идеи, сочетающие в себе либерально-гуманистические ценности и глубокий прагматический смысл, сохраняют свой конструктивный потенциал и в современном обществе.

Наряду с природными и материальными фундаментальными основаниями бытия общества Б.Н. Чичериным выделяется и исследуется область духовных оснований социума. Философ явно придает особую значимость духовной жизни общества, поскольку духовные интересы эксплицируются им как «самый существенный элемент общества, элемент, который, можно сказать, имеет первенство и над элементом естественным, и над экономическим, ибо в нем выражается природа человека в отличие от животных» [2, с. 50]. К базовым духовным интересам общества причислены религия, наука, искусство, нравы, воспитание.

Содержание работ философа показывает, что приоритет в системе духовных интересов

Б.Н. Чичерин отдает религии. Религия трактуется в качестве духовного начала, носящего всеобщий социальный характер и проявляющегося в стремлении человеческого духа к живому общению с Абсолютным. Ядро культурно-исторической ценности религии усматривается в том, что ею «связывается и направляется человеческая совесть. Поэтому она является высшей нравственной силой на земле. Отсюда выдающееся ее значение для всего общественного быта» [2, с. 261].

Наука определяется как систематическое познание, как «то, что мы знаем достоверно, познание истины вещей» [3, с. 640]. Для чичеринского понимания науки характерно отсутствие ее противопоставления религии. Более того, подчеркивается взаимосвязь этих проявлений человеческой духовности, поскольку «как разумное существо, человек с помощью данного ему Богом орудия должен искать истины: в этом состоит его величие. Но как ограниченное существо, он в этом искании может ошибаться, а потому исследование истины составляет работу многих и многих поколений. Приложение разума к познанию вещей есть наука, которая, таким образом, при всех своих колебаниях и недостатках является путеводным указателем для разумного существа на его жизненном поприще» [2, с. 282].

Искусство Б.Н. Чичерин анализирует именно как обществовед. Определяя его «как выражение идеи в соответствующей ей гармоничной форме» [2, с. 316], он акцентирует внимание на социальных функциях искусства, его влиянии на человека. В этом смысле справедливо подчеркивается, что искусство воздействует на эмоционально-чувственную сферу человека, создает эстетические идеалы и типы, наполняет жизнь человека эмоциями, во многом формирует художественные вкусы и представления, отображает несоответствие идеалов и действительности, способствует познанию, воспитывает и формирует нравственность человека и общества.

Неотъемлемым элементом духовной жизни общества и его опорой Б.Н. Чичериным признается воспитание. Трактовка воспитания в построениях философа основана на позициях истинного гуманизма. Он не только эксплицирует воспитание как общественный процесс передачи опыта и знаний от поколения к поколению, связывающий и

влияющий на их взаимоотношения, но и развивает универсально значимые идеи о том, что воспитание умножает духовный потенциал народа и тем самым влияет на место и роль данного народа среди других народов. По-прежнему современно звучит мысль Б.Н. Чичерина о том, что «воспитание должно состоять, главным образом, в развитии человечности, в понимании именно высших и благородных сторон человеческого духа» [4, с. 11].

Существенное место в сочинениях Б.Н. Чичерина занимает система философских идей об общественных союзах. В своей совокупности эти идеи трактуются автором статьи в качестве концепции организационных оснований бытия общества, поскольку общественные союзы понимаются ученым именно как базовые организационные структуры общества, обеспечивающие его целостность и устойчивость.

Б.Н. Чичерин видит в общественных союзах объединения лиц, между которыми устанавливаются общие, более или менее устойчивые и длительные взаимодействия, складывающиеся на основе общих интересов. Приверженность персоналистическим ценностям объясняет и сделанное Б.Н. Чичериным существенное уточнение относительно понимания бытия личности в общественном союзе. Им подчеркивается, что общие интересы между людьми, входящими в общественные союзы, не должны вести к подавлению индивидуального сознания и индивидуальной воли.

В понимании Б.Н. Чичерина семья предстает как первичный естественный общественный союз, который «в первоначальном единстве содержит все человеческие цели и обнимает всю человеческую жизнь» [5, с. 582]. По мысли ученого, в семейном союзе естественная физическая потребность человека в продолжении рода реализуется с опорой на нравственные начала — долг и ответственную любовь. Кроме того, представляется, что важным аспектом трактовки семьи является акцентирование вопросов права и собственности применительно к семейному союзу. Именно в этих институтах Б.Н. Чичерин видит важнейшие социальные связи, превращающие семью в специальный человеческий союз.

Экспликацию Б.Н. Чичериным гражданского общества как общественного союза отличает глубокий здравый смысл. Это находит свое выражение, во-первых, в трактовке самой сущности гражданского общества как системы всей частной и общественной жизни, находящейся за пределами государства, как главного носителя власти и управления в обществе. Предложенное толкование приближает понимание гражданского общества к современным интерпретациям данного феномена. Во-вторых, это проявляется в отчетливой постановке вопроса о необходимости развития гражданского самосознания как духовной основы гражданского общества. Ведь еще в 1857 г. Б.Н. Чичерин заявляет, что Россия нуждается в том, «чтобы каждый человек мог сознавать себя гражданином, призванным содействовать общему делу, а не рабом, могущим служить только орудием чужой воли; надобно, чтобы он не трепетал за каждое смелое сказанное слово, а мог бы свободно высказать мнение, которое он считает полезным для отечества, не боясь быть за то призванным в III отделение или сосланным в отдаленные губернии» [6, с. 104]. В-третьих, Б.Н. Чичерин очевидно выступает за личную инициативу как основу развития гражданского общества. Он ратует за расширение возможностей его становления путем сведения к минимуму всех организаций и регламентов, идущих от государственной системы и тормозящих инициативу личности, намечает векторы стабильного и правового развития общества.

Церковный союз в своем высшем смысле понимается Б.Н. Чичериным как орган божественной благодати, как своеобразное «объективное учреждение, существующее независимо от случайной воли входящих в нее лиц. Человек к ней примыкает, но не он ее создал, и он не властен ее изменить» [7, с. 237]. Применительно же к земной жизни церковь эксплицируется в качестве организационной формы, органичного целого, объединяющего Бога и мир через утверждение священных истин и распространение нравственности. При этом ученым последовательно отстаивается идея о том, что, распространяя и поддерживая нравственность, смиряя помыслы и поступки, церковь объективно способствует поддержанию целостности и устойчивости всей общественной системы.

Государство, по мысли Б.Н. Чичерина, есть верховный общественный союз, воплощающий в себе власть, организующий и направляющий существование и развитие всей общественной системы. Следует подчеркнуть то, что в государстве он видит основного политического субъекта и носителя власти, призванного правовыми методами защищать физического субъекта и его права. В этом общественном союзе усматривается ценнейший результат человеческой деятельности, впитавший в себя в снятом виде всю мудрость прошедших веков, народную веру и традиции, опыт и здравый смысл в организации совместной жизни многих поколений. Поэтому государство оценивается как позитивно значимая институция, как безусловная социальная ценность и благо. Также в положительном ключе определяется и тенденция развития государства, которая связывается с его приближением к правовому устройству.

Однако, несмотря на характерную высокую оценку роли и значения государства как общественного союза, очевидно, что Б.Н. Чичерин не забывает о приоритете личностного и общественного начал, поэтому мы «не найдем у него гегелева, западного обожествления идеи государства» [8, с. 383].

В качестве составной части социальной философии Б.Н. Чичерина нами рассматривается и концепция философии истории. Представляется, что эта концепция являет собой образец «смыслотеоретического отношения к истории» [9, с. 30], поскольку в ней очевидна направленность на выявление внутреннего смысла истории.

Для этого Б.Н. Чичериным комплексно анализируются источники, движущие силы, цель, направленность, закономерности исторического развития. В научной литературе справедливо отмечается, что ученого «занимала проблема соотношения *идеала и действительности, желаемого и осуществимого* при тех или иных обстоятельствах. Много внимания он уделял выяснению оптимальных сроков, темпов, этапов, общей последовательности задач, решаемых на пути к осуществлению европейских идеалов гражданской и политической свободы, роли сословных привилегий и частной собственности, самодержавия и представительства в продвижении России к идеалу конституционной

монархии» [10, с. 7] (курсив С.С. Секиринского. – *В. Л.*).

Трактовка истории основана у Б.Н. Чичерина на принципах философского идеализма. Поэтому историческое развитие рассматривается в виде упорядоченной целостности, движение которой определено и направляется Абсолютным началом к известному историческому и постисторическому состоянию. Он утверждает, что законы исторического развития «можно рассматривать, с религиозной точки зрения, как волю Провидения, управляющего судьбами народов, а с философской – как явление Духа, связывающее человечество в одно целое и направляющее его к конечной цели его существования» [2, с. 54]. При этом существенная особенность истолкования исторического развития усматривается нами в том, что идеалистическая парадигма не исключает роли человека, свободно и сознательно действующего в истории. Напротив, активность человека постулируется, обосновывается, оценивается. На это уже обращалось внимание при анализе концепции философской антропологии.

В философии Б.Н. Чичерина историческое развитие человечества рассматривается как постепенное движение к общему благу как определенному социальному идеалу. Само же достижение общего блага связывается со свободой личности и общества, с утверждением нравственности и права, с легитимностью и справедливостью власти, с «преобладанием имущих и образованных классов над неимущими и необразованными» [11, с. 61], с нравственным потенциалом народа и его внутренним духовным единством, с сохранением исторических традиций, с политической и правовой культурой управляющих и управляемых, с высоким уровнем просвещения и образования в обществе. Такие векторы социально-политического развития свидетельствуют о высокой степени доверия Б.Н. Чичерина к человечеству и об оптимизме его философии истории.

Важными составляющими философии истории Б.Н. Чичерина мы признаем учения о реформе и революции. Трактовка обоих феноменов свидетельствует о том, что ученый видел в них полярные способы объективации исторического процесса.

В учении о реформе отчетливо проявляются философская рациональность и поли-

тическая дальновидность Б.Н. Чичерина. Реформа представляется мыслителю как оптимальный способ объективации исторического развития. Необходимыми он признает те реформы, которые учитывают традиции общества и государства, отвечают вызовам времени, позволяют модернизировать общество и власть, разрешать противоречия, реальные и потенциальные социальные конфликты, предотвращать революции. В реформах усматривается и способ достижения гражданского согласия между обществом и властью, путь к утверждению принципов свободы, нравственности и права.

Революция, напротив, истолковывается как неприемлемый способ развития истории, поскольку ее путь обычно кровавый и жертвенный, а «цена истории» при следовании по нему резко возрастает. Б.Н. Чичерин убедительно развенчивает идею революции, обоснованно доказывает антигуманизм и ложность революционно-радикальных идей и действий, представляющих реальную угрозу общественному порядку и стабильному развитию. Философ подчеркивает, что революционный переворот неприемлем не только с точки зрения права, поскольку он есть проявление социального экстремизма, но и потому, что революция вызывает волну анархии и разрушений, отбрасывающих общество далеко назад, а историю поворачивающих вспять.

Подводя итог краткому анализу, возможному в формате статьи, отметим, что содержание выделенных концепций социальной философии охватывает наиболее значимые аспекты бытия общества. Все названные концепции логически взаимосвязаны, а их идеи дополняют друг друга. Это делает социальную философию Б.Н. Чичерина целостной философской теорией общества, уникальным исследованием подобного рода в отечественной философии второй половины XIX – начала XX в.

1. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб., 1998.
2. Чичерин Б.Н. Социология. Тамбов, 2004.
3. Чичерин Б.Н. Метафизика есть ли наука? // Вопросы философии и психологии. 1900. Кн. 4 (54). С. 640-657.
4. Чичерин Б.Н. Несколько слов о философско-исторических воззрениях Грановского //

- Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 1 (36). С. 1-13.
5. *Чичерин Б.Н.* Собственность и государство. СПб., 2005.
 6. *Чичерин Б.Н.* Об аристократии, в особенности русской. Лейпциг, 1874.
 7. *Чичерин Б.Н.* Наука и религия. М., 1999.
 8. *Новгородцев П.И.* О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 367-387.
 9. *Целищев В.В., Шмаков В.С.* К проблеме концептуализации истории // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2011. Т. 9. Вып. 1. С. 27-34.
 10. *Секиринский С.С.* Александр Дмитриевич Градовский // Градовский А.Д. Трудные годы (1876–1880). Очерки и опыты. М., 2010. С. 5-60.
 11. *Чичерин Б.Н.* Положительная философия и единство науки // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 12. С. 1-63.
 3. *Chicherin B.N.* Metafizika est' li nauka? // Voprosy filosofii i psikhologii. 1900. Kn. 4 (54). S. 640-657.
 4. *Chicherin B.N.* Neskol'ko slov o filosofsko-istoricheskikh vozzreniyakh Granovskogo // Voprosy filosofii i psikhologii. 1897. Kn. 1 (36). S. 1-13.
 5. *Chicherin B.N.* Sobstvennost' i gosudarstvo. SPb., 2005.
 6. *Chicherin B.N.* Ob aristokratii, v osobennosti russkoy. Leyptsig, 1874.
 7. *Chicherin B.N.* Nauka i religiya. M., 1999.
 8. *Novgorodtsev P.I.* O svoeobraznykh elementakh russkoy filosofii prava // Novgorodtsev P.I. Sochineniya. M., 1995. S. 367-387.
 9. *Tselishchev V.V., Shmakov V.S.* K probleme kontseptualizatsii istorii // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. 2011. T. 9. Vyp. 1. S. 27-34.
 10. *Sekirinskiy S.S.* Aleksandr Dmitrievich Gradovskiy // Gradovskiy A.D. Trudnye gody (1876–1880). Ocherki i opyty. M., 2010. S. 5-60.
 11. *Chicherin B.N.* Polozhitel'naya filosofiya i edinstvo nauki // Voprosy filosofii i psikhologii. 1891. Kn. 12. S. 1-63.
1. *Chicherin B.N.* Filosofiya prava. SPb., 1998.
 2. *Chicherin B.N.* Sotsiologiya. Tambov, 2004.

Поступила в редакцию 6.02.2015 г.

UDC 1(091).9

SOCIAL PHILOSOPHY BY B.N. CHICHERIN: CONCEPTUAL AND SYSTEMIC NATURE

Vera Mikhaylovna LOBEEVA, Bryansk State Technical University, Bryansk, Russian Federation, Candidate of Philosophy, Associate Professor of Philosophy, History and Sociology Department, e-mail: doktor70@bk.ru

The main theoretical points and topical ideas of the social and philosophical beliefs of B.N. Chicherin were studied. It is argued that social philosophy of B.N. Chicherin has conceptually systematic character. The main socio-philosophical concepts are recognized and analyzed: the concept of philosophical anthropology, the concept of fundamental grounds of the society's being, the concept of organizational grounds of the society's being, the concept of the philosophy of history. The main personalistic and liberal ideas offered in B.N. Chicherin's social philosophy, the scholar's findings of on the problem of the material basis of being of the society, of the problems organizational, economic and political structure of the society and general conclusions related to the range of philosophical and historical problems were singled out and analyzed. Was affirmed that there is cultural constructive potential which is significant for the modern society in the ideas related to B.N. Chicherin's version of the phenomena of the personality, freedom, property, law, the family, the civil society, the church and the state, the problems of the interaction of the personality, the society, the state and the interpretation of such important problems of historical development as the reform and the revolution. The attention is focused on identifying the relationship between the ideas of expressing the nature and characteristics of human coexistence and social institutions and processes. The conclusion is that a carefully designed system of concepts of B.N. Chicherin largely determine the integrity of its social philosophy.

Key words: social philosophy; conceptual and systemic nature; the concept of philosophical anthropology; the concept of the fundamental grounds of the society's being; the concept of organizational grounds of the society's being; the concept of the philosophy of history.

УДК 94(47).07+930.2.51

ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.¹

© Вера Дмитриевна ОРЛОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат исторических наук,
доцент кафедры российской истории, e-mail: verorl@yandex.ru

Посвящено анализу процесса изучения актуальной проблемы по истории русского города. Историографический анализ многочисленных отечественных и зарубежных научных исследований о развитии культуры русских городов в контексте формирования теории городских досуговых пространств проведен впервые. Выделены этапы интереса исторической науки к городской культуре вообще, архитектурному облику ее объектов и «географии» этой культуры в частности. Обращено внимание на взгляды специалистов на размещение в городском пространстве объектов культуры, досуговое поведение горожан в разных городских районах и пригородах. Упомянуты историко-архитектурный, социокультурный и геокультурный подходы к русской урбанистике. Подчеркнуто, что изучение истории формирования городской социально-культурной инфраструктуры важно для планирования развития современных городов. Так как изучение отдельных городов дает возможность «оживить» тему и показать микроуровень социокультурных процессов, в статье отведено место анализу тамбовской краеведческой научно-популярной и научной литературы. Рассмотрены применяемые историками города методы изучения природно-ландшафтного фактора, влиявшего на урбанизационные процессы вообще и на формирование городских культурных пространств в частности. Упомянуты исследования с применением геоинформативных систем.

Ключевые слова: город; общественно-культурная среда; Тамбов; пространственный фактор; историография; геоинформативные системы.

Исследователи XIX–XX вв. уделяли постоянное внимание истории русских городов. Анализ облика города, деятельности расположенных в нем учреждений и образа жизни жителей привел к выделению нескольких функций городского поселения, в т. ч. культурной. Модернизация социокультурного уклада инициировалась городами. Историк середины XIX в. К.А. Неволин подчеркивал, что «в городах сосредотачивалось все лучшее, что есть лучшего в народонаселении государства. Будучи местом пребывания властей, города служат для жительства образованного класса чиновников... учреждения, особенно учебные, привлекают к ним многочисленное подвижное население, выгоды, приятности городской жизни побуждают многих, не прикрепленных к ним никакими связями, делаться постоянными их жителями... города ноне сделались средоточием духовной и вещественной жизни в государстве» [1, с. 29]. Исследование истории культуры

вообще и городской культуры в частности нуждается и в осмыслении пространства, которое она формирует и контролирует. Научный интерес к такому аспекту городского формирования формировался постепенно. Еще в 1930-х гг. историк Н.М. Анциферов писал: «Мы дети городской культуры. Путь познания ее лежит через внимательное и разностороннее изучение города, который есть исторически сложившийся культурный организм» [2, с. 32].

В современных условиях актуальность анализа пространственного фактора формирования городской культуры уже доказана. Русские города были перепланированы еще в конце XVIII в., а за XIX в. сформировалась их среда, являющаяся исторической основой современных населенных пунктов и порождающая многие особенности развития культуры. XIX в. стал временем для серьезных перемен в восприятии городского пространства обывателями. Формировались не отдельные учреждения, а сети социально-культурных учреждений разных типов, которые облегчали адаптацию к городскому образу жизни уроженцев сел и пригородов. Изучение истории формирования городской соци-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта «Пространственный фактор формирования городской культуры (на материалах г. Тамбова во второй половине XIX – начале XX в.)», проект РГНФ №14-11-68006а(р).

ально-культурной инфраструктуры важно для планирования развития современных городов.

В историографии процесса формирования городской культуры прослеживаются несколько этапов. Начало изучению истории городов было положено в дореволюционный период. А.А. Кизеветтера, В.П. Семенова-Тян-Шанского, Н.Х. Озерова интересовали вопросы организации управления городами, их социально-экономического развития [3–5]. Выходили в свет различные исторические очерки по отдельным аспектам социально-культурной инфраструктуры пореформенного города [6–8]. В них впервые ставился вопрос об удобстве месторасположения учебных заведений для горожан.

В 1920–1930-е гг. в российской исторической науке сформировалась теория изучения города как целостного социально-культурного объекта. Она предполагала исследование городского пространства. Ее разработали историки-краеведы И.М. Гревс и Н.П. Анциферов. И.М. Гревс намечал конкретные пути изучения: «Привлекать к делу требуется все стороны и явления, какие могут выяснить происхождение и развитие города: как природу, среди которой он возник, и почву, на которой он развертывался, так и памятники, в которых он воплотился, так и совершавшийся внутри его труд и деятельность его жителей, и их плоды, вещественные и духовные. Надо изучать естественный ландшафт, внутри которого рос город, его план (топографию), монументальную физиономию, все содержание его жизни, динамически, эпоха за эпохой по всем указанным линиям, стремясь к конечному синтезу, т. е. к построению образа города как результата всего его прошлого развития» [9, с. 31–32].

В работах этих ученых впервые на методологическом уровне город осознавался через призму культуры как системы, ни один элемент которой не должен быть упущен из внимания исследователя. Рост городов трактовался И.М. Гревсом как «коренной вопрос культурной истории, ибо город самый сильный носитель и показатель культуры; на его судьбах всех сильнее отпечатываются процессы, ее творившие; в его пределах богаче всего происходит концентрация результатов ее развития» [10, с. 72].

Н.П. Анциферов выдвигал мысль о том, что «город – это наиболее конкретный устойчивый организм. Город дает нам наиболее выразительный образ культуры своего времени. Он впитал в себя всю историю связанной с ним страны и волею своих граждан превращен в ковчег, в котором содержатся народные реликвии» [11, с. 9]. Современное понятие социально-культурной инфраструктуры, отчасти, производно от этой теории.

С разгромом в 1930-е гг. краеведческого движения, развивавшегося в русле академической науки, комплексный подход к исследованию городов был забыт. Показательной в российской исторической науке тех лет стала точка зрения урбаниста Л.А. Велихова [12]. Комплексно-синтетический подход, по мнению ученого, привел бы лишь к самому непродуктивному плюрализму и дилетантскому эклектизму. С тех пор основное внимание обратили на изучение экономических аспектов исторического развития. Городская среда стала восприниматься как фон для событий индустриализации и социально-классовой динамики.

В послевоенное время внимание к истории культурного развития городов постепенно вернулось. Вновь появились и комплексные исследования. Сформировалась сибирская школа городоведения. Начало ей было положено работой Р.М. Кабо [13]. Помимо сибирской школы, в 1950–1960-е гг. были опубликованы специальные исследования по проблематике и методике изучения численности, состава, грамотности городского населения, например, работа А.Г. Рашина [14]. Начала создаваться «этнография города». В работе Л.А. Анохиной и М.Н. Шмелевой о быте городов средней полосы России, в частности, характеризуется городское жилье второй половины XIX – начала XX в., и проводится градация его благоустроенности в зависимости от района [15].

Особое место занимает монография П.Г. Рындзюнского [16]. В своей работе он доказал органическое единство градообразующих процессов в России и Западной Европе, раскрыл противоречивость государственной политики в первой половине XIX в. по отношению к городам. Это направление получило развитие в другой монографии П.Г. Рындзюнского «Крестьяне и город в капиталистической России второй половины

XIX в.» [17]. «Город – это не экономическая категория. Центр тяжести в его определении не лежит в области экономики, он расположен в социально-экономической сфере во всей ее полноте, и не меньше того определяется общественно-правовой, идеологической и культурной сферами» [18, с. 109].

Первой обобщающей работой по социальной истории России XVIII – начала XX в. стала монография Б.Н. Миронова [19]. В статье «Русский город во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Типологический анализ» Б.Н. Миронов пришел к выводу, что наиболее конкретной является типология городов по видам их деятельности, или по функциям: экономической, культурной, административно-политической, военной, рекреационной [20].

Следующую большую группу составляют работы, которые условно можно объединить под названием «вопросы культурного развития города». Круг этих вопросов охватывает многообразие деятельности человека в городе, создающего в нем искусственную среду, в противовес традиционной, естественной среде деревенского мира. Одним из первых еще в 1970-е гг. проблемами городской культуры заинтересовался М.Г. Рабинович, изучая бытовую культуру горожан русского феодального города. Он обратил внимание исследователей на этнографический и «особенно бытовой аспект изучения русских городов», восстановив, фактически, преемственность отечественного городоведения с «историко-этнографической или историко-бытовой школой прошлого [XIX] столетия» [21]. Монография М.Г. Рабиновича интересна именно обращением к развитию городской инфраструктуры, хотя и выходит за пределы изучаемого нами периода.

Постепенное возвращение интереса к социально-культурной проблематике города как «концентрации социальных групп, структур, ролевых поведений, средоточия культурных ценностей, образцов, определенных норм человеческой морали» в отечественной историографии началось в конце 1970-х гг. [22].

В 1980-е гг. издавались статьи в которых авторы затрагивали отдельные аспекты изучения сибирских городов: численности населения, его социальной структуры, развития промышленности и торговли, архитектурного облика; подчеркивали необходи-

мость изучения не только крупных городов [23–27].

На современном этапе развития отечественной историографии истории заново открывают для себя город как социальную систему, перейдя от эмпирических обобщений к более широкому осмыслению урбанизации в контексте общественного развития [28; 29]. При этом одни ученые смотрят на город сквозь призму урбанизации как исторического процесса, другие – сквозь призму культуры. Поэтому одни исследователи осмысливают феномен города предельно широко на стыке истории, географии, философии, культурологии, чем способствуют вовлечению в понятийный аппарат исторической науки пространственных характеристик города как физического объекта [30]. Другие ученые сосредоточились на проблемах городской культуры как системы. В этом смысле они ближе к концепции И.М. Гревса.

Основой социокультурного направления послужила монография Л.В. Кошман, посвященная русскому городу и социокультурной среде в XIX в. [31]. Являясь полифункциональным организмом, город, по мнению Л.В. Кошман, создавал определенное геокультурное пространство, поскольку был центром культурного притяжения, выступал ярким и наглядным мерилем уровня культуры. Повышенный интерес к истории губернских городов привел к появлению в последние годы работ, посвященных их историческому анализу на базе историко-этнографического и историко-культурного подходов. В частности, книги Л.В. Кошман и А.И. Куприянова позволяют представить проблемы благоустройства городов и развития инфраструктуры городского хозяйства в общероссийском масштабе [32].

В наши дни на сибирском материале активно использует данный подход омский историк Д.А. Алисов [33]. Город в новейших исследованиях стал рассматриваться как особая социально-территориальная форма организации общественного производства, где «осуществляется не только производство вещей, но и «производство» самих людей, их образа жизни. Качество «производства» человека во многом, если не во всем, зависит от состояния социально-культурной среды, которое определяется в т. ч. и такими факторами, как наличие жилья и его качество,

коммунальных услуг, внутригородского транспорта и связи, торговли и общественно-го питания, бытового обслуживания, а также от состояния здравоохранения и образования и т. п. Процесс усложнения городской среды приводит к изменению «качеств» самого человека [34, с. 9].

Попытки комплексного анализа городского социокультурного пространства прослеживаются в монографии А.Е. Бондаря, посвященной истории г. Екатеринодара [35]. Поставленные задачи автор решает с привлечением картографического метода. Предметом исследования работы Ю.А. Бухаровой является социальная и культурная среда уездных городов Саратовской губернии [36]. Изучением организации социокультурного пространства городов, условий жизни горожан, особенностей их психологии и поведения на примере городов Самаро-Саратовского Поволжья в конце XIX – начале XX в. занимается Ю.А. Рогач [37].

Работой, заслуживающей особого внимания, является диссертационное исследование А.А. Акашевой [38]. Предметом исследования стали процессы урбанизации Нижнего Новгорода второй половины XIX в. и процессы формирования социально-культурного пространства города и округа. Автор приходит к выводу, что результаты урбанизационных процессов в Нижнем Новгороде имели неоднозначный характер. Успехи торгового и промышленного развития города сочетались со слабой доступностью образования и медицинских услуг для большинства населения. Общественное благоустройство города затрагивало крайне незначительную часть его территории. Вместе с тем достигнутый уровень развития Нижнего Новгорода во второй половине XIX в. явился базой для последующих коренных преобразований города в XX столетии.

В работах историко-архитектурного характера важное место занимает анализ градостроительных планов. Но, что важно для нас, в этих трудах все чаще звучит призыв к изучению социальных сторон истории городов. Градообразующие факторы и их влияние на градостроительный процесс, взаимосвязь градостроительства и власти, эволюция и характер градостроительного законодательства, вопросы организации проектирования и строительства городов рассматриваются в

работе «Градостроительство России середины XIX – начала XX в.», под редакцией Е.И. Кириченко [39].

Один из ярких примеров такого рода исследований продемонстрировали челябинские ученые. Основной мыслью коллективного труда «Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII – начала XXI в.» является тезис о неэффективности изучения какой-то одной стороны существования города и требование комплексного исследования [40].

Особый подход в изучении создания масштабного и содержательного по форме организации материального объекта – города принадлежит Ю.А. Веденину и М.Е. Кулешовой и опирается на представление о культурном ландшафте как целостной и территориально локализованной совокупности природных, технических и социокультурных явлений. Ценностью для нашего исследования является мысль Ю.А. Веденина о том, что функционирование архитектурных сооружений затрагивает различные виды человеческой деятельности и протекает в определенных социокультурных условиях, являясь «лакмусовой бумагой», реагирующей на малейшие изменения [41].

Этапы заселения, генезис историко-архитектурного и градостроительного наследия, связь формирования исторической застройки с экономическим развитием городов анализируются в исследованиях С.В. Литвинова и Е.А. Благиных [42]. Около двух последних десятилетий этими авторами основательно изучается история городов Сибири, Юга России и Центральной части Европейской части России.

Определенное значение для понимания темы имеют историко-архитектурные исследования, посвященные отдельным городам. Например, исследование особенностей формирования архитектурно-планировочной структуры города Ачинска, его развитие на всех этапах, внешний вид изначальных построек и появление первых каменных сооружений отражены в работе В.И. Царева и Ю.И. Гинберга [43].

Некоторые отличия располагавшегося в Центральной России губернского города Тамбова от архитектуры отдельного этнокультурного территориального городского

комплекса юга России можно встретить в работе А.Г и А.А. Лазаревых [44].

В зарубежной историографии начала XX в. большое внимание уделялось социально-экономическим аспектам развития городской инфраструктуры. М. Вебер доказывал, что в России возникал просто временный союз оседлых в городе людей, объединенных общими повинностями и привилегиями, а не создавалось право гражданства в городе. В конечном счете, М. Вебер определил русский город как символ неподвижности и застоев [45].

Работы зарубежных историков, в которых город стал рассматриваться с помощью междисциплинарного подхода, появились в 1960–1970-х гг. в интеллектуальном контексте «новой городской истории». Исследования в этой области рассматривали свой предмет в фокусе пересечения целого ряда общественных наук: демографии, социологии, экономической и исторической географии, этносоциологии и других, каждая из которых имеет свои специфические методы и подходы к изучению города. Одной из первых работ, посвященных теоретическим вопросам урбан-истории, был изданный в США сборник статей «Историк и город», большинство авторов которого явно склонялись в сторону социально-контекстуального подхода, рассматривавшего город в его социальном окружении, как функцию включавшей его более крупной общественной системы [46].

Тезис о том, что город – место встречи разных культур в прошлом, настоящем и будущем, нашел в 1980-х гг. отражение в теории «осадочного общества» А. Рибера. По его мнению, социальные структуры в России второй половины XIX – начала XX в. сформировались в результате своеобразного процесса, в котором исторические формы общественных систем и господствующих ментальностей, вместо того чтобы последовательно сменять одна другую в ходе разрушения каждой новой формой более старой, откладывались вместе и переплетались, сосуществуя в сложных отношениях между собой [47, p. 416].

Интерес к культуре города со стороны зарубежных ученых подтверждается прошедшим в июне 2004 г. международным colloquium «Культуры городов Россий-

ской империи на рубеже XIX–XX веков» в Институте истории РАН (г. Санкт-Петербург).

Долгое время исследователи использовали общероссийский, главным образом, обобщенный статистический материал. Изучение отдельных городов дает возможность «оживить» тему, показать микроуровень социокультурных процессов. Краеведческие исследования тяготеют к определению точного местоположения объекта или события, месту жительства знаменитого земляка. Авторы хорошо ориентируются в изменявшемся пространстве родного города. Их не смущают смены названий и социальных характеристик улиц и районов.

На общероссийском фоне историография проблемы на тамбовских материалах менее обширна. Интерес к истории тамбовских зданий возник еще во второй половине XIX в., когда появились первые очерки, касающиеся строительства и функционирования наиболее значимых городских построек. Статьи краеведов о сооружениях гражданского и общественно-культурного назначения публиковались в выпусках «Известий Тамбовской ученой архивной комиссии».

В середине XX в. особое внимание уделялось строениям, с которыми были связаны жизнь и деятельность некоторых революционных деятелей. В 1970-е гг. появился ряд краеведческих изданий, посвященных городской архитектуре. Наиболее интересной историко-краеведческой работой популярного характера о социально-культурной застройке Тамбова стало исследование Е.И. Юстовой и М.М. Максимова, по форме первый путеводитель по историческому центру Тамбова [48]. Исторически ориентировано исследование краеведа Н.В. Муравьева, посвященное географии и истории тамбовских улиц и площадей [49].

Научно-популярные работы местных краеведов в основном в форме путеводителей, очерков, справочников вводят в научный оборот массу неизвестных прежде фактов истории Тамбова, воспоминания старожилов и т. д.

В 1990-х гг. на местном уровне появился ряд работ обзорного характера по истории городской инфраструктуры Тамбова и ряда крупных городов Тамбовской губернии, в которых анализируются процессы становле-

ния социально-культурной среды в губернском центре [50–54].

В начале XXI в. вышли многочисленные краеведческие издания. В работе И.Г. Пирожковой на материалах Тамбова изучаются принципы и закономерности административного и социального районирования городских территорий, социальный портрет исполнителей и заказчиков строительства, а также формы использования жилого фонда [55]. Книга М.А. Климовой позволяет проследить процесс постепенного благоустройства центральной части Тамбова – Соборной площади с конца XVIII до начала XX в., на которой, кроме кафедрального собора, располагались важные строения административного назначения [56]. В многочисленных статьях «Тамбовской энциклопедии» специалистами рассматривались и историческая, и архитектурная стороны постройки и функционирования зданий – памятников истории и культуры [57].

Среди работ по локальной истории, интересной с точки зрения методологии, является диссертация С.К. Лямина [58]. Автор прибегает к теории модернизации для исследования изменения менталитета населения прединдустриального Тамбова. Сделан вывод, что в пореформенной России урбанизация не привела к полной трансформации крестьян-мигрантов в социальные группы, характерные для индустриального общества.

В статье В.В. и Е.В. Барановых приводятся результаты анализа бюджетной политики властей пореформенного губернского центра. При этом особое внимание уделено социально-значимым статьям бюджета. Именно за их счет шло финансирование строительства объектов культуры [59].

Актуальными, на наш взгляд, являются работы тамбовских архитекторов Г.Л. Леденевой [60] и Н.В. Грязновой [61], в которых делается попытка комплексного анализа городской среды, под которой авторами понимается пространственная организация города.

В диссертации и статьях А.С. Лобановой выявлены основные административные и строительно-практические механизмы возведения в Тамбове зданий казенного и общественного назначения, проанализирована способность государства (контролирующего эти процессы) создавать условия для взаимодействия аппарата учреждений и культурных

объектов с населением [62]. С одной стороны, эти условия порой не создавались, а с другой – бывали созданы так удачно, что эти здания используются для образовательных, культурных и социальных нужд и поныне. Особенности ряда тамбовских построек свидетельствуют и об уровне приспособления городской среды к культурным потребностям жителей.

Отражению в тамбовском пространстве процесса модернизации городского досуга в конце XIX – начале XX в. посвящена статья В.Д. Орловой [63]. В ней пространство для проведения публичного досуга в Тамбове разделено на несколько концентрических зон и проанализированы особенности поведения горожан в каждой из них.

Важно подчеркнуть, что малая разработанность в историографии русского города роли природно-ландшафтного фактора отчасти является следствием слабой развитости методик соответствующих исследований в истории. Постепенно завоевывает признание в отечественных научных кругах метод создания и анализа геоинформативных систем (ГИС) применительно к истории города. За рубежом коллеги успешно используют методы ГИС на протяжении последних десяти лет. На сегодняшний день опубликовано несколько серьезных изданий, посвященных исключительно использованию ГИС в исторических исследованиях и обобщающих опыт применения геоинформационных технологий в исторической науке. Первой такой работой был сборник трудов семинара по компьютерному картографированию, состоявшегося во Флоренции (Италия) в 1994 г. [64].

Среди более поздних работ выделяются опубликованный в 2000 г. специальный выпуск журнала “Social Science History” [65], а также изданная в 2002 г. компанией ESRI, производителем ряда пакетов ГИС, коллективная работа “Past time, past place: GIS for history” [66]. Последняя по времени методическая и информационная сводка использования геоинформационных технологий в исторических исследованиях была опубликована в журнале “History and Computing” [67].

Сегодня осуществляется ряд проектов создания национальных исторических геоинформационных систем (National Historical GIS): в Ирландии, Дании, Великобритании, Германии, Нидерландах, Португалии, Канаде

и других странах. Большинство из них было представлено на XVI Международной конференции Ассоциации “History and Computing”, прошедшей 14–17 сентября 2005 г. в Нидерландах [68]. Информацию о них можно найти на сайте: <http://www.ahc2005.org> Особую роль ГИС в изучении истории подчеркивает Я. Грегори [69].

Надо отметить, что работы российских историков, использующих ГИС, остаются единичными. В.Н. Владимиров отмечает, что отечественные историки используют ГИС значительно реже зарубежных коллег [70; 71]. Одним из центров применения ГИС в исторических исследованиях является Барнаул.

Предметный анализ работ, выполненных с использованием ГИС-технологий, показывает доминирование исследований в области взаимодействия человека и окружающей среды. Работы по истории городского социокультурного пространства пока в меньшинстве. На материалах Тамбова выполнена диссертация Е.В. Барановой, в которой использованы современные методы пространственного анализа для получения конкретно-исторических результатов [72]. Применение автором геоинформационных систем в изучении локальной истории транспорта, коммунальных сетей, отдельных социально-культурных учреждений позволило по-новому взглянуть на совокупность факторов, определяющих историческое развитие города. Рассмотрение истории города как истории единого социально-культурного объекта дало возможность изучения этапов и особенностей формирования социально-культурной среды и формирующих ее факторов на примере сравнительно небольшого города, являвшегося административным центром аграрного региона.

Итак, роль пространственного фактора в развитии городов осознана историками давно. Анализ исторического городского пространства требовался при изучении социальных, культурных и ландшафтных проблем. Исследование застройки долго главное внимание уделяло внешнему виду зданий, а не их функциям в жизни горожан. К комплексному исследованию отдельных городов как социально-культурных объектов специалисты еще только приступают.

На рубеже XX и XXI в. в этой области произошел научный прорыв за счет применения современных методик исследования пространства. Историки переходят от анализа «на глаз» планов городской застройки к использованию геоинформационных систем, за которыми будущее. Современный уровень развития компьютерных технологий позволяет в ходе исследования процессов урбанизации в русском городе пореформенного времени моделировать городское социально-культурное пространство и осуществлять его функциональный анализ.

1. *Неволин К.А.* Общий список городов русских // Неволин К.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. СПб., 1859. Т. 6.
2. *Анциферов Н.В.* Непостижимый город. Л., 1991.
3. *Кизеветтер А.А.* Городовое положение Екатерины II 1785 г. М., 1909.
4. *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Город и деревня в Европейской России: Очерк по экономической географии. СПб., 1910.
5. *Озеров Н.Х.* Большие города. Их задачи и средства управления. М., 1906.
6. *Куломзин А.Н.* Доступность начальной школы в России. СПб., 1904.
7. *Чехов Н.В.* Типы русской школы в их историческом развитии. М., 1923.
8. *Козловский И.П.* Первые почты и почтмейстеры в Московском государстве. Опыт исследования некоторых вопросов из истории культуры во второй половине XVII в. Варшава, 1913. Т. 1.
9. *Гревс И.М.* История в краеведении // Краеведение. 1926. № 4.
10. *Гревс И.М.* Монументальный город и исторические экскурсии // Анциферовские чтения. Л., 1989. С. 69–75.
11. *Анциферов Н.П.* Пути изучения города как социального организма. Л., 1926.
12. *Велихов Л.А.* Основы городского хозяйства. Москва; Ленинград, 1928.
13. *Кабо Р.М.* Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии (XVII – первая половина XIX в.). М., 1949.
14. *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет. М., 1956.
15. *Анохина Л.А., Шмелева М.Н.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем на примере городов: Калуга, Елец, Ефремов. М., 1977.
16. *Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.

17. *Рындзюнский П.Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. М., 1983.
18. *Рындзюнский П.Г.* Основные факторы градообразования в России второй половины XVIII в. // Русский город: Историко-методологический сборник. М., 1976.
19. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи XVIII – начало XX в.: в 2 т. СПб., 1999.
20. *Миронов Б.Н.* Русский город во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Типологический анализ // История СССР. 1988. № 5. С. 150-169.
21. *Рабинович М.Г.* Очерки русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978.
22. *Долгий В.М., Левада Ю.А., Левинсон А.Г.* Урбанизация как социокультурный процесс // Урбанизация мира. М., 1974. С. 19-23.
23. *Скубневский В.А.* Население города Барнаула во второй половине XIX в. // Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул, 1980. С. 104-129.
24. *Скубневский В.А.* Промышленность городов Алтая в пореформенное время // Социально-экономическое развитие Алтая в XVII–XIX вв. Барнаул, 1984. С. 105-121.
25. *Скубневский В.А.* Города Алтая второй половины XIX в. // Города Алтая (эпоха феодализма и капитализма). Барнаул, 1986. С. 136-150.
26. *Скубневский В.А.* Города Сибири пореформенного времени в освещении современной советской историографии // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск, 1985.
27. *Пронин В.И.* Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // История СССР. 1981. № 4. С. 50-69.
28. Урбанизация в формировании социокультурного пространства / отв. ред. Э.В. Сайко. М., 1999.
29. *Симонова Е.В.* Города Тульской губернии в процессе урбанизации в XIX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.
30. Город как социокультурное явление исторического процесса: сборник статей. М., 1995.
31. *Кошман Л.В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты. М., 2008.
32. *Куприянов А.И.* Городская культура русской провинции, конец XVIII – первая половина XIX в. М., 2007.
33. *Алисов Д.А.* Культура городов среднего Прииртышья в XIX – начале XX в. Омск, 2001.
34. *Алисов Д.А.* Административные центры Западной Сибири: городская среда и социокультурное развитие (1870–1914 гг.). Омск, 2006.
35. *Бондарь В.В.* Войсковой город Екатеринодар 1793–1867 гг.: историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. Краснодар, 2000.
36. *Бухарова Ю.А.* Социокультурный облик уездных городов Саратовской губернии в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2006.
37. *Розач Ю.А.* Социокультурное пространство городов Самаро-Саратовского Поволжья в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2006.
38. *Акашева А.А.* Нижний Новгород в 1860–1890-е гг. Методика реконструкции социокультурного пространства города: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2006.
39. *Кириченко Е.И.* Градостроительство России середины XIX – начала XX в. М., 2001.
40. Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII – начала XXI в. / под ред. Е.В. Копышевой. Челябинск, 2008.
41. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Виденина, М.Е. Кулешовой. М., 2004.
42. *Благиных Е.А.* Архитектурно-градостроительное наследие Кемеровской области: XVII – первая половина XX в. Новосибирск, 2007.
43. *Царев В.И., Гинберг Ю.И.* Ачинск: градостроительная история. Красноярск, 1992.
44. *Лазарев А.Г., Лазарев А.А.* Архитектура и градостроительство юга России. История. Традиции. Современные тенденции. Ростов н/Д, 2001.
45. *Вебер М.* Город. Пг., 1923.
46. The Historian and the City / ed. O. Handlin, J. Burchard. N. Y., 1963.
47. *Rieber A.J.* Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill, 1982.
48. *Юстова Е.И., Максимов М.М.* Тамбов: памятники архитектуры. Воронеж, 1979.
49. *Муравьев Н.В.* Улицы и площади Тамбова. Тамбов, 1994.
50. *Мизис Ю.А.* Заселение Тамбовского края в XVII–XVIII вв. Тамбов, 1990.
51. *Протасов Л.Г.* Городская инфраструктура Тамбова в 1910 году // Город Тамбов в прошлом, настоящем и будущем. 360-летию посвящается: тезисы докладов краеведческой конференции. Тамбов, 1996. С. 18-21.
52. *Канищев В.В., Орлова В.Д.* Жилищное строительство в Тамбове в конце XIX – начале XX в. (социальный аспект) // Город Тамбов в прошлом, настоящем и будущем. 360-летию посвящается: тезисы докладов краеведческой конференции. Тамбов, 1996. С. 53-56.

53. *Зайцева О.М., Стрекалова Н.В.* Некоторые аспекты взаимоотношения общества и власти на примере выборов в Тамбове в конце XIX – начале XX в. // Избирательное право и избирательный процесс в России: прошлое и настоящее (региональный аспект): материалы научно-практической конференции. Тамбов, 2000.
 54. *Дьячков В.Л., Канищев В.В., Мизис Ю.А.* Пригороды Тамбова XVII–XX вв. в контексте урбанистических процессов // Историография и источниковедение отечественной истории. СПб., 2006.
 55. *Пирожкова И.Г.* Жилищный вопрос и гражданское строительство в русском провинциальном губернском городе в XIX–XX вв. Тамбов, 2004.
 56. *Климкова М.А.* Соборная площадь города Тамбова. Тамбов, 2011.
 57. Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004.
 58. *Лямин С.К.* Менталитет населения прединдустриального города 1860–1870-х гг. По материалам Тамбова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.
 59. *Баранова В.В., Баранова Е.В.* Социально-значимые статьи бюджета пореформенного губернского центра (на материалах г. Тамбова второй половины XIX – начала XX в.) // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов, 2014. № 3. С. 149-155.
 60. *Леденева Г.Л.* Гражданская архитектура российской провинции конца XIX – начала XX столетий (на примере застройки г. Тамбова). Тамбов, 2003.
 61. *Грязнова Н.В.* Архитектурно-пространственное преобразование российской провинции в конце XVIII – начале XIX в.: замысел и реализация (на примере Тамбовской губернии): автореф. дис. ... канд. архитектуры. М., 2000.
 62. *Лобанова А.С.* Пространственное размещение и функциональная нагрузка зданий государственного и общественного назначения Тамбова XIX в. // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов, 2014. № 3. С. 156-161.
 63. *Орлова В.Д.* Отражение в городском пространстве процесса модернизации городского досуга в конце XIX – начале XX в.: По материалам города Тамбова // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2014. Вып. 5 (133). С. 131-138.
 64. Coordinates for Historical Maps / ed. M. Goerke. St. Katharinen, 1994.
 65. Social Science History. 2000. Vol. 24. № 3. P. 451-652.
 66. Past time, past place: GIS for history / ed. A.K. Knowles. Redlands, 2002.
 67. History and Computing. 2001. Vol. 13. № 1. P. 1-97.
 68. Humanities, Computers and Cultural Heritage. Proceedings of XVIth international conference of the Association for History and Computing. Amsterdam, 2005.
 69. *Gregory I.* Position Paper // 2009 Compass Interdisciplinary Virtual Conference – “Breaking Down Barriers”. DEBATE: What can GIS offer World History? URL: <http://historycompass.files.wordpress.com/2008/10/what-can-gis-offer-world-history-ian-gregory.pdf>; вся дискуссия: <http://historycompass.wordpress.com/2008/11/03/debate-what-can-gis-offer-world-history/> (accessed: 9.04.2015).
 70. *Владимиров В.Н.* История, карта, компьютер... (о возможностях исторического компьютерного картографирования) // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996. С. 297-305.
 71. *Владимиров В.Н.* Пространственный анализ и компьютерное картографирование в изучении социально-экономических процессов в Сибири XIX – начала XX в. // Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 1997. С. 121-132.
 72. *Баранова Е.В.* Динамика социально-культурной инфраструктуры г. Тамбова во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010.
-
1. *Nevolin K.A.* Obshchiy spisok gorodov russkikh // Nevolin K.A. Polnoe sobranie sochineniy: v 6 t. Spb., 1859. T. 6.
 2. *Antsiferov N.V.* Nepostizhimyy gorod. L., 1991.
 3. *Kizevetter A.A.* Gorodovoe polozhenie Ekateriny II 1785 g. M., 1909.
 4. *Semenov-Tyan-Shanskiy V.P.* Gorod i derevnya v Evropeyskoy Rossii: Ocherk po ekonomicheskoy geografii. Spb., 1910.
 5. *Ozerov N.Kh.* Bol'shie goroda. Ikh zadachi i sredstva upravleniya. M., 1906.
 6. *Kulomzin A.N.* Dostupnost' nachal'noy shkoly v Rossii. Spb., 1904.
 7. *Chekhov N.V.* Tipy russkoy shkoly v ikh istoricheskom razvitiy. M., 1923.
 8. *Kozlovskiy I.P.* Pervye pochty i pochtmestery v Moskovskom gosudarstve. Opyt issledovaniya nekotorykh voprosov iz istorii kul'tury vo vtoroy polovine XVII v. Varshava, 1913. T. 1.
 9. *Greys I.M.* Istoriya v kraevedenii // Kraevedenie. 1926. № 4.
 10. *Greys I.M.* Monumental'nyy gorod i istoricheskie ekskursii // Antsiferovskie chteniya. L., 1989. S. 69-75.
 11. *Antsiferov N.P.* Puti izucheniya goroda kak sotsial'nogo organizma. L., 1926.
 12. *Velikhov L.A.* Osnovy gorodskogo khozyaystva. Moskva; Leningrad, 1928.

13. *Kabo P.M.* Goroda Zapadnoy Sibiri. Ocherki istoriko-ekonomicheskoy geografii (XVII – pervaya polovina XIX v.). M., 1949.
14. *Rashin A.G.* Naselenie Rossii za 100 let. M., 1956.
15. *Anokhina L.A., Shmeleva M.N.* Byt gorodskogo naseleniya sredney polosity RSFSR v proshlom i nastoyashchem na primere gorodov: Kaluga, Elets, Efremov. M., 1977.
16. *Ryndzyunskiy P.G.* Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoy Rossii. M., 1958.
17. *Ryndzyunskiy P.G.* Krest'yane i gorod v kapitalisticheskoy Rossii vtoroy poloviny XIX v. M., 1983.
18. *Ryndzyunskiy P.G.* Osnovnye faktory gradoobrazovaniya v Rossii vtoroy poloviny XVIII v. // Russkiy gorod: Istoriko-metodologicheskii sbornik. M., 1976.
19. *Mironov B.N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii XVIII – nachalo XX v.: v 2 t. SPb., 1999.
20. *Mironov B.N.* Russkiy gorod vo vtoroy polovine XVIII – pervoy polovine XIX veka. Tipologicheskii analiz // Istoriya SSSR. 1988. № 5. S. 150-169.
21. *Rabinovich M.G.* Ocherki russkogo feodal'nogo goroda. Gorozhane, ikh obshchestvennyy i domashniy byt. M., 1978.
22. *Dolgiy V.M., Levada Yu.A., Levinson A.G.* Urbanizatsiya kak sotsiokul'turnyy protsess // Urbanizatsiya mira. M., 1974. S. 19-23.
23. *Skubnevskiy V.A.* Naselenie goroda Barnaula vo vtoroy polovine XIX v. // Aktual'nye voprosy istorii Altaya. Barnaul, 1980. S. 104-129.
24. *Skubnevskiy V.A.* Promyshlennost' gorodov Altaya v poreformennoe vremya // Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Altaya v XVII–XIX vv. Barnaul, 1984. S. 105-121.
25. *Skubnevskiy V.A.* Goroda Altaya vtoroy poloviny XIX v. // Goroda Altaya (epokha feodalizma i kapitalizma). Barnaul, 1986. S. 136-150.
26. *Skubnevskiy V.A.* Goroda Sibiri poreformennogo vremeni v osveshchenii sovremennoy sovetskoy istoriografii // Voprosy istoriografii i istochnikovedeniya Sibiri pe-rioda kapitalizma. Tomsk, 1985.
27. *Pronin V.I.* Naselenie Sibiri za 50 let (1863–1913 gg.) // Istoriya SSSR. 1981. № 4. S. 50-69.
28. *Urbanizatsiya v formirovanii sotsiokul'turnogo prostranstva / otv. red. E.V. Sayko. M., 1999.*
29. *Simonova E.V.* Goroda Tul'skoy gubernii v protsesse urbanizatsii v XIX v.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2005.
30. *Gorod kak sotsiokul'turnoe yavlenie istoricheskogo protsessa: sbornik statey. M., 1995.*
31. *Koshman L.V.* Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XIX stoletiya. Sotsial'nye i kul'turnye aspekty. M., 2008.
32. *Kupriyanov A.I.* Gorodskaya kul'tura russkoy provintsii, konets XVIII – pervaya polovina XIX v. M., 2007.
33. *Alisov D.A.* Kul'tura gorodov srednego Priirtysh'ya v XIX – nachale XX v. Omsk, 2001.
34. *Alisov D.A.* Administrativnye tsentry Zapadnoy Sibiri: gorodskaya sreda i sotsiokul'turnoe razvitie (1870–1914 gg.). Omsk, 2006.
35. *Bondar' V.V.* Voyskovoy gorod Ekaterinodar 1793–1867 gg.: istoriko-kul'turnaya spetsifika i funktsional'naya rol' v sisteme gorodskikh poseleniy Rossiyskoy imperii. Krasnodar, 2000.
36. *Bukharova Yu.A.* Sotsiokul'turnyy oblik uezdnykh gorodov Saratovskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Volgograd, 2006.
37. *Rogach Yu.A.* Sotsiokul'turnoe prostranstvo gorodov Samaro-Saratovskogo Povolzh'ya v kontse XIX – nachale XX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Samara, 2006.
38. *Akashcheva A.A.* Nizhniy Novgorod v 1860–1890-e gg. Metodika rekonstruktsii sotsiokul'turnogo prostranstva goroda: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. N. Novgorod, 2006.
39. *Kirichenko E.I.* Gradostroitel'stvo Rossii serediny XIX – nachala XX v. M., 2001.
40. *Gorod v zerkale genplana: panorama gradostroitel'nykh projektov v rossiyskoy provintsii XVIII – nachala XXI v. / pod red. E.V. Konyshchey. Chelyabinsk, 2008.*
41. *Kul'turnyy landshaft kak ob'ekt naslediya / pod red. Yu.A. Videnina, M.E. Kuleshovoy. M., 2004.*
42. *Blaginykh E.A.* Arkhitekturno-gradostroitel'noe nasledie Kemerovskoy oblasti: XVII – pervaya polovina XX v. Novosibirsk, 2007.
43. *Tsarev V.I., Ginberg Yu.I.* Achinsk: gradostroitel'naya istoriya. Krasnoyarsk, 1992.
44. *Lazarev A.G., Lazarev A.A.* Arkhitektura i gradostroitel'stvo yuga Rossii. Istoriya. Traditsii. Sovremennyye tendentsii. Rostov n/D, 2001.
45. *Veber M.* Gorod. Pg., 1923.
46. *The Historian and the City / ed. O. Handlin, J. Burchard. N. Y., 1963.*
47. *Rieber A.J.* Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill, 1982.
48. *Yustova E.I., Maksimov M.M.* Tambov: pamyatniki arkhitektury. Voronezh, 1979.
49. *Murav'ev N.V.* Ulitsy i ploshchadi Tambova. Tambov, 1994.
50. *Mizis Yu.A.* Zaselenie Tambovskogo kraya v XVII–XVIII vv. Tambov, 1990.
51. *Protasov L.G.* Gorodskaya infrastruktura Tambova v 1910 godu // Gorod Tambov v proshlom, nastoyashchem i budushchem. 360-letiyu posvyashchaetsya: tezisy dokladov kraevedcheskoy konferentsii. Tambov, 1996. S. 18-21.
52. *Kanishchev V.V., Orlova V.D.* Zhilishchnoe stroitel'stvo v Tambove v kontse XIX – nachale

- XX v. (sotsial'nyy aspekt) // *Gorod Tambov v proshlom, nastoyashchem i budushchem. 360-letiyu posvyashchaetsya: tezisy dokladov kraevedcheskoy konferentsii*. Tambov, 1996. S. 53-56.
53. *Zaytseva O.M., Strekalova N.V.* Nekotorye aspekty vzaimootnosheniya obshchestva i vlasti na primere vyborov v Tambove v kontse XIX – nachale XX v. // *Izbitatel'noe pravo i izbitatel'nyy protsess v Rossii: proshloe i nastoyashchee (regional'nyy aspekt): materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Tambov, 2000.
 54. *D'yachkov V.L., Kanishchev V.V., Mizis Yu.A.* Prigorody Tambova XVII–XX vv. v kontekste urbanisticheskikh protsessov // *Istoriografiya i istochnikovedenie otechestvennoy istorii*. SPb., 2006.
 55. *Pirozhkova I.G.* Zhilishchnyy vopros i grazhdanskoe stroitel'stvo v russkom provintsial'nom gubernskom gorode v XIX–XX vv. Tambov, 2004.
 56. *Klimkova M.A.* Sobornaya ploshchad' goroda Tambova. Tambov, 2011.
 57. *Tambovskaya entsiklopediya*. Tambov, 2004.
 58. *Lyamin S.K.* Mentalitet naseleniya predindustriального города 1860–1870-х гг. По материалам Тамбова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.
 59. *Baranova V.V., Baranova E.V.* Sotsial'no-znachimye stat'i byudzheta poreformennogo gubernskogo tsentra (na materialakh g. Tambova vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.) // *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. Tambov, 2014. № 3. S. 149-155.
 60. *Ledeneva G.L.* Grazhdanskaya arkhitektura Rossiyskoy provintsii kontsa XIX – nachala XX stoletiy (na primere zastroyki g. Tambova). Tambov, 2003.
 61. *Gryaznova N.V.* Arkhitekturno-prostranstvennoe preobrazovanie Rossiyskoy provintsii v kontse XVIII – nachale XIX v.: zamysel i realizatsiya (na primere Tambovskoy gubernii): автореф. дис. ... канд. архитектуры. М., 2000.
 62. *Lobanova A.S.* Prostranstvennoe razmeshchenie i funktsional'naya nagruzka zdaniy gosudarstvennogo i obshchestvennogo naznacheniya Tambova XIX v. // *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. Tambov, 2014. № 3. S. 156-161.
 63. *Orlova V.D.* Otrazhenie v gorodskom prostranstve protsessa modernizatsii gorodskogo dosuga v kontse XIX – nachale XX v.: Po materialam goroda Tambova // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. Tambov, 2014. Vyp. 5 (133). S. 131-138.
 64. *Coordinates for Historical Maps* / ed. M. Goerke. St. Katharinen, 1994.
 65. *Social Science History*. 2000. Vol. 24. № 3. P. 451-652.
 66. *Past time, past place: GIS for history* / ed. A.K. Knowles. Redlands, 2002.
 67. *History and Computing*. 2001. Vol. 13. № 1. P. 1-97.
 68. *Humanities, Computers and Cultural Heritage. Proceedings of XVIth international conference of the Association for History and Computing*. Amsterdam, 2005.
 69. *Gregory I.* Position Paper // 2009 Compass Interdisciplinary Virtual Conference – “Breaking Down Barriers”. DEBATE: What can GIS offer World History? URL: <http://historycompass.files.wordpress.com/2008/10/what-can-gis-offer-world-history-ian-gregory.pdf>; vsya diskussiya: <http://historycompass.wordpress.com/2008/11/03/debate-what-can-gis-offer-world-history/> (accessed: 9.04.2015).
 70. *Vladimirov V.N.* Istoriya, karta, komp'yuter... (o vozmozhnostyakh istoricheskogo komp'yuternogo kartografirovaniya) // *Krug idey: modeli i tekhnologii istoricheskoy informatiki*. М., 1996. S. 297-305.
 71. *Vladimirov V.N.* Prostranstvennyy analiz i komp'yuternoe kartografirovanie v izuchenii sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov v Sibiri XIX – nachala XX v. // *Materialy nauchnykh chteniy pamyati akademika I.D. Koval'chenko*. М., 1997. S. 121-132.
 72. *Baranova E.V.* Dinamika sotsial'no-kul'turnoy infrastruktury g. Tambova vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010.

Поступила в редакцию 16.04.2015 г.

UDC 94(47).07+930.2.51

UNDERSTANDING OF SPACE FACTOR OF FORMATION OF URBAN CULTURE IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF XIX – THE BEGINNING OF XX CENTURY BY HISTORICAL SCIENCE

Vera Dmitrievna ORLOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of History, Associate Professor of Russian History Department, e-mail: verorl@yandex.ru

The process of studying the actual problems on the history of Russian city is analyzed. Historiographic analysis of numerous domestic and foreign research on the development of Russian culture in the context of urban theory of the formation of urban leisure space is held for the first time. Stages of interest in historical scholarship to the urban culture in general are marked, architectural appearance of its facilities and the “geography” of this culture are reviewed in particular. Attention is paid to the views of experts on the placement of objects in urban space culture, leisure behavior of citizens in different urban areas and suburbs. Historical, architectural, social, cultural and geo-cultural approaches to the Russian urban planning are mentioned. It is emphasized that the study of the history of the formation of urban social and cultural infrastructure is important for planning the development of modern cities. Since the study of individual cities allows to “revive” the subject and show the micro-level of social and cultural processes devoted to the analysis of the place of the Tambov regional studies of popular and non-fiction literature. Considered by historians the city used methods for studying natural landscape factors influencing the urbanization processes in general and the formation of urban cultural spaces, among others. Research using geoinformative systems are mentioned.

Key words: town; social and cultural environment; Tambov; space factor; historiography; geoinformative systems.

УДК 913

**ВЛИЯНИЕ ПОГОДНЫХ УСЛОВИЙ НА СОСТОЯНИЕ
ПОМЕЩИЧЬИХ ХОЗЯЙСТВ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
В СЕРЕДИНЕ XIX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПИСОК
ЛЕБЕДЯНСКОГО ОБЩЕСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА)¹**

© Руслан Валерьевич СУВОРИН

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант,
кафедра российской истории, e-mail: ruslan.suvorin@mail.ru

Рассматривается влияние погодных условий на состояние помещичьих хозяйств Тамбовской губернии в середине XIX в. на основе «Записок Лебедянского общества сельского хозяйства». Показано, что этот источник использовался для характеристики экономического состояния помещичьих хозяйств с целью выявления их состояния на данный период времени. Отмечено влияние на положение помещичьих хозяйств не только социально-экономических факторов, но и природной среды, особенно изменений погодных условий. Обосновано, что «Записки Лебедянского общества сельского хозяйства» являются ценным источником, отразившим чуть ли не каждодневные наблюдения целого ряда помещиков Тамбовской и соседних губерний о воздействии погоды на их хозяйства. Проанализировано, какие годы и сезоны были наиболее тяжелые для помещичьих хозяйств. Выявлено, какие погодные условия причиняли наибольший вред урожаю.

Ключевые слова: погода; засуха; неурожай; голод; градобития; заморозки; пожары.

Нельзя сказать, что «Записки Лебедянского общества сельского хозяйства» не использовались в работах историков. К ним широко обращались крупные российские специалисты по истории крепостного крестьянства П.А. Зайончковский и И.Д. Ковальченко, американский историк С.Л. Хок [1–3]. Нередко обращаются к Запискам и начинающие историки, такие как Ю.Ю. Коньшина и А.В. Квасникова [4–5].

Обычно этот источник использовался для характеристики экономического состояния помещичьих хозяйств с целью выявления кризисного их состояния в условиях крепостного права или, напротив, для доказательства сохранения возможности их развития.

Казалось бы, очевидный вопрос о влиянии на положение этих хозяйств не только социально-экономических факторов, но и природной среды, особенно изменений погодных условий, почти не затрагивался историками.

Вместе с тем «Записки Лебедянского общества сельского хозяйства» являются очень ценным источником, отразившим чуть ли не каждодневные наблюдения целого ряда

помещиков Тамбовской и соседних губерний о воздействии погоды на их хозяйства.

Изучив 10 выпусков Записок, мы выявили 20 публикаций, в которых затронут данный сюжет. 10 из них дают сведения о погодных условиях отдельных лет по Тамбовской губернии, 4 – о влиянии погоды на хозяйства отдельных помещиков Тамбовской губернии, 6 – других губерний.

В приложении к Запискам Лебедянского общества сельского хозяйства за 1847 г. рассмотрено влияние атмосферы на рост хлебов. В целом по губернии, начиная с весны 1847 г. и до июля, была погода почти постоянно холодная, дождливая, с сильными ветрами, нередко с бурями и сильными грозами; но, несмотря на это, все хлеба росли хорошо, а в некоторых местах даже отлично.

С первых чисел июля в некоторых местах губернии начались постоянные жары и продолжались более двух месяцев, от чего пострадали многие хлеба [6, с. 204].

В отчете Общества за 1848 г. так же есть данные о влиянии погодных условий на урожай. По всей губернии зима была бесснежна и сурова, морозы до 33 градусов. Весенние воды малы и скоро сошли, яровые посажены раньше обычного, всходы были отличные, но все побили морозы 12–14 мая. Мороз 6 и 7 июня побил в некоторых местах взошедшую гречу и повредил картофельную ботву.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки РФ (Задание № 33.956.2014/К).

Засуха началась со второй половины мая и продолжалась все лето. Были три сильные бури с проливным дождем и градом, но короткие, не более получаса. От всего этого все полеводство, огородничество и луговое хозяйство значительно пострадали, преимущественно в южных уездах Тамбовской губернии [6, с. 238].

В том же отчете за 1850 г. указано, что осень 1849 г. была сухой, довольно сильные морозы начались в конце октября, а после небольшой оттепели усилились без снега. Легкие снега в начале декабря прикрыли землю, но большие морозы заставляли опасаться за посеянные озимые, в особенности за пшеницу, что и оправдалось. Морозы зимой доходили до 37 градусов, и сильные снега пошли в конце января и феврале.

Сильное половодье весной много повредило мельниц и плотин. С начала весны 1850 г. были дожди, а с 1 мая – сильная засуха с температурой до 25 градусов, продолжавшаяся до конца мая, а в некоторых местах до середины июня. Все это оказало пагубное воздействие на озимые, яровые и травы. Дожди в июне продолжались около недели, а затем вновь засуха до августа [7, с. 448].

По данным отчета Общества за 1853 г. осень 1852 г. была кратковременна. Зима началась с 1 октября, непостоянная, бурная, с частыми и сильными оттепелями; земля 4 раза обнажалась от снега и покрывалась вновь. В итоге с озимых не удалось взять и половины урожая. Озимые пшеницы пострадали больше всего, во всех озимых оказалось очень много лебеды. В мае наступила засуха, продолжавшаяся до середины июня. В конце июля дожди с сильной бурей и грозой начали мешать уборке хлебов. Дожди продолжались до середины сентября, и настолько мешали уборке, что во многих местах хлеба проросли в копнах и скирдах. Урожай везде разный, но не выше среднего [8, с. 423-424].

В отчете Общества за 1854 г. отмечено, что по всей губернии осень 1853 г. была очень благоприятна для посева озимых хлебов, которые отсеяны вовремя. От дождей и тепла озимые в отличном состоянии. Всю зиму не было оттепелей, и зелень не обнажалась, что дает надежду на хороший урожай. Весна началась около середины апреля. Дожди были до 4 мая, яровые всходили хорошо, но после засуха и холод остановили их рост.

В конце июня начались вредные росы, повредившие ржи. Урожай ее был скудный, поэтому во многих местах недостаточен для продовольствия. Картофель родился мелкий из-за засухи и с признаками болезни. Сена много и отличного качества. Огородных овощей немного, но достаточно, в изобилии ягоды [9, с. 305].

По информации за 1855 г., предоставленной Обществу для ежегодного отчета, осень 1854 г. благоприятствовала посевам, и долго продолжавшаяся хорошая погода способствовала росту озимых. Зима была ровная, довольно теплая, оттепели начались в феврале с метелями. В первой половине марта вскрылись реки. В апреле настала засуха, и ближе к концу месяца появились черви, поедавшие все травы, кроме злаков. Летом температура доходила до 40 градусов, засуха остановила рост всех хлебов. Огородных овощей мало [10, с. 337].

В отчете за 1856 г. Общество отмечает по всей губернии прекрасную осень 1855 г. с несколькими дождями и хорошей погодой, благоприятствующей озимым. Снега зимой было не много. В феврале оголились бугры. Весна пришла в конце марта. Небольшие дожди благоприятствовали всходам яровых хлебов, но засуха в мае совершенно их остановила и продолжалась в июне. В конце июня местами дожди стали мешать уборке озимых. Дожди усилились до такой степени, что возникли проблемы с уборкой яровых местами [11, с. 282-283].

По данным отчета Общества за 1857 г., по всей губернии морозы начались с 25 сентября 1856 г., с сильным ветром. В начале октября выпало довольно много снега, но он скоро растаял. В первых числах ноября после сильных морозов – проливной дождь и все растаяло, вода вышла из берегов и повредила мельницы. И так до конца года повторилось еще трижды.

С 4 апреля наступила ясная и теплая погода, и снега уже в полях не было, но с 10 постоянно были морозы, снег и сильный ветер, что и остановило растительность. Лишь 15 числа установилась весна.

В первых числах мая побил морозом часть овса. Потом началась засуха, продолжавшаяся более 6 недель. Хлеба совершенно остановились в росте. Дожди, только пошедшие в конце июня, помешали уборке се-

на. Такая погода была причиной большого неурожая почти всех хлебов [12, с. 328-329].

Отчет за 1858 г. указывает, что по всей губернии осень 1857 г. была неблагоприятна для озимых. Зима была нехолодная, без сильных морозов и оттепелей. Весенние дожди способствовали росту всех хлебов, как яровых, так и озимых. Но усилившиеся дожди с ежедневной грозой летом вредно действовали на цветы всех хлебов [13, с. 165-166].

В Записках мы находим не только данные о влиянии погодных условий на всю губернию, но и отчеты отдельных помещиков по отдельным уездам и хозяйствам.

Член-корреспондент Лебедянского общества сельского хозяйства Х.П. Козлов анализирует влияние погодных условий на ведение хозяйства в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии. По словам Х.П. Козлова, после 12 июня 1852 г. наступило сухое время. В октябре ранние холода, но вреда растениям нет. Весь вред озимым нанесла весна, которая наступила рано. От непогоды в степных местах погибло много овец, телят, жеребят и даже крупного скота; вероятно, от гниения трупов пошел повальный падеж скота [8, с. 207-211].

Наиболее полные метеорологические наблюдения вел действительный член Лебедянского общества сельского хозяйства помещик с. Замартынье Лебедянского уезда А.И. Штейн. Свои наблюдения он вел по своему хозяйству, но и отмечал экстремальные явления в соседних местах. По записям А.И. Штейна в 1853 г. через Борисоглебск и почти по всему уезду пронесся сильный ураган с дождем и грозой [14, с. 277].

В Записках представлены самые подробные метеорологические наблюдения А.И. Штейна по селу Замартынье.

По наблюдения А.И. Штейна, 13 июня 1842 г. убиты морозом многие огородные растения и гречиха раннего сева. Как отмечал помещик, 1842 г. обилён урожаем хлеба, в особенности ярового. Частые дожди заставили хлеб лечь, зерно низкого качества, а уборка от сырости очень неудачна, так что много хлеба осталось неубранным и сгнило в поле.

Теплая зима, сырая и холодная весна, засуха в начале лета, излишество влаги и ненастная теплая осень — отличительные черты

1843 г. по оценке А.И. Штейна. Все это не могло не оказать влияния на урожай хлеба. Впрочем, озимый, отличный с осени, выдержал эти невзгоды погоды и родился превосходно; но яровые ниже посредственности, особенно просо и гречиха, местами не возвратившая и семян.

По дневнику помещика, в 1844 г. зима была с непрерывными метелями, весны же почти не было: до мая зима была, в полном смысле слова, с морозами и санной дорогой до 27 апреля, потом вдруг жаркое и сухое лето до 1 июня. Июнь сырой и холодный; с июля опять жара и засуха; осень теплая и влажная. Урожай хлеба плохой, гречиха и просо пропали.

1845 г. схож по оценке А.И. Штейна с предыдущим годом; так же продолжительна зима, весны не было, засуха летом и ненастная осень. Урожай озимых хороший, яровых — плохой.

В 1846 г. непостоянная зима, с непрерывными метелями, сырая весна, лето в конце июля дождливое. С 1 августа до зимы засуха. Урожай ржи обилён соломой, качество зерна плохое. Яровые хороши. Всходы озимых в будущем году будут слабы.

В 1847 г. зима до половины апреля, май сырой и холодный. Летом изобилие влаги, осень сухая и теплая. Урожай озимых плохой, а яровых очень хороший. Озимые взошли слабо, местами не взошли вообще. Многие хозяева, дожидавшиеся дождя для посева ржи, остались совсем без посева или сеяли под зиму в октябре.

По данным А.И. Штейна, в 1848 г. суровый январь, теплый февраль, сильные морозы в начале марта, а потом прекрасная весна. С мая по сентябрь засуха, уничтожившая все надежды не только на урожай в этом году, но и в будущем угрожающая неурожаем озимых. Урожай ржи плох, яровые не вернули семена [6, с. 30-53].

В 1850 г. А.И. Штейн записал, что с 7 мая началась засуха. Рожь начала редеть, пожелтела у корня. Овес и прочие яровые вообще не взошли. В июне, хотя и было несколько дождей, засуха продолжалась. Засуха была так сильна, что пропала всякая надежда на урожай яровых и трав. Земля высохла и потрескалась. Овес раннего посева был потерян, а позднего еще не взошел. Травы были годны только на заливных и низменных

лугах, остальные остались нескошены. Рожь созрела раньше, хотя и редкая. В некоторых местах начали жать. Картофеля возшло не более одной десятой части посева. Гречиху почти никто не сеял, а кто посеял, у того вообще не возшла. Огородные овощи при хорошей поливке росли хорошо [15, с. 51].

С 4 июля начались дожди и увлажнили землю. Но ситуации с яровыми была уже необратима. Все стали сеять гречиху. В неделю гречиха возшла и укрыла землю. Появились травы, которые дали надежду собрать хоть сколько-то корма для скота [15, с. 54].

В итоге урожай оказался лучше, чем рассчитывали собрать при такой засухе. Картофель после дождей поправился и стал цвести. Особенно отметим, что в данном селе уже начали сажать картофель, который только в 1840-е гг. становился распространенной сельхозкультурой. Из записок А.И. Штейна понятно, что картофель мог переносить засушливые условия наших широт.

В мае 1852 г. новая засуха остановила рост яровых, нанесла определенный вред озимым [15, с. 96]. Жара и засуха в июне 1853 г. также повредили урожай [15, с. 256]. Засуха в июле 1854 г. задержала яровые и привела к весьма плохому урожаю [15, с. 270]. Засушливые условия июля 1857 г. привели к сбору посредственного урожая, местами даже не удалось возвратить семена.

Очевидно, что засуха оказывала крайне негативное воздействие на урожай в рамках данной территории, повторяясь с частой периодичностью. В данном случае в среднем раз в два года. Но, с другой стороны, это тот случай, когда средние цифры обманчивы. Из дневника А.И. Штейна мы видим, что в 1852–1854 гг. засуха повторилась три года подряд. Это всегда было тяжело для российского аграрного социума, не способного создать запасы продовольствия на такой срок.

Следует отметить, что наблюдения А.И. Штейна высоко ценились Обществом и поощрялись. Почти в каждом ежегодном отчете о проделанной работе Общества отмечались работы А.И. Штейна, в т. ч. и награждением Серебряной медалью Общества.

Интересны записки коллежского асессора С.О. Федорова, руководившего Центральной учебной фермой Министерства государственных земельных имуществ.

Подобные фермы для обучения крестьян были созданы согласно Положению от 28 мая 1841 г. «Об учебных фермах». Находилась она недалеко от Липецка. Это была одна из первых пяти специальных ферм, созданных в России. В ней могли обучаться государственные и помещичьи крестьяне. Они должны были быть не моложе 17 и не старше 20 лет, здоровые и без явных физических недостатков. Желательно, чтобы крестьяне уже умели (хотя бы посредственно) писать и читать.

В статье С.О. Федорова в Записках за 1848 г., помимо специальных сельскохозяйственных проблем, есть замечания по влиянию погодных условий на урожай. По данным С.О. Федорова, в 1845 г. зима была большей частью тепла и снежна. Значительных морозов, доходящих до 32 и более градусов, почти не было. Однако в продолжение всего зимнего времени, нередко по неделе и более, господствовали снежные вьюги и метели, вследствие чего к концу зимы были глубокие снега.

Весной 1846 г. вода вскрылась почти везде сразу, но не так рано, как обычно это бывает в Тамбовской губернии. Половодье было необыкновенно велико, в сравнении с прошедшими годами; такой воды, как отзывались здешние жители, не помнят и самые маститые старожилы [6, с. 142–143].

Руководитель фермы заметил, что посеву озимой ржи в 1847 г. предварительного предшествовали два небольших дождя; но вслед за тем наступила погода ясная и сухая; вследствие чего рожь, возшедшая быстро в посеве, совершенно остановилась в своем дальнейшем развитии. Только около середины сентября, когда выпало несколько теплых дождей, она снова быстро пошла в рост. Однако во второй половине сентября наступившие морозы вторично остановили ее дальнейшее развитие.

Остальное время осени тоже мало благоприятствовало растительности ржи: попеременные холода и оттепели не давали правильного развития. В таком состоянии она и осталась на зиму.

По оценке С.О. Федорова, зима 1847 г. имела сходство с зимой 1846 г. Сильных вьюг почти не было; снега, как и прежде, очень много [6, с. 151]. Весной опять было половодье около 2 месяцев, и все это время вода потопляла луга. Со второй половины

апреля и большую часть мая погода стояла хорошая; вследствие чего как и озимые хлеба, так и засеянные в это время яровые были отличны. С 19 мая погода переменилась, сделавшись более холодной, ветряной и дождливой; изредка, хоть и небольшие, были бури, сопровождаемые частыми грозами. С первых же чисел июня настали уже сильные бури, проливные дожди и сильные грозы с незначительными промежутками изредка хорошей погоды. Вследствие чего в некоторых местах снова разлилась вода и затопила много пашен, лугов и выгонов; некоторые места не просохли до конца августа. В продолжение этого времени неоднократно выпадал и град; но он не был так силен в районе Центральной Тамбовской учебной фермы, как во многих местах, где произвел значительные опустошения [6, с. 152-153].

В записях С.О. Федорова за 1848 г. указано, что летом была теплая погода и периодические дожди до 11 сентября, хорошо развивался урожай. До 20 октября шли дожди. После начались частые и значительные морозы. Зимы была малоснежной и слишком суровой. Морозы доходили нередко до 33–34 градусов. Морозы были так продолжительны, что, как отзывались многие помещики, в погребах и подвалах сильно пострадали овощи, а в земляных ямах вообще пропали.

Значительная суровость зимы и почти совершенное бесснежие имели сильное влияние на состояние озимых хлебов. Наиболее пострадала пшеница, на возвышенных местах совершенно вымерзла.

Весной была благоприятная погода для роста хлебов. Но с 13 по 15 мая начались морозы, причем морозы в течение времени сменялись весьма значительными жарам.

Столь быстрые переходы от морозов к жарам и обратно нанесли значительные повреждения всем растениям без исключения. После этого начались значительные жары, непрерывно продолжавшиеся почти в течение всего лета, и лишь дважды были незначительные дожди [6, с. 105-106].

Самыми трудными для губернии оказались 1848, 1850 и 1857 гг. Особенную опасность представляли сильные морозы зимой и отсутствие снега, что наносило большой вред озимым и запасам в подвалах и погребах.

Наиболее страдала пшеница, на возвышенных местах совершенно вымерзала.

Весной наиболее опасны заморозки. Иногда даже незначительных морозов хватает, чтобы нанести вред всем растениям без исключений.

Наибольший вред яровым хлебам летом наносит засуха, которая или уничтожает урожай, или не дает правильно развиваться плодам, что приводит к очень небольшому и скудному урожаю.

Осень наиболее опасна своими ранними заморозками, ведь озимые хлеба еще не покрыты снегом и совершенно беззащитны.

Пусть и редкие, но все же имеющиеся в Записках данные о погоде в соседних с Тамбовской губерниях позволяют сделать сравнения между ними. В частности, можно заметить сходство погодных условий некоторых лет соседних Лебедянского уезда Тамбовской губернии и Ефремовского уезда Тульской губернии [12, с. 16]. Напротив, в 1848 г. в городе Орел и в имении Ефремовское М.И. Давыдовского Данковского уезда Рязанской губернии наблюдались поздние заморозки и град [6, с. 247], а на юге Тульской губернии в селе Моховое в мае началась засуха [6, стр. 105-106]. Засушливая погода, как уже отмечалось, наблюдалась в Лебедянском уезде Тамбовской губернии. Однако данные по учебной ферме, расположенной в Липецком уезде Тамбовской губернии, свидетельствуют о том, что 1848 г. в этой части губернии был умеренно теплым [6, с. 105-106].

Конечно, приведенных примеров недостаточно для широких обобщений. Но они показывают необходимость сравнительных исследований, поскольку погода не совпадала с административными границами.

1. *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968.
2. *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967.
3. *Хок С.Л.* Крепостное право и социальный контроль в России. М., 1993.
4. *Коньшина Ю.Ю.* Имущественное положение крепостных крестьян Тамбовской губернии в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010.
5. *Квасникова А.В.* История аграрных образовательно-просветительских проектов Вольного экономического общества в губерниях Центрального Черноземья: 1765–1861 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007.

6. Записки Лебянского общества сельского хозяйства за 1847–1848 год. М., 1848.
 7. Записки Лебянского общества сельского хозяйства за 1850 год. М., 1851.
 8. Записки Лебянского общества сельского хозяйства за 1853 год: в 2 ч. М., 1854. Ч. 1.
 9. Записки Лебянского общества сельского хозяйства за 1854 год: в 2 ч. М., 1855. Ч. 1.
 10. Записки Лебянского общества сельского хозяйства за 1855 год: в 2 ч. М., 1856. Ч. 1.
 11. Записки Лебянского общества сельского хозяйства за 1856 год: в 2 ч. М., 1857. Ч. 1.
 12. Записки Лебянского общества сельского хозяйства за 1857 год: в 2 ч. М., 1858. Ч. 1.
 13. Записки Лебянского общества сельского хозяйства за 1858 год: в 2 ч. М., 1859. Ч. 1.
 14. Записки Лебянского общества сельского хозяйства за 1854 год: в 2 ч. М., 1855. Ч. 2.
 15. Записки Лебянского общества сельского хозяйства за 1852 год: в 2 ч. М., 1853. Ч. 1.
-
1. *Zayonchkovskiy P.A.* Otmena krepостного права v Rossii. М., 1968.
 2. *Koval'chenko I.D.* Russkoe krepостное krest'yanstvo v pervoy polovine XIX v. М., 1967.
 3. *Khok S.L.* Krepостное право i sotsial'nyy kontrol' v Rossii. М., 1993.
 4. *Kon'shina Yu.Yu.* Imushchestvennoe polozhenie krepостnykh krest'yan Tambovskoy gubernii v pervoy polovine XIX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tambov, 2010.
 5. *Kvasnikova A.V.* Istoriya agrarnykh obrazovatel'no-prosvetitel'skikh proektov Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva v guberniyakh Tsentral'nogo Chernozem'ya: 1765–1861 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh, 2007.
 6. Zapiski Lebyanskogo obshchestva sel'skogo khozyaystva za 1847–1848 god. М., 1848.
 7. Zapiski Lebyanskogo obshchestva sel'skogo khozyaystva za 1850 god. М., 1851.
 8. Zapiski Lebyanskogo obshchestva sel'skogo khozyaystva za 1853 god: v 2 ch. М., 1854. Ch. 1.
 9. Zapiski Lebyanskogo obshchestva sel'skogo khozyaystva za 1854 god: v 2 ch. М., 1855. Ch. 1.
 10. Zapiski Lebyanskogo obshchestva sel'skogo khozyaystva za 1855 god: v 2 ch. М., 1856. Ch. 1.
 11. Zapiski Lebyanskogo obshchestva sel'skogo khozyaystva za 1856 god: v 2 ch. М., 1857. Ch. 1.
 12. Zapiski Lebyanskogo obshchestva sel'skogo khozyaystva za 1857 god: v 2 ch. М., 1858. Ch. 1.
 13. Zapiski Lebyanskogo obshchestva sel'skogo khozyaystva za 1858 god: v 2 ch. М., 1859. Ch. 1.
 14. Zapiski Lebyanskogo obshchestva sel'skogo khozyaystva za 1854 god: v 2 ch. М., 1855. Ch. 2.
 15. Zapiski Lebyanskogo obshchestva sel'skogo khozyaystva za 1852 god: v 2 ch. М., 1853. Ch. 1.

Поступила в редакцию 17.04.2015 г.

UDC 913

THE IMPACT OF WEATHER CONDITIONS ON THE STATE OF LANDLORD ECONOMY OF THE TAMBOV PROVINCE IN THE MIDDLE OF XIX CENTURY (ON MATERIALS OF NOTES OF LEBEDYANSKY AGRICULTURAL SOCIETY)

Ruslan Valeryevich SUVORIN, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Russian History Department, e-mail: ruslan.suvorin@mail.ru

The influence of weather conditions on the state of the landlords' estates of Tambov province in the middle of the XIX century on the basis of "Memoirs of Lebedyansky Society of Agriculture" is reviewed. It is shown, that this source was used to characterize the economic condition of the landed estates to identify their condition at the moment. The influence on the position of the landed estates not only of socio-economic factors, but also of the natural environment, especially changes in the weather conditions is marked. It is substantiated that the "Notes of Lebedyansky Agricultural Society" are a valuable source, which reflected almost daily observation of a number of landowners Tambov and neighboring provinces on the impact of weather on their farms. It is analyzed which years and seasons were the most difficult for the landlords' estates. It is revealed which weather conditions were causing the greatest harm to crops.

Key words: weather; drought; crop failure; famine; hail; frost; fire.

УДК 93/94

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

© Ольга Евгеньевна САФОНОВА

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина,
г. Рязань, Российская Федерация, соискатель, кафедра истории России,
e-mail: olgasafonova81@yandex.ru

На основе документов Рязанского государственного архива рассматривается процесс возникновения и развития добровольных благотворительных обществ (светского характера) в сфере образования Рязанской губернии в период с конца XIX в. до 1914 г. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения опыта организованной самодеятельности в условиях модернизации социокультурной сферы, а также наличием определенных исторических параллелей процесса формирования добровольных ассоциаций в России начала XX в. и на современном этапе. Особое внимание уделено анализу количественного состава рязанских объединений, их финансового благосостояния и основных форм деятельности. Несмотря на общность нормативно-правовой базы и структурно-организационную схожесть с другими российскими благотворительными обществами (провинциальными и столичными), рязанские общественные объединения имели свою специфику. Региональные ассоциации в сфере образования отличались полифункциональностью – совмещением филантропической и просветительной функций, в большинстве случаев ограниченной финансовой базой и малочисленностью членского состава. Тем не менее представленные сведения позволяют судить о значительном вкладе добровольной организованной благотворительности в улучшение материального положения рязанских педагогов и учащихся.

Ключевые слова: благотворительность; добровольные объединения; образование; Рязанская губерния.

Рубеж XIX–XX вв. ознаменовался значительными изменениями во всех сферах российского общества. Трансформации подвергся и такой важный элемент общественной системы, как образование. Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в., и в особенности земская реформа 1864 г., привели к открытию множества новых учебных заведений не только в больших городах, но и в провинции. Еще одним результатом реформирования образования стало появление в конце XIX – начале XX в. общественных объединений, ставивших своей целью материальную поддержку учителей и учащихся. Инициаторами создания этих обществ являлись представители дворянства, торговых кругов, интеллигенции. В то же время широкому распространению благотворительных объединений (в т. ч. данной целевой направленности), по мнению ведущих исследователей, во многом способствовала поощрительная политика как центральной, так и региональной власти, видевшей в подобной инициативе «дополнение их деятельности» и «наибольшие возможности для совместного приложения усилий власти и общественности» [1, с. 249]. Все эти

процессы были характерны и для Рязанской губернии.

Общества помощи учащимся стали появляться еще в 60–70-е гг. XIX в. преимущественно при отдельных средних и высших учебных заведениях. Позднее такие же общества стали учреждаться с целью помощи учащимся во всех вообще учебных заведениях данного города или уезда, а также специальные общества для пособия учащимся в низших и начальных училищах определенного района и благотворительные организации при возникавших в большом количестве в начале XX в. частных учебных заведениях. В целом по России в начале XX в. насчитывалось 111 подобных общественных объединений [2, с. 126], в Рязанской губернии – приблизительно от 9 (в начале 1900-х гг.) до 17 (к 1914 г.). Общества помощи нуждающимся учащимся на рубеже XIX–XX вв. появились при: Рязанских мужских гимназии и прогимназии, ставших впоследствии 1-й и 2-й гимназиями (1873 г.); Рязанской Мариинской женской гимназии (1878 г.); Егорьевской прогимназии (1880 г.); Зарайском реальном училище (1881 г.); Скопинском реальном училище и женской гимназии (1882 г.); Ка-

симовской женской гимназии (1881 г.); Касимовском техническом училище (1898 г.); школах грамоты г. Егорьевска и его уезда (1898 г.); женской гимназии В.П. Екимецкой (1904 г.); Михайловской частной женской прогимназии г. Твердовой (1905 г.); Раненбургской женской прогимназии (1905 г.); частной мужской гимназии Н.Н. Зелятрова (1907 г.); Рязанском реальном училище Малашкина (1907 г.); подготовительной школе (для детей обоего пола) и частном мужском учебном заведении второго разряда С.А. Мансуровой в г. Касимове (1908 г.); Пронской женской прогимназии имени В.Н. Фон-Дервиз (1908 г.). Чуть позже к ним добавились объединения с широким целевым охватом (оказывали помощь сразу в нескольких учебных заведениях): Рязанское общество вспомоществования учащимся в низших учебных заведениях (1912 г.) и Спасское общество вспомоществования нуждающимся учащимся в реальном и городском четырехклассном училищах (1913 г.).

Эти общества учреждались по инициативе попечителей или преподавателей данных учебных заведений, а также родителей учащихся. Уставы указанных общественных организаций были схожими (с 90-х гг. XIX в. основывались на т. н. «нормальных» уставах для данного типа объединений) и отличались лишь некоторыми деталями. Общей целью для всех организаций являлось оказание помощи бедным учащимся в соответствующем учебном заведении или в учебных заведениях какого-либо города (уезда).

Согласно уставам, деятельность большинства обществ могла выражаться в следующем (для примера взят устав Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в Раненбургской женской прогимназии): «а) взносе платы за ученье; б) бесплатной выдаче книг и учебных пособий, одобренных Министерством народного просвещения и духовным ведомством, и продаже таковых ученикам по удешевленной цене; в) снабжении одеждою, пищею и приютом неимущих, если они не могут приобретать их собственными трудами; г) содействии к приисканию нуждающимся занятий; д) снабжении бедных больных медицинскими пособиями под наблюдением врача на дому, а также помещении таких больных, на счет общества, в больницы и содействии к погребению умер-

ших; е) назначении в исключительных случаях денежных пособий» [3, л. 27]. Однако некоторые из объединений ограничивались реализацией лишь одного-двух пунктов этого списка.

Количество участников в каждой из вышеперечисленных благотворительных организаций, как правило, не превышало 100 человек. Среди наиболее крупных можно выделить: Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в Касимовском техническом училище – в 1899 г. оно объединяло в своем составе 110 членов [4, с. 4], в 1903 г. – 138 членов [5, л. 16]; Общество вспомоществования нуждающимся воспитанникам Рязанских гимназии и прогимназии – в 1896 г. насчитывало 119 членов [6, л. 4], в 1902 г. – 110 членов [5, л. 30].

Доходы благотворительных обществ при учебных заведениях складывались, главным образом, из членских взносов, пожертвований и процентов с капиталов.

Первая статья доходов зависела прежде всего от количества членов и возраста организации, поэтому самыми крупными суммами членских взносов располагали: Общество при Рязанских гимназии и прогимназии (в 1898 г. – 735 руб. [7, с. 273], в 1903 г. – 710 руб. [5, л. 30], в 1912 г. – 850 руб. [8, с. 20]); Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в Касимовском техническом училище (в 1899 г. – 577 руб. 50 коп. [4, с. 6], в 1903 г. – 485 руб. [5, л. 16]); Общество вспомоществования недостаточным ученикам Егорьевской прогимназии (в 1897 г. – 395 руб. [6, л. 6], в 1903 г. – 390 руб. [5, л. 46]). В среднем же ежегодные поступления от членов большинства рязанских объединений данного типа составляли 250–350 руб.

Самым непостоянным и неравномерным источником доходов являлись пожертвования от частных лиц (членов общества и посторонних благотворителей). Некоторые общества в неблагоприятные периоды существования вообще не имели такой финансовой поддержки, другие пользовались ею в незначительной степени. Например, пожертвования частных лиц Егорьевскому обществу помощи нуждающимся учащимся в начальных школах составили в 1904 г. всего 2 руб. [9, л. 24]), Обществу при Рязанской мужской гимназии и реальном училище Н.Н. Зелятрова в 1911/1912 учебном году – 11 руб. [10,

с. 6]. Для большинства объединений денежные поступления от частных благотворителей редко превышали 50 руб. в год.

Более значительными и регулярными были пожертвования и пособия от земства или других крупных общественных организаций. Так, практически все рязанские благотворительные объединения при учебных заведениях получали ежегодную помощь от Рязанского губернского (от 300 до 500 руб.) и уездного (50–100 руб.) земств [8, с. 20; 10, с. 6; 11, с. 6]. Пособие рязанским обществам выплачивало и Рязанское благородное собрание (около 300 руб. в год). Уездные общественные организации субсидировались земствами в меньшем объеме – в среднем по 50–100 руб. ежегодно [9, л. 24; 12, л. 220, 228]. Капиталы общественных организаций также существенно различались по своим размерам. Самыми значительными суммами владели: Общество при Рязанских гимназии и прогимназии (в 1898 г. – 22381 руб. 38 коп. [7, с. 273], в 1905 г. – 26968 руб. 50 коп. [13, с. 4]) и Общество при Рязанской Мариинской женской гимназии (в 1898 г. – 33863 руб. 42 коп. [7, с. 273], в 1905 г. – 40331 руб. 79 коп. [9, л. 30]). Соответственно, эти общества получали наибольшую прибыль в виде процентов с капиталов: Общество при Рязанских гимназии и прогимназии – 803 руб. 43 коп. в 1897 г. [14, с. 4], 1186 руб. 89 коп. в 1905 г. [13, с. 6]; Общество при Мариинской женской гимназии – 1262 руб. в 1898 г. [7, с. 273] и 1536 руб. 2 коп. в 1905 г. [9, л. 30].

Среди наиболее богатых уездных общественных организаций можно выделить Общество при Касимовском техническом училище, располагавшее капиталом в 1899 г. – 3906 руб. 49 коп. [4, с. 6], в 1903 г. – 5067 руб. 50 коп. [5, л. 16–17], и Общество при Егорьевской прогимназии, владевшее в 1897 г. 3656 руб. 36 коп. [6, л. 7], в 1903 г. – 4033 руб. 48 коп. [5, л. 46].

Кроме того, общества получали доход от устройства лотерей, праздничных вечеров, продажи учебных пособий и письменных принадлежностей.

Способы оказания помощи нуждающимся учащимся заключались преимущественно во взносе платы за обучение. Это статья расхода являлась главной для большинства обществ (от 60 до 100 % всех трат), за исключением Общества при Рязанских гимназии и

прогимназии – здесь основные средства тратились на содержание квартиры для учеников (более 73 % всех расходов). Помимо этого, общества осуществляли и другие виды помощи: покупку учебных пособий и одежды, организацию завтраков и т. д. Всего же на средства всех благотворительных обществ при учебных заведениях в 1898 г. обучалось 127 детей (71 мальчик и 56 девочек) [7, с. 274–275].

Общие суммы расходов обществ составляли от нескольких сотен до нескольких тысяч рублей: например, Общества при Касимовской женской гимназии – 351 руб. 29 коп. в 1903 г. [5, л. 4], 595 руб. 23 коп. в 1908 г. [12, л. 218]; Общества при Егорьевской прогимназии – 1189 руб. 8 коп. в 1898 г. [7, с. 274], 1113 руб. 63 коп. в 1903 г. [5, л. 46]; Общества при Рязанских гимназии и прогимназии – 4805 руб. 66 коп. в 1903 г. [5, л. 31], 4081 руб. 30 коп. в 1912 г. [8, л. 21] и т. д.

В целом деятельность большинства рязанских благотворительных обществ при учебных заведениях была довольно успешной. Даже в самые тяжелые периоды своего существования они старались не отказывать в помощи своим подопечным, что постоянно подчеркивалось в отчетных документах. Подавляющее число отклоненных прошений, как показывают отчеты объединений, было связано с несоответствием материального положения просителей критериям отбора нуждающихся [5]. Лишь немногие благотворительные организации отказывали в финансовой поддержке по причине нехватки средств.

Анализ документации данного типа объединений показывает, что наиболее благополучно функционировали благотворительные общества, созданные еще в 70–80-е гг. XIX в. и имевшие к началу XX в. прочную финансовую основу. Так, председатель Правления общества при Мариинской женской гимназии, подводя в 1898 г. итоги двадцатилетней деятельности объединения, отмечал: «Общество представляет собою в настоящее время вполне солидное учреждение, обеспеченное достаточным капиталом и упрочивающее свое положение постоянным увеличением этого капитала и ежегодным зачислением в списки Общества новых членов, что с очевидностью доказывает, что оно пользуется всеобщим сочувствием и отвечает насущ-

ным, жизненным потребностям обывателей г. Рязани...» [15, с. 4].

В то же время организации, открывшие действия в конце 1890-х и начале 1900-х гг., испытывали гораздо больше финансовых и организационных трудностей, что, очевидно, было связано с объективными экономическими проблемами первой пятилетки XX в. и особенно 1904–1905 гг. Не обладая на первоначальном этапе существования достаточными капиталами и численностью, эти общества оказались не способны противостоять кризисным явлениям этого периода. Многим из них пришлось еще долгое время бороться с последствиями экономического коллапса. Хроническая нехватка средств препятствовала расширению деятельности объединений в указанное время.

Схожие черты с данной группой благотворительных объединений в сфере образования Рязанской губернии имело Общество пособия бедным детям г. Рязани. Однако путь его создания и развития был противоположным: если общества помощи учащимся возникали при уже существующих учебных заведениях и носили по отношению к ним вторичный характер, то данное объединение с самого начала создавалось как самостоятельное благотворительное общество с целью оказания общей материальной поддержки бедным детям и лишь с течением времени взяло на себя просветительно-образовательную функцию, открыв собственные учебные заведения.

Вот как история создания этой ассоциации описывается в одном из ее годовых отчетов: «Первым толчком, давшим начало Обществу, нужно считать письмо Председательницы постоянного Комитета Н.А. Барановой, помещенное в № 141 «Рязанского вестника» за 1905 г. В этом письме указывалось, как помочь голодающим детям по случаю неурожайного года. Образовавшимся затем кружком лиц, сочувственно отнесшихся к мысли письма, было организовано кормление детей у себя на дому по 2–3 детей и в наемных квартирах в нескольких участках города. Личное ознакомление членов кружка с действительной нуждой бедноты г. Рязани показало, что ограничиться только одним кормлением детей в течение зимы 1905–1906 гг. нельзя. Нужда бедноты города так велика и так постоянна, что требуется постоянная и надле-

жаще поставленная помощь – и не в одном только кормлении, но и в доставлении детям хотя бы элементарного образования, а вместе с этим в доставлении детям возможности научиться какому-либо мастерству. Явилась, таким образом, мысль об устройстве училища для детей бедных жителей города и ремесленно-профессиональных отделений при училище для обучения их ремеслам» [16, с. 14–15]. Мы видим, что общество, первоначально задуманное как исключительно благотворительное, с течением времени приобрело черты просветительной организации (последний тип объединений из-за ряда причин почти не встречался в чистом виде на территории Рязанской губернии) [7].

Бесплатное обучение детей (их список был определен Советом объединения в результате заранее проведенных активистами опросов [18, с. 3]) началось зимой 1905–1906 гг. в т. н. вечерних классах. По мнению учредителей, эта временная школа должна была стать центром, вокруг которого необходимо было организовать другие виды благотворительной деятельности общества – столовые, курсы рукоделия, ремесленные мастерские и т. д. В соответствии с этим был составлен устав общества, который был утвержден губернатором 2 июля 1906 г. [16, с. 15]. В уставе указывалось, что цель общества – оказание помощи детям беднейших жителей г. Рязани, главным образом, в доставлении им начального образования. Для осуществления данной цели «общество устраивает в г. Рязани начальные училища соответствующего типа и с надлежащего разрешения; содействует помещению сирот и бесприютных детей в учебно-воспитательные заведения или отдаче их в обучение благонадежным мастерам-ремесленникам, а также на воспитание в благонадежные семьи; учреждает стипендии в учебных заведениях г. Рязани для взноса платы за учение, для удовлетворения других нужд учащихся-стипендиатов Общества; устраивает воскресные школы, вечерние классы, повторные занятия, библиотеки при школах и пр.» [19, с. 2]. Кроме того, общество брало на себя обязанность обеспечивать бедных детей всем необходимым в училище: книгами, учебными пособиями и принадлежностями, одеждой и обувью, обедами, медицинской помощью, а также устраивать чтения со световыми кар-

тинками, экскурсии, детские праздники, литературные и музыкальные вечера.

К началу 1906/1907 учебного года при обществе было открыто училище с программой и курсом трехлетних школ ведомства Министерства народного просвещения. Оно размещалось сначала во временном помещении, бесплатно предоставленном попечителем училища В.К. Ларионовым. В последующее время на средства В.К. Ларионова было построено собственное школьное здание, а в училище, преобразованном в четырехклассное, сначала появились классы рукоделия для девочек и ручного труда для мальчиков, а затем – учебная белошвейная мастерская для девочек и ремесленное отделение для мальчиков, прошедших начальное общеобразовательное училище. А в 1911 г. общество, имея возможность расширить свою деятельность, начало строительство пристройки к училищу [16, с. 15-16].

Как отмечалось в годовых отчетах общества, число желающих поступить в Ларионовское ремесленное училище увеличивалось с каждым годом. В 1910/1911 учебном году в училище обучался 121 человек (66 мальчиков и 55 девочек), в 1913–1914 гг. – 120 человек (52 мальчика и 68 девочек) [20, с. 44]. Учащимися становились дети из беднейших слоев рязанского общества, полные сироты или имевшие одного родителя. Большинство детей, обучавшихся в училище, являлись уроженцами Рязанской губернии, около 10–13 % – уроженцами других губерний [16, с. 4].

Курс общеобразовательных предметов в училище продолжался 4 года. Кроме них мальчикам преподавался ручной труд по дереву, девочкам – рукоделие. Также учащиеся обучались черчению и рисованию под руководством отдельного преподавателя графических искусств. Второй ступенью обучения, дававшей учащимся возможность получить низшее профессиональное образование, были белошвейная мастерская и ремесленные классы художественно-столярного мастерства. На 1 января 1913 г. в ремесленных отделениях состояло 40 человек: 12 мальчиков в художественно-столярной мастерской и 28 девочек – в белошвейной и портновской [20, с. 44].

Организация учебного дела в училище очень скоро завоевала высокую оценку со

стороны представителей Министерства народного просвещения и местной власти, которые поощряли начинания Общества пособия бедным детям г. Рязани. Помимо частных пожертвований Общество получало финансовую поддержку от казны (например, в 1910 г. пособие составило 3855 руб. 20 коп. [16, с. 14]), а также от различных рязанских общественных учреждений и органов самоуправления: губернской и уездной земской управ, Рязанской городской и мещанской управ, Рязанского благородного и Всесловного общественных собраний, Рязанского общества потребителей, Рязанского кружка устройства общедоступных развлечений и др. [16, с. 3] Также для пополнения средств общества устраивались лотереи, аукционы работ воспитанников училища и т. д. В результате успешной деятельности к 1911 г. общество владело недвижимым имуществом на сумму около 14000 рублей и денежным капиталом в 4600 рублей [16, с. 16].

Таким образом, организовав в начале XX в. одно из крупнейших рязанских ремесленных училищ, общество внесло существенный вклад в дело развития профессионального образования в губернии и дало возможность детям беднейших сословий получить специальность и устроиться на квалифицированную работу.

К организациям, оказывавшим помощь учащимся высших учебных заведений, относилось «Рязанское отделение Комитета для содействия устройству студенческих общежитий при Императорском Московском университете» (открыто в 1899 г.). Но в отличие от вышеперечисленных объединений оно имело более узкую целевую специализацию. Деятельность общества, как это следует из его названия, заключалась в оплате проживания студентов в общежитии или на частных квартирах, а также в назначении в отдельных случаях денежных пособий учащимся вуза. В начале XX в. в составе объединения насчитывалось более 70 членов [5, л. 66].

Средства общества складывались из членских взносов, процентов с капитала, пожертвований, доходов от концертов и спектаклей. Так, в 1903 г. общий доход организации равнялся 1610 руб. 66 коп. (335 руб. – членские взносы, 739 руб. 50 коп. – прибыль от увеселительных мероприятий, 300 руб. – пожертвование от Рязанского благородного

собрания и пр.), а общий расход – 1064 руб. 35 коп. (828 руб. 60 коп. – плата за содержание студентов в общежитии, 215 руб. – единовременные денежные пособия). Число лиц, пользовавшихся помощью общества в этом году, составило 12 человек [5, л. 66-67].

Другой большой группой благотворительных объединений в сфере образования были организации, целью которых была материальная поддержка педагогов – т. н. общества пособия учащим и общества профессиональной взаимопомощи учителей. К 1914 г. в Российской империи насчитывалось свыше 100 обществ учителей [21, с. 62]. Одним из самых старых в этой области (не только в губернии, но и в Российской империи в целом) было Общество для пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии, открытое 3 марта 1882 г. по инициативе бывшего директора народных училищ М.Н. Кормилицына. Первоначально оно учреждалось как исключительно благотворительное, но с течением времени приобрело функции взаимовспомогательного объединения.

На начальном этапе обществу удалось привлечь к участию немногим более 100 человек, большинство из которых были представителями земства. Во главе общества встали видные общественные деятели Рязанской губернии: председателем правления был избран губернский предводитель дворянства Л.М. Муромцев, первыми членами правления – бывший и действующий директор народных училищ М.Н. Кормилицын и А.В. Драницын, инспектор В.В. Баренов, председатель губернской земской управы А.В. Алянчиков, директор Учительской семинарии В.Н. Екимецкий, инспектор Н.И. Высотский и советник губернского правления В.М. Полянский [22, с. 169].

Как отмечалось в уставе, целью объединения было «оказание своевременной и сильной помощи учащим в народных училищах Рязанской губернии преимущественно в непредвиденных несчастных случаях, как например: пожара, непредвиденной болезни, временного лишения места и пр.» [23, с. 1]. Кроме того, предполагалось оказывать поддержку семьям педагогов, если они после смерти учителя лишались единственного кормильца. Для реализации указанных задач обществом выдавались единовременные или постоянные пособия и беспроцентные ссуды

нуждающимся. Действительным членом объединения мог стать любой желающий («независимо от пола, звания и состояния»), делавший ежегодный взнос в пользу общества в размере 5 руб. Человек, единовременно внесший не менее 100 руб., становился пожизненным действительным членом. Звание почетного члена получали лица, «принесшие Обществу особенную пользу своими значительными пожертвованиями или трудами» [23, с. 3].

Благодаря стараниям правления уже к моменту открытия общество имело в своем распоряжении более 2000 руб. К концу первого года капитал объединения вырос до 2524 руб. (из них 254 руб. было выдано в виде пособий нуждающимся учителям), а через два года – до 3300 руб. Активную финансовую поддержку новой организации оказало рязанское земство. Первым откликнулось губернское земство, которое назначило ежегодное пособие обществу в размере 200 руб. За ним последовали уездные земства – Данковское, Егорьевское, Касимовское и Спаское, установившие ежегодные взносы в 150 руб. [22, с. 169]. Впоследствии к этому списку добавились и остальные уездные земства Рязанской губернии. В среднем помощь со стороны земства в первые 20 лет существования общества выражалась в сумме 500 руб. ежегодно.

Необходимо отметить, что отношение самих учителей к деятельности общества на первых порах было настороженным. Определенную роль играли природная скромность большинства педагогов и возникавшее у них при обращении за помощью чувство неловкости и униженности своим положением. Упоминание об этом не раз встречалось в отчетах объединения: «Центральное Правление отмечает факт чрезвычайной осторожности, даже щепетильности, с которой г.г. учителя обращаются за пособиями. Это подтверждается тем, что, несмотря на тяжесть нынешнего года [1891 – голод в России], отражающуюся на всех, а тем более на лицах, живущих в местах, где хлеб съеден еще в октябре месяце, и население питается общественною и частною благотворительностью, лицам, при этом часто в своем содержании связанных с этим голодающим населением... и тем не менее прошений по этому поводу

(т. е. в связи с голодом) поступило всего четыре, причем одно из них о ссуде» [22, с. 174].

Таким образом, учителя даже в самые трудные периоды жизни неохотно обращались в общество за безвозвратными пособиями, предпочитая им ссуды. Принимая во внимание данный факт, правление общества со временем сосредоточилось в большей степени именно на этом виде помощи учащим. Всего за период с 1891 по 1904 г. Центральным правлением общества было выдано 313 ссуд на сумму 12372 руб. [22, с. 175].

По мере развития деятельности объединения у руководства возникла идея о привлечении к участию в ней самих учителей: к 1896 г. на основании внесенного в устав дополнения педагоги стали допускаться в состав объединения на правах членов-соревнователей с ежегодным взносом в 1 руб., а с 1903 г. – в качестве действительных членов со взносом 5 руб. в год (4 руб. из них доплачивало уездное земство). К 1 января 1904 г. действительными членами стали 497 народных учителей [22, с. 180]. Таким образом, Общество для пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии окончательно перешло из разряда чисто благотворительных организаций в категорию объединений профессиональной взаимной помощи.

Резкое увеличение численности организации за счет массового вступления в нее учителей поставило перед Правлением вопрос об учреждении уездных отделений, что позволило бы более эффективно управлять делами общества. В результате в течение 1903–1904 гг. были открыты почти все уездные отделения: Скопинское, Раненбургское, Данковское, Рязанское, Зарайское, Спасское, Ряжское, Сапожковское, Егорьевское, Касимовское, Михайловское, Пронское [22, с. 181], к которым перешло большинство функций по оказанию помощи нуждающимся учителям. Центральное правление оставило за собой только выдачу безвозвратных пособий в исключительных случаях острой нужды просителя, помощь многодетным учителям в деле образования их детей (посредством денежных выплат и стипендий), а также выдачу пособий уездным отделениям на организацию и содержание ими учреждений – общежитий для детей на время учебы, учительских домов и т. д. Кроме того, Центральное правление осуществляло общее руководство

деятельностью филиалов, а те обязаны были делать годовые отчеты перед головным отделением.

Несмотря на постоянно встречающиеся в отчетах правления критические замечания о слабом нарастании средств, капитал общества стабильно увеличивался, особенно с появлением филиальных отделений. Спустя 10 лет с момента основания общество располагало общей суммой в 7000 руб. (пособия учащим за этот период составили 5255 руб.), через 15 лет – 10000 руб. (на помощь было потрачено 9373 руб.) [22, с. 171], через 30 лет – 19300 руб. В целом же за 30 лет работы сумма выданных пособий составила 41061 руб., ссуд – 68034 руб. [22, с. 183-184].

Наряду с помощью отдельным лицам посредством ссуд и пособий особой заботой общества было обеспечение детей учащихся всем необходимым для получения образования и устройство для них общежитий в городе, где находились средние учебные заведения. Так, общежития были открыты Рязанским, Егорьевским, Пронским и Спасским отделениями [24, с. 23-33]. Средства на содержание общежитий поступали от центрального правления, уездного отделения общества, земства и частично из жалованья учителей. Например, в общежитии Егорьевского филиала содержание каждого воспитанника обходилось в 142 руб. в год; из них 52 руб. платили родители, а 90 руб. – правление [25, с. 82-84]. Кроме того, большинство филиалов имело специальные фонды с отчислениями на постройку собственных учительских домов.

Немалое внимание уделялось проблеме получения учителями бесплатных медицинских услуг. Так, в 1902 г. Центральное Правление обратилось в уездные земские собрания с просьбой предоставить учителям в земских начальных училищах бесплатное лечение в местных земских больницах и взять на свой счет лечение учителей в губернской земской больнице. В результате все земства, которые ранее не обеспечивали бесплатного лечения педагогов в уездных больницах, согласились взять на себя эти обязательства. От оплаты лечения учителей в губернской земской больнице временно отказались Касимовское, Михайловское, Пронское, Сапожковское и Ряжское земства, но с пометкой «принять к сведению» [12, л. 289]. А членами

Скопинского уездного общества даже обсуждался вопрос об устройстве санатория для учителей Рязанской губернии [26, с. 3].

Помимо материальной поддержки в повседневной жизни общество ставило перед собой задачу способствовать духовному и профессиональному развитию народных учителей. В связи с этим уездные отделения (Егорьевское, Михайловское, Пронское, Раненбургское, Сапожковское) ежегодно отчисляли определенную сумму на пособия учителям, желающим поехать на педагогические курсы в Москву и Петербург [27, с. 104-106]. Кроме того, в некоторых филиалах регулярно ассигновались средства на организацию учительских библиотек (например, Михайловским и Скопинским отделениями) [22, с. 187]. В Рязанском уездном отделении общества для пособия учащим существовала специальная комиссия, которая занималась устройством в уезде лекций для учителей (педагогического и общеобразовательного характера), открытием библиотек, организацией образовательных поездок учащихся, помощью в посещении ими образовательных курсов, выпиской газет и журналов, изданием литературных работ педагогов и т. д. [28, с. 3]. А вот в Михайловском отделении общества существовало целых три комиссии с соответствующими функциями: библиотечная, строительная и «о нуждах духовных» [25, с. 3], что было отличительной чертой данного филиала.

К 1 января 1912 г. Рязанское общество вспомоществования учащим насчитывало 1765 членов и являлось самым крупным добровольным объединением губернии [22, с. 185]. Наиболее многочисленными уездными отделениями, количество участников которых к концу первого десятилетия XX в. превышало 100 человек, являлись: Рязанское (153 члена), Касимовское (147 членов), Спасское (133 члена), Скопинское (117 членов), Сапожковское (113 членов), Егорьевское (107 членов) и Раненбургское (104 члена) [12, л. 300].

Благодаря стараниям руководителей и членов (среди которых в разные периоды были известные общественные деятели губернии Л.М. Муромцев, Н.И. Высотский, князь Н.С. Волконский, князь Л.Н. Гагарин, А.В. Селиванов, Н.И. Родзевич и др.) общество сумело значительно упрочить свое по-

ложение и стать одним из наиболее эффективных добровольных объединений в сфере благотворительности и профессиональной взаимопомощи Рязанской губернии.

Отличительной чертой благотворительных объединений в сфере образования было сочетание филантропической и просветительской функций. В разных обществах соотношение этих двух направлений варьировалось – в одних объединениях на первый план выходила деятельность по обеспечению материальной помощи нуждающимся, в других – акцент делался на повышение образовательного и духовного уровня подопечных. Кроме того, в процессе эволюции многие объединения переориентировались с первоначально заявленных учредителями целей и задач на более актуальные и соответствующие запросам и потребностям самих рязанцев. В целом деятельность данной группы благотворительных объединений в значительной степени способствовала развитию образования в Рязанской губернии, сделало его более доступным для широких слоев населения, улучшило материальное положение участников образовательного процесса.

1. Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008.
2. Чарнолуский В.И. Частная инициатива в деле народного образования. СПб., 1910.
3. ГАРО (Государственный архив Рязанской области). Ф. 5. Оп. 3. Д. 3965.
4. Общество для вспомоществования нуждающимся учащимся в Касимовском техническом училище. Отчет за первые 13 месяцев с 1-го декабря 1898 года по 31-е декабря 1899 года. Касимов, 1900.
5. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3910.
6. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3698.
7. Деятельность благотворительных обществ // Сборник Рязанского губернского статистического комитета. Рязань, 1900. С. 258-280.
8. Отчет Правления Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Рязанских гимназий и прогимназий, а ныне первой и второй гимназий, за 1913 г. Рязань, 1915.
9. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3932.
10. Отчет Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам частной мужской гимназии Н.Н. Зелятрова, основанной В.И. Радужкевичем, за время с 1 июля 1911 г. по 1 января 1913 г. Рязань, 1913.
11. Отчет Правления Общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам женской

- гимназии В.П. Екимецкой за 1910 год. Рязань, 1911.
12. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4001.
13. Отчет Правления Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Рязанских гимназий за 1905 г. Рязань, 1906.
14. Отчет Правления общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Рязанских гимназий и прогимназий за 1896/97 учебный год. Рязань, 1898.
15. Журнал очередного годовичного собрания членов и Отчет о деятельности Совета Общества вспомоществования бедным воспитанницам Рязанской Мариинской женской гимназии за 1897/98 г. Рязань, 1898.
16. Годовой Отчет Комитета общества попечения о бедных детях г. Рязани за 1910–1911 гг. Рязань, 1912.
17. Сафонова О.Е. Просветительные объединения Рязанской губернии в конце XIX – начале XX в. // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. Рязань, 2012. № 3 (36). С. 69–87.
18. Рязанский вестник. 1905. № 164. 16 декабря.
19. Рязанский вестник. 1906. № 192. 14 июля.
20. Низшее ремесленное образование в Рязанской губернии. Рязань, 1913. Вып. 1.
21. Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979.
22. Обзор деятельности Общества для пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии за 30 лет его существования (1882–1912 год). Рязань, 1913.
23. Устав Общества для пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии. Рязань, 1882.
24. Вестник Рязанского Губернского земства. 1915. № 9.
25. Вестник Рязанского Губернского земства. 1914. № 4.
26. Рязанский вестник. 1914. № 46. 21 февраля.
27. Вестник Рязанского Губернского земства. 1914. № 1.
28. Рязанский вестник. 1906. № 252. 12 сентября.
- 1898 goda po 31-e dekabrya 1899 goda. Kasimov, 1900.
5. GARO. F. 5. Op. 3. D. 3910.
6. GARO. F. 5. Op. 3. D. 3698.
7. Deyatel'nost' blagotvoritel'nykh obshchestv // Sbornik Ryazanskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta. Ryazan', 1900. S. 258–280.
8. Otchet Pravleniya Obshchestva vspomoshchestvovaniya nuzhdayushchimsya vospitannikam Ryazan-skikh gimnazii i progimnazii, a nyne pervoy i vtoroy gimnazii, za 1913 g. Ryazan', 1915.
9. GARO. F. 5. Op. 3. D. 3932.
10. Otchet Obshchestva vspomoshchestvovaniya nuzhdayushchimsya vospitannikam chastnoy muzhskoy gimnazii N.N. Zelyatrova, osnovannoy V.I. Radushkevichem, za vremya s 1 iyulya 1911 g. po 1 yanvarya 1913 g. Ryazan', 1913.
11. Otchet Pravleniya Obshchestva vspomoshchestvovaniya nuzhdayushchimsya vospitannitsam zhenskoy gimnazii V.P. Ekimetskoy za 1910 god. Ryazan', 1911.
12. GARO. F. 5. Op. 3. D. 4001.
13. Otchet Pravleniya Obshchestva vspomoshchestvovaniya nuzhdayushchimsya vospitannikam Ryazan-skikh gimnazii za 1905 g. Ryazan', 1906.
14. Otchet Pravleniya obshchestva vspomoshchestvovaniya nuzhdayushchimsya vospitannikam Ryazanskikh gimnazii i progimnazii za 1896/97 uchebnyy god. Ryazan', 1898.
15. Zhurnal ocherednogo godichnogo sobraniya chlenov i Otchet o deyatelnosti Soveta Obshchestva vspomoshchestvovaniya bednym vospitannitsam Ryazanskoy Mariinskoy zhenskoy gimnazii za 1897/98 g. Ryazan', 1898.
16. Godovoy Otchet Komiteta obshchestva popecheniya o bednykh detyakh g. Ryazani za 1910–1911 gg. Ryazan', 1912.
17. Safonova O.E. Prosvetitel'nye ob"edineniya Ryazanskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX v. // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina. Ryazan', 2012. № 3 (36). S. 69–87.
18. Ryazanskiy vestnik. 1905. № 164. 16 dekabrya.
19. Ryazanskiy vestnik. 1906. № 192. 14 iyulya.
20. Nizshee remeslennoe obrazovanie v Ryazanskoy gubernii. Ryazan', 1913. Vyp. 1.
21. Stepan'skiy A.D. Istoriya obshchestvennykh organizatsiy dorevolutsionnoy Rossii. M., 1979.
22. Obzor deyatelnosti Obshchestva dlya posobiya uchashchim v narodnykh uchilishchakh Ryazanskoy gubernii za 30 let ego sushchestvovaniya (1882–1912 god). Ryazan', 1913.
1. Tumanova A.S. Obshchestvennye organizatsii i russkaya publika v nachale XX veka. M., 2008.
2. Charnoluskiy V.I. Chastnaya initsiativa v dele narodnogo obrazovaniya. Spb., 1910.
3. GARO (Gosudarstvennyy arkhiv Ryazanskoy oblasti). F. 5. Op. 3. D. 3965.
4. Obshchestvo dlya vspomoshchestvovaniya nuzhdayushchimsya uchashchimsya v Kasimovskom tekhnicheskoy uchilishche. Otchet za pervye 13 mesyatsev s 1-go dekabrya

23. Ustav Obshchestva dlya posobiya uchashchim v narodnykh uchilishchakh Ryazanskoy gubernii. Ryazan', 1882.
24. Vestnik Ryazanskogo Gubernskogo zemstva. 1915. № 9.
25. Vestnik Ryazanskogo Gubernskogo zemstva. 1914. № 4.
26. Ryazanskiy vestnik. 1914. № 46. 21 fevralya.
27. Vestnik Ryazanskogo Gubernskogo zemstva. 1914. № 1.
28. Ryazanskiy vestnik. 1906. № 252. 12 sentyabrya.

Поступила в редакцию 3.04.2015 г.

UDC 93/94

THE CHARITY ASSOCIATIONS IN EDUCATION SECTOR OF THE RYAZAN PROVINCE IN THE END XIX – THE BEGINNING XX CENTURIES

Olga Evgenyevna SAFONOVA, Ryazan State University named for S.A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, Competitor, Russian History Department, e-mail: olgasafonova81@yandex.ru

Based on the documents of the State archive of the Ryazan region, it centers on the formation and development of voluntary charity associations (secular) in education sector of the Ryazan province in the period from the late XIX century to 1914. The relevance of the research is due to the necessity of studying the activity of self-organized associations during the modernization of the social and cultural sphere, as well as the presence of certain historical parallels of the process of formation of voluntary associations in Russia at the beginning of the XX century and at the present stage. The attention is paid to the analysis of the number of Ryazan associations, their financial welfare and their major activities. It shows that, despite a common regulatory framework and structural and organizational similarity with other Russian charitable societies (provincial and metropolitan) Ryazan public associations had their own specifics. Regional associations in education were multifunctional – combined the philanthropic and educational functions, as well as in most cases, had limited financial base and a small number of membership. However this shows the important role of voluntary charity organizations for improving the living standard of Ryazan teachers and students.

Key words: charity; voluntary associations; education; Ryazan province.

СВЯЗЬ ВРЕМЕН: ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

УДК 94(47).065

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ И КОНСЕРВАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ РЕШЕНИЯ ИРЛАНДСКОГО ВОПРОСА В 1880-х гг.

© Махир Хамед Джасим Мохаммед Аль-Нура

Воронежский государственный университет, г. Воронеж,
Российская Федерация, аспирант, кафедра новой и новейшей истории,
e-mail: maher_alnoora@mail.ru

В последней трети XIX в. проблема Ирландии не только стала одной из важнейших в политической и социальной жизни Соединенного Королевства. Она стала играть роль ключевого фактора в межпартийной борьбе на выборах. Обещание решить ирландский вопрос давало партии возможность привлечь к себе голоса избирателей. Но и крах партии чаще всего был порожден невозможностью умиротворения Ирландии. Проанализированы вопросы решения ирландского вопроса ведущими партиями Великобритании в 1880-х гг. К этому времени проекты лидера либералов У. Гладстона по успокоению Ирландии зашли в тупик. На повестку дня все больше выходил не отдельно взятый вопрос, а комплекс проблем, которые требовали внимания всей политической элиты страны. Важно, что консерваторы впервые столь серьезно обратили свое внимание на ирландский вопрос. Несмотря на желание консерваторов и либералов сохранить влияние Англии в Ирландии, их методики решения вопроса отличались. Различаясь по методике, ни консервативная программа, ни либеральная не допускали независимости Ирландии, а основывались на интересах самой Англии. Поэтому контакты либералов с представителями умеренного крыла ирландских националистов ограничивались лишь предложениями о самоуправлении в рамках Королевства.

Ключевые слова: Ирландия; консерваторы; либералы; Солсбери; Гладстон.

Новый парламент начал свою работу 19 августа 1886 г. Выступление королевы Виктории с тронной речью состояло главным образом из перечисления мер, направленных на нормализацию финансовой политики; ничего определенного относительно разрешения англо-ирландского кризиса сказано не было. В палате лордов глава правительства Солсбери подчеркнул намерение своего кабинета сохранить Унию 1801 г., восстановить общественный порядок в Ирландии. Он пообещал, что если обычные меры не смогут положить конец аграрным беспорядкам, то вполне возможно, правительству придется пойти на принятие репрессивных мер по отношению к антиправительственным выступлениям в Ирландии [1, р. 315-316].

У. Гладстон в своей ответной речи, с одной стороны, одобрил отсутствие каких-либо конкретных планов правительства по поводу политики репрессий, но, с другой стороны, осудил стремление кабинета Солсбери от-

срочить корректировку плана о введении новой системы местного самоуправления до февраля 1887 г. [1, р. 316]. В это же время Ч.С. Парнелл в палате общин заявил: «Нежелание консерваторов провести хотя бы аграрную реформу на зеленом острове может вызвать всплеск недовольства народных масс. Ни я, ни мои коллеги не сможем в таком случае сдержать волну насилия, которая обязательно возникнет в результате новых мер кабинета Солсбери по массовому выселению людей за их неспособность вносить существующие на данном этапе арендные выплаты... Поэтому-то и нужен пересмотр размера арендных выплат, установленных Актом о земле 1881 г. Необходимо подвести новые категории арендаторов под действие нового закона, плюс к этому приостановить выселение арендаторов, которые честно выплачивали арендную плату...» [1, с. 317].

В результате была создана специальная правительственная комиссия для того, чтобы

пересмотреть положения Акта о земле 1881 г., а также для того, чтобы в дальнейшем оказывать положительное влияние на экономическое и социальное развитие Ирландии. Однако выводы и решения данной комиссии не были обязательными и представляли собой благие пожелания, носящие больше рекомендательный характер, которые, естественно, были проигнорированы лендлордами [2, р. 298-299].

Сразу же после этого в Ирландии прокатилась волна народных беспорядков, которые охватили почти всю страну. В северной провинции острова Ольстер, в городе Белфаст, народные волнения были спровоцированы представителями оранжистов, которые выступили против ирландских националистов. Дело дошло до кровавых столкновений. Происходили частые стычки между толпами оранжистов и отрядами Ирландской королевской полиции, прибывшими в Белфаст (большинство полицейских в этих подразделениях были католиками). В городе Лондондерри происходили аналогичные столкновения, после которых в город прибыли представители консервативной партии, настаивавшие на необходимости того, чтобы представители Ольстера действовали заодно с английскими тори. Приверженцы ирландской националистической партии, узнав о таком призыве консерваторов, стали организовывать многочисленные демонстрации. Наконец, характерным штрихом, дополняющим картину событий, стали зажигательные проповеди, которые читались священником Хью Хана (1821–1892), в которых он выступал в защиту гомруля для Ирландии, а в случае отказа английских властей предоставить ирландцам автономию призывал их взяться за оружие.

К этому времени лидер ирландских националистов Ч.С. Парнелл вынужден был из-за плохого состояния здоровья почти полностью передать руководство партией своим соратникам, редактору партийной газеты «United Ireland» Уильяму О'Брайену (1852–1928) и секретарю Национальной Лиги Тимоти Харрингтону (1851–1910), которые 23 октября 1886 г. разработали т. н. «План кампании», представлявший собой перечень организационных мер в пользу земельной реформы. «План кампании» предполагал следующие основные пункты: во-первых, в

каждом округе земля должна была бы переоценена специальным агентом, выделенным местным отделением Национальной Лиги; во-вторых, арендаторы имения должны были бы явиться к лендлорду и просить снижения арендной платы до определенного ими размера соответственно ухудшившемуся состоянию земледелия. Если лендлорд откажет им в этом, то тогда арендаторы возвращаются домой и продолжают жить на своих участках, внося предложенную ими и отвергнутую лендлордом арендную плату в особый фонд. Если со временем лендлорд уступит, тогда вся сумма внесенных денег поступит в его пользу, если же не уступит, а прибегнет для выселения арендаторов к помощи полицейских сил и разного рода принудительным мерам, то в этом случае фонд направляет собранные денежные средства на нужды борьбы против насильственных мер, применяемых лендлордами и полицией.

Между тем У. Гладстон и Ч.С. Парнелл сошлись во мнении, что такое новшество, как «План кампании», не сможет в должной мере разрядить англо-ирландский конфликт и подтолкнуть консерваторов на какие-либо уступки ирландцам. В частности, лидер националистов отмечал (и в этом его поддерживал У. Гладстон): «План кампании» – это один из тех проектов, которые не могут хорошо и слаженно работать. Он не может сочетаться с установленными принципами общественного порядка в цивилизованном государстве» [3, р. 238]. У. Гладстон и либеральная партия организовала поездку своих представителей на остров в конце октября 1886 г. Они сочли, что «План кампании» далек от совершенства, но при этом дали весьма нелицеприятную оценку положению в Ирландии: «то, что большинство землевладельцев ничего не предпринимает ради облегчения участи арендаторов, – это факт. Закон и правительство Солсбери на их стороне даже тогда, когда они самовольно поднимают плату земельных выплат. Некоторые владельцы лишают фермеров скота, что иногда переносится тяжелее, чем прямое выселение с участков. В течение 120 лет в извлечении чрезмерных арендных платежей британские штыки поддерживают землевладельцев. И каков же результат такой поддержки? Арендаторы объединили свои усилия против явной несправедливости, жестокого преследо-

вания за долги, а в каком положении находятся землевладельцы? Многие полные банкроты и ничего не представляют собой ни в политическом, ни в общественном смысле». Верный сторонник У. Гладстона, Дж. Морли, также посетил Ирландию и сумел собрать достоверную информацию о социально-экономическом положении колонии и о действиях полицейских подразделений, часто похожих на беззаконие. То, что он увидел, свидетельствовало о масштабных нарушениях свободы, с одной стороны, а с другой – о неэффективности принудительных мер, ярыми сторонниками которых являлись консерваторы. После таких поездок, предпринятых либеральными деятелями, 4 ноября 1886 г. состоялась конференция Федерации либеральных ассоциаций, на которой было продекларировано полное согласие со стратегической линией У. Гладстона – сосредоточении всего внимания либеральной партии на ирландской проблеме.

Таким образом, столкнувшись в первой половине 1880-х гг. с кризисными явлениями в идеологии либерализма, У. Гладстон и поддерживающее его большинство партии в ходе переформатирования идеологии партии в 1885–1886 гг. избавились от «крайних» течений, и, тем самым, с их точки зрения, укрепили партию. Дж. Морли утверждал: «Мы никогда не были так едины, как сейчас». Ему вторил А. Розбери: «Партия обрела подлинное единство под руководством единого лидера... и имеет сейчас в наличии единственный политический вопрос на повестке дня (предоставление Ирландии автономии)». Концентрация усилий либералов в 1886–1890 гг. на ирландском вопросе, по мнению У. Гладстона, свидетельствовала о «прогрессивном» характере партии и «жизненности» традиционных либеральных принципов [4, р. 316].

Тем не менее, выступая 22 ноября 1886 г. в палате общин лидер либералов утверждал, что идеологи «плана кампании» затрудняют выработку позитивных шагов в сторону Ирландии консервативного правительства: «Все эти упомянутые мероприятия членов Национальной Лиги ведут к дальнейшим несчастьям арендаторов и фермеров, к затруднению процесса признания того, что Ирландия способна самостоятельно заниматься своими внутренними делами, своим внутренним устройством».

В целом можно констатировать, что в течение лета 1886 – зимы 1887 гг. ни сам У. Гладстон, ни либеральная партия, как организационная структура, не сумели выработать единого варианта решения ирландской проблемы. Нежелание тори адекватно рассмотреть англо-ирландский вопрос повлекло за собой некоторый рост популярности либеральной партии и гомрулеров, которые оказывали населению Ирландии определенную поддержку в их борьбе за более справедливые отношения между лендлордами и арендаторами. С другой стороны, в палате общин У. Гладстон и его партия заняли выжидательную позицию, поскольку ее дальнейшие действия в ирландском вопросе напрямую зависели от мероприятий, которые предпримет консервативное министерство.

А это министерство шло по пути неукоснительного проведения в жизнь жесткой репрессивной политики. 28 марта 1887 г. палате общин А.Д. Бальфуrom, который сменил М. Хикс-Бича на посту главного секретаря по делам Ирландии, был представлен законопроект о введении в Ирландии чрезвычайного положения. Билль о предупреждении преступлений отличался от предыдущих тем, что сроки действия чрезвычайного положения были неограниченны, а само оно могло провозглашаться без особого уведомления населения острова в любом его графстве, в любой момент, только лишь по решению вице-короля. Билль разрешал переносить судебные дела из одного округа в другой, и даже в саму Англию. Выступая с представлением законопроекта, А.Д. Бальфур признал, что правительство не желает связывать себя какими-либо конституционными соображениями в этом вопросе.

У. Гладстон и либеральная оппозиция, поддержанная ирландскими депутатами, выступила резко против билля А.Д. Бальфура. Они указывали на то, что степень в Ирландии совершаемых преступлений не так высока, чтобы появились предпосылки для принятия данного репрессивного законопроекта: «До сих пор бойкот являлся вполне «законным оружием» в борьбе против не всегда справедливых арендных выплат. Анализ всех преступлений, совершаемых после принятия предыдущего Акта о предупреждении преступлений, должен был позволить понять существующую ситуацию и выявить все «за»

и «против» для принятия вышеупомянутого билля. Такое разрешение консерваторами англо-ирландского конфликта вызовет лишь никому не нужное обострение между англичанами и ирландцами и в палате общин, и в целом по всей стране». Особенно резко оппозиция протестовала против тех разделов билля, которые предоставляли ирландскому вице-королю полномочия запрещать политические и общественные организации и вводить чрезвычайное положение в отдельных районах зеленого острова, а также положение о фактической ликвидации суда присяжных.

Несмотря на протесты либеральной оппозиции, законопроект А.Д. Бальфура был принят в середине июля 1887 г. и сразу же введен в действие: почти три тысячи человек были арестованы на основании того, что они помогали или проявляли сочувствие участникам движения «Плана кампании», а также добивались возвращения законных прав на свою землю. Национальная Лига была запрещена, ее газеты конфискованы, а собрания разгонялись полицией.

Одновременно консерваторы начали продвижение в парламенте нового земельного акта для Ирландии. Гладстонианцы и гомрулеры пытались всячески воспрепятствовать вотированию билля в палате общин путем обструкции, но, тем не менее, новый Земельный акт был принят в августе 1887 г. Он позволял теперь арендаторам требовать снижения задолженности по аренде. Сразу 150 тыс. фермеров и арендаторов должны были получить государственную ссуду для погашения недоимок и выкупа земельных. Чтобы успокоить ирландских крестьян, было проведено снижение арендной платы (в среднем на 28 %). Но сами землевладельцы при таком раскладе ничего не теряли: они получали государственную субсидию на весьма выгодных условиях. Примерно 15 тыс. арендаторов превращались в собственников.

Этот процесс сопровождался усиленной дифференциацией ирландского крестьянства; формировалась сельская буржуазия, скупавшая через подставных лиц участки у малоимущих крестьян. С другой стороны, аграрная реформа была крайне мучительна для бедняков; порожденная ожесточенной борь-

бой с правительством, она до некоторой степени способствовала ослаблению националистического движения, а также препятствовала последовательному и радикальному решению ирландского вопроса вообще.

Жесткая репрессивная политика А.Д. Бальфура вызывала обратный эффект и способствовала усилению либерально-демократических настроений, стремлению компромиссно решить ирландскую проблему. Уже сессия парламента 1888 г. свидетельствовала о том, что союз либералов и националистов стал более крепким. У. Гладстон и Ч.С. Парнелл договорились не затрагивать ирландский вопрос в парламенте, за исключением случаев крайней необходимости, и пытались подвести общество к пониманию правильности гомруля для Ирландии. У. Гладстон окончательно признал тщетность репрессивных мер и деятельно агитировал в пользу предоставления Ирландии автономии [5, p. 452-453; 6, p. 293].

1. *Shaw-Lefevre G.* Gladstone and Ireland: the Irish Policy of Parliament from 1850–1894. L., 1912.
2. *Vaughan W.E.* Landlords and Tenants in Mid-Victorian Ireland. Oxford, 1994.
3. *Handbook of Home Rule: Being Articles on the Irish Question.* L., 2008.
4. *The Prime Ministers Papers: W.E. Gladstone, IV: Autobiographical Memoranda, 1868–1894.* L., 1981.
5. *Hammond J.L.* Gladstone and the Irish Nation. N. Y., 1938. xvii.
6. *Magnus Ph.* Gladstone. A Biography. L., 1954.

1. *Shaw-Lefevre G.* Gladstone and Ireland: the Irish Policy of Parliament from 1850–1894. L., 1912.
2. *Vaughan W.E.* Landlords and Tenants in Mid-Victorian Ireland. Oxford, 1994.
3. *Handbook of Home Rule: Being Articles on the Irish Question.* L., 2008.
4. *The Prime Ministers Papers: W.E. Gladstone, IV: Autobiographical Memoranda, 1868–1894.* L., 1981.
5. *Hammond J.L.* Gladstone and the Irish Nation. N. Y., 1938. xvii.
6. *Magnus Ph.* Gladstone. A Biography. L., 1954.

Поступила в редакцию 24.03.2015 г.

UDC 94(47).065

LIBERAL AND CONSERVATIVE PROJECTS OF DECISION OF IRISH QUESTION IN 1880-s

Mahir Hamed Jasim Mohammed Al-noora, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, Post-graduate Student, New and Newest History Department, e-mail: maher_alnoora@mail.ru

In the last third of the 19th century the problem of Ireland was not only one of the most important political and social life of the United Kingdom. It also began to play a role of a key factor in the inter-party struggle in the elections. The promise to solve the Irish question gave the party an opportunity to attract votes. But the collapse of the party most often was born from the inability to pacify Ireland. The questions asked by the decision of the Irish Party of Great Britain in the 1880-s is analyzed. By this time the project leader William Gladstone's Liberals at calming Ireland deadlocked. On the agenda is increasingly out was not an isolated issue, but complex issues that require the attention of the entire political elite of the country. It is important that the conservatives for the first time so seriously turned their attention to the Irish question. Despite the desire of conservatives and liberals to maintain influence in Ireland, Britain, and their methods of solution of the problem differed. Differences in the method nor a conservative program, nor a liberal do not allow the independence of Ireland, and are based on the interests of the UK. Therefore, contacts with representatives of the moderate Liberal wing of the Irish nationalists were limited to proposals for self-government within the Kingdom.

Key words: Ireland; conservatives; liberals; Salisbury; Gladstone.

УДК 94(436)

БРИТАНСКАЯ ПРОПАГАНДА И АДРИАТИЧЕСКИЙ ВОПРОС В 1917–1918 гг.

© Дмитрий Игоревич РОГОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант,
кафедра всеобщей истории, e-mail: RogovDI2010@yandex.ru

Рассмотрено отношение британской пропаганды к проведению границ в Адриатическом регионе в период Первой мировой войны. Проведение послевоенных границ является актуальной темой сегодня. Цель исследования – показать, насколько важным представлялось решение Адриатического вопроса в контексте деятельности британской пропаганды. Рассмотрены материалы “The Times”, касавшиеся темы создания Югославии. Проанализированы цели британской пропаганды в регионе, выявлены причины, по которым пропагандисты желали урегулирования противоречий Италии и Сербии в Адриатическом море. Рассмотрены препятствия, с которыми пришлось столкнуться британским пропагандистам как со стороны Италии и Сербии, так и со стороны собственного правительства, которое под давлением политических обстоятельств не торопилось признавать право на независимость югославян и чехословаков, что снижало эффективность антиавстрийской пропаганды. Показано, что британские антиавстрийские круги видели в решении данной проблемы два аспекта: решение задачи проведения четкой, непротиворечивой антиавстрийской пропаганды, а также при закреплении границ согласно принципу национальности, исключение в будущем конфликтов в Европе, которые могли бы привести к новой большой войне.

Ключевые слова: Адриатический вопрос; британская пропаганда; Югославия; Лондонский договор; принцип национальности.

Феномен «информационных войн» современности делает актуальным обращение к методам работы пропаганды в годы Первой мировой войны, когда происходило их становление. В этой связи представляется уместным проследить процесс преодоления препятствий, встававших на пути у британской пропаганды, и грозивших разрушить выстроенную систему ведения психологической войны. Одно из таких препятствий было связано с территориальным разграничением в Адриатическом море после окончания войны. Этот вопрос тесно переплетался с антиавстрийской пропагандой, привлекавшей к себе внимание историков [1–5]. Истоки вопроса лежали в различном видении на переустройство Европы после окончания войны. Антиавстрийские круги Великобритании, ставившие своей целью разрушение Габсбургского государства, желали, чтобы разграничение произошло согласно национальному принципу, и большая часть австро-венгерского адриатического побережья отошла бы созданному югославянскому государству [6, р. 119; 7; 8, р. 26–31]. Подобные проекты не находили широкой поддержки в политике правительства Соединенного Королевства до 1918 г. На Восточную Адриати-

ку претендовала также Италия, вступившая в войну в мае 1915 г. Незадолго до этого, в апреле 1915 г., был подписан Лондонский договор, суливший Риму значительные приобретения в регионе [9]. Антиавстрийские круги Великобритании немедленно перешли в пропагандистскую атаку, указывая на несправедливость подобного договора.

Р.У. Сетон-Уотсон, являвшийся одним из главных выразителей идей антиавстрийской группы, утверждал, что договор ущемляет интересы югославян. Суть его позиции сводилась к тому, что в Адриатическом вопросе должно быть достигнуто соглашение между Римом и югославами. В противном случае Р.У. Сетон-Уотсон предсказывал неизбежное возникновение конфликта между ними, который может вновь открыть Германии дорогу на Восток и создать угрозу Британской империи. Разграничение предлагалось проводить согласно национальному принципу, который был более выгоден югославам и не мог вызвать энтузиазма у итальянской дипломатии [7].

На протяжении 1915–1917 гг. пропагандисты исходили из этой идеи в своих сочинениях [10; 11, р. 50–51, 118, 123, 174; 12, р. 12, 19]. Тем не менее, они не имели доста-

точной поддержки в правительстве, которое не желало ссориться с Римом. Однако неурегулированность Адриатического вопроса породила серьезные противоречия между Италией, с одной стороны, и Сербией и Югославянским комитетом, с другой. Стороны не проявляли желания договориться. Рим предпочитал придерживаться Лондонского договора, требования югославов также были чрезмерны. Последние осознавали, что находились в более сложном положении. Корфская декларация, провозгласившая стремление югославян к единству, стала неким вариантом выхода из тупика, формально объединившим усилия сербского правительства и Югославянского комитета, и вызвала раздражение итальянской дипломатии [13, р. 167].

Британское правительство, пытавшееся на протяжении 1917 г. заключить сепаратный мир с Австро-Венгрией, обращало мало внимания на попытки пропагандистов доказать необходимость урегулирования итало-югославских отношений. События второй половины 1917 г. заставили обе конфликтующие стороны пойти на подобие переговоров. Сложное военное положение на Итальянском фронте после поражения при Капоретто заставляло Рим быть более уступчивым. С другой стороны, политика большевиков показывала, что Россия отказывается от поддержки югославянского дела.

Г.У. Сидд полагал, что необходимо найти золотую середину между Лондоном и Корфу. Декларация, подписанная на Корфу, по его мнению, играла в пользу Италии, т. к. способствовала укреплению антигабсбургских настроений [13, р. 169-170]. Неформальные переговоры между Италией и югославами начались в конце 1917 г., после поражения при Капоретто, и проходили в доме Г.У. Стида. Генерал Э. Мола, представлявший Италию, настаивал на общем союзном пересмотре военных целей, чтобы Рим не оставался стороной, которая пошла на уступки себе во вред [13, р. 175]. Г.У. Сидд полагал, что при составлении договора необходимо исходить из общих принципов, не вдаваясь в подробные территориальные споры, оставляя «серые зоны», по вопросу о которых можно было бы договориться позже. Итальянцы были согласны с таким подходом, но А. Трумбич, возглавлявший Югославянский комитет, настаивал на том, чтобы

прояснить все разногласия сразу же. Такая несговорчивая позиция ставила под угрозу успех переговоров в целом [13, р. 172-174]. Они практически сорвались по вине югославов, но когда перед А. Трумбичем встала угроза потерять поддержку в Англии, он пошел на уступки [13, р. 184]. Благодаря антиавстрийским кругам в Великобритании была достигнута некоторая, хоть и неофициальная договоренность между Италией и югославами. Рим, казалось, готов был согласиться на разграничение по национальному признаку.

Уже в начале 1918 г., после некоторой реорганизации аппарата пропаганды Великобритании, стала очевидна важность этой предварительной договоренности. Лондонский договор открывал широкие перспективы для габсбургской пропаганды. Вена утвердила себя в качестве защитника славянских земель от итальянского империализма [2, р. 177]. Для пропагандистов решение Адриатического вопроса имело колоссальное значение, т. к. позволило бы снять противоречия между союзниками Лондона и проводить более четкую антиавстрийскую пропаганду.

Однако Г. Лассуэлл ошибался, когда писал, что разногласия между Британией и Италией под давлением А. Нортклиффа, руководившего пропагандой во вражеских странах, были устранены перед началом пропагандистской кампании, благодаря которой Вена отложила наступление на Пьяве [14, с. 42]. Пойдя на определенные уступки, носившие неофициальный характер, Италия вовсе не готова была отказаться от Лондонского договора.

Важным событием, связанным с Австро-Венгрией, был Конгресс угнетенных национальностей, проходивший 7–9 апреля 1918 г. в Риме. Место проведения конгресса должно было продемонстрировать сочувствие Италии делу разрушения Австро-Венгрии. Как верно замечал К. Стюарт, съезд сам по себе был важным актом пропаганды [15, с. 42]. На этом съезде присутствовали Г.У. Сидд и Р.У. Сетон-Уотсон. Антиавстрийски настроенная «The Times» приветствовала решения конгресса, ставившего целью уничтожение Габсбургского государства [16, Apr. 5, 12, 13, 15]. Важным была поддержка Италией решений этого конгресса и ее союз с сербами, о важности которого газета писала еще в 1915 г.

На конгрессе казалось, что Италия окончательно уступила, но впечатление оказалось преждевременным. Как только опасность наступления миновала, Рим стал менее сговорчивым [13, p. 210-211].

Италия присоединилась к заявлению Великобритании и Франции, распространенному после завершения встречи премьер-министров трех стран в Версале 3 июня 1918 г., в котором четко говорилось о необходимости создания независимой Польши, но не давало никаких обязательств югославам и чехословакам. Г.У. Сид указывал, что первоначально союзники хотели сделать заявление в поддержку независимости Югославии и Чехословакии, но встретили сопротивление Италии, чья позиция вредила делу [13, p. 214-216].

К. Стюарт соглашался со Г.У. Сидом в том, что такая колеблющаяся политика Италии приводила к ослаблению всей антиавстрийской пропаганды в целом. Он утверждал, что если бы Рим присоединился к своим союзникам в мае 1918 г. и признал бы создание независимого югославянского государства и чехословаков союзной воюющей нацией, то Австро-Венгрия была бы разгромлена уже в начале лета 1918 г. [15, с. 49].

“The Times” высказала явное неудовольствие Версальской декларацией. Газета писала, что ее не стоит считать окончательным словом стран Антанты, и указывала на несерьезность отношения их правительств к вопросу о создании Югославии и Чехословакии, когда Австро-Венгрия демонстрировала свою нежизнеспособность. В конце статьи была высказана надежда, что союзники отныне будут более четко обозначать свою позицию [16, Jun. 7]. Впрочем, интервью Т. Орландо, в котором он выразил солидарность с угнетенными народами Австро-Венгрии, поправило подмоченную репутацию Италии в этом вопросе и вызвало удовлетворение А. Трумбича [16, Jun. 20].

Как видим, летом 1918 г. Адриатический вопрос перешел на новый уровень, теперь речь шла уже о признании Югославии, что означало бы триумф британской пропаганды. Для Италии вопрос о признании югославского государства был очень болезненным, а признание его в границах, соответствовавших национальному принципу, было равносильно политическому поражению. Этот во-

прос активно муссировался в “The Times”, одном из основных печатных органов антиавстрийских кругов.

Италия приковывала к себе внимание “The Times” из-за дебатов о признании угнетаемых национальностей и о том, как это отразится на интересах Рима. Согласно “The Times”, итальянская пресса в целом критиковала правительство за его нерешительные действия в отношении признания угнетаемых национальностей Австро-Венгрии. “Secolo” интересовался, почему Италия никак не признает единство и свободу югославян и препятствует созданию югославянских полков на Итальянском фронте. “Corriere della Sera” указывала на то, что раз Сонино хочет обеспечить выполнение условий Лондонского договора, почему бы ему не привлечь на свою сторону США, которые к этому договору не присоединились, ведь в Америке имелись и итальянские эмигранты [16, Aug. 23]. В целом подборка газет выглядит тенденциозной. “The Times” пыталась представить ситуацию так, будто в Италии вся пресса желает признания независимости Югославии, а противником является лишь министр иностранных дел.

“The Times” избегала жесткой критики Великобритании и ее союзников в вопросе построения отношений с Австро-Венгрией и эмигрантскими национальными движениями, делая акцент скорее на положительные моменты в их контактах, чем на отрицательные. Так, критика Версальской декларации оказалась очень мягкой, а сложные перипетии отношений Рима с югославянами не были отражены достаточно достоверно, поскольку акцент был сделан на поддержке итальянскими политиками национального движения на словах, не обращая внимания на то, что официальное признание права на независимость народов двуединой монархии отсутствовало. Впрочем, то же самое можно сказать и о британских политиках. Газета специально не использовала жесткую критику против нерешительного курса стран-союзниц, в частности Италии, показывая успехи в отношениях с угнетаемыми национальностями, что демонстрировало положительные подвижки в этом вопросе.

Сообщения об отношениях между союзниками и представителями угнетенных национальностей дополняли материалы, свя-

занные политическими заявлениями национальных организаций или выступлениями их представителей.

Например, в своем интервью, пересказанном в номере газеты от 24 мая 1918 г., А. Трумбич высказал мнение, что перспективы создания югославянского государства стали более радужными, чем еще 10 месяцев назад, и главным фактором здесь стало изменение итальянского общественного мнения в отношении югославянских устремлений. Так же он высказал расхожую пропагандистскую идею о том, что совместными усилиями Италия и Югославия создадут барьер на пути Германии [16, May 24]. Заявление Югославянского национального военного комитета в Великобритании безапелляционно настаивало на создании независимой Югославии, выдвигая лозунг: «Балканы для балканских народов». Аннексия Боснии и Герцеговины нарушила это правило. Комитет так же прибегал к пропагандистским лозунгам, отстаивая идею широкого экономического сотрудничества нового государства с союзниками, чтобы оно не попало в зависимость от Германии, т. к. это стало с Австрией [16, Jul. 26]. А в номере от 1 августа заявлялось, что создание Югославии не является предметом обсуждения, а представляет собой программу, принятую сербами, хорватами и словенцами [16, Aug. 1]. Также сообщалось о том, что поляки, чехословаки и югославы объявили о своей солидарности в новой декларации и намерены добиться независимости от Габсбургской монархии [16, Aug. 13].

Но далеко не вся британская пресса была столь решительно настроена в отношении Австро-Венгрии. «The Daily Mirror» в вопросе о национальном самоопределении народов Габсбургской монархии была более сдержанной. Ее кредо было следующим: не будут ли новые государства воевать между собой, и не начнут ли они сами угнетать другие народы. Поэтому лучшим выходом являлось постепенное решение вопроса. Федерализм является лучшим решением для двуединой монархии [17, Aug. 16].

Признание Югославии столкнулось не только с итальянским сопротивлением. Г.У. Сидд вспоминал, что сербский премьер-министр Н. Пашич и милитаристские круги, близкие к нему, стремились отказаться от югославской платформы, приняв великосерб-

скую программу, которая не предполагала равенства всех югославын. Союзникам пришлось оговаривать, что условием признания является Корфское соглашение [13, p. 234-239].

Оппозиция Италии по вопросу признания Югославии не могла оказаться эффективной в условиях, когда ее союзники в различных официальных заявлениях признавали Югославию. Торжество принципа национального самоопределения делало попытки Рима избежать пересмотра Лондонского договора бессмысленными. Италия вынуждена была признать Югославию 25 сентября 1918 г. Вопрос о том, как пройдет граница в Восточной Адриатике, оставался открытым до урегулирования на Версальской конференции.

Отступление Италии было неизбежным и ознаменовало собой окончательную победу пропагандистов. Разграничение в Адриатическом море прошло примерно так, как представляли себе антиавстрийские круги в Лондоне. Пропагандисты сыграли деятельную роль в попытках урегулировать отношения между Италией и Югославией. Столь близкое участие было вызвано желанием обеспечить активную пропаганду против Австро-Венгрии, нацеленную на ее распад. Разногласия между итальянцами и югославами, претендовавшими на одни и те же области двуединой монархии, препятствовали этому. В перспективе согласие между Римом и Белградом должно было привести к установлению границ, обеспечивающих безопасность Европы в будущем, которые предотвратили бы конфликты на национальной почве и обеспечили бы создание мощного противовеса германскому влиянию в Восточной Европе, что соответствовало видению антиавстрийских кругов. Адриатический вопрос рассматривался как ключевой, с этой точки зрения. Успех пропагандистов и их модели будущего Европы был обеспечен не только активной пропагандой внутри Великобритании и в стане противника, но также тем, что им удалось заручиться поддержкой правительства Великобритании, а также США и Франции, что делало попытки Италии уклониться от каких-либо обязывающих по отношению к югославам действий бессмысленными.

1. *Calder K.* Britain and the Origins of the New Europe. 1914–1918. Cambridge; London; New York; Melbourne, 1976.
2. *Cornwall M.* The Undermining of Austria-Hungary. The battle for Hearts and Minds. Basingstoke, 2000.
3. *Fest W.* Peace or Partition. The Habsburg Monarchy and British Policy. 1914–1918. N. Y., 1978.
4. *Hanak H.* Great Britain and Austria-Hungary during the First World War. London; New York; Toronto, 1962.
5. *Seton-Watson H., Seton-Watson C.* The making of a New Europe: R.W. Seton-Watson and the last years of Austria-Hungary. L., 1981.
6. *Namier L.* Germany and Eastern Europe. L., 1915.
7. *Seton-Watson R.W.* The Balkan, Italy and the Adriatic. L., 1915.
8. *Seton-Watson R.W.* The Spirit of the Serb. L., 1915.
9. [http://www.lib.byu.edu/index.php?title=The_Treaty_of_London_\(1915\)&oldid=8342](http://www.lib.byu.edu/index.php?title=The_Treaty_of_London_(1915)&oldid=8342) (accessed: 2.03.2015).
10. *Savic V.R.* The Reconstruction of South-Eastern Europe. L., 1917.
11. *Seton-Watson R.W.* German, Slav and Magyar. A study of the Origins of the Great War. L., 1916.
12. *Steed H.W.* A Programme for Peace. L., 1916.
13. *Steed H.W.* Through Thirty Years. 1892–1922: in 2 v. L., 1924. Vol. 2.
14. *Ласвель Г.* Техника пропаганды в мировую войну. Москва; Ленинград, 1929.
15. *Стюарт К.* Тайны дома Крю. Москва; Ленинград, 1928.
16. The Times. 1918. (Даты выхода газет указаны в тексте статьи).
17. The Daily Mirror. 1918. (Даты выхода газет указаны в тексте статьи).

Поступила в редакцию 17.03.2015 г.

UDC 94(436)

BRITISH PROPAGANDA AND ADRIATIC QUESTION IN 1917–1918

Dmitriy Igorevich ROGOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, General History Department, e-mail: RogovDI2010@yandex.ru

Relation of British propaganda to drawing boundaries in the Adriatic region during the World War I is reviewed. The drawing of post-war boundaries is relevant theme today. The aim is to determine the role of Adriatic Question in the context of British propaganda. The articles of "The Times" related with creating of Yugoslavia are considered. The purposes of British propaganda are analyzed. The reasons for which British propagandists want settlement of conflict of Serbia and Italy in Adriatic Sea is identified. The obstacles which British propagandists faced were both from Italy and Serbia, as well as from their own government, which was slow to recognize the right to independence of the Yugoslavs and Czechoslovaks under the pressure of political circumstances, which reduced the effectiveness of anti-Austrian propaganda are considered. British anti-Austrian circles saw that this problem has to solve two aspects: anti-Austrian propaganda leading clear and creating post-war boundaries according to the principle of nationality, exclusion conflicts in Europe in the future, which could lead to a new great war.

Key words: Adriatic Question; British propaganda; Yugoslavia; Treaty of London; principle of nationality.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 821.161.1

**РЕЦЕНЗИЯ НА ИЗДАНИЕ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ТЕОРИЯ. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.
ТВОРЧЕСКИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ. ВЫПУСК 2: К 130-летию
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Е.И. ЗАМЯТИНА. ПО МАТЕРИАЛАМ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ 1–4 ОКТЯБРЯ 2014 г.:
В 2 КН. КНИГА ПЕРВАЯ / ОТВ. РЕД. И СОСТ. Л.В. ПОЛЯКОВА.
ТАМБОВ: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ТГУ им. Г.Р. ДЕРЖАВИНА, 2014. 536 с.
КНИГА ВТОРАЯ / СОСТ. Н.Н. КОМЛИК. ЕЛЕЦ: ЕЛЕЦКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. И.А. БУНИНА, 2014. 471 с.**

© Ольга Юрьевна ОСЬМУХИНА

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
г. Саранск, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор, e-mail: osmukhina@inbox.ru

Рецензия написана на двухтомное издание по материалам международного конгресса «Первые российско-украинские чтения «Диалог славянских культур», проведенного в рамках Договора о сотрудничестве Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина и Восточноевропейского национального университета им. Леси Украинки (Луцк, Украина) и приуроченного к юбилеям М.Ю. Лермонтова (1814–1841), Т.Г. Шевченко (1814–1861), Е.И. Замятина (1884–1937). Осуществлен краткий анализ структуры, содержания, общей концепции издания. Объемный литературоведческий труд оценивается в контексте общего состояния современной науки о литературе.

Ключевые слова: международный конгресс; литературоведение на современном этапе; Е.И. Замятин; М.Ю. Лермонтов; Т.Г. Шевченко.

Рецензируемое издание представляет собой очередной выпуск материалов Международного конгресса литературоведов, на этот раз состоявшегося в Тамбове и Ельце 1–4 октября 2014 г. В отличие от предыдущего выпуска 2009 г., материал двухтомника 2014 г. не группируется вокруг исключительно определенной темы (в частности замятинского наследия в контексте литературы XX в.), а нацелен на раскрытие научных дискурсивных практик, актуальных для современной литературоведческой науки. Второй выпуск, по сути, предлагающий углубленное и широкое рассмотрение исторических и теоретических аспектов отечественной словесности на «диалогизирующем фоне» (таковым становится не только западная классика, но поэзия и проза, созданные на славянских языках), является отражением ситуации и изменений не только в замятиноведении, но и – шире – в литературоведении за последние несколько

лет. Это работы отечественных и зарубежных исследователей различной научной ориентации – от мэтров (В.В. Агеносов, Ю.Я. Барабаш, М.М. Голубков, Н.В. Корниенко, Б.А. Ланин, М.Ю. Любимова, Л.К. Оляндер, Л.В. Полякова, А.И. Чагин, И.О. Шайтанов, А.Я. Эсалнек, В. Сооке) до начинающих литературоведов, демонстрирующих динамику в истории и теории современного литературоведения, причем в нескольких направлениях, соответствующих основным разделам издания: замятиноведение, историко- и теоретико-литературные аспекты классической словесности, русской литературы XX в. и литературы современной.

Ключевой «персоналией» первой книги является Е.И. Замятин – фигура принципиально значимая для культурного пространства России и, мало того, непосредственно связанная с Тамбовским краем. И здесь, безусловно, надо отдать должное профессору

Л.В. Поляковой, чьими усилиями стало возможно не только появление в печати рецензируемого издания, но и открытие в 1990 г. Международного научного центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина в Тамбове, и проведение там же с 1992 г. Замятинских чтений, преобразованных с 2009 г. в формат Международного конгресса литературоведов с широкой литературоведческой проблематикой.

В первой книге материал структурирован составителем в соответствии с основным вектором прошедшего конгресса: все шесть разделов подчинены логике развертывания «замятинского» кода в русской и западной словесности XX в. За исследованием в первом разделе общетеоретических и общеметодологических проблем творчества Е. Замятина («К оценке историософской концепции Евгения Замятина» Л.В. Поляковой, «Е.И. Замятин и персонализм» В.Н. Евсеева), статьями, обнаруживающими пересечения мировоззренческих идей Е. Замятина с концепцией З. Фрейда («Зигмунд Фрейд и Евгений Замятин: точки соприкосновения» С. Оссипов Чеанг), замятинского творчества с экспрессионизмом («Элементы экспрессионизма в творчестве Евгения Замятина» Вана Цзунху), прозой А. Богданова и А. Платонова («Собрание человека» «мы» закончили в «Котловане» (А. Богданов, Е. Замятин, А. Платонов: переключки идей и тем)» А.Л. Семеновой) располагаются статьи, посвященные роману «Мы», биографическому контексту замятинского наследия, а также работы, тяготеющие не к глобальным обобщениям, но к решению вполне конкретных, более частных задач. Примечательна в первом разделе статья О.В. Толмачевой «Связь творчества Е.И. Замятина с общефилософским контекстом эпохи». В ней исследовательница, отталкиваясь от известной реплики Л.В. Поляковой¹ и анализируя общефилософский контекст эпохи, убедительно доказывает принадлежность Е.И. Замятина к ряду классиков, справедливо полагая, что «протитронованный» А. Шопенгауэром, И. Кан-

том, Ф. Ницше, О. Шпенглером, вовлеченный в полемику мыслителями-соотечественниками Н.А. Бердяевым, Д.С. Мережковским, В.В. Розановым, В.С. Соловьевым и другими, Е.И. Замятин не мог не отразить в своем художественном творчестве и публицистике насущные проблемы своего времени» (кн. первая, с. 95).

Статьи, собранные во втором разделе, знаменуют устойчивый интерес отечественных и западных исследователей к самому знаменитому произведению Е.И. Замятина, роману «Мы». При этом очевидно изменение угла зрения исследователей: в начале третьего тысячелетия на передний план выступают проблемы многоаспектной «дешифровки» оригинальной поэтики произведения («Роман Е. Замятина «Мы» и миф о Прометее» Н.З. Кольцовой, «Соотношение «Я» и «Мы» в романе Е. Замятина» К.Д. Гордович), изучение его литературно-философского («Роман «Мы»: художественно-философская проза» Е.Б. Скороспеловой, «О разуме, религии и иронии: роман Евгения Замятина «Мы» в контексте европейского иррационализма» О.М. Табачниковой), историко-культурного контекстов («Пародийные приемы изображения в романе Е. Замятина «Мы» и повести М. Козырева «Ленинград» А.Е. Ануфриева) и жанрового своеобразия («Мы» Е.И. Замятина и новейшая отечественная антиутопия» И.Н. Ивановой). По сравнению с предыдущим выпуском, в настоящем издании примечательно расширение, во-первых, исследовательской проблематики: в ряде статей поэтологические особенности романа «Мы» становятся отправной точкой для проведения широких историко-литературных параллелей. Во-вторых, географии участников – в первую книгу включены весьма продуктивные для дальнейшего развития замятиноведения работы известных зарубежных русистов: Бретта Кука (США), Вана Цзунху (Китай), Ольги Кук (Muller) (США), Ольги Табачниковой (Smith) (Великобритания), Сары Оссипов Чеанг (Швейцария), Юкио Накано (Япония); во вторую – статьи ведущих украинских исследователей (О.Л. Беличенко, М.В. Моклица, О.В. Червинская и др.).

Ценные историко-биографические материалы содержит третий раздел первой книги: обзор печатных и архивных источников по деятельности Е.И. Замятина в годы Первой

¹ «Вопрос о том, классик ли Замятин, не имеет под собой достаточных оснований: здесь все давно ясно. История литературы давно ответила на него. А вот «кто такой классик?» или по Ш. Сен-Беву «что такое классик?» – это действительно теоретическая и историко-литературная проблема, и ее надо решать» [1, с. 121].

мировой войны, впервые опубликованные документы РГИА о запрещении в 1914 г. цензурой повести «На куличках» («Евгений Замятин в годы Первой мировой войны (забытые факты, заново открытые документы)» М.Ю. Любимовой), ранее неизвестные факты биографии Е.И. Замятина, связанные с его родословной, в частности, со служением многих представителей рода Замятиных – Платоновых Русской православной церкви («Тамбовские корни в родословной Е.И. Замятина» Н.С. Замятиной).

Следующие три раздела рецензируемого издания посвящены анализу традиций замятинской прозы, выявлению художественных параллелей между его творчеством и наследием М. Горького («Евгений Замятин в традиции русской прозы. Сказ, бытописание, беллетристика» И.О. Шайтанова, «Горький и Е. Замятин: к проблеме литературных связей» Т.Т. Давыдовой), А. Белого («Московские» романы Белого и «Роберт Майер» Замятина: Литературный ответ на термодинамику» О. Кук, «Техника прозы» и «хронический анапестит»: Замятин против Андрея Белого» Ю.Б. Орлицкого). Литературоведами осмысливаются наименее «популярные» у исследователей произведения писателя – трагедия «Атилла» («О финале трагедии Е.И. Замятина «Атилла» И.Е. Ерыкаловой), роман «Бич Божий» («Пространство, время, люди в романе Евгения Замятина «Бич Божий»: к вопросу о художественно-философской позиции писателя и коммуникативной сущности его творчества» Л.К. Оляндер), очерк о Шеридане («Ричард Бринсли Шеридан» Е.И. Замятина: ирландский код и авторская саморефлексия» М.А. Хатямовой и Н.В. Аксеновой). Несколько неожиданно в этом разделе, правда, выглядит работа И.А. Брюхановой «Страницы истории русской литературы 1920–1930-х гг. Судьбы писателей-политехников». Представляющая собой весьма лаконичный обзор ключевых жизненных вех нескольких принадлежащих одному поколению писателей – выпускников Политехнического института, где учился и Е.И. Замятин, (Б. Житкова, П.К. Губера, М.Я. Козырева, Н.В. Баршева, Л. Добычина), она, на наш взгляд, смотрелась бы более органично в числе статей, условно говоря, «историко-биографического» раздела. Несмотря на это, очевидно, что намеченные в первой

книге пути освоения наследия Е.И. Замятина будут продолжать реализовываться: писатель не просто интересен, но жизненно необходим и российским, и западным исследователям как мир мысли, который можно бесконечно разворачивать и усложнять, а его наследие – как некий литературоведческий, философский и даже культурологический инструментарий.

Отрадно, что проблемно-тематическое поле рецензируемого двухтомника, в сравнении с изданием 2009 г., контекстуально расширилось. Связано это, как представляется, в т. ч. и с известными юбилейными вехами прошедшего года, в связи с чем ряд статей второй книги, объединившей научные изыскания исследователей из России и ближнего зарубежья в области русской, зарубежной персоналистики и общего литературоведения, посвящен отдельным аспектам творчества М.Ю. Лермонтова, Т.Г. Шевченко, Н.В. Гоголя.

«Тон» всей второй книги задает статья А.Я. Эсалнек «Место и значение компаративистики в системе современного литературоведения», открывающая первый раздел и посвященная исследованию ключевых аспектов компаративистики: принципиальный для компаративистики типологический анализ литературных произведений XIX – начала XXI в. с позиций интертекстуальности, «интерпретация текста в диалогическом аспекте» (кн. вторая, с. 19) представлены практически во всех статьях этой части двухтомника. Кстати, построен второй том таким образом, что читателю сразу же предлагается окаться на широком проблемном поле литературоведческой науки, обладающем, в отличие от любого другого пространства, множеством измерений, каждое из которых играет существенную роль в культурно-исторических процессах.

И если первый раздел второго тома вновь охватывает проблемы общего литературоведения – гендерные аспекты изучения литературного текста («Женское письмо и гендерная иерархия на литературном поле» Т.И. Гундоровой), проблему эволюции представлений о человеке в процессе смены культурных парадигм («Концепция личности в критике 1920-х годов» М.М. Голубкова) и другие, то последующие отражают решение частных задач и выстроены хронологически:

от работ, посвященных классической русской и украинской литературе, изучению ее концептосферы во втором разделе (*«Концепт одиночество в дискурсе лирики М. Лермонтова» И.А. Колтуцкой, «Концепт гений в художественном осмыслении русских поэтов» Т.П. Левчук*), к исследованиям отечественной словесности XX – начала XXI в., в третьем и четвертом разделах соответственно. И здесь необходимо отметить разнообразие исследовательского материала: поэзия С. Есенина (*«Растительные символы в поэтическом контексте поэмы С. Есенина «Пугачев» Л.А. Борзых*), проза М. Шолохова, Б. Пастернака (*«Охранная грамота» Б. Пастернака как повесть личности» А.И. Ванюкова*), литература эмиграции (*«Война в произведениях писателей Ди-Пи и второй эмиграции» В.В. Агеносова*), тексты В. Пелевина, З. Прилепина, М. Елизарова и другие материалы.

Примечательно, что проблематика ряда статей раздела, посвященного именно современной словесности, так или иначе перекликается с творчеством Е. Замятина. Наиболее актуальные аспекты изучения современной прозы, – проблемы мифопоэтики в статье О.Ю. Осьмухиной (*«Священная книга оборотня» В. Пелевина: мифопоэтический аспект*), антиутопического дискурса в работах Б.А. Ланина (*«Жанровые характеристики современной антиутопии»*) и Л.Б. Лавринович (*«Время в антиутопическом дискурсе»*), изучение категорий универсализма и неомодернистского вектора развития словесности рубежа XX–XXI вв. в исследованиях С.Ю. Толоконниковой (*«Культурный универсализм в русской литературе начала XXI века»*) и Я.В. Солдаткиной (*«Неомодернистские тенденции в современной русской прозе»*) – не просто коррелируют с ключевой проблематикой и жанрово-тематическими особенностями многогранного замятинского творчества, но и со всей очевидностью свидетельствуют о том мощном влиянии, которое оказало наследие выдающегося писателя на последующее развитие отечественной словесности. Подчеркнем, что авторам статей этого раздела удалось избежать соблазна расставить все точки над «i», оставив темы, ими рассматриваемые, открытыми для дискуссий, тем более, что многие из заявленных проблем, в сущности, открыты для интерпретации и не имеют однозначного решения,

равно как и вся современная литература, развивающаяся в «режиме реального времени».

Разделы второй книги рецензируемого издания, кстати, как и первой, не поименованы. Выглядающее на первый взгляд несколько странным отсутствие заглавий у каждого из разделов при ближайшем рассмотрении вполне оправдано: проблематика каждой из статей оказывается гораздо шире обозначенной в названии. К примеру, исследование переводческой рецепции лермонтовского стихотворения В.В. Остапчук (*«Парус» М.Ю. Лермонтова в украинском и польском переводах*) посвящено не просто частному переводческому случаю, но и осмыслению места русского поэта в творчестве украинских и польских авторов, анализу неизбежно возникающих трудностей у иноязычных переводчиков с текстом-оригиналом.

Особое место во второй книге занимает фундаментальная работа известного методолога, специалиста в области литературы народов России и стран СНГ Ю.Я. Барабаша *«Творчество Т.Г. Шевченко в европейском литературном полилоге (вступление к теме)»*. Заявленная тема – одна из составляющих проблемно-тематического спектра, определяемого автором как «шевченковская компаративистика». Исследование ведется на двух уровнях: диахронном (история вопроса) и синхронном (славянский арсенал, Шевченко и русская литература, проблема народности в европейском контексте.). В статье представлен и полемический аспект.

Завершаются оба тома статьями молодых исследователей. Если приложением в первой книге выступают работы лауреатов Международного конкурса молодых филологов, проведенного в рамках конгресса (председатель жюри Н.Ю. Желтова), от исследований замятинских произведений в жанровом аспекте и в контексте проблем рецептивной эстетики (*«Полисемия и роль читателя в рассказе «Дракон» Е.И. Замятина» В. Бертолы*) до анализа стихотворного текста (*«Степень апеллятивности книги И. Бродского «Новые стансы к Августе» Я.Ю. Двоенко*), то вторую книгу завершают статьи аспирантов, посвященные изучению жанрового своеобразия, отдельных аспектов поэтики произведений зарубежной литературы – от романов Г. Белля, Х.-Й. Ортайля и П. Мерсье (статьи А.С. Дорохова, А.В. Виниель, А.Ю. По-

номаревой) до фантастической повести К.С. Льюиса и пьесы Б. Шоу (статьи *М.В. Родиной, Е.А. Мирошниченко*). И здесь необходимо отметить, во-первых, достаточно высокий уровень научных статей молодых исследователей. Во-вторых, простоту и ясность изложения, отсутствие терминологической «перегруженности», затрудняющей, как это часто бывает в студенческих и аспирантских работах, понимание смысла. В целом, включение студенческих и аспирантских статей в рецензируемое издание со всей наглядностью отражает процесс плодотворного сотрудничества преподавателей и тех, кто лишь начинает свой путь в науку, но, что особенно ценно, – позволяет раскрыть рефлексивные и креативные возможности молодых исследователей, их конкретно-чувственный потенциал, научить глубоко и осмысленно воспринимать литературные произведения.

В заключение остается отметить, что при очевидном «разноцветье» имен издание «Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности» выглядит удивительно цельным, поскольку статьи каждого тома подчинены единой логике историко-литературного развития и выявления на этом фоне «взаимо-

отражений», неожиданных параллелей, новых тематических и мотивных пересечений в творчестве как именитых писателей, так и малоизвестных. И вряд ли рецензируемому изданию необходим резюмирующий вердикт с похвалой или порицанием, поскольку важнейших своих целей – реконструкции феномена Е.И. Замятина в максимально широком историко-литературном контексте и репрезентации актуальных теоретико- и историко-литературных проблем отечественной словесности, – оно, несомненно, достигло. И можно лишь посетовать на весьма небольшой тираж двухтомника, автоматически обрекающий его на положение библиографической редкости.

-
1. *Полякова Л.В.* Теоретические и методологические аспекты истории русской литературы XX–XXI вв. Тамбов, 2007.

-
1. *Polyakova L.V.* Teoreticheskie i metodologicheskie aspekty istorii russkoy literatury XX–XXI vv. Tambov, 2007.

Поступила в редакцию 16.03.2015 г.

UDC 821.161.1

THE REVIEW ON THE ISSUE: THE STUDIES OF LITERATURE AT THE MODERN STAGE: THEORY. HISTORY OF LITERATURE. CREATIVE IDENTITIES. ISSUE 2. TO THE 130 ANNIVERSARY OF E.I. ZAMYATIN. ON THE MATERIALS OF INTERNATIONAL CONGRESS OF THE LITERARY CRITICS 1–4 OCTOBER 2014: IN 2 VOLUMES. VOLUME 1 / EXECUTIVE EDITOR AND COMPILER L.V. POLYAKOVA. TAMBOV: PUBLISHER'S HOUSE OF TAMBOV STATE UNIVERSITY NAMED AFTER G.R. DERZHAVIN, 2014. 536 PAGES. VOLUME 2 / COMPILER N.N. KOMLIK. YELETS: YELETS STATE UNIVERSITY NAMED AFTER I.A. BUNIN, 2014. 471 PAGES

Olga Yurevna OSMUKHINA, N.P. Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, e-mail: osmukhina@inbox.ru

The review is written on two volume issue on materials of international congress “First Russian-Ukrainian readings “Dialogue of Slavonic Cultures” held within the framework of Agreement about cooperation of Tambov State University named after G.R. Derzhavin and Lesya Ukrainka East European National University (Lutsk, Ukraine) and dated for the anniversary of M.Y. Lermontov (1814–1841), T.G. Shevchenko (1814–1861), E.I. Zamyatin (1884–1937). The short analysis of structure, content, general concept of the issue was made. The studies of literature work was estimated in the context of general state of modern science about the literature.

Key words: international congress; the studies of literature at modern stage; E.I. Zamyatin; M.Y. Lermontov; T.G. Shevchenko.